

Огни Кузбасса

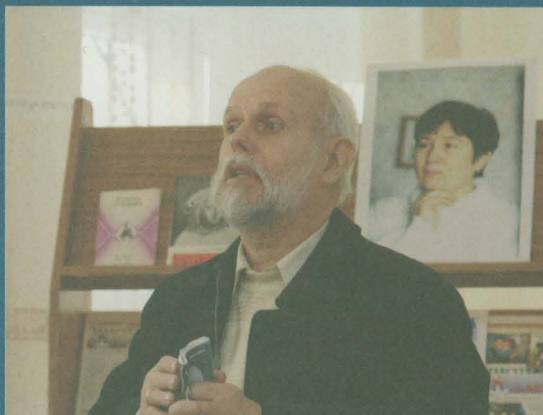
№ 1 / 2010

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ТАМАРЫ РУБЦОВОЙ (МОНАХИНИ МАРИИ)

Поэт В. Лопушной

Поэт В. Ерёменко

Поэтесса Н. Полячонко

Студия «Овёда» Н. Вайсман, А. С. Рубцова

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

В. Н. Ганичев,
Москва,
Председатель Союза
писателей России

Л. Т. Зауэрвайн,
Кемерово,
начальник
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
Москва

В. И. Лихоносов,
Краснодар

М. И. Найдов,
Кемерово,
директор Кемеров-
ского областного
общественного фонда
«Шахтёрская память»,
им. В. П. Романова

Г. Л. Немченко,
Москва

А. И. Носырев,
Москва,
заместитель председа-
теля директоров
ОАО «Сбербанк»

Н. А. Фёдорова,
Кемерово, заместитель
Губернатора по социаль-
ным вопросам

С. В. Флатов,
Кемерово

В. Л. Шмученко,
Кемерово

**ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

**№ 1 / 2010
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ**

Литературный журнал

выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово,
ОАО «Кемсочиинбанк»
и издательства
«Кузбассвузиздат»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Борис БУРМИСТРОВ,
Валерий ЗУБАРЕВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Валерий КОЗЛОВ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный секретарь),
Любовь НИКОНОВА,
Василий ПОПОК

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

ноф. аб.

703121

ГУК ОНБ им. В.Д. Фёдорова
Газетно-журнальный
фонд

Содержание

ПРОЗА

Дмитрий Хоботнев. Пастораль. Повесть	9
Борис Климычев. Два рассказа	46
Владимир Серов. Сквозь ночное небо. Повесть	59
Владимир Ильиных. Рождественские этюды	102

ПОЭЗИЯ

Станислав Куняев. Высшая воля («Возвышенная речь стиха»). Георгий Свиридов	3
Александр Раевский. По России разошлись гармошки	42
Вероника Шелленберг. На серебристый холм взбегают ковылища	57
Александр Богданов. Как свободно, когда одиноко (Предисловие Марины Брюзгиной)	98

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Ганичев. I съезд советских писателей – съезд уроков	106
Александр Кердан. От диссонанса к симфонии	110
Леонид Быков. Сумбур вместо музыки?	112
Нина Ягодинцева. Очень личное	114
Сергей Донбай. Место в содружестве	115

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Сергей Вдовин. Афганский след	117
--	-----

ЭССЕ

Сергей Подгорнов. Вещи	120
-------------------------------------	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Любовь Скорик. Рождённый с фотоаппаратом	129
Таисия Шатская. «К самым родным и любимым» (О Н. Я. Троицком – редакторе газет «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс»)	134

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Нина Орлова. Господу пишу я заявление	137
--	-----

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Вячеслав Кабин. Семейные байки	139
---	-----

СВЕТЛИЦА

Любовь Никонova. «Нам Пушкин сказки подарил»: Дарья Догадова, Александра Русскина, Елизавета Стефанкина, Татьяна Колпакова, Кристина Кавцевич, Елена Трунина, Вадим Белявцев, Гоар Кургиян, Анна Огородова, Полина Шафикова, Юрий Булатов, Олеся Жеребцова, Сергей Куликов, Елизавета Келлер, Руслан Ашрофзянов, Екатерина Сабанцева. Стихи	157
--	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Людмила Ходанен. «Русская сибирская поэзия. Антология. XX век». Рецензия	160
Нина Ягодинцева. Сибирский изборник	165

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил В. Арнаут	168
Вышли журналы. Подготовил В. Попок	170

**РУССКОМУ ПОЭТУ
БОРИСУ ЛЕОНИДОВИЧУ ПАСТЕРНАКУ
120 лет**

1890–1960

ВЕСНА

*Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.*

*Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.*

*Весеннее дыхание родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.*

.....
1944

Станислав
КУНЯЕВ

ВЫСШАЯ ВОЛЯ

Народ, держись своих вождей –
лишь были бы свои,
того же теста и дрожжей,
что пращуры твои,

чтоб твой язык и твой размах
был кровен вожажу,
чтоб мог сдержатъ тебя вожак,
как лошадь на скаку.

Народ, ты вечное дитя,
в плену житейских дел
всё жаждешь золотого дня,
всё рвёшься за предел,

тебе положенный судьбой...
В хмелю своих страстей
ты так владеешь сам собой,
что не собрать костей.

Не будет воли – будет жизнь
в кольце чужих племён.
И потому вождей держись
и не порочь имён.

1980

Памяти Юрия Селезнева

Вызываю огонь на себя,
потому что уверен: друзья
через час подойдут на подмогу,
потому что, собираясь в дорогу,
я об этом друзей попросил –
с адским пламенем трудно
сражаться...

Вызываю огонь... Продержаться
до подмоги хватило бы сил!

Где друзья?

Почему не спешат?

Неужели с похмелья лежат?

Сроки вышли. Должны подойти.

Неужель заблудились в пути?

Плюнул.

Выстоял.

Дух закалил.

Затоптал адский пламень ногами.

Ну, маленько лицо опалил.

Словом, вышло добро с кулаками.

Я иду – победитель огня,

предвкушаю – дружина моя

от восторга и радости ахнет!

КУНЯЕВ Станислав Юрьевич родился 27 ноября 1932 года в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ. Первая книга стихотворений «Землепроходцы» была издана в 1960 году, в этом же году он был принят в Союз писателей СССР. В 60–80-е годы творчество С. Куняева, Н. Рубцова, А. Передреева, А. Жигулина, Ю. Кузнецова определило патристическое, русское начало в современной поэзии.

В переломные годы перестройки Станислав Куняев возглавил литературный журнал «Наш современник». Одновременно с этим он продолжает активную творческую жизнь. Его книга «Сергей Есенин» (ЖЗЛ), написанная в соавторстве с сыном к столетию поэта, выдержала семь изданий. Станислав Куняев – автор тридцати стихотворных сборников и двенадцати книг критики, исторической публицистики и прозы. Живёт в Москве.

Но шарахнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем, — шепчутся, —
пахнет!..

1986

* * *

Сила за вами,
а правда за мной.
Правда — словами,
а сила — стеной.
Сила несметна,
а правда бессмертна.
Вечен их спор —
и весь разговор.

1986

* * *

Душа болит за всех — за мертвых и живых,
И жимолости куст, морозом обожженный,
Роняет желтый лист. Холодный ветер стих,
А я сижу, огнем и тьмой замороженный.

Над черною грядой плывет неясный звон,
То гуси с отчих мест, гонимые морозом,
Протягивают клин сквозь серый небосклон,
Над старым зимовьем,
над брошенным покосом

Российская печаль, свобода и простор
Взлелеяли мой дух и плоть мою вскормили,
И я веду с огнем и ветром разговор,
И спрашиваю: как мы душу сохранили?

Но разве разберешь — о чем бормочет лес,
О чем шумит река, на плесах замерзая,
Но разве разберешь, о чем кричит с небес
Летящая на юг гусей полночных стая.

1987

* * *

Коль земная могучая ось
Вдруг изменит свой угол наклона,
И прогреется солнцем насквозь
Полюс холода у Оймякона,
И растает Великий Сугроб,
Брат Антарктики и Антарктиды,
И настанет всемирный потоп
На планете, сошедшей с орбиты, —

Я тогда сколочу свой ковчег
И по темным российским глубинам
Поплыву, словно прачеловек,
К араратским священным вершинам,
Чтоб найти у библейской горы
На спасенье последние шансы,
Где, как братья, разводят костры
И армяне, и азербайджанцы.

1990

* * *

Минуя лужи и сугробы,
Сквозь влажный мрак и снежный плен,
Как бы проталкивая тромбы
Изношенных державных вен,
Водители, обняв баранки,
Бросают дизеля во тьму.
КамАЗы движутся, как танки,
И КраЗы, словно на войну.
Никто не даст нам избавленья —
Ни Горбачев, ни Миттеран,
Ни взбунтовавшийся с похмелья
Антипартийный ветеран.
Устал Белов, молчит Распутин,
Но движутся грузовики...
Сквозь заклинанья всех паскудин,
Всем мародерам вопреки.
Несутся струи золотые,
И я шепчу, не пряча глаз:
«Разор... Коррозия... Россия...
Ну, выдюжи в последний раз!»

1991

* * *

В краю, где синева лилась
в мои глаза с хребтов Гиссара,
там нынче разгулялась власть
кровопролитья и пожара.

Без страха я бродил в ночи
по кишлакам Каратегина
и засыпал под шум арчи
и под молитву муэдзина.

Империя! Я твой певец,
не первый,
но и не последний,
я видел, как тяжел венец
твоей судьбы тысячелетней.

Твоя мистическая власть,
твои шоссе,
твои просёлки
во мне!
Когда ты взорвалась,
то в душу – все твои осколки!

Сожмись, чтоб
не иссякла кровь,
чтобы свернулась от зажима...
Клиническая смерть – и вновь
заводится твоя пружина.

1991

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Последний парад наступает...

Недавно в полночь я включил приемник –
Авось Войнович или прочий ерник
Какую-нибудь гадость скажет мне.
Но слышу вдруг сквозь вьюги и просторы
Гранитных монументов разговоры
Открытым текстом на простой волне.

– Ну как ты там томишься возле Шпрее?
– А в Будапеште будто веселее:
Глумление черни, крики, мокрый снег.
Мой постамент вчера облили краской,
Хотел я по толпе шарахнуть каской,
Да позабыл, что я не человек!

– Моя «тридцать четверка» недалече
В соседнем государстве, слышу речи,
Чтобы продать ее, а с ней меня!
Но как продать то, что не продается?!
А ведь нажми стартер – и заведётся!
Хорош мотор! Надежная броня!

– Чего молчим? Мы здесь стояли долго,
Но срок присяги, памяти и долга –
Все проржавело! Слава не в чести.
Я слышу, митингуют возле Вислы.
Нам не нужны ни паспорта, ни визы,
Пора мою машину завести.

– Но что случилось? Мы же победили!
Что из того, что я лежу в могиле?
Я не покину этот постамент,
Пока Генералиссимус или Маршал
Нам не прикажут отправляться маршем
Туда, где ждет нас некий президент.

Донесся голос из далекой Праги:
– Минуло время славы и отваги,
Нас одолели, как на фронте вши,
Парламентарии да бизнесмены,
Нас предали на набережных Сены,
Где проданы все наши рубежи.

– Айда домой! – от Вислы до Дуная
Аж застонала вся земля сырая:
– Прощайтесь с теми, кто во мне лежит!
– Уже навек простите нас, ребята,
Коль в этом мире ничего не свято.
– Тогда пошли!
– А где же наш сержант?

– Сержант в Берлине. Он уйдет последним.
Он на руках с дитем четырехлетним.
Я знаю: он не хочет слушать нас.
Он брал Берлин. Вот если маршал Жуков,
Чтобы сержанту не стыдиться внуков,
На отступление даст ему приказ...

– А где Алеша? Кажется, в Софии?
– Я в Пловдиве!

– Мы двинулись к России.
Ты Скобелева пригласи с собой.
– Он здесь стоит, но по другому праву,
Его не тянет в родину-державу,
Где надругались над его судьбой.

– Предупредите парня из Белграда,
Там тоже дух кощунства и распада
Осилил славу... Помните, друзья,
Мы мертвых выносили с поля боя,
Нам здесь не будет вечного покоя,
Нам оставлять здесь никого нельзя.

«Тридцать четверки» и «сорокапятки»
Пойдут за нами в боевом порядке,
Нам не пристало технику бросать,
Хоть слух прошел, а может, люди брешут,
Что всю ее на родине разрежут
И переплавят... Так разэтак мать!

Ну, с Богом в путь! –
...И тронулись солдаты!
Под ними простираются Карпаты,
В тумане тают Прага и Белград,
«Тридцать четверки» и «сорокапятки»:
Ползут за ними в боевом порядке –
Последний начинается парад.

Прошли, как тени, по-над Венским Лесом,
Над Брестом, Львовом,

Минском и Смоленском,
Уже вдали мерещится Москва...
— А где привал? Быть может,
на Поклонной?
— А где гора? Да нет ее исконной!
Ее снесли нас не было пока!

— А кто же снес? Все те же лилипуты,
Поклонники гешефта и валюты.
— Так много их?
— Везде, куда ни глянь!
Все те же, что нас предали на Мальте,
Кто распродал все, что воздвигли в Ялте
Солдатский штык и сталинская длань.

— Я знаю, ты, который из Калуги,
С единственной медалью «За заслуги»,
Тебя я должен отпустить домой,
Но есть у нас последняя отрада,
Есть право для последнего парада
На знаменитой площади одной.

Замрем на миг. Поклонимся брусчатке.
На ней еще не стерлись отпечатки
Подков породистого жеребца,
На коем маршал выезжал когда-то...
Могила Неизвестного собрата —
Ни имени, ни даты, ни лица...

Поклон ему...
Обнимемся и — с Богом
По деревням, по городским дорогам,
К ручьям и травам мимо троп и трасс,
Все ближе дом, все ближе те старухи,
Чьи молодые горестные руки
Тому полвека как обняли нас.

Ты стукнешь в ставень,
и, глядишь, от стука
Проснется обветшалая подруга,
А ты, как сон, уйди в густой туман,
В тот, что стоит на родовом погосте,
Где пращуров уложенные кости
Блюдут покой деревьев и полян.

Все кончено, и мы свое свершили.
Куда теплей лежать в родной могиле,
Чем выносить ветра и холода
В Берлине, Праге или в Бухаресте...

Еще на миг мы остаемся вместе —
И разошлись... Простимся навсегда.

На родине весенние туманы
И призрачные люди-великаны,
Как тени, растворяются вдали...
Закончилась большая эпопея.
Ни злобы. Ни восторга. Ни трофея.
А только влага да озноб земли...

1991

Зябко трепещут ивы
в береговом ветру...
Господи, дай мне силы
Перемолоть беду.

Лавры уничиженья
я не хочу стяжать,
воздухом пораженья
я не могу дышать.

Верьте или не верьте —
голос поет во тьме:
Кроме как честной смерти,
что еще нужно мне!

Перекрещусь и — с Богом!
Я вас любил как мог,
только вот ненароком
вышел для чувства срок.

Жаль одного, что волю
не разлюбить вовек...
я ухожу с тобою,
таящий русский снег.

1993

Я живу, как наше государство —
сам себе внушаю день за днем:
подожди, окончатся мытарства,
мы еще на славу заживем!

Подожди, стерпи еще немного,
скоро мы осилим перевал,
за которым светлая дорога,
что никто на свете не видал.

*...Время все цветет и тяжелеет,
как подсолнух, зреет день и ночь,
и меня моя земля жалеет,
но не в силах мне ничем помочь.*

*Мне бы только выдержать нагрузки,
но, одну заботу скинув с плеч,
я прошу, как водится по-русски,
новую на эти плечи печь.*

*И, увидев грусть моей подруги,
я к ее прекрасному лицу
поднимаю медленные руки,
чтоб стереть нежданную слезу.*

1993

ВОЗВЫШЕННАЯ РЕЧЬ СТИХА

I

Дорогой Станислав Юрьевич, спасибо за огоньковскую книжечку «По белому свету». Получил с большой радостью. Бандероль была послана по неточному адресу, но в нашем почтовом отделении меня знают и доставили в сохранности куда надо. Стихи Ваши собраны в ударный кулак, производят на меня большое впечатление. Мне нравятся Ваши страсть и напор, мужество и умение смотреть на трагическое строго, сурово, без дряблости, сентимента или любования тяжелой стороной жизни. Например, стихи про юридического. Да многое я бы Вам мог написать, поверьте (я человек с большими требованиями!). Стихи Ваши действуют на меня неотразимо. Но критика, который заглянул бы в их глубину, еще не нашлось! И это не упрек Кожинскому, который Вас любит, просто тут нужен другой, особый глаз для смотрения. Мне не кажется (я позволю себе судить, любя Вас!), что крупная форма, например поэма, явится итогом Вашего пути. Большие, заранее заданные формы не производят на меня теперь впечатления, наоборот, предельно миниатюрная, сжатая, как прессом, форма — очень действенна. Смотрите, например, потрясающую книгу покойного Ф. А. Абрамова — «Трава-мурава», это грандиозно по силе, эпично, несмотря на то, что рассказы иногда короче лирического стихотворения. Эпос. Автор не вылезает на первый план со своими «самовыраженческими» чувствами. Воздействует лишь сама правда жизни, но написанная минимумом максимально точных и выразительных слов.

И в поэзии я ценю более сжатое, спрессованное. Большую же форму вижу как ряд спрессованных (каждую саму по себе) миниатюр, точно, со смыслом выстроенных в ряд.

После всего этого «научообразия», которое меня почему-то сегодня одолело, скажу Вам, что читаю сти-

хи Ваши (хорошо уже мне знакомые!) со слезами на глазах. Это без всякой гиперболы.

Одно из любимых моих стихотворений «Реставрировать церкви не надо»... Вы переделывали его. Теперь оно обрело стройную прекрасную форму! Но я хочу быть похожим на того сапожника, который правильно «в обуви ошибку указал», а потом начал говорить: «Мне кажется, лицо немного криво» и т. д. Пушкин хорошо это изобразил, и я этому изображению следую, а именно: «Штукатурка. Покраска. Побелка». Эти три слова напоминают как бы вывеску нашей мастерской, где производят подобные работы. И в этом (в их грубом бытовизме) есть недостаток, отвлекающий от возвышенной речи стиха. Это просто перечень работ. Не смеетесь надо мною! Я говорю это потому, что стихи эти мне особенно близки. Подобная же мысль мне давно и часто приходила в голову, когда я смотрел на разрушенные церкви, похожие на живого человека, с которого сняли кожу, такой это у меня вызвало образ.

Так вот: не сердитесь на меня. «Штукатурка. Покраска. Побелка. Подмалевка» и т. д.

«Подкрасить» разрушенную церковь, как подкрашивается продажная женщина. Не «покрасить» — бытовое дело. А «подкрасить», т. е. нанести некий фальшивый тон на то, что внутри уже разрушено, убито и т. д. Другой смысл, более, мне кажется, глубокий, возникает от этой одной буквы.

Только не сердитесь, пожалуйста! Я желаю Вам хорошего нового года — здоровья и возможности трудиться над любимым делом, благополучия и мира в доме. Сердечный привет Вашей жене!

Я нахожусь в больнице, тоскую, естественно.

Не показывайте моих замечаний никому, это должно быть между нами, замечать Вам в стихотворном деле даёт мне право только моя большая любовь к Вашим стихам. Крепко жму Вашу руку. Г. Свиридов.

3 декабря 1983 г.

II

В январе 1984 года Свиридов загорелся идеей: сделать на радио передачу стихотворений Станислава Куняева в исполнении актера Юрия Яковлева, а также, как он писал в письме к С. Куняеву: «Остальное место должны занять: вступительное слово Свиридова (ибо передача — музыкально-литературная!), такое слово мной уже было произнесено и записано, но я его немного доделаю (слово недлинное), и музыка Чайковского П. И. и Рахманинова С. В. — компания почётная! Музыка (в отрывках) мной уже подобрана...». Однако русофобствующие чиновники из Радиокomiteта уже в то время обладали такими возможностями, что знаменитый композитор, сделавший для них всю композицию передачи, не смог добиться того, чтобы она вышла в эфир...

А свиридовское вступление к передаче, недавно найденное в архиве Георгия Васильевича его племянниками Александром и Василием Белоненко, ин-

интересно тем, что выходит за рамки предисловия и представляет собой глубокое размышление о сущности русской национальной поэзии в советскую эпоху 60–80-х годов.

Я очень рад предоставленной мне возможности сказать несколько слов перед сегодняшним концертом, в котором будут читаться стихотворения Станислава Куняева, современного поэта.

Должен сказать, что я очень люблю поэзию, особенно русскую, и связан с нею всю свою жизнь. Несколько лет назад я неожиданно открыл для себя, что, оказывается, у нас сейчас, в наше время, в нашей стране, существует новая очень интересная русская поэзия, что при нас творили и творят высоко даровитые русские поэты. Я бы мог назвать здесь такие имена, как Николай Рубцов, Владимир Соколов, Юрий Кузнецов, Владимир Костров, Анатолий Жигулин, Глеб Горбовский, Василий Казанцев и, может быть, другие, кого я ещё не знаю. Это целая плеяда настоящих поэтов, чьи стихотворения я читаю с большим увлечением.

Чем замечательны эти поэты? И что в них, мне кажется, особенно ценное? Я должен сказать, что лет 25 назад Александр Трифонович Твардовский, говоря о молодой тогдашней поэзии, такую обронил фразу: что, к его сожалению, поэты (он говорил о поэтах того времени) «получают заветы поэзии из вторых рук».

Вот этого не скажешь о поэтах, которых я назвал. Это именно поэты, получающие заветы поэзии, что называется, «из первых рук». Они навели мосты между нашим временем и Пушкиным, Лермонтовым, Баратынским, Тютчевым, Фетом, Блоком, Есениным. И именно влияние этих великих поэтов ощущается сейчас в новом поэтическом творчестве. И мне кажется это очень важным и очень большим качеством этой поэзии.

Что я имею в виду, когда говорю о влиянии?.. Прежде всего, это творчество отличает большая глубина темы. Не просто поэтическое самовыражение, когда поэт собственную лирику пишет и, может быть, это всё талантливо. Но, понимаете, в этой поэзии есть большая тема, которая стоит как бы над поэтическим самовыражением. Тема этих поэтов – тема Родины. Это не описание, не только описание природы или современной жизни. Нет. Это ощущение и осмысление Родины в её большом, крупном значении. Осмысление и ощущение Родины как некоего великого целого – то есть её истории, её духовной жизни, огромных перемен, которые она претерпела на протяжении своей истории. И это мне кажется важным именно для наших дней.

Мы переживаем такое время, когда очень важно ощущать себя частью этого целого, частью своей Родины, чувствовать своё родство с поколениями людей, живших когда-то, чувствовать себя их детьми. Ощущая свою связь с прошлым, тогда только и можно правильно думать о будущем.

Мне кажется, что этим поэтам свойственно также чувство духовной самостоятельности русской литературы и русской культуры вообще, её незамкнутости, её всемирности, обращённости ко всему человечеству.

Среди этих поэтов совершенно своеобразное место принадлежит Станиславу Куняеву. Я говорил много об общей тенденции, о целой волне в нашей поэзии. Но я бы хотел сказать, что в Станиславе Куняеве замечательно. Стихи Куняева отличает страстность чувства и страстность мысли. Его поэзия нагружена большим смыслом, большими идеями, не поверхностными, а лежащими на глубине духовной жизни. Поэзии Куняева свойственно кровное ощущение Родины, и не в отдельных её приметах и деталях, а именно как целого – со всей её историей, со всеми её потрясениями, радостями и печалью. И это мне необыкновенно близко. Это мне кажется чрезвычайно ценным именно сейчас, в наше бурное, сложное время. Всё это есть в ярких, глубоко трогательных и сильных стихах Станислава Куняева. Я позволяю себе говорить сегодня о поэзии только потому, что я люблю эту поэзию.

В сегодняшней композиции совершенно неслучайно поэзия Станислава Куняева связана с музыкой Петра Ильича Чайковского и Сергея Васильевича Рахманинова. Их связывает колоссальное ощущение, кровное ощущение Родины. Вот что общее в них. Я не берусь, когда говорю о современной поэзии, я меньше всего склонен вообще давать какие-либо оценки поэтам, о которых я говорил. Время даст оценку современному искусству. Я хочу сказать, что связывает замечательного современного, высоко, с моей точки зрения, даровитого поэта Станислава Куняева – общность чувства, общность идеи творческой с именами великих музыкантов прошлого. Поэтому мне кажется такое соединение необыкновенно убедительным. И оказывается, что это соединение необыкновенно действенно. Эта музыка как-то развивает и дополняет эту поэзию. Если Куняев пламенным, обжигающим словом даёт мысль, то музыка Рахманинова и Чайковского даёт нам такое же пламенное и обжигающее чувство, чувство Родины. Стихи Станислава Куняева прочтёт замечательный наш артист Юрий Васильевич Яковлев. Я думаю, что нет никакой необходимости мне его представлять.

Георгий СВИРИДОВ,
г. Москва

**Дмитрий
ХОБОТНЕВ**

ПАСТОРАЛЬ

Повесть

Я купил этот домик после долгих поисков и раздумий, откинув больше десятка вариантов, истратив бездну времени на поездки в пригородных электричках и хождение по дачным комплексам, бестолково разбросанным вокруг многочисленных водоёмов.

Постоянно что-то не нравилось. Чаще этим «что-то» оказывалась цена. Хозяева, как назло, попадались жадные и твердолобые, на мои попытки торговаться делали удивлённые глаза и приводили этим меня в состояние тихого бешенства. Хотелось уединения и спокойствия. Я вовсе не собирался весь полуторамесячный отпуск смотреть с балкона на ржавые крыши трамваев и курящийся фабричными трубами горизонт.

К тому же семьёй я пока не обзавёлся и считал, что для одинокого человека нет ничего хуже, чем изнывать в бетонной духовке города, не зная, каким способом себя развлечь.

Можно, конечно, сходить куда-нибудь с друзьями, выпить, пофлиртовать с какими-нибудь пус-тышками в ночном клубе, однако не будешь же каждый день пить и флиртовать, превращая себя неизвестно во что. Да и наскучило всё это: и друзья, и клубы, и однообразное утреннее похмелье, от которого на душе тоскливо и мутно.

Хотелось просто маленький домик, и чтобы никого, и тишину вокруг, и огонь в камине. Казалось, что может быть проще?

Впрочем, когда прошёл апрель, а за ним половина мая, задача не казалась уже такой простой, как в начале весны.

Я исправно покупал газеты с объявлениями и ездил на электричках, убивая свои выходные, и ругался нехорошими словами, каждый раз возвращаясь ни с чем.

Домик, разумеется, можно было и арендовать, и таких вариантов попадалось достаточно, но я знал, что, сидя у чужого очага, никогда не согреешься вполне, и продолжал упрямо убивать выходные, с тревогой наблюдая за приближением лета.

Увидев этот домик, я сперва не поверил. Цена была очень невысокой, и я ехал на смотрины скорее для того, чтобы убедиться в очередной неудаче, представляя убогую развалюху, какие мне уже пытались всучить, очевидно, принимая меня за безумца, для которого, что сельская убогая, что сиднейский оперный театр – всё едино.

Место, где располагался дачный комплекс, мне как-то сразу пришлось по душе: в небольшой лощине, между пологими холмами, поросшими молодым сосняком. Здесь ощущался тот самый дух уединения и покоя, хотя всего в получасе ходьбы была станция, а за ней солидных размеров посёлок.

Уединённость была как раз тем, что я безуспешно искал вот уже полтора месяца, и мысленно подсадовал, вспомнив подозрительно низкую стоимость. Во время телефонного разговора с вла-

9

ХОБОТНЕВ Дмитрий Николаевич родился в 1978 году. Учился в Сибирском государственном индустриальном университете. Окончил Кузбасскую государственную педагогическую академию по специальности «учитель русского языка и литературы». Работает шахтёром. Автор книги рассказов «Мост». Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

дельцем я не обсуждал этот пункт, не желая ставить себя в положение слепого, интересующегося, почём билетик в картинную галерею.

Сумбурное скопление дач огибала старая металлическая ограда, и это тоже понравилось мне. Никакой охраны не было, ворота, очевидно, никогда не закрывались, да и сами прутья ограды кое-где были разогнуты, а то и вовсе выломаны, образуя зияющие лазы, от которых змеились тропинки. Однако сам факт ограды придавал уединению какой-то особенный колорит.

Хозяин ждал у ворот, как мы и условились. Мне пришлось пересмотреть представление о нём, сложившееся под воздействием голоса из телефонной трубки. Голос молодил его лет на двадцать, и я не ожидал, что увижу старика. Мои мрачные предчувствия крепки.

Мы поздоровались и пошли узкой улочкой. Повсюду была зелень. Дачи в большинстве своём ещё пустовали. День выдался душный и влажный. Пышные облака толпились над нами, обещая ливень. В духоте витал аромат цветущей черёмухи, который я, признаться, терпеть не мог. Впрочем, я знал: когда наступит отпуск, черёмуха уже отцветёт.

Какой-то жирный разноцветный кот нагловатого вида перешёл нам дорогу. Я подумал, что это не к добру.

Помню, когда старик сказал, что дом уже недалеко, за поворотом, у меня зазвонил телефон. Друг, страдающий после бурной ночи, интересовался, как у меня с деньгами. Не без тайного злорадства я сообщил ему, что с деньгами всё в порядке, и назвал количество километров, отделяющих меня от его опухшего лица. Он вздохнул и отключился.

Мы свернули в переулочек, и я увидел то, за чем приехал.

Участок был весьма небольшой. Никаких надворных построек, кроме уборной, стыдливо выглядывающей из-за смородиновых кустов. Никаких грядок и парников, только цветочные клумбы, окаймлённые белым кирпичом. В отличие от большинства домов этот домик был полностью огорожен, не нависая фасадом над переулком. От калитки к домику вела дорожка, выложенная железобетонной затыжкой. Сбоку от домика имелась небольшая крытая шифером пристройка без окон, напоминающая наглухо зашитую досками веранду с крыльцом.

Мы прошли по бетонной дорожке и остановились у двери.

Пока старик возился с ключами, я осматривал сруб: он оказался добротным, без признаков гниения или перекоса. Крыша была трапециевидная и высокая; под ней поблёскивало большое прямоугольное окно. Я понял, что наверху должна быть комната. Из черепицы торчала металлическая тру-

ба, значит, имелся какой-то очаг. Всё это обнадеживало.

Старик повернул ключ и пригласил меня в дом. В пристройке, о которой старик сказал «это сени», не было ничего, кроме веника и совка, лежащих в старом жестяном ведре. Мы разулись, и старик, включив свет, отворил вторую дверь.

За ней оказалась единственная довольно приличного размера комната, застеленная старым паласом. На переулочек выходили два окна, закрытые ставнями. Мебели не было никакой.

У стены, примыкающей к переулочной, я увидел скромный, выложенный из кирпича камин. Только боязнь, как бы старик не накинул цену, подавила во мне положительные эмоции.

Стены и потолок были обшиты сосной, пол не скрипел и не прогибался, настроение моё неутолимо поднималось. Я уже ясно видел себя, сидящего в кресле у камина с книгой на коленях. Рядом с креслом столик, на столике стаканчик вина, и сигарета дымится в пепельнице, а за окном цикады и прочая чепуха.

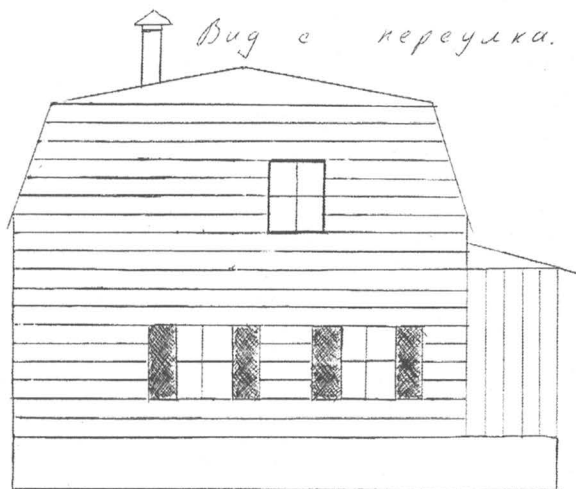
На второй этаж вела почти отвесная лестница, за которой я с удивлением обнаружил ещё одну дверь. Там оказалась совсем маленькая комнатка, немногим превосходящая сени по ширине. На полу лежал паркетной окраски линолеум. Под потолком напротив двери виднелся узкий вентиляционный проём, забранный мелкой металлической сеткой. Комнатка служила старику кухней. Здесь стоял крохотный, не доходящий мне даже до пояса холодильник и столик с маленькой электрической плиткой на нём. Над столиком были сооружены полки для посуды и припасов. И полки, и плитка, и даже холодильник шли с домиком в комплекте, как икра идёт в комплекте с селёдкой в магазине.

Наверх я полез один: старик уже не годился для таких упражнений. За большим окном, которое я заметил с улицы, как выяснилось, была не комната, а какое-то подобие лоджии. Проем, через который я поднялся, был огорожен деревянными перилами. Помимо окна здесь были две двери: в кладовку и в спальню. Кладовка оказалась весьма солидного размера помещением с полками по периметру, но меня интересовала мало: я вовсе не намеривался коллекционировать всякую рухлядь. Зато спальня была, что называется, на загляденье: уютная комната, как и все здесь, обшита сосной. Левая стена была слегка скошена, как в мансарде. Я подумал, что здесь слышен дождь, стучащий по крыше.

Старый с проплешинами ковер. Кровать с пружинной сеткой и матрацем, должно быть, ровесница старика, тумбочка с настольной лампой, небольшое окно, на которое я не обратил внимания с улицы.

Я вдруг испугался, что все это может ускользнуть: кто-то предложит большую цену, или старик передумает в последний момент. У меня возникло ощущение, что каждая дощечка здесь видима мною много раз, что это мечта, обросшая плотью, это мое, это для меня отныне и навсегда.

На вопросительный взгляд старика, ожидающего внизу, я ответил утвердительно. И вскоре домик стал безраздельно моим.

В отпуск я пошел в середине июня и в первый же день в компании нескольких развеселых друзей, у одного из которых имелся небольшой крытый тентом грузовичок, организовал переезд в свою летнюю резиденцию с последующим запоминающимся новосельем. Покупка дачи произвела на друзей сильное впечатление. Меня они называли не иначе как «помещик» и «удельный князь», в один голос требовали праздника, и я, как ни пытался, не сумел выдумать отговорку. Все эти праздники стояли поперек горла, хотелось побыстрее погрузиться в загородное спокойствие и тишь, но если бы я принялся всё это объяснять, меня, вероятно, обвинили бы в скупости и презрении к дружбе. К тому же, так или иначе, а одному мне с переездом было не справиться.

Впрочем, из двух десятков мечтающих мне помочь, выбраться смогли только четверо.

Вещей было немного: телевизор с магнитофоном, доисторическая тумбочка, столик, немного книг и разная мелочь вроде посуды, кипятильника и старого шерстяного одеяла. От дальних родственников я вывез старые диван и кресло, чуть было не попавшие на свалку, но вовремя спасенные.

Кроме всего этого я взял с собой еще одну нужную вещь, о которой друзьям сообщать не стал, рассудив, что это вовсе не обязательно. Знал о

ней только водитель. Я упаковал ее в чехол и спрятал в кабине за сиденьем. Это была новая охотничья одностволка. Разрешение я получил довольно легко прошлым летом, благодаря кое-каким полезным знакомствам, хотя к охоте имел отношение не больше, чем негр к зимней олимпиаде. Я еще ни разу не стрелял из этого ружья и поводов пострелять не искал.

Собрав нехитрые пожитки, мы уселись в фургон и тронулись в путь: я в кабине с водителем, остальные в кузове на диване.

На окраине мы остановились у большого магазина, и я дал друзьям денег: купить чего-нибудь для праздничного стола, завещав тратить эти деньги с умом.

Этот завет они поняли по-своему. Звон стекла, сопровождающий их выход из магазина, привел меня в ужас. Я понял, что люди решили отдохнуть на совесть и что огонь в камине сегодня разводить не стоит.

Погрузив угощения в кузов, удалая тройца чинно расселась на мебели моих дальних родственников и с хитрым блеском в глазах разрешила продолжить движение.

С того дня, как я познакомился с жирным разноцветным котом, прошел месяц: дачный комплекс ожил и закурился дымами пиршественных костров. Голопузые дачники глазели на фургон из-за невысоких заборов. Переулки были столь узки, что машина ползла по ним, точно кит по реке, шурша ветками фруктовых деревьев, нависающими над дорогой.

На моем участке часть забора снималась, открывая заезд. Я выпрыгнул из кабины, чтобы сообщить пассажирам о прибытии на конечную станцию, и обнаружил, что эти гады уже пьяны. Они сидели хрустели маринованными огурчиками и хлестали водку из горлышка, передавая бутылку по кругу. Судя по всему, желания носить мебель в дом у них не имелось. Они ворчали и не хотели выходить. Я подумал, что неплохо было бы достать ружье и кого-нибудь пристрелить: лучше всех троих. Но какие-то остатки совести, по-видимому, еще жили в этих заблудших душах: они оторвались от вожделенного сосуда и хмуро полезли из кузова. Мы убрали секцию ограды, и фургон после филигранных маневров сумел-таки втиснуться на участок, заехав задним колесом на цветочную клумбу.

С вещами мы управились быстро. Повозиться пришлось только с диваном. Заносить его пришлось вертикально, поворачивая то так, то этак. Если бы диван имел уши, он услышал бы немало интересного о своей персоне.

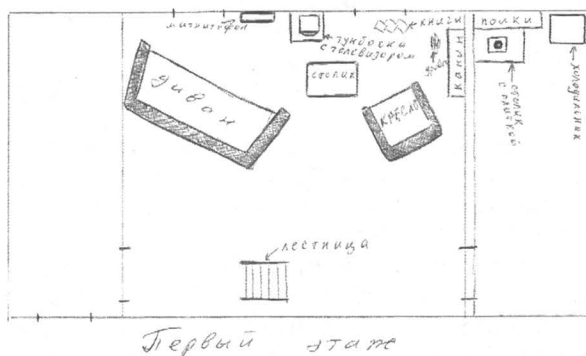
Когда подлеца наконец втащили в комнату, возник вопрос, куда его ставить.

Я хотел, чтобы он стоял у стены напротив окон, но мешала лестница. В итоге мы поставили его прямо посреди комнаты, придвинув левым боком к стене, за которой были сени, решив, что на первое время сойдет и так.

Одностоволку удалось пронести с огромным трудом, постоянно кто-то крутился рядом. Не придумав ничего оригинальнее, я поставил ее за холодильник.

После этого достал связку ключей, переданную мне стариком, и, сняв со ставней большие замки, впустил в комнату солнечный свет.

Друзья тем временем огляделись, сходили на второй этаж, оценили кладовку и кухню и, не в силах сдерживать эмоции, обозвали меня «герцогом».

Впрочем, я и сам ощущал себя владельцем родового замка, любовно поглаживая сосновые стены.

Гости освоились на удивление быстро. Я еще наслаждался своими собственническими чувствами, а они уже вовсю орудовали на улице: соорудили мангал из кирпичей, натаскали дров из поленицы на соседнем участке. На вопрос, как я объясню соседям эту контрибуцию, они рассмеялись нехорошим смехом и посоветовали не закидываться на пустяках.

Их преступная деятельность сопровождалась периодическими возлияниями, причём мой друг-водитель, покинув штурвал, принялся активно навёрстывать упущенное, противно причмокивая и блаженно улыбаясь.

Я наконец осознал, что до завтрашнего вечера уединение мне не угрожает, и, в сердцах плюнув, взялся за бутылку, дабы не выглядеть иконой, висющей посреди кабака.

Погода в этот праздничный день не баловала. Было тепло, но резкий ветер метался над землёй, слепо и внезапно меняя направление.

Пыль то и дело забивала глаза, а от дыма костра, казалось, и вовсе нет спасения. К тому же над горизонтом громоздилось лиловое марево: там, ве-

роятно, поливало как из ведра, и не было гарантии, что нас минует сия чаша.

Впрочем, довольно скоро меня перестали беспокоить и пыль, и дым, и всё остальное. На смену сварливому настрою пришли бурный восторг и понимание, что призыв тратить деньги с умом друзья поняли правильно. Я был счастлив, что у меня такие понятливые друзья, и в доказательство этого счастья лично возглавил очередной поход к соседской поленице.

Мы пили, курили, жарили шашлыки и оглашали окрестности анекдотами — настолько похабными, что даже ветер устыдился, слегка умерив свой пыл. При этом мы жизнерадостно смеялись, если можно назвать смехом звуки, издаваемые оравой пьяных идиотов.

Шашлыки, пропитавшиеся сладостью краденых дров, получились отменные. Мы грызли сочное мясо, громко чавкая и обжигая губы, после чего — сытые и разомлевшие — переместились под крышу, где под злобные вопли магнитофона пили за «герцога» и играли в подкидного дурака, причём водитель, которому принадлежала колода, с завидным постоянством выходил победителем.

Часов в семь, когда солнце стояло ещё высоко, ветер стих совершенно, сделалось по-вечернему уютно. Наши организмы, закалённые в клоаке ночных клубов, продолжали мужественно сдерживать атаки алкоголя, но с каждой новой атакой делать это становилось всё сложнее. Я чувствовал, как сознание начинает балансировать на краю чёрной глубокой ямы. Наплывы буйной весёлости чередовались с моментами, когда мы сидели с осоловевшими глазами и отвисшими губами, пытаясь поймать утерянную нить карточной игры.

Друг-водитель, пребывающий в эйфории от своих бесчисленных побед, ни с того ни с сего поскучнел. Он тупо смотрел в свои карты, то и дело ронял их на пол, пытался побить козырного туза, а наши объяснения, что так делать нельзя, выслушал с видом папуаса, познающего таинства высшей математики. Так ничего и не поняв, он вдруг побледнел, выпучил глаза и, зажав рот ладонью, склонился над паласом. К счастью, мы вовремя осознали опасность и, схватив шулера в охапку, успели дотащить до крыльца, где он благополучно избавился от ощущения сытости.

Я был самым свежим из всей компании: чувство хозяйской ответственности за дом и участок в некоторой степени сдерживало порочные инстинкты, и, наполняя свой стакан, я несколько раз грешным делом поскумничал. После драмы, разыгравшейся на крыльце, мне стало ясно, что надо вносить какие-то изменения в праздничную программу, иначе быть беде.

На моё предложение немного проветриться и осмотреть окрестности друзья отреагировали вяло: их опорно-двигательный аппарат пребывал в довольно плачевном состоянии, и они не понимали, какой смысл можно обрести, расхаживая между домами на полусогнутых ногах.

Тогда я сказал им, что здесь имеется замечательный живописный пляж и пруд с холодной водичей, где можно от души поплавать. Слово «поплавать» я произнёс после некоторых раздумий, с сомнением всматриваясь в поглупевшие лица соотрапезников и думая, что, предложив им привязать камень к шее и прыгнуть с моста, я поступил бы более гуманно.

К моему удивлению и испугу, идею «поплавать» поддержал друг-водитель. После того, как его покинула сытость, он слегка взбодрился и предположил, что помимо-водных процедур на пляже наверняка можно завести какие-нибудь приятные во всех отношениях знакомства. Я не понимал, какие выгоды могут извлечь из подобных знакомств трое созданий, отчаянно сражающихся с притяжением земли. Но у них слова водителя вызвали небывалый всплеск энтузиазма.

С большим трудом удалось отговорить водителя, который непременно хотел ехать на пляж в грузовике: мне вовсе не улыбалось вместо отпуска заниматься восстановлением чужих заборов.

Чего не удалось, так это убедить фанатов зелёного змия в том, что брать с собой на пляж водку вовсе не обязательно: меня подняли на смех и нарекли «старой девой».

Путь к пляжу был мне совершенно не известен, а тени между тем заметно удлиннились. Я опасался, что в темноте не сумею отыскать свой дом. Один раз пришлось спрашивать дорогу у какого-то необъятных размеров гражданина в панаме на голое тело, сидящего на веранде с огромной пивной кружкой в лапе. Друзья при этом вели себя беспардонно, откровенно паясничали, называли гражданина братом-землянином и предлагали пропустить стаканчик за здоровье «старой девы». Гражданин смотрел на этот спектакль хмуро и недружелюбно, но дорогу все-таки указал, спровоцировав этим целое извержение шутовских благодарностей и пожеланий холодного пива при жизни и на небесах.

Пользуясь указаниями брата-землянина, мы довольно скоро вышли к пруду и здесь моих незадачливых друзей постигло разочарование. Пляж был вправду хорош: много мелкого прогретого солнцем песка с торчащими то там, то здесь чахлами ивовыми деревцами. Пруд занимал довольно большое пространство, но его, по-видимому, никогда не чистили: вода местами зацвела, что несколько портило положительное впечатление.

Впрочем, разочарование друзей было вызвано вовсе не видом цветущей воды. Пляж был пуст. Кроме нас здесь присутствовала только одна компания, и вид она имела сомнительный, к приятным знакомствам не имеющий никакого отношения.

Компания состояла из четырёх особей (не могу подобрать иного слова) неопределённого возраста, поровну мужского и женского пола.

Женские особи походили на слегка уменьшенные копии бегемотов, натянувших для смеха купальники. В принципе, ни я, ни друзья ничего не имели против бегемотов, считая, что это весьма достойные представители земной фауны, но заводить с ними приятельские отношения как-то не хотелось. Мужские особи, напротив, сложение имели костлявое, были небриты, нечёсаны, и у одного из них не доставало левой руки.

Все четверо пили дешёвый портвейн, наливая его в эмалированную кружку, и заедали какой-то невообразимой гадостью из большой алюминиевой кастрюли. Судя по изобилию пустых бутылок и багровым расплывшимся лицам, их состояние было куда плачевнее нашего.

Наше появление нашло, как ни странно, живой отклик в этих пропитанных портвейном душах. Однорукий поднялся с песка, описал загадочную траекторию и, приблизившись к нам, без лишних церемоний попросил табачку. Друг-водитель с мрачнейшим лицом вынул пачку и дал однорукому сигарету, мечтая только, чтобы тот поскорее убрался и не смущал обоняние, однако мерзавец, окрылённый легкостью добычи, попросил ещё несколько сигареток для своих товарищей. При этом голос его звучал требовательно, а волшебных слов, он по всей вероятности, не знал.

Друг-водитель помрачнел окончательно и, спрятав пачку, порекомендовал алчному инвалиду в целях сохранения последней руки возвращаться к своим бегемотам.

В ответ послышалась нецензурная брань, и я заметил, что товарищ инвалида поднимается с песка. В руке его было что-то весьма похожее на большой складной нож, но не это испугало меня, а то, как глаза моих друзей засветили азартом. Я понятия не имел, кто эти особи, пьющие портвейн, однако знал, что друзья завтра уедут, а мне предстоит провести здесь не одну неделю, и начинать с убийства соседей в день новоселья было достаточно глупо. Я надеялся, что бегемоты в купальниках как-то повлияют на своих распетушившихся кавалеров, но они настолько оступели от вина, что, похоже, и не поняли сути происходящего.

Друг однорукого, раскачиваясь, приближался. Серые губы на его лице склеились в идиотскую ухмылку. Я с тоской подумал об одностволке, мирно

стоящей за холодильником, а потом моя память дала сбой, по истечении которого я обнаружил в своих объятиях одного из друзей, он отчаянно вырывался. Трое, не поместившихся в мои объятия, задорно и весело колотили ногами инвалида и его воинственного собрата, корчившихся на песке и мычавших от нешуточной боли. По лицам моих друзей я понял, что устанут они не скоро. И тут неожиданно воскресли бегемоты. Они, точно по команде, всплеснули руками и не по-бегемотски пронзительными голосами завопили. «Помогите! Убивают!» — визжали они. Это было весьма банально и едва ли могло кого-нибудь заинтересовать в наше изощрённое время. Но этот отвратительный визг, к счастью, остудил раззадоренных палачей, и очень кстати, потому что души жертв уже готовились паковать вещи для отправки на небеса.

Мы развернулись и поспешно зашагали по берегу, морщась от жуткого верещания, несущегося вслед.

Пляж вскоре кончился, и потянулись заросли кустарников. Солнце стояло совсем низко. Вовсю звенели распроклятые комары. Состояние друзей заметно улучшилось, но на мои упрёки они, как и в случае с дровами, посоветовали не заикливаться на пустяках, и я подумал, что ещё пара подобных пустяков и за мою голову здесь будет объявлена награда. А потом мы вышли на отличную поляну, на которой виднелись следы потухшего костра и лежало большое бревно.

Я попытался было заикнуться насчёт обратной дороги и темноты, но меня успокоили, сказав, что помнят дорогу как свои пять пальцев, и принялись доставать из пакета водку и закуски. Через десять минут огонь уже весело потрескивал, едкий дым растекался по поляне, отпугивая ненасытных насекомых. Сделалось как-то уютно и тоскливо одновременно. Я принял стакан и не отнимал руки, пока он не наполнился. После этого стакана память превратилась в подобие колеса рулетки: чёрные провалы сменялись красными вспышками озарения.

Помню, как мы, спотыкаясь и едва не падая, шли по ночной улице и внезапно набрали на маленький магазинчик, работающий круглые сутки. Незнаком для чего, мы купили бутылку водки и тут же, возле магазина, осушили, запивая лимонадом. Помню, как в какой-то момент мы обнаружили, что нас четверо. Не хватало того самого друга, которого я сжимал в объятиях, не давая поучаствовать в избиении. Мы ходили, вглядываясь во тьму, матерились и выкрикивали его имя. Наконец мы обнаружили его, лежащего в зарослях лопухов и абсолютно равнодушного к окружающей действительности. Потом новый провал и новое озарение. Мы сидим на какой-то покосившейся лавочке и,

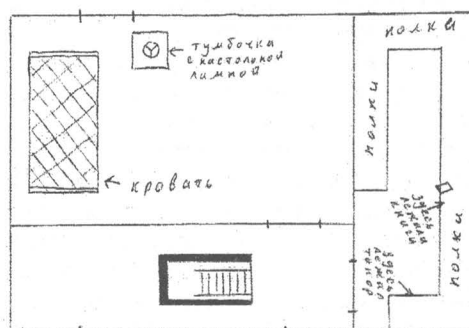
едва ворочая языками, спорим, в какую сторону следует идти.

Ещё один провал, выбравшись из которого, я обнаруживаю, что мы втроём сидим на диване и пытаемся играть в карты. Другие двое уже не пьют и не пытаются играть в карты — они мирно спят на полу, накрытые старым шерстяным одеялом.

Масти расплываются перед глазами. Язык лежит во рту, словно безжизненный кусок мяса, но какой-то упрямый клочок сознания заставляет руку тянуться к стакану.

Всё плывёт и качается. Карты падают, но поднимать их нет больше сил, впрочем, и нужды поднимать их тоже уже нет: всё равно не отличить красное от чёрного. Закрываю глаза и проваливаюсь в какую-то бездонную, заполненную мраком центрифугу. Делаю последнее усилие, чтобы приподнять веки. Странно, но это удаётся.

Я лежал на втором этаже на старом матраце, покрывающем пружинную сетку. Адское дневное солнце смотрело в окно. Хотелось холода и темноты. Сухость пронизывала горло, но чтобы напиться, надо было вставать и куда-то идти, а тело мне не принадлежало. Жуткая слабость, тошнота и мутное тяжёлое ощущение в животе. Мелькнула мысль: как я сумел забраться на второй этаж, не переломав кости. Мелькнула, но тотчас была забыта, как не имеющая значения. Жжение в глазах не давало навести резкость в плавающем вокруг хаосе цветных пятен. С отвращением обнаружил, что матрац под головой мокрый и от него исходит кислый рвотный запах. Мелькнула ещё одна мысль, на этот раз совсем уж вздорная, что новоселье удалось.

Я встал, шатаясь от бессилия. Тошнота набухла при каждом движении. Зрение кое-как наладилось. Огромное красное пятно лежало в изголовье кровати. Кажется, последнюю водку запивали томатным соком.

Я выбрался из комнаты и грузно облокотился на перила, шумно дыша открытым ртом и заклиная тошноту. Внизу стояла тишина. Медленно, точно дряхлый удав, я стал сползать по деревянной лестнице, умоляя равновесие о милосердии.

Первое, что я обнаружил, спустившись, оказалось другом-водителем. Он сидел по-турецки на разложенном диване и, будто китайский болванчик, раскачивался взад-вперёд. Всё тело его было укутано в невообразимо измятую и грязную простынь, из-под которой торчало только безумное лицо с кровавыми навывкате глазами, обрамлённое дикими клочьями волос. Появление дряхлого удава он встретил взглядом, исполненным ненависти и отчаянья: ему предстояло сегодня садиться за руль. Было бы не лишним оповестить об этом пешеходов.

Рядом с другом-водителем, скрестив на груди руки, лежала ещё одна жертва новоселья. Глаза жертвы были открыты, и, кроме ожидания смерти, ничего нельзя было в них прочесть.

Третий мученик невозмутимо сидел на полу, прислонившись к камину, и с тяжёлой задумчивостью чесал подбородок.

Четвёртого — того самого, которого мы выуживали ночью из лопухов — обнаружить не удалось, впрочем, искать его на сей раз не потребовалось: он ввалился в комнату и, подобно набитому опилками чуелу, плюхнулся в кресло. После выяснилось, что он неожиданно проснулся на заре и, ощутив необъяснимую жажду в организме, выпил полстакана водки. Затем, когда жажда поутихла, он вышел во двор, дабы посетить уборную. После посещения уборной ему внезапно сделалось нехорошо, и он был вынужден провести последующее время на поросшей мягкой травой земле, где его изрядно покусали комары. Это была печальная, но весьма поучительная история.

Однако история историей, а спасти нас могло только чудо, и это чудо стояло на столике среди объедков и окурков, горделиво искрясь в свете адского солнца.

Единственным, кого даже чудо было не в силах спасти, являлся друг-водитель, и он понимал это, продолжая с ненавистью и отчаянием взирая из-под простыни на страшную действительность дня и на то, как четверо негодяев располагаются у столика, дабы испить чуда во имя врачевания.

Однако оставалось небольшое сомнение. Я глядел на искрящееся чудо, и тошнота пульсировала во мне, и казалась непобедимой. И красное пятно глумливо поддакивало тошноте, укрепляя небольшое сомнение.

Какое-то время мы сидели неподвижно, вглядываясь в бутылку, словно сфинксы — в египетские дали, а потом я торжественно и сумрачно перелил её содержимое в четыре стакана. Содержимое мелодично булькало, струясь в скорбной ритуальной тишине. А затем, вознеся к потолку красные, исполненные смиренной мольбы глаза, мы выпили и за-

кусили невкусным лимонадом и вновь замерли в ожидании неминуемой кончины.

Прождав кончину минут десять, мы закурили. Новое чудо появилось среди объедков и заговорщицки нам подмигнуло. И мы вновь выпили, и вновь закусили сладкой жёлтой гадостью. И вот уже карты появились в руках, и послышался робкий смех, и какой-то позабытый вчера анекдот всплыл из пучин памяти и разгладил радостью опухшее лицо бытия.

Друг-водитель был мужественным человеком, и, слушая скрип его зубов, мы вознесли тост за мужество, после которого наш печальный стоик уполз на второй этаж, обмотавшись полюбившейся простыней и злобно ругаясь. Впрочем, он сразу возвратился, не в силах соседствовать с красным пятном воспоминаний, проклиная водку и с завистью глядя на наши беспечные лица.

Полегчало ему лишь к вечеру, после того, как он истощил запас имевшихся в памяти ругательств и выпил три литра минеральной воды, принесённой заботливыми друзьями из обнаруженного давеча магазинчика. Пока заботливые друзья отсутствовали, мы сидели на даче в атмосфере досадного молчания, ибо были людьми из разных плоскостей реальности.

Он молчал, так как не имел физической возможности вести связную речь, а мог только ругаться и проклинать водку, в то же время мечтая о ней. Я же молчал, не имея привычки беседовать с самим собой. Здоровье вернулось в разрушенное новосельем тело. Я уже начинал тяготиться компанией, мечтая о том, как наконец-то разожгу огонь в камине и сяду в кресло под потрескивание соседских поленьев.

Друзья вернулись из магазина в самом весёлом расположении духа. Помимо воды они принесли с собой две бутылки водки и огромное количество пива на обратный путь: они собирались возвращаться в город на электричке, потому что мягкого дивана в кузове больше не было. Впрочем, необычайная их весёлость объяснялась не предвкушением романтической поездки по железной дороге с пивом и картами. Оказалось, что возле магазина они встретили вчерашнего инвалида. Под глазами инвалида были огромные лиловые синяки, губы распухли, как у верблюда, а нос напоминал бесформенный картофельный клубень. Инвалид был сильнейшим образом пьян, друзей не узнал и не вспомнил, чему я весьма порадовался.

Всё оставшееся до их отъезда время мы провели бесцельно и бестолково: пили, ели, курили, играли в осточертевшие карты, говорили ни о чём и ни для чего.

Во мне вдруг проснулась какая-то неизбывная тоска, и было вдвойне тоскливо и досадно оттого,

что я видел, как довольны друзья подобным убиванием времени.

Настроили телевизор: комнатная антенна давала сносное изображение только на двух каналах, но по ним шла такая нестерпимая чушь, что моё настроение не только не сделалось лучше, но, напротив, стало совсем скверным; я ожидал отъезда друзей с нетерпением.

Наконец они уехали. Друг-водитель должен был довезти их до станции. Опьянели бедолаги к этому времени не на шутку, и поездка с пивом на электричке выглядела очень сомнительным мероприятием, но мне, честно говоря, было уже наплевать, и никакие переживания по этому поводу меня не посетили. В конце концов это их выбор.

Друг-водитель долго мучительно вырुливал с участка, едва не снеся соседский забор. При этом он отчаянно потел и ругался на чём свет стоит. Но всё обошлось. Друзья помогли мне поставить на место секцию ограды и погрузились в кузов грузовичка, после чего мы попрощались жестами и машина скрылась за поворотом. Вскоре затих рокот мотора, осела пыль, взметнувшаяся из-под колес: я остался один.

Тяжелые облака уже розовели над горизонтом, неутомимые комары звенели у лица, на душе было пасмурно и неуютно, и, что самое отвратительное, я не мог понять, в чем причина моего состояния. Должно быть, я просто устал.

Вспомнились бодрые раскрасневшиеся лица друзей. Они умели быть веселыми несмотря ни на что. Впрочем, после отступления тошноты япил очень мало, больше делая вид. Просто не хотелось. Но теперь, когда вождельный покой и уединение были, казалось, обретены мною, почему-то появилось жуткое желание наверстать упущенное — напиться и уснуть, закрыться в доме, подняться в спальню и пить, пить без магнитофона, без телевизора, пить на брудершафт с тишиной и печалью, потом упасть на жесткий холодный матрац...

Я вспомнил о красном пятне и содрогнулся, точно меня ударили наотмашь пудовой ладонью.

Наверху красное пятно, внизу объедки, окурки, пустые бутылки, грязь и мусор новоселья.

Я вошел в дом. В нижней комнате воздух был пронизан сладковатым запахом сигаретного дыма. На столике громоздились тарелки с намертво присохшими следами закусок и пятнами застывшего шашлычного жира. Стаканы были захватаны настолько, что стекло казалось матовым. Безобразные огрызки, колбасные шкурки, рыбы потроха и гора окурков, варварски раздавленных пьяными пальцами, — незатейливые символы ушедшего веселья.

Праздник вошел в мой дом, не потрудившись вытереть у порога свои свинные копыта. Он насле-

дил на паласе, отравил воздух табачным смрадом, а потом попрощался и ушел, сыто, довольно похрюкивая.

Чертыхаясь, я взял в сенях ведро с веником и совком и вернулся в комнату. Сложил диван. Под ним что-то белело. Это была позабытая игральная карта. Она лежала рубашкой вверх. Я поднял её, пытаюсь угадать. Почему-то не сомневался, что масть черная. Перевернул. На меня, ехидно улыбаясь, смотрел червонный валет. Я ухмыльнулся в ответ и положил карту на телевизор, подумав, что друзья едва ли заметят пропажу.

Потом я немного постоял, изнывая от отвращения к неизбежности и, устало, по-стариковски ворча, взялся за веник. Подметая сор с паласа, я сложил пустые бутылки и коробки из-под сока в полиэтиленовые пакеты и отнес их на свалку, под которую был весьма удачно приспособлен небольшой овраг недалеко от моего дома, впрочем, приспособлен не мною, так что волноваться было не о чем.

Зато массу поводов поволноваться я получил, колдуя над посудой в ледяной воде с куском скользкого мыла в негнущихся пальцах. Благо, что старик, а может, кто ещё приспособил колонку на участке. Дачникам, не имеющим этого удобства, воду подавали по какому-то затейливому графику, известному одному Всевышнему, вследствие чего их участки были заставлены бочками и вагонетками, хранящими стратегические запасы влаги.

Хотя это было наивное утешение для человека, сидящего на корточках у колонки и пытающегося в сумерках отскоблить от тарелок всю эту присохшую дрянь при помощи ножа и ногтей и ощущающего холод, боль и ненависть ко всякого рода новосельям.

Пытка водой закончилась затемно, когда я, расставив посуду на кухонных полках, притащил к колонке матрац и, сколько смог, отмыл несносное красное пятно. Сил возвращать матрац на второй этаж уже не было: я бросил его на забор и, закрыв входную дверь на крюк, повалился на диван, не сомневаясь, что тотчас усну.

Однако я ошибся. Странная непонятная бессонница незримо прокралась в дом и села у изголовья дивана, слушая вместе со мною, как ветер ходит задумчиво взад вперед по узкому переулку, и глядя вместе со мною, как лиловая ночь шевелится за окном.

Какое-то болезненное отчаяние овладело мною ни с того ни с сего. Незвестно от чего хотелось плакать и, что самое страшное, мучительно хотелось спать, но я словно бы позабыл, как это делается. Тех чувств мне не высказать и не описать. Возможно, кто-то примет меня за умника, набивающего себе цену, или в лучшем случае посмеется

над моей фальшивой высокопарностью, но я не умею выразиться точнее: в те длинные четыре с половиной часа меня посетило что-то вроде удручающего чувства всеобщей бессмысленности.

Будь на моём месте какой-нибудь разудалый философ – он, наверное, сел бы за стол и, преисполненный глупого самодовольства, принялся писать разную чушь, вполне довольный и бессонницей, и задумчивым ветром, слоняющимся по извивающейся темноте. Мне же оставалось только кусать губы и кататься по дивану. Пробовал курить, но от дыма сделалось ещё хуже, а спиртного не осталось ни капли.

Никогда ещё я не чувствовал себя таким покинутым, но в то же время мысль о чём-нибудь общесте вызывала ужас и отвращение. И эта парадоксальная невозможная двойственность сводила с ума.

Кроме того, моё сознание будто бы раскололось. Не было даже попытки выковать связную мысленную цепь. Мысли метались в голове, как элементарные частицы в подогретой на спиртовке реторте: они появлялись ниоткуда, чтобы тотчас провалиться в никуда, не оставив после себя даже звука, замирающего в тиши.

По сути, ни одна из этих элементарных мыслей мне после не вспомнилась, кроме одной, должно быть, самой частой: о том, что необходимо напиться.

Уснуть я в конце концов ухитрился, и сон мой, подобно свежeverытой могиле, был чёрен и пуст.

Проснулся я за полдень. Долго лежал, хмуро созерцая сосновый потолок и вспоминая зловердное новоселье, повлекшее за собою минувшую ночь.

Потом я ощутил голод и, нехотя поднявшись, соорудил на плитке незатейливый завтрак, причём умудрился пережарить картофель.

Погода не обнадёживала. Дождя, правда, не было, но всё шло к тому, что он вот-вот прольётся. Ветер, не знающий усталости, показался заметно холоднее вчерашнего. Впрочем, быть может, это кожа сделалась уязвимее, скинув алгоольный плед.

Тихо ругаясь и поёживаясь, я снял с забора матрац и отнес наверх. Пятно, казавшееся в сумерках почти побеждённым, нагло краснело на ткани.

Ночь не прошла бесследно: вяжущая меланхолия овладела мною, словно заноза сидела в душе, и мерзко саднила тошнотворная неудовлетворённость. Казалось, все атрибуты мечты наконец-то собраны воедино: камин, одиночество, книги и телевизор, и смолистый запах сосны в уютной тишине, и никаких обязательств ни перед кем. Все эти кирпичики моей скромной пасторали, написанной в сознании под железный грохот городских трамваев, были здесь.

Но небо хмуро распласталось над ложиной, подобно тяжёлому мокрому одеялу, и под этим одеялом мне было душно и холодно. И никого вокруг, никого, способного разделить со мною тяжесть небес.

Взял было в руки телефон, но тут же отбросил, брезгливо и злобно усмехнувшись. Неужто я хотел позвонить какому-нибудь другу или подруге, что ещё хуже, и рассказать им, спующим по пыльным проспектам, о меланхолии, тишине и пустоте.

Включил телевизор. На одном канале шла передача о том, как изобрели телевидение: это уже походило на издевательство. По второму каналу показывали комедию, которую я видел, должно быть, десяток раз, и я подумал, что покупка дома у чёрта на куличиках в цепях одиннадцатого по счёту просмотра комедии – это апофеоз глупости.

Выключив телевизор, я тоскливо перебрал горку книг, лежащих на полу.

Читал я немало, но за всю жизнь сам не купил ни единой книги. Всё, что я имел, перешло мне по наследству и в большинстве своём было давно прочитано. Поиском новизны я не занимался, вполне удовлетворённый тем, что в любой момент могу взять в руки одну из старых книг и освежить в памяти любимые места. Здесь передо мною лежали самые зачитанные. Да, они бесспорно были хороши, они были блестяще написаны, это были, что называется, книги на все времена, но я смотрел на эту груду, где каждая строчка известна наперед, и челюсти сводило в болезненной зевоте.

Часы показывали половину четвертого по полудню. Близилась дни летнего солнцестояния, устрашающего своей продолжительностью. Всю эту продолжительность предстояло чем-то заполнить, а у меня имелось лишь два канала да кучка старой бумаги.

Я оставил книги и принялся бесцельно ходить по комнате. Ходил, пока не поймал себя на том, что шёпотом считаю шаги. Это был скверный признак. Пепельница, опустошенная накануне, вновь была полна окурков. Густой сизый дым причудливо клубился вокруг меня, резал глаза и вызывал тошноту, но не курить я не мог.

Всё это кончилось тем, чем и должно было кончиться: я пошел в магазин. При этом твердил себе, что курить эти сигареты больше нет никакой возможности и необходимо купить другие – помягче и поароматнее. Твердил и в то же время – опять эта проклятая двойственность – скептически над собой посмеивался, изумляясь, в какую несусветную чушь иногда хочется верить.

Дождь всё не начинался, но небо выглядело настолько грузным и набухшим, что казалось невероятным, как вся эта многотонная влага способна ви-

сеть в воздухе. Казалось, небо не прольётся, а рухнет, точно бетонная плита, и придавит меня вместе с моей меланхолией. Ощущение было не из приятных, к тому же я вдруг решил, что магазинчик обязательно окажется закрытым, и непременно на огромный амбарный замок, покрытый ржавчиной безысходности, и мне придется ходить вокруг и считать шаги до тех пор, пока какой-нибудь сердобольный дачник не вызовет «скорую помощь».

На моё счастье оказалось, что в беспросветности всеобщей бессмысленности ещё теплятся очаги здравого смысла, по крайней мере, на один я набрёл в своём невеселом паломничестве. Очаг был гостеприимно открыт. Здравый смысл заодно поблёскивал на деревянных полках, а посреди всего этого на обшарпанном табурете сидела богиня здравого смысла в засаленном халате и очках на одутловатом лице. Да, богиня была нехороша собою, но я всё равно любил её и гордился одутловатостью её лица, символизирующей квинтэссенцию бытия.

Преисполненный благоговения, я купил пять литров чудного разливного пива, быть может, слегка разбавленного цветущими водами местного пруда, но всё равно чудного и душистого. При этом, восторженно глядя на янтарную жидкость, не заметил, как богиня нагло меня обсчитала. Впрочем, я не огорчился, ибо своим поступком она укрепила царящий в этих стенах здравый смысл, в существовании которого я совсем уж было усомнился минувшей ночью. О каких-то там сигаретах я и думать забыл и вспомнил, лишь выйдя из магазина. Вспомнил, надо сказать, с совершенным безразличием (сигарет дома было предостаточно) и бойко зашагал по ухабистой дороге в надежде успеть домой до того, как прохрустит терпеливое небо.

Разумеется, я не успел. Непроницаемая, будто Ниагарский водопад, масса воды обрушилась на меня где-то на середине пути. Не успев даже удивиться, я промок так, будто меня взяли за ноги и вниз головой окунули в пруд. Сигарета, еще мгновение тому назад струившаяся затейливыми завитками, раскисла и, обломившись, исчезла в чёрной, противно чавкающей при каждом шаге жиже. Холодные потоки заливали глаза, я почти ничего не видел: только ревушую стену ливня и громоздящиеся за нею расплывчатые контуры домов. В кроссовках омерзительно хлюпало, скользкая неровная дорога уезжала из-под ног. Всё это было странным образом нелепо и одновременно потрясающе логично, и в моём сознании воцарилось злобное почти мазохистское удовлетворение. Два дня алкогольного буйства, избиение незнакомых дачников, красное пятно, бессонная ночь, передача об истории создания телевидения и мутное небо, жалящее

чавкающую землю ледяными бичами накануне солнцестояния — джентльменский набор для идиотов-отпускников, придумавших себе идиллию. Если бы не боязнь распластаться в грязи, я бы, наверное, рассмеялся: до того забавным показалось мне всё происходящее. Однако самое забавное ожидало меня дома. Оказалось, что мне абсолютно не во что переодеться. В пылу буйного переезда я как-то упустил из виду этот момент, и вся имеющаяся в распоряжении одежда была на мне, вызывая во всём теле ощущение печали.

Ливень бойко колотил по крыше, но старые представления о романтичности этого звука казались несколько неверными и наивными.

На часах маленькая толстая стрелка подползала к шестёрке. Мокрое одеяние я отжал на крыльце и развесил на спинке дивана. Соседские дрова были сложены под открытым небом: мертвая пасть камина глядела насмешливо и недобро, точно спрашивая, что я намерен делать во имя спасения от холода. Укутавшись в старое одеяло, я забился в кресло и включил телевизор: передавали новости. Я прибавил громкости, и стук ливня стих. На столике стояла посуда с пивом и стакан. Пиво было холодным, но этот холод имел странное свойство — он умел согревать.

После четвёртого стакана я обнаружил, что вид мокрой одежды уже не вызывает особого отвращения. Это было хорошо. Это означало, что вышеупомянутое свойство начинает проявляться и у меня появляется шанс пережить грядущую ночь без ущерба для нервной системы.

Новости закончились, началось что-то другое. Какие-то малознакомые личности, развалившись в пёстро оформленной студии на кожаных диванчиках, обсуждали достоинства и недостатки однополый любви. Не знаю, какому болвану могло показаться интересным это словоблудие, но звуки работающего телевизора умиротворяли, и я, выпивая стакан за стаканом, проникался постепенно симпатией к малознакомым личностям, понимая, что не от хорошей жизни сидят они на кожаных диванчиках и несут разную чепуху, которая, по-видимому, им самим глубоко противна.

Так я просидел до половины десятого, отвлекаясь лишь тогда, когда организм настойчиво требовал сходить во двор — проверить, не наладилась ли погода.

Так и не дождавшись прекращения дождя, я выключил телевизор и, не покидая кресла, закрыл глаза.

Той ночью мне что-то снилось, кажется, сновидение было долгим и красочным, но, проснувшись, я не смог отделаться от ощущения, похожего на зловещее предчувствие.

Стакан, наполненный до краёв, стоял на столе, посуда была пуста. Я протянул руку. Пиво выдохлось, сделалось теплым и безвкусным. За окном, в просвете между соседними домами, виднелось яркое чистое небо. Одежда высохла, влажными остались только кроссовки. Вчерашней меланхолии не было, но была какая-то апатия: ничего не хотелось делать. Если бы смог, то предпочёл бы ещё уснуть, но я и без того проспал уже двенадцать часов.

Оделся и вышел из дома. Трава уже успела обсохнуть, но в углублениях дороги блестели большие лужи. Вечернее пиво не оставило последствий, кроме кислого, неприятного привкуса на языке, но я не стал чистить зубы и вообще умываться.

Доел последний кусок колбасы, запивая чаем без сахара. Хлеб совсем зачерствел. Кроме банки сардин в холодильнике ничего не осталось. Я взял большую спортивную сумку и отправился в царство богини здравого смысла. Оно казалось очень далёким. День ещё не разгулялся, но, судя по всему, через пару часов подкрашенный спирт термометров мог закипеть.

Богиня узнала меня и даже соорудила подобие улыбки на своём одутловатом лице. Мне пришлось с нею поздороваться. Помнится, ещё в городе я мечтал о том, как буду рыбачить на заре, а потом варить ароматную уху. Какая чушь. Кажется, даже собирался купить удочку. Что ж, теперь я знал место, где всегда можно наловить десяток-другой сардин, причём голыми руками и за кратчайший срок. Впрочем, реалии дня были ещё проще: ни о каких изысках вроде ухи не хотелось даже думать, да и вообще думать не хотелось. Я просто набил сумку всякой дрянью быстрого приготовления; всем тем, что можно залить кипятком и через десять минут препроводить в желудок под скорбные звуки икоты. В горле я питался подобными «деликатесами» только в минуты лютой нехватки времени. Здесь у меня только и было что время: огромный бездонный колодец времени, заполнять который изготовлением кулинарных шедевров почему-то не имелось желания.

До своего участка я дошёл с трудом, поминутно ставил сумку на дорогу, чтобы отдышаться. Воздух медленно и неотвратимо накалялся, высохшая одежда вновь пропиталась влагой, и влага эта была куда хуже дистиллированной воды. Руки ныли от тяжести, но тяжесть создавали отнюдь не пачки с лапшой и картофельным пюре: поверх этой малосъедобной продукции лежали четыре бутылки дешёвого портвейна. Я купил их в последний момент под влиянием какого-то непонятного и нелепого куража, который исчез без следа, едва за мною захлопнулась дверь магазина. Возникло побуждение возвратиться и сказать, что я пошутил или что-

нибудь ещё более глупое, но, естественно, я этого не сделал.

Уже потом, в уютном кресле, вспомнилось, что точно такой же портвейн пили в памятный день переезда избитые дачники. Однако к тому времени никакие воспоминания меня абсолютно не волновали.

Недалеко от дома я в который раз поставил распроклятую сумку на дорогу, тяжело отдуваясь и утирая ладонью лицо.

Немного придя в себя и осмотревшись, я заметил в траве около чьей-то неухоженной ограды отменный кусок сухого берёзового ствола. Разумеется, посещать соседскую поленницу было бы и удобнее, и проще, но мне вовсе не нравилось это пробуждение мелкоуголовных инстинктов, которое могло закончиться очень неприятными объяснениями.

В общем, я ухватил берёзу за шершавый сук и, изнемогая от напряжения, поплёлся к дому.

О том, что у меня нет топора, я соизволил догадаться, когда деревяшка уже лежала у крыльца и нести её обратно не было никакого смысла.

Портвейн оказался отвратительным, впрочем, иного я и не ждал, хотя этикетка утверждала, что сделан он из отборных сортов винограда.

Под его воздействием в желудке начались какие-то сложные химические реакции, едва не вызвавшие спазмы. Я сидел в кресле и отважно боролся с рвотным рефлексом, а потом вдруг как-то незаметно всё кончилось: в груди потеплело, и это животворящее тепло медленно набухло, охватив постепенно всё тело и породив в нём необычайную жажду деятельности.

Я поднялся на второй этаж в надежде отыскать в кладовке топор и был вознаграждён. Топор лежал на боковой полке, здесь же лежал молоток, коробка с гвоздями и старенький, но ещё пригодный брусок для заточки. Да, старик оставил щедрое наследство. Я взял топор и совсем уже было затворил дверь, как вдруг заметил, что с верхней полки выглядывает уголок какой-то книги. Этот дом был теперь моим, и я должен был знать, что за книга лежит в моём доме на верхней полке кладовки. Я протянул руку... Оказалось, что это даже не книга, вернее, уже не книга. Она начиналась с двенадцатой страницы и оканчивалась на двести шестнадцатой: ни обложки, ни вступления, лишь двести четыре страницы стихов, после каждого из которых был указан автор перевода. Но ни языка, с какого был выполнен перевод, ни автора или авторов, которыми были написаны эти стихи, узнать я не мог.

Я не был любителем стихов, хотя и не имел против них предубеждения. Решил, что просмотрю книгу как-нибудь, при случае, не особо, впрочем, в это веря, и, спустившись вниз, положил её на теле-

визор рядом с червонным валетом, прячущим гнусную ухмылочку под щеголеватыми усами. После этого я о книге забыл и, открыв вторую бутылку, вышел на крыльцо.

Воздух плавился над неровной линией холмов. Похоже, начинался пляжный сезон. Вчерашний ливень и чёрная бурлящая жижа, по которой я брёл, увязая и спотыкаясь, казались воспоминаниями из прошлой жизни.

Я сделал добрый глоток. Портвейн больше не вызывал отторжения. Отборные сорта винограда приятно щекотали горло.

Поставив бутылку на крыльцо, я поплевал на руки и с решимостью взялся за топор.

Рубил я с редким воодушевлением, останавливаясь только для того, чтобы выкурить сигарету и выпить. Бутылка скоро опустела. Удары становились всё более вялыми и неточными. В результате я едва не отрубил себе ногу и, засунув топор под крыльцо, вернулся в дом. Кажется, собирался посмотреть телевизор, а потом пойти прогуляться, завести какие-нибудь приятные знакомства или что-то в этом роде...

Проснулся я от мучительной огненной жажды. Из-за оконных стёкол на меня внимательно смотрела ночь. Стрелки показывали половину второго. Телеэкран мерцал раздражающей черно-белой рябью. Я щёлкнул кнопкой отключения и зажёл свет. Болела голова, но не сильно: немного ныло в висках, слегка отдавало в затылке, чуть-чуть резало в глазах; должно быть, виноград и впрямь был отборным.

Чтобы напиться, надо было идти к колонке. Я сделал проще: взял со стола третью бутылку и прямо из горлышка выпил её до дна.

Через полчаса я снова уснул и на этот раз со стопроцентной уверенностью могу сказать, что сновидения меня не посещали.

Боль пришла вместе с восходом. Всё то, что вчера немного ныло и слегка отдавало, теперь взрывалось и пульсировало. При каждом повороте головы возникало ощущение, точно в череп вкручиваются десятки старых тупых шурупов. Хотелось кричать и кататься по полу. Полузадушенный голос рассудка хрипло пытался подсказать, что надо перетерпеть: умыться ледяной водой, положить на голову компресс и добрую половину дня лежать на диване, стена и мучаясь, пока отборное виноградное похмелье не пощадит лопающийся от боли мозг. Это был жестокий, но очень умный голос. Однако в унисон с ним слащавый сатанинский голосок напевал о том, что не стоит идти на поводу у рассудка. Он лукаво нашептывал, что глупо лежать с мокрой тряпкой на лбу, вздыхая и охая, когда весь мир вокруг веселится и танцует. Эти два голоса сыпали бесчисленны-

ми аргументами в свою защиту, а боль между тем росла и крепла, и вместе с нею набирали вес аргументы сатанинского голоска, потому как он обещал немедленное избавление, не требуя никаких жертв, не требуя даже, чтобы я встал.

«Боль — это зло, — нашептывал голосок, — неужто ты согласен мириться со злом, неужто ты опустишь руки и позволишь злу глумиться над тобою: терзать твоё тело, унижать твой дух? Будь мужчиной, не поддавайся, борись до конца. Всё в твоей власти. Протяни руку и убей зло. Ведь это так легко: взять бутылку со стола и разбить её об ухмыляющуюся морду боли. Сделай это и ты увидишь, насколько замечателен восход, и поймёшь, что мир без боли — это прекрасный мир».

Я неподвижно сидел в кресле. Небо за окном медленно окрашивалось в дневной цвет. Громко щебетала невидимая птица: звуки падали на мозг, точно увесистые капли кипятка. А слащавый голосок продолжал убедительно шептать, и мне начало казаться, что я действительно слышу его, что это не мои сокровенные мысли, а некто, стоящий позади меня, нашептывает, обдавая гудящий от боли затылок тёплым дыханием. И голос рассудка постепенно стихал, будто удаляясь.

Я открыл последнюю бутылку и, запрокинув голову, сделал несколько чудовищных глотков. Почти в ту же секунду мощнейшая волна тошноты накрыла меня, лишив возможности дышать. Я сдавил горло руками, отчаянно и шумно ловя воздух широко раскрытым ртом. Боль померкла. Царственный мозг потерял власть. Желудок-плебей бунтовал, не желая выполнять директивы высокого начальства. Моё лицо покрылось испариной. Это были жуткие гротескные минуты. Минуты, в которые мне чудилось, что тошнота вокруг меня, что она внезапно заполнила собою все полости мироздания, и я барахтаюсь в ней, захлёбываясь и вызывая о помощи, которой ждать неоткуда. А потом всё прошло, внезапно, точно кто-то перерубил кабель, питающий тошноту энергией. Организм смирился со своей участью. Долгожданный кислород хлынул в лёгкие, расправив их точно старые ссохшиеся кузнечные меха.

Я утёр лицо футболкой и в два приёма вылил в себя содержимое бутылки, после чего закурил и какое-то время сидел неподвижно, созерцая пространство. Сатанинский голосок не солгал: самочувствие было восстановлено, однако мысли почему-то поползли в весьма невесёлом направлении. Впрочем, слово «почему-то» содержало в себе больше иронии, чем удивления.

Я вдруг подумал, что моя ситуация схожа с той, в которую господин Дефо поставил своего находчивого персонажа. Безусловно, можно в любое время

сесть в электричку и вернуться, но этот поступок означал бы, что я признаю несостоятельность собственных мечтаний и свою слабость. А что может быть страшнее, чем осознание слабости. Возвратиться в город, сказать друзьям, что я такой же, как они, и не могу без этих огней, без этих трамваев и ночных клубов. Нет, этого я сделать не мог. Если героя Дефо окружал океан воды, который он не мог переплыть физически, то меня окружал океан собственных комплексов, который я не мог преодолеть психологически, и ещё неизвестно, кому из нас было сложнее.

А потом я вспомнил, как в минуту особо мощного приступа тоски герой Дефо решил провести психотерапевтический сеанс и, разделив бумагу на две колонки, перечислил в одной плохие, а в другой хорошие стороны своего положения, после чего проанализировал написанное и несколько воспрянул духом.

Авторучка у меня была, и имелось немного обёрточной бумаги для растопки. Я оторвал солидный клоч и провёл на нём вертикальную линию. Слева написал слово «плохо». Внимательно поглядел на него, будто впитывая зловещую энергетику этих пяти букв и, поставив двоеточие, начал перечислять:

«1. Я сижу посреди дачного комплекса, никого из его обитателей не знаю и знать не хочу.

2. Мне абсолютно нечем себя занять.

3. Все мечты, которые в городе казались сказкой, здесь кажутся бессмысленными и глупыми.

4. Я здесь уже пятый день и уже пятый день я пью без остановки и поводов для остановки не вижу.

5. Всем своим друзьям я сказал, что проведу здесь не менее трёх недель, что мне и придётся сделать, а потом врать, как мне здесь было замечательно».

Что ж, пять букв и пять полновесных пунктов. Я безрадостно усмехнулся. В слове «хорошо» на одну букву больше: многообещающий факт.

Через полчаса я сжёг бумагу в камине. Руки тряслись от злости. Правая половина осталась чистой. Я не смог ничего придумать, кроме единственной выдающейся фразы: «Хорошо, что здесь есть магазин». Разумеется, её я записывать не стал. Я проклинал Дефо и описанного им идиота и думал, что при всём своём показном реализме литература похожа на жизнь не больше, чем вишнёвое варенье похоже на органические удобрения.

Хотел было вздремнуть ещё немного, но, вспомнив, какой болью ознаменовалось последнее пробуждение, не решился.

Потом внезапно осознал, что уже сутки как я ничего не ел, если не считать едой дешёвый порт-

вейн. Голода я не ощущал, это меня насторожило. Пошёл на кухню и заварил картофельное пюре. Редкостная гадость, но удобно, посуда идёт в комплект — не надо мыть. Съел до последней ложки.

Дорубил вчерашнюю берёзу. Несмотря на ранний час, припекало уже прилично: я весь взмок. Спасительное опьянение выходило из меня, будто вода из прохудившейся бочки: быстро и неотвратимо. Что-то похожее на ушедшую боль начинало поглаживать мозг. Это была ещё не сама боль, а скорее её предчувствие. Лёгкая пульсация в висках, которая могла ничего и не значить.

Спрятав топор, я вернулся в дом. Было всего одиннадцать часов. Я выкурил две сигареты, пульсация усилилась, от табачного дыма уже мутило. Поглядел на часы: десять минут двенадцатого. Надо было что-то менять.

Вдруг раздался неприятный требовательный писк. Я вздрогнул от неожиданности. Оказалось, что это всего лишь телефон сигнализирует о том, что энергия батареи на исходе. Включив зарядное устройство, отметил что за эти дни не поступило ни одного звонка. Перед отъездом я оповестил всех, кого считал друзьями, о своём грядущем отшельничестве, но, насколько помню, никому из них я не говорил, что буду огорчён, если мне позвонят и просто спросят, как у меня дела: не тоскую ли я, не мучает ли меня бессонница, не болит ли голова.

Впрочем, в толковом словаре написано, что дружба — это близкие отношения, основанные на взаимном доверии. О необходимости тратить деньги на телефонные звонки там ничего не написано, так что всё нормально.

В конце концов, промаявшись ещё с полчаса, я взял покрывало, сунул в сумку первую попавшуюся книгу и отправился на пляж, хотя терпеть не мог как загорать, так и купаться.

Дорога, ведущая к пруду, лежала в стороне от магазина, но что такое лишний километр для пустытника, приметившего оазис.

В магазине меня ожидал сюрприз: вместо одутловатого, ставшего уже почти родным видения, за прилавком стояла невероятно худая молодая особа. Косметика, покрывающая её лицо, могла бы ослепить добрый десяток цирковых клоунов.

К моему ужасу, она принялась кокетничать и набиваться в знакомые. Пыталась выяснить, кто я, откуда и нет ли в моих планах белых пятен. К счастью, в магазин вошла пожилая пара, и я улизнул, забыв даже сдачу. В сумке лежали поллитра водки, апельсиновый сок и две большие бутылки с пивом. Водку и сок я взял с прицелом на вечер: решил побаловать себя коктейлем. Голос рассудка, пытавшийся утром вести антиалкогольную кампанию, в этот раз промолчал.

На пляже, к моему удивлению, оказалось полно народа, хотя час был ещё достаточно ранний. Цветущая вода никого не смущала: сограждане бойко плескались в ней, оглашая окрестности жизнерадостным визгом.

Бледные зимние тела лежали на покрывалах, торопясь обменять аристократический оттенок кожи на плебейский загар.

Появление небритого герцога с сумкой, набитой алкогольной продукцией, никого не впечатлило, и желающих получить автограф не нашлось.

Я выбрал место подальше от воды и, раздевшись, разлёгся на солнцепёке. Пульсация в висках ещё усилилась, но у меня имелось достаточно средств для борьбы с нею.

Пиво было тёплое и на вкус малоприятное. Я откровенно давился, но упрямо проталкивал его в желудок, говоря себе, что это лекарство, которое необходимо принять, единственное обезболивающее средство, нашедшееся на скудных полках местной аптеки.

Достал книгу. Долго смотрел на неё, не веря своим глазам. Это был орфографический словарь.

Должно быть, я случайно сунул его в сумку в день переезда, и надо же такому случиться, случайно выбрал его из груды книг, собираясь на пляж. Впрочем, я не стал плакать по этому поводу: желания читать не было в любом случае, а когда его нет, можно посидеть и с орфографическим словарём.

Я принялся механически переворачивать страницы, а сам в это время ненавязчиво рассматривал пляжную публику. И что-то походящее на болезненное прозрение посетило меня тогда. Не знаю, в силу каких причин, но я почему-то был уверен, что мне стоит выйти за калитку и возможности завести приятное знакомство будут подстерегать меня за каждым поворотом.

Напрасно я сжёг тот листок бумаги. У меня появился отличный повод внести ещё один пункт в первую колонку: «Здесь нет и в принципе не может быть свободных женщин».

Буйная атмосфера городских клубов и дискотек выковала в моём сознании этот стереотип, эту опасную иллюзию вседоступности.

Но откуда было взяться вседоступности среди нагромождения дач за пятьдесят километров от гипноза неоновых огней и тяжёлых монотонных ритмов, исторгаемых чёрными динамиками.

Женщин здесь было предостаточно, прекрасных молодых женщин в далеко не целомудренных пляжных нарядах. Женщин, казалось, специально созданных для приятных знакомств. Но рядом с каждой из них стояли внушительных размеров туфли, при виде которых я чувствовал себя идиотским туристом, зашедшим на выставку скульптур, где на

каждом шагу торчат таблички с надписью «Руками не трогать!».

Я раздражённо бросил словарь на покрывало. Досада, злость — всё это не совсем отражает овладевшее мною состояние. Возможно, нечто похожее мог бы испытать человек, который всю жизнь копил деньги, а потом вдруг наступил коммунизм и оказалось, что они теперь никому не нужны. Это отнюдь не чувство потери — ведь ничего, в сущности, не потеряно. Это, скорее, отвратительное, как зубная боль, как похмельная тошнота, ощущение всё той же всеобщей бессмысленности, от которого я уже не знал, как избавиться.

Тем временем воздух продолжал накаляться. И без того тёплое пиво сделалось почти горячим. Правда, чем больше я пил, тем меньше мне было дела до таких пустяков, как температура и вкус напитка.

На женщин я уже не смотрел. Мне хотелось скорее прикончить бутылку и уйти. Странно, но среди этого скопления праздных пляжников одиночество ощущалось гораздо острее, чем в стенах тихого пустого дома, и я подумал, что, как глупцу для осознания своей глупости надо попасть в умную компанию, так и одинокому человеку для того, чтобы прочувствовать всю степень своего одиночества, необходимо оказаться в толпе.

Короче говоря, открывать вторую бутылку на пляже я не собирался, тем более что, сколько я мог заметить, здесь не было ничего хотя бы отдалённо напоминающего уборную, а чахлые кусты подходили для этой роли не больше, чем фонарные столбы на городской площади. Впрочем, окружающий люд пил, и пил весьма активно, что поначалу казалось довольно загадочным. Я забыл, что, в отличие от меня, они исправно навещают прохладные воды пруда. Когда-то этот пруд был для меня чем-то в высшей степени романтическим. Что ж, романтизм не плох, пока накачавшийся пивом дачник не разбавит его каплей сурового и едкого натурализма.

Я сидел на старом покрывале, изнемогая от зноя и навязчивых депрессивных размышлений. Я пытался отыскать источник этих парадоксальных несоответствий, анализируя события с того дня, как в первый раз купил газету с объявлениями. Однако ничего не удавалось. Поток мыслей до поры тёк размеренно и красиво, всё было понятно, логично и непротиворечиво, а потом без всяких, казалось бы, оснований поток этот вдруг, бурля, обрывался в какое-то ущелье, где всё шло наперекосяк, где всё было неправильно, но в то же время отдавало дикой необузданной предначертанностью. Сперва мне казалось, что мутация мечты началась с момента, когда перед моими глазами появилось глумливое красное пятно, по крайней мере мне хотелось так думать. Однако одна нехорошая, не

имеющая объяснения, но необычайно липкая мысль упрямо выползала из сознания. Я болезненно морщился от этой мысли, пытался загнать её назад, но никак не выходило. Разумеется, я не воспринимал её всерьёз, понимая, что это уродливое, нежизнеспособное дитя меланхолии, но подобное понимание утешало плохо. Эта мысль, мерзко попискивая, пыталась утверждать, что не красное пятно явилось точкой отсчёта для бессмысленного блуждания по убогому клочку пространства. Она пыталась утверждать, что всё начиналось раньше, гораздо раньше, а именно в тот миг, когда тьма сменилась резким безжизненным светом родильного отделения и пронзительный крик возвестил, что ещё один комочек мяса брошен в холодный раструб мировой мясорубки.

За этими милыми рассуждениями я не заметил, как опустела бутылка. Оставалось всего несколько глотков. Внезапно сделалось противно и тоскливо как никогда. Вспомнил о водке, лежащей в сумке, с какой-то мстительной радостью. Да-да, именно мстительной, как ни глупо сошлется это слово рядом со словом «водка». Мсть заключалась в том, чтобы спрятаться от издевающейся над тобою реальности в пусть недолговечный и хрупкий, но бесконечно уютный панцирь опьянения. И пусть себе реальность бесится и брызжет слюной, глядя, как тебе хорошо и спокойно.

А потом я почувствовал чей-то взгляд. Случилось это, когда я запрокинул голову, чтобы допить микстуру. От неожиданности пиво попало в дыхательное горло. Я зашёлся в приступе колющего, разрывающего грудь кашля, стуча ладонью в солнечное сплетение и ругаясь мысленно последними словами.

Когда кашель утомился, я зашвырнул бутылку в кусты позади себя и раздражённо огляделся.

Глаза, из-за которых я поперхнулся, принадлежали женщине. Она сидела на надувном матрасе метрах в тридцати от меня и едва заметно улыбалась.

Мне отчего-то сделалось не по себе. Я отвернулся, стараясь пропитать лицо безразличием. Вновь повернул голову. Она не отвела взгляда, продолжала смотреть и улыбаться. Я ненароком подумал, что отборные сорта винограда, одобренные подогретым пивом, сыграли с моим лицом какую-то злую шутку, но почему тогда никто другой не удостоил меня вниманием.

Она смотрела. Я не выдержал и опустил глаза. Хотел было встать и уйти, тем более что я действительно хотел уходить, когда опустеет бутылка. Потом осознал, что это будет похоже на бегство, а мне вовсе не хотелось, чтобы кто бы то ни был думал, что меня можно напугать одним взглядом.

Женщина, надо сказать, выглядела отменно, и словосочетание «выглядела отменно» вовсе не имело ничего общего с глупой и жестоко избитой фразой «была красива», и если кто-то скажет, что никогда не видел более страшного создания, чем она, я не стану спорить.

Каждый глаз по-своему преломляет солнечные лучи, и в каждом мозге гнездится своя доморощенная метафизика.

Однако метафизика метафизикой, а она всё смотрела, продолжая щекотать мою нервную систему, и без того расшатанную за последние дни.

Я неспешно закурил, стараясь не делать резких нелепых движений, какие могли показать моё волнение. Волнение, которое я приписывал как раз той самой злополучной истощённости нервов, полагая, что в лучшие времена вёл бы себя несколько иначе: понаглее и поувереннее. И уж во всяком случае не искал бы спасения в сигарете, тем более что курить в этом пекле было неприятно.

Теперь, когда муть осела и появилась возможность если не для холодного анализа, то хотя бы для спокойной реконструкции тех событий, я понимаю, что на женщину мне было, в сущности, наплевать, как и на её улыбки и взгляды. Меня раздражала не она, а моё собственное бестолковое и затхлое существование, причём в широком смысле слова, а не в смысле существования на даче. Дача явилась всего лишь катализатором, ускорившим распад наивного благодушия, и я не сделал ничего, чтобы этот распад остановить, предпочитая плыть по течению и убеждать себя, что во всём виновато красное пятно.

Собираясь на пляж и теша себя мыслью о каких-то знакомствах, я, в сущности, изобретал мнимую цель, всячески загоняя в подсознание понимание полной бессмысленности собственных деяний.

Я просмотрел момент, когда женщина пришла на пляж, но она, судя по всему, пришла одна, и её интерес ко мне был слишком явным, отчасти даже навязчивым. К тому же, как уже упоминалось, выглядела она отменно, а я который день страдал от одиночества и меланхолии.

Однако я сидел на покрывале, вдыхал с упрямым отвращением табачный дым и чувствовал себя почему-то отвратительно и неуютно. Я точно попал в положение человека, который на каждом углу кричал: «Дайте мне соответствующий рычаг, и я переверну Землю», — прекрасно понимая, что никто ему этот рычаг не даст, а значит, можно кричать всё что угодно без ущерба для авторитета. Но вдруг бедолаге подносят с поклоном этот самый рычаг и ехидно говорят: «Вот вам то, о чём вы так настойчиво мечтали, будьте добры исполнить обещанное». И бедняге остаётся только растерянно

молчать, не зная, как поступить: признаться всем и в первую очередь себе, что крики на каждом углу — обычное бахвальство, или продолжить опасную игру в самообман, утверждая, что этот рычаг не годится, что нужен какой-то другой, более мощный.

Опять эта двойственность. Ложное ощущение выбора. В самом деле, прыгнуть с десятого или с девятого этажа — это тоже своего рода выбор, и человек, не желающий погибать, конечно, выберет девятый, полагая, что надежды на благоприятный исход здесь больше.

Оставшись на покрывале и не сделав никаких попыток наладить общение, я так же выбрал девятый этаж, потому что к женщине подошёл солидных габаритов гражданин и бесцеремонно уселся рядом с нею на надувном матрасе. Он приобнял её за талию и принялся что-то нашёптывать. По всей видимости, это был её муж. Я, минутой раньше прячущий взгляд, теперь смотрел не отрываясь, испытывая жуткое раздражение, вызванное какой-то совсем уж бессмысленной и глупой ревностью.

Рычаг, который мне поднесли, оказался фальшивкой, однако я уже успел показать свою несостоятельность, и было поздно отпираться, что вдвойне неприятно.

Единственное, что немного меня утешило, это выражение лица женщины. На нём появилось нечто вроде брезгливой отчуждённости. Кто бы ни был этот гражданин, радости от общения с ним женщина испытывала немного.

Я смотрел во все глаза нагло и совершенно позабыв об осторожности, хотя самое разумное, что можно было сделать, — это встать и уйти. В другое время я, скорее всего, так бы и поступил, но тогда удушающая непреодолимая скука вкупе с хроническим опьянением начисто парализовала во мне то, что принято называть рассудительностью, и я как-то не подумал, что если достаточно долго и неприкрыто смотреть на человека, он рано или поздно это почувствует.

Так и получилось: он повернул голову, и, хотя на лице его были солнцезащитные очки, я явственно увидел недоумение и злобу за этими чёрными стёклами, и мне была более чем понятна природа этих чувств. Разумеется! Какой-то герцог небритый имел дерзость уставиться на лучезарную морду их величества. Я с большим трудом сдержал усмешку, но в следующую секунду раскалённое солнце вдруг дохнуло холодом, и внутри меня всё напряглось и зазвенело. Он убрал руку с талии женщины и сделал движение, из которого я безошибочно заключил, что сейчас ко мне подойдут для отнюдь не дружеского знакомства.

Он был на голову выше меня и весил, должно быть, раза в полтора больше. Я же не владел ника-

кими хитроумными единоборствами, способными компенсировать эту разницу, а ружьё осталось дома за холодильником. Всё это выглядело весьма скверно и неперспективно, и единственным, хотя очень сомнительным плюсом было то, что я ненадолго избавился от скуки.

Но нашему знакомству не суждено было состояться, потому что женщина схватила этого идиота за шорты, и его опасная решительность тотчас испарилась. Я не мог слышать их последующего диалога, но, судя по любопытным взглядам, которые бросали на них соседи, послушать этот диалог стоило. Мужчина явно пытался в чём-то оправдываться: он разводил руками и делал большие глаза. Очки он снял и без них сделался похожим на неандертальца: выпуклые надбровные дуги и маленький скошенный лоб — хоть сейчас в музей антропологии.

Женщина вела себя очень агрессивно. Это было заметно, хотя она, по-видимому, пыталась себя сдерживать. Я не умею читать по губам, но уверен, что слово «дурак» прозвучало, как минимум, дважды, причём «дурак» нимало не обижался, а лишь продолжал разводить руками да нелепо раскрывать свой неандертальский рот в попытке вставить оправдательное слово. Это выглядело исключительно смешно, но я в те минуты отчего-то испытывал не злорадство, вызванное унижением супостата, и не облегчение от того, что наше знакомство не состоялось. Я вдруг почувствовал себя уязвлённым. Какая-то нездоровая и неуместная, казалось бы, гордыня не хотела мириться с тем, что спасением я обязан женщине. Это было для меня удивительно и ново, потому как я никогда не относился к фанатам патриархальных традиций и не впадал в истерику, увидев женщину на трибуне законодательного собрания. Хотя за эти пять дней я обнаружил в себе столько удивительного и нового, что уже не знал, что со всем этим делать и уж точно могу сказать, что это удивительное и новое доставляло мне одни неприятности.

Неожиданно вернулся ветер. Вода покрылась рябью. Мелкие песчинки взвились над пляжем. Я прикрыл ладонью глаза. Жаркий сухой воздух бил в лицо. Захотелось пить. В сумке лежала коробка с апельсиновым соком, но с ним были связаны вечерние планы. А возвращаться в магазин, где меня поджидает жертва косметологии, было неразумно. В любом случае, хотелось мне пить или не хотелось, здесь делать больше было нечего. Подумав об этом, я тоскливо сплюнул на песок. «Делать больше нечего». Забавное слово это «больше». Лежать под изнуряющим солнцем в окружении дачников, лопающихся от примитивного счастья, и насильственно проталкивать в себя отвратительное пиво — что ж, возможно, это и называется «что-то делать».

Порывы ветра несколько стихли. Я опустил руку и увидел, что женщина успела одеться и выпустить воздух из матраца. Её веселый спутник неуклюже топтался рядом, бросая в мою сторону взгляды голодного пса, которого сдерживает только крепкая цепь. Перед тем как уйти, он выбрал момент и укрдкой, чтобы «хозяйка» не заметила, показал мне кулак, похожий на небольшой арбуз. Я едва не расхохотался при виде этой детской выходки, показывающей всю степень его беспомощности. Пришлось спешно закурить очередную сигарету. Услышав мой хохот, он чего доброго мог сорваться с цепи, несмотря на всю её крепость.

Когда они скрылись за кустами, я тотчас выбросил нестерпимую сигарету и, быстро собравшись, пошёл домой. Шёл я медленно. Считал шаги. Совершенно неясно, откуда взялась эта навязчивая потребность. Странно, но я мог в это время размышлять о чём угодно: счёт шел сам собою, словно бы на заднем плане сознания. С некоторым опасением я подумал, нет ли в медицине названия подобной потребности.

Но узнать точное количество шагов, отделяющих дом от пляжа, мне не удалось. Когда идти оставалось всего ничего, я споткнулся и едва не упал от изумления. За невысоким зелёным заборчиком, метрах в пятнадцати от меня, склонившись над клубничной грядкой, стояла женщина с пляжа. Типа, показавшего мне кулак, поблизости не было. Он бы, наверное, подумал, что я слежу за их милым семейством. Я не стал разглядывать особенности их дачного участка и ускорил шаг, успев только отметить, что их дом поменьше моего, а на крыше нет трубы. Я думал, что женщина меня не заметила, но ошибся.

Она вышла на дорогу, когда я открывал свою калитку. Она никуда не собиралась идти: просто стояла и смотрела.

Теперь она знала, где я живу, а я знал, где живёт она, впрочем, мне эта информация была без надобности. После того, как был показан тот кулак, я несколько охладел к дачным женщинам, поняв, что все они отмечены тавром принадлежности. Однако то, что мы оказались почти соседями, и особенно то, что она вышла на дорогу, само по себе было достойно некоторого удивления, но я настолько устал от зноя, от тяжести сумки и от назойливой необходимости считать шаги, что просто вошёл в дом и, упав на диван, заснул, успев лишь подумать, что глубокий сон без сновидений, как репродукция смерти. Что называется, похоже, но нет того совершенства.

Я получил возможность убедиться в этом через пять часов, когда неподалёку от моего уха дурным голосом заорал телефон. Я вскочил, толком даже

не понимая, где нахожусь и что за вопли сверлят сонное сознание. Сослепу сбил со столика пустую бутылку из-под портвейна. С громким стуком бутылка ударилась о кирпичную кладку камина, и от неё откололось горлышко. Телефон смолк, удовлетворившись произведённым эффектом. На горящем экране чернело слово «сообщение». Сообщение пришло от одной старой знакомой. Она предлагала вечером развеять печаль под крышей уютного ночного клуба.

Я несколько раз перечитал, пытаюсь понять, что это: грубая шутка или тонкое издевательство. Потом сонные мысли немного прояснились, и я вспомнил, что как раз ей ничего не говорил о своих планах на отпуск. Морщась, точно от зубной боли, я нажал кнопку вызова. Она ответила сразу. В моём согласии, по-видимому, не сомневалась и, услышав о какой-то даче за пятьдесят километров от ночных клубов, подумала, что это неудачное проявление юмора.

Посмеиваясь в душе, я повторил, что действительно нахожусь столь далеко и к тому же совершенно один.

Наконец она убедилась в моей правдивости и, не мудрствуя лукаво, заявила, что я, должно быть, свихнулся, раз нахожусь заманчивым подобное проведение досуга, и попросила позвонить после того, как отремонтирую голову. Это была суровая честность. Я почувствовал лёгкое уважение к этой незатейливой, но здравомыслящей особе и решил, что непременно позвоню ей, если, конечно, сбудется пожелание, касающееся головы.

Я отворил дверцу тумбочки, чтобы убрать телефон: предчувствие подсказывало, что новых сообщений ждать едва ли стоит, да я и не желал их. Разговор оставил тягостное впечатление. Словно я лелеял и берёг от чужих прикосновений некую бесконечно драгоценную идею, возможно, сознавая её иллюзорность и утопичность, но тем сильнее продолжая лелеять и беречь. И вдруг заходит какой-то радикал-примитивист и с порога заявляет грубо и недвусмысленно, что сосуд, который я берегал для особенного знаменательного дня, пусть, что субстанция, которую я избрал символом своего перерождения, оказалась вакуумом.

И мне вдруг подумалось, что, невзирая на внешнюю весёлую простоту, эти примитивисты — страшные люди.

Будь моя воля, специально для них создал бы и записал восьмую заповедь, не менее значимую, чем семь общеизвестных: «Не прикасайся к чужим иллюзиям».

Телефон я однако не выключил, просто засунул в тумбочку. Не хотелось обрывать единственную нить, натянутую между городом и дачей.

В тумбочке что-то лежало. Я нагнулся. «Что-то» оказалось коробкой с патронами. Когда положил ее в тумбочку, я не помнил, да и не старался вспомнить.

В гораздо большей степени меня занимала программа на сегодняшний вечер, а вернее полное отсутствие таковой. У меня имелась водка и имелся апельсиновый сок: здесь фантазия заканчивалась.

Самочувствие было сносным. Это выражалось в отсутствии боли и тошноты. Что касается меланхолии и скуки: они, разумеется, были здесь, сидели рядом на старом диване и ухмылялись, словно вопрошая, чем же я намерен заняться. Ответа у меня не было.

Вдруг я уловил какой-то неприятный въедливый запах. Я встал и принялся ходить по комнате, пытаюсь определить его источник. Запах то отступал, то вновь накатывал, казалось, он повсюду.

А потом в тишине одинокого дома раздался смех. Смех этот был надрывным и болезненным. Я смеялся и не мог остановиться. Несмотря на это, мною внезапно овладел страх. Я испугался собственного смеха. Смеха, вызванного тем, что источник запаха наконец отыскался. Вот уже неделя прошла с того дня, когда я последний раз мылся и менял одежду, а если вспомнить, что и бритвенные принадлежности были забыты в городской квартире... В общем, всё это были весьма странные поводы для смеха. Но в то же время это были весьма уважительные причины для того, чтобы съездить в город. Однако я понимал, что стоит мне перешагнуть городскую черту, и сюда я уже не вернусь, а если и вернусь, то ни в коем случае не один.

И странное упрямство твердило мне: «Ты хотел этого, ты мечтал об этом, и это было тебе дано, так что плачь, смейся, упади на пол и стучи кулаками по старому паласу, но не смей даже думать о том, что где-то совсем близко есть железнодорожная станция и зелёная электричка с деревянными скамейками внутри. У тебя будет время вспомнить об этом... через две недели, а пока сиди и дыши воздухом первозданной независимости».

Мой взгляд остановился на спортивной сумке. Придя с пляжа, я поставил её у дивана, забыв убрать спиртное в холодильник. И сок, и пиво, и водка оказались горячими и совершенно непригодными для питья.

Я разобрал сумку. Бросил подлый словарь к остальным книгам. Поставил остывать напитки.

После этого вскипятил воду в небольшой кастрюле. Грязь не доставляла коже неудобств, но её въедливый запах нагонял уныние.

На предметах уже лежал чуть заметный оттенок ранних сумерек. Жар начинал спадать. Лёгкий ветер пах цветущими полями. Мир вокруг меня сде-

лался особенно уютным и немного печальным, но я не ощущал этого уюта и этой нежной печали — одно только раздражение и отвращение к предстоящей процедуре омовения.

Это и впрямь получилась отвратительная, неэффективная и крайне некомфортная процедура и уж точно не стоящая того, чтобы её описывать. В общем, на то, чтобы помыться и выстирать одежду, понадобился целый час времени и целая бездна непечальных ругательств.

Одежду я развесил на перилах. На мне остались лишь джинсы. Запах больше не ощущался, и, что самое странное, немного просветлела чёрная, точно мазут, туча депрессии. На какое-то мгновение мне почудилось, что мечта совсем рядом, что она, быть может, на расстоянии вытянутой руки и ждёт, ждёт, когда небритый, пропитанный спиртом идиот увидит её. И будет огонь, потрескивающий в камине, будет книга на коленях, и тишина, и аромат сосны, и умиротворение — словом, всё то, что я рассчитывал купить, отсчитывая деньги старику.

Спешно, стараясь не спугнуть момент, я скатился по лестнице.

Рванул белую дверцу. Руки тряслись от нетерпения. Плеснул на четверть водки в стакан, оставшиеся три четверти заполнил апельсиновым соком. Задержал дыхание и не отрываясь влил в себя получившийся коктейль, закрыв глаза от странного мучительного наслаждения.

Холодная горько-сладкая жидкость. Прекрасная жидкость. Единственная вещь, понимающая, где таятся уязвимые места меланхолии. Пусть сварливые, вечно недовольные умники кричат, что глушить меланхолию водкой всё равно, что пытаться утолить голод водой: иллюзия наполненности, не дающая ничего, кроме обострённого ощущения пустоты на финише. Пусть кричат. В мире достаточно воды, чтобы вновь и вновь заполнять полосты жизни.

Поддействовало очень быстро. Будто мягкая тёплая шаль окутала тело, и в теле этом проснулась сила, требующая пищи отнюдь не духовной. Я с лёгкой грустью вспомнил тот день, когда редела соседская поленица и сочное мясо, пропитавшееся дымом костра, таяло на языке. Это время прошло. Настало время эрзац-еды: всевозможных химических соединений, превращающихся под воздействием кипятка в сытные кушанья. Впрочем, я сам этого хотел.

Быстро поужинав эрзац-супом из пакетика с надписью «борщ», я решил, что пришла пора зажечь огонь в камине.

Подготовка прошла в какой-то необычайной торжественности. Точно финикийский жрец, я слагал костёр, чтобы наконец-то порадовать своего

Молоха. Убрал в пакет пустые бутылки, придвинул поближе к камину кресло и столик, на котором радовали глаз напитки и сигареты. Всё отчетливее проступали контуры старой идиллии на сером холсте хандры.

Сухое дерево занялось сразу. Энергия солнца, питанная листьями, выпитая корнями из влажной земли, бесцельно рассеивалась в темноте. Тяга оказалась превосходной: ни малейшего признака дыма в комнате. Я сел в кресло. Было очень удобно. Смешал отменную порцию водки и сока в стакане. Хорошо, что в доме есть холодильник. Коктейль получился немного крепче, чем в первый раз. Это тоже было хорошо. Я тянул холодную, обжигающую нёбо влагу и слушал шёпот огня.

Веки мои были опущены, точно старый театральный занавес, скрывающий декорации. И я не спешил поднимать этот занавес. Мне было достаточно того, что давал слух, и того, что давали рецепторы вкуса.

Потрескивание, и сладковатая горечь, и запах сосны, и покой: покой, показавшийся мне в те короткие минуты безошибочным и совершенным. Словно всё, что случилось прежде, всё это бессмысленное блуждание по коридорам меланхолии, затянутым паутиной быта, всё было лишь смутным и болезненным предчувствием покоя. Не знаю, сколько длилась эпоха смешного самообмана, быть может, десять минут, быть может, полчаса: я не смотрел на циферблат. Но точно знаю, что окончилась та эпоха, когда стакан опустел и старый театральный занавес поднялся, открыв взору декорации.

И это было грустное зрелище. Мир, скроенный из бледного картона, мир мутных пыльных стёкол, из-за которых скалятся тёплые статуи.

Я сдвинул пустой стакан. Пальцы побелели. Я чувствовал себя кокаином, расплавляющимся за минутный рай. Точно я шёл по аллее: тёплая южная ночь, красивое пение птиц и вдруг конец тропы и падение в выгребную яму. И всё это казалось вдвойне страшнее от того, что не имело объяснения. Внешне ничего не изменилось. Да, огонь потрескивал в камине. Но это был просто огонь. Кучка деревяшек медленно обугливалась в окружении кирпичей, и больше ничего. Неужели можно обрести покой от того, что среди кирпичей обугливается кучка деревяшек? Абсурд... Коктейль. Терпкая горечь. Что это? Счастье? Дешёвая водка, разбавленная апельсиновой мерзостью. Шесть дней алкогольного счастья и груды макулатуры на полу.

Тяжело дыша, я поднялся с кресла. Взял первую попавшуюся книгу. Сколько раз я читал эту чушь? Два? Три? Я сжал губы и бросил книгу в камин, с каким-то нелепым воодушевлением глядя на

чернеющую бумагу. Огонь читал медленно, но я знал, что нет на свете более внимательного чтеца. Он ничего не пропустит. Ни одна буква не уйдёт от его пристального взгляда. Я засмеялся и одну за одной принялся кидать книги в огонь, без разбора, не глядя на обложки. Огонь бодро загудел. Невесомый пепел взвился над камином.

А потом я опомнился. Опомнился, когда половина книг превратилась в серый прах. Я сдвинул голову ладонями и на какое-то время застыл, слушая, как гудит огонь и взбесившаяся кровь стучит в висках. Затем медленно подошёл к столу. Залпом выпил полстакана чистой водки. Вкуса я не почувствовал: обожгло немного. Я не понимал, что случилось, и не хотел понимать.

В психиатрии я не разбирался, но нечто подсказывало мне, что произошедшее книжное аутодафе вполне может иметь какое-нибудь хитрое медицинское название. Впрочем, мне было на это наплевать.

Книг было жаль. Я чувствовал досаду и дискомфорт, но эти ощущения слегка запоздали. Пепел — это итог, а итоги не пересматривают — их подводят.

Стало немного полегче, должно быть, от водки.

Хотел было включить телевизор. Не включил. Мой взгляд споткнулся об идиотскую ухмылку. Валет смотрел на меня, явно издеваясь. Рядом лежала книга. Та самая, которую я обнаружил на полке в кладовой, когда искал топор. Я протянул руку. Вернулся в кресло. Налил и выпил ещё. Быстро пролистал книгу, не вглядываясь в слова. Потом вернулся в начало. Зачем я взял эту книгу с телевизора? Кто забыл её в пыльной утробе кладовой?

Помнится, я хотел полистать её «как-нибудь, при случае». Что ж, случай представился. Я только что спалил в камине половину любимых книг. Прекрасный повод заполнить пустоту чем-то новым, пусть даже это будут стихи. Почему нет? Я опять ощутил столь частое в эти дни раздражение.

Почему каждому своему действию непременно надо искать обоснование? На кой чёрт все эти прекрасные поводы, удобные случаи, все эти «зачем я взял книгу», «зачем я пью», «зачем я пошёл по той дороге, а не по этой». К чему весь этот идиотизм? Почему ничего нельзя сделать просто так?

Ещё немного водки. Никаких «зачем». Два глотка божественной гадости, и все очень просто, слишком просто. Подбросил дров в камин. Теперь огонь уже не имел значения, но я не хотел, чтобы он погас. Возможно, это было что-то вроде тени первобытного инстинкта, отголоска времён, когда слово «огонь» и «жизнь» обозначались каким-нибудь одним общим звуком. Впрочем, и сегодня идентичность последних букв указывает на их древнее родство.

Сделав данное филологическое открытие, я отхлебнул божественной гадости из горлышка и закурил. Опынение, ставшее таким родным и привычным, накатывало и отступало, будто волны прибоя, оглаживающие прибрежные камни. Однако никакой радости я не испытывал. Представил свою знакомую, отплясывающую в свете переливающихся огней. Странно, но зависти не было. В сущности, какая разница. Там такая же водка, такой же апельсиновый сок и сигареты. Музыка? Но кто мешал мне включить магнитофон и заскакать по комнате? Люди? Да, людей здесь нет. Неужели всё сводится к ним? Но я никогда не ощущал такого приторного одиночества, как на пляже, где было тесно и шумно. Свои люди? Но есть ли на этой земле хоть кто-нибудь, подходящий под это непонятное определение «свои». Я мутно посмотрел на тумбочку: «свои» молчали, и мне не в чем было их упрекнуть. Ведь я не мог составить компанию на развесёлой вечеринке, не мог одолжить денег, я вообще ничего не мог. Я стал голосом в телефонной трубке, а что такое голос? Звук и ничего больше, а город и без того полон звуков.

Я опустил глаза. Книга лежала на коленях. В бутылке водки осталось не больше, чем на четверть: буквы словно разбухли и теперь теснились и напозлали друг на дружку. Читать мне уже не хотелось. Принялся перелистывать страницы, всматриваясь в названия стихотворений. Шрифт названий был крупным, а что ещё нужно уставшему зрению? Впрочем, мне казалось, что названий вполне достаточно для общего впечатления.

Тут я сделал ещё одно филологическое открытие. Я понял, что стихотворение, в сущности, похоже на пакетик из-под недавно съеденного супа. На пакетике большими красными буквами написано «борщ», а на обратной стороне маленькие черные строчки рассказывают, из чего этот «борщ» состоит, но я не читал этих строчек. Что они могли изменить? Разве что отбить аппетит.

Названия мелькали... «Враг», «Неудача», «Воздаяние гордости», «Искушение», «Отрава». И под каждым названием неизвестный мне автор растолковывал, из чего состоят все эти «Неудачи» и «Отравы», но это было не интересно, я без него это знал. По крайней мере, мне так казалось.

А потом передо мной возникло слово «Сплин», и пальцы замерли, потому что это было моё слово, слово, которое мне надо было вывести белой краской на красном полотнище и прибить эту вывеску над входной дверью большими гвоздями.

И это был тот самый единственный «борщ», состава которого я не знал, но хотел узнать чрезвычайно.

Я закурил очередную сигарету и сквозь зыбкую, изменчивую пелену дыма прочёл:

*Из урн потоками льёт черный холод нищий,
А недовольный всем брюзжащий плювиоз
На бледных жителей соседнего кладбища
И на предместия — туман смертельных грёз.*

*Худой, чесоточный, мой кот во мраке где-то
Всю ночь без отдыха скребёт бока себе,
И, зябнувший фантом, дух дряхлого поэта,
Печально жалуясь, блуждает по трубе.*

*И плачется сверчок... Дрова в печи дискантом
Акомпанируют простуженным курантам,
И в кипе сальных карт средь грязных королей*

*— Одной старухи дар, погибшей от водянки, —
Болтает, хороня былой любви останки,
С зловещей дамой пик пустой валет червей¹.*

Несколько минут, прошедших с момента прочтения, в точности не запомнились, но, кажется, и запоминать-то особо было нечего. Должно быть, я просто сидел с каменным лицом и почти парализованным сознанием, ничего не видя перед собой. Однако точно помню какой-то странный звук, какой-то скрип, тоскливый и жуткий, будто ржавые дверные петли ворчали по-стариковски на запоздалого ночного гостя.

Теперь я понимаю, что это был лишь треск поленьев, горящих в камине. Треск, неверно услышанный озадаченным мозгом. Теперь я понимаю.

Из того стихотворного ступора я вышел благодаря боли, ужалившей пальцы. Стлевшая до фильтра сигарета упала на раскрытую книгу, оставив на бумаге крохотную подпалину. Я стряхнул сигарету в камин и встал, не обращая внимания на ожог. Короткая ночь солнцестояния медленно наливалась соком. Свет я еще не включал. Стирающая детали полутьма казалась осязаемой физической субстанцией, вяло покачивающейся в такт с оранжевыми лоскутами огня. Скромная комната вдруг обрела зловещий готический колорит.

И мне сделалось страшно и неуютно в этой ожившей полутьме. Вспомнилась городская квартира: как улица нежно светилась за окном, и степенно катились неуклюжие красные трамваи, как соседи бранились за стеной, и чьи-то шаги стучали по бетонной лестнице подъезда.

Я поднёс к глазам загадочную книгу. Возможно, какой-то мрачный дух этого дома подбросил её на полку кладовой в утешение новому хозяину. Я смотрел на пять строгих чёрных букв и боролся с искушением бросить их в камин. Мне ясно виделось, как «сплин» съеживается и распадается, обра-

¹ Перевод А. Лозина-Лозинского.

щаяся в пепел. Это была заманчивая картина. Она была заманчива в своей простоте. Но я сдержал себя, зная, что это ложная простота. Пойти у неё на поводу означало уподобиться человеку, перед которым встало нечто ужасное и злобное и который во имя спасения взял нож и лишил себя глаз. Но какой смысл в этом жесте? Неужели человек надеялся спастись, спрятавшись под покрывалом тьмы? Неужели он не знал, что зверь куда опаснее и страшнее в темноте? Что толку закрывать перед ужасом глаза, если все равно ощущаешь его дыхание и слышишь мягкую вкрадчивую поступь? Что толку играть в прятки со зверем в его собственной норе?

Зверь, тьма, мрачный дух дома... Удивляюсь, как все эти вещи могли прийти на ум, обывательски неизощренный и, если не совсем практичный, то, по крайней мере, занимающий весьма ортодоксальную жизненную позицию. Что называется, «он был герцогом, и девиз на его гербе был прост: «Сидя за трапезным столом, гляди в тарелку».

Так я и делал всегда, нанизывая на серую нить жизни одинаковые бусины-дни: не было ни тьмы, ни духов, ни сплина.

*Болтает, хороня бывлой любви останки,
С зловецей дамой пик пустой валет червей.*

Я положил книгу на телевизор и взял карту, найденную под диваном в тот день, когда осела пыль, взметнувшаяся из-под колёс фургона. Ухмылка исчезла. Лицо валета было бледным, лишённым выражения. Я вглядывался в это лицо, искал в нем знакомые черты. И находил, находил, понимая в то же время печальный комизм этого поиска.

Вспомнил про оставшуюся в городе бритву, провёл пальцами по верхней губе. Да. Всё сходится. Это я. Это зеркало, в которое я смотрю пять дней напролёт. Это зеркало ухмылялось мне. Это я выпал из колоды незаметно для всех. Меня забыли на этой даче, и не думаю, что они заметили эту потерю. Не такая уж важная карта — валет, к тому же «пустой».

Именно «пустой». Я хотел узнать, из чего состоит этот «борщ». И оказалось, что он пустой, а все компоненты лишь видимость и подделка. Единственное, что оставалось неясным, — это «зловецая дама пик».

Не она ли пыталась осторожно войти, пока я в ступоре сидел у огня? Пыталась, но не вошла, наверное, испугавшись ворчания ржавых дверных петель. И кто скажет, выиграл ли я, избежав этой встречи?

Надо уезжать... Такая простая мысль. Как много надо вытерпеть, чтобы одна простая мысль пришла на ум. Пять дней и одна простая мысль. Надо

уезжать. Совсем. Никогда не возвращаться одному, лишь в компании. Жарить мясо, нести разную пошлую чушь, избивать до полусмерти инвалидов, играть в карты и пить, пить, пить, пока жгучая дрянь не встанет поперёк горла, пока проклятый мозг не захлебнётся и не замолкнет. Пить, пока есть силы бороться с тошнотой.

Я схватил со стола водку, с какой-то залихватской злобой выпил всё до капли, и в самое последнее мгновение остановил руку, уже занесённую для того, чтобы расколотить о стену бутылку. Она глухо стукнулась о палас и закатилась под кресло.

Я тяжело опустился на диван и замер, сжав голую ладонями.

Уже почти стемнело. Потухающий очаг походил на луну, мелькающую в прорехах хмурого ночного неба.

Надо уезжать. Но куда? Неужели там лучше? Неужели там будет другое небо над головой или другая земля под ногами? Или там одиночество другого сорта: более весёлое и уютное? Или тошнота и боль там приятнее и проще? Да, там есть многие неплохие вещи. Там есть горячая вода, есть станки для бритья и куча телевизионных каналов, есть клубы, дискотеки и парки с плюющимися водой фонтанами. Но какой во всём этом смысл? И вообще, что обозначает это трижды проклятое слово «смысл»?

Уже потом, много позже, мне представился случай ещё раз поразмышлять об этом, и под рукой, к несчастью, оказался толковый словарь, обещающий такое простое решение проблемы, что даже не верилось.

Помню, с каким ощущением я открывал эту лживую книгу — с ощущением, что я ухватился за какую-то эзотерическую ручку, привинченную к эзотерической двери. Это ж надо было додуматься до такого.

Отыскав нужную страницу, я прочёл следующее: «Смысл. Внутреннее содержание, значение чего-нибудь, постигаемое разумом».

Это было великолепно сказано. Всё равно что на вопрос надоедливового ребенка «Почему трава зелёная?» ответить: «Всё дело в хлорофилле, сынок», — подразумевая фразу «отойди и не мешай умным людям».

Однако мне не хотелось отходить, и я сделал ещё одну попытку, предположив, что это тонкая аллюзия и ответ надо искать совсем в другом месте, в разделе на букву «з», где притаилось слово «значение».

Я нашёл это слово и засмеялся злым искусственным смехом, жалея об одном: что этой книги не было под рукой в тот день, когда огонь учился читать.

«Значение — это смысл, то, что данный предмет обозначает».

Это было изысканное издевательство, чем-то напоминающее старую детскую забаву, когда у какого-нибудь мальчугана отнимают шапку товарищи-злодеи и начинают её перебрасывать друг другу, веселясь и упиваясь своей безнаказанностью.

Смысл — это значение.

Значение — это смысл.

Шесть миллиардов идиотов топчут планету, а через какую-нибудь сотню лет все они будут лежать в земле и их будут топтать другие. Вот и весь смысл. Вот и всё значение. Конвейер по производству праха. А слова «культура» и «цивилизация» — просто бирки, висящие на большом пальце ступни.

Да, надо уезжать, но уезжать некуда.

Очаг давно погас, а я все сидел, обхватив голову ладонями, не включая электричества. Потом незаметно для себя уснул. Впереди меня ожидало утро шестого дня, дня во всех отношениях знаменательного.

Началось все с того, что в половине седьмого утра я упал с дивана, неловко повернувшись во сне, и пребольно ударился левым локтем.

Не знаю, что это было: легкий вывих или тяжелый ушиб, в любом случае сустав опух, и рука практически перестала сгибаться. Самое отвратительное, что первоначальный приступ страшной боли, от которой лоб покрылся каплями пота, оставил после себя непроходящую ноющую ломоту, не слишком сильную, но вполне достаточную для того, чтобы все мои мысли сосредоточились на том, как от нее избавиться.

Не в силах ничего изобрести, я пошел к колонке и подставил локоть под струю ледяной воды. От этого полегчало, но стоило убрать руку, как боль возвращалась, точно большая назойливая муха.

Потом я вспомнил о бутылке пива, лежащей в холодильнике. Невесть какое обезболивающее, но все же.

Вспомнив о пиве, я вдруг с удивлением осознал, что вчерашняя водка не вызвала никаких последствий. Ни боли, ни тошноты — ничего. Мне была представлена возможность остановиться, но нелепое падение с дивана все испортило.

На то, чтобы опустошить огромную холодную посудину, мне потребовалось каких-нибудь сорок минут. И помогло это пиво: ноющая ломота отступила, и, хотя я по-прежнему не мог согнуть руку, появилось даже некоторое подобие хорошего настроения.

Воздух был изумительный. Со стороны холмов дохнуло свежестью, точно за ними шли невидимые дожди. Я облачился в высохшую за ночь одежду: вчерашний запах исчез. Ткань приятно холодила

кожу. Какое-то символическое обновление почудилось мне во всем этом. Обновление через падение и боль. Червонный валет продолжал глядеть с телевизора, и растрепанная книжница лежала рядом, но мне не хотелось думать о вчерашнем, и особенно о том, как сухая бумага корчилась в камине.

Я отнес в овраг пустые бутылки, не забыв и ту, которая закатилась под кресло.

А затем сложил в старое жестяное ведро серый прах и, выйдя за ограду, торжественно развеял его над дорогой, после чего помянул безвременно усопших порцией горячей лапши с соевым мясом, символизирующим бренность всего земного.

Вероятно, мое настроение сделалось бы совсем замечательным, если бы не скука. Но произошедшее обновление наполнило меня неизъяснимым мужеством и, взяв верную сумку, я отправился к местной «аптеке», дабы купить чего-нибудь от скуки. Было что-то около девяти утра. Дневная яркость гармонично сочеталась с прохладой. Шаги были легки и пружинисты. Я шел и считал их, плюнув на вчерашние опасения. В конце концов, кому какое дело до того, что по пыльной дороге идет небритый человек с большой спортивной сумкой и тихо считает шаги?

Войдя в магазин, я, к великому облегчению, увидел, что за прилавком чинно и величаво стоит богиня здравого смысла. Она поздоровалась со мной и заговорила о погоде. Я понимал, что ей в равной степени безразличны и я, и погода, но всё равно мне был приятен этот звук человеческой речи.

Учтиво побеседовав с богиней, я купил пять бутылок водки и две литровых коробки томатного сока, решив призвать гомеопатию на борьбу с «синдромом красных пятен».

Помню, как я вышел из магазина, как поглядел на чистое небо, закинув тяжелую сумку на плечо. Помню, как вновь принялся считать шаги. Единственное, чего я не помню — это сколько шагов я успел насчитать к тому моменту, когда хорошее настроение умерло от инсульта.

Я почувствовал сильный удар в спину в область правой почки и жгучую боль, от которой едва не свалился на дорогу.

Я резко обернулся. Ошарашенный мозг успел только отметить, что их трое и что двое почему-то кажутся смутно знакомыми, после чего меня потряс ещё один удар, на этот раз в левую скулу. И, как ни странно, этот второй удар словно включил в голову мощный компьютер, за долю секунды обработавший информацию и сделавший выводы. У существа, ударившего меня в скулу, не хватало левой руки, а испитое страшное лицо покрывали следы недавних побоев. Второй любитель дешёвого портвейна тоже был здесь. Третьего я не знал точно,

такие лица не забываются. Фотографию его лица вполне можно было поместить в энциклопедическом словаре рядом со словом «дебильность» как величайший образец наглядности. Просто слово «дебильность» и фотография, никаких объяснений и расшифровок: все характерные признаки были «налицо», если выразиться каламбурным языком.

Все трое были сильнеешим образом пьяны, что, по-видимому, являлось их нормальным состоянием.

Думается, что меня спасло именно это. Я не слышал, как они очутились за моей спиной, и им ничего не стоило окружить меня, повалить на дорогу и испинать до полусмерти.

Однако их разрушенные мозги не могли тактически мыслить. Удивительно, как меня вообще ухитрились узнать. Непонятно, на что они рассчитывали, сгрудившись передо мной и выкрикивая ругательства. Возможно, на то, что я ввяжусь в драку, заведомо для меня безнадёжную. Их было трое, а у меня не сгибалась левая рука, и компьютер в моей голове учёл эти факты.

Я увернулся от третьего удара, который вполне мог окончиться сломанным носом и, сделав ловкий обманный выпад, бросился бежать.

Этого они не ожидали. Позади раздался злобный отчаянный рёв и следом топот. Они пытались догнать, но даже со своей тяжёлой сумкой на их жалком фоне я смотрелся олимпийским чемпионом по спринту. Понятия не имею, в какой момент прекратилась бессмысленная погоня: я не оглядывался. Остановился я, лишь поняв, что ещё немного бега и я свалюсь в эту пыль и буду лежать в ней, пока они не найдут меня и не добьют, прекратив мучения.

Кинул сумку в траву. Бутылки жалобно зазвенели, но, похоже, ни одна из них не разбилась. Хрипло, надрывно дыша открытым ртом, я прислонился к какому-то забору, ничего не понимая и чувствуя только раздражающую боль в груди, точно лёгкие были набиты опилками.

Семена, посеянные моими друзьями в тот безумный день, начинали давать всходы. Но друзья уехали, и я остался единственным кандидатом на роль жнеца.

Дыхание медленно восстанавливалось, гудящие от напряжения ноги вновь обретали способность ходить, и я ощутил, как во мне начинает просыпаться бешенство.

Я знаю, что меня спасли ноги, но мои преследователи так никогда и не узнают о том, что спасло их. А это был, в сущности, пустяк: во время своего полуслеплого бегства я по ошибке свернул не в тот переулок, значительно удалившись от дома. Их спасли те тридцать минут, которые я потратил на

возвращение. Не будь этих тридцати минут, вернувших мне здравый смысл, я достал бы из-за холодильника одностволку, набил карманы патронами и, не прячась, открыто, как на войне, пошёл назад к магазину. И если бы они всё ещё были там, что вполне вероятно, то, по крайней мере, одного из них, однорукого, ударившего меня в лицо, я застрелил бы без всяких сомнений.

Вероятно, какой-то великодушный покровитель инвалидов направил мои ноги по ложному пути, в конце которого я понял, что каким бы вредоносным и бесполезным ни было человеческое существо, тюремный срок за его убийство будет не намного меньшим, чем за убийство благодетеля нации. Более того, даже простая прогулка по улице с ружьём наперевес опасна: повсюду хватает законопослушных амёб, начинающих нервничать при виде оружия. Один телефонный звонок, и я навсегда распрощаюсь с разрешением. Был, конечно, ещё топор, лежащий под крыльцом, но какое бы бешенство ни клочкотало во мне, какое бы состояние аффекта ни одолело меня, я не смог бы убить топором. Для этого надо иметь за душой нечто большее, чем бешенство и аффект.

В результате, пропитавшись здравомыслием, по пришествии домой я оставил ружьё мирно стоять за холодильником. Бешенство сменилось апатией и безразличием ко всему. Даже встающие в сознании образы той троицы начали казаться чем-то несуразным и несущественным. Мне не было ни хорошо, ни плохо. Я не испытывал ни жажды, ни голода, ни потребности курить. В голове не возникало ни единой мысли. Я просто сидел в кресле и неподвижными стеклянными глазами смотрел в пустой холодный камин.

Потом я встал. Достал из сумки бутылку. Налил полный стакан и выпил, запив остатками апельсинового сока из вчерашней коробки. Выпил не оттого, что мне хотелось напиться, выпил просто так.

Закурил, время от времени одинаковым механическим движением стряхивая пепел в камин. Закурил просто так, а не оттого, что мне хотелось курить.

Покулив, я вновь налил полный стакан. Открыл коробку с томатным соком. Красное пятно стояло перед глазами.

Достал из тумбочки телефон. Не помню, зачем... Кажется, хотел обзвонить друзей. Пожаловаться или что-то в этом роде.

А затем в моей голове словно повернулся какой-то тумблер. Я размахнулся и изо всех сил швырнул телефон через всю комнату. Маленькая черная трубка врезалась в сосновую стену и с хрустом разлетелась на части. А я закрыл ладонями лицо и закричал. И это не был крик боли или отча-

янья. Я кричал не потому, что мне хотелось кричать. Я кричал просто так.

Истратив имевшийся в лёгких воздух, я достал вторую бутылку. В третий раз наполнил стакан и, выпив, улыбнулся красному пятну.

Красное пятно тоже улыбнулось мне. Я закрыл глаза, тихо проваливаясь в алкогольную темноту. Какие-то звуки, похожие на гул далёких голосов, копошились в сознании, постепенно удаляясь. Потом всё стихло, наступило состояние, которое медицина окрестила патологическим сном.

Никогда: ни до, ни после — пробуждение не было столь страшным. Я проснулся от жжения и спазматической боли, охватившей левую половину груди. Я скорчился в кресле, чувствуя, как жуткий мятный холод крадётся вдоль позвоночника к ногам.

Вероятно, это была банальная аритмия, но тогда у меня не было возможности размышлять о диагнозе, и лишь одна чёткая, как почтовое уведомление, мысль заполнила собою весь мир: «Ну вот и всё». И эта мысль отнюдь не была нелепостью или преувеличением. Нет, она вполне соответствовала конвульсиям, которыми моё сердце решило напомнить о своём существовании.

Случись что-то действительно серьёзное, у меня не было ни единого шанса. Осколки телефона лежали на паласе, смеясь над тем, как я корчился и жадно хватал воздух трясущимися губами.

Единственное жалкое подобие лекарства стояло на столе, и к нему не прилагалась инструкция. Оно могло помочь, но могло и убить. Однако паническое предчувствие смерти не оставляло времени на такие пустяки, как сомнения, и я не стал сомневаться, а взяв со стола бутылку и, запрокинув голову, глоток за глотком принялся вливать в себя тёплое прозрачное зелье.

Ни жжения, ни горечи я не почувствовал. Сердечный сбой словно парализовал восприятие, и я не остановился, пока не выпил всё до капли.

Полегчало почти сразу. Подброшенная монета упала правильной стороной, но во мне не было радости.

Я проспал очень долго: за окном уже начинало едва заметно смеркаться. С интересом отметил, что рука сгибается и почти не болит.

Выкурив сигарету, я сходил к колонке, умыл лицо ледяной водой. Шатало от слабости. За все эти дни я почти ничего не ел, но есть не хотелось даже просто так. Вместо еды я свинтил крышку с третьей бутылки и, смешав в стакане водку с томатным соком, поужинал.

Гул далёких голосов вновь поселился в голове. Разноцветные пятна вспыхивали и гасли в самых неожиданных местах. Это было красиво. Я ходил по комнате, что-то бормоча себе под нос, кажется,

опять считал шаги. А потом будто электрический разряд пронзил меня. Я хотел закричать, но получил какой-то жалкий мяукающий звук. С улицы, расплющив нос об стекло, на меня смотрел однорукий. Лицо его походило на посмертную маску. Я смотрел на него, а он на меня, и разноцветные пятна вспыхивали и гасли в тишине. Потом однорукий исчез, но ещё несколько секунд казалось, что я вижу сальный след от его носа на стекле.

Атмосфера дома наполнилась смутной угрозой. Стараясь ступать как можно мягче, чтобы не заглушать посторонних звуков, я прокрался на кухню и достал из-за холодильника зелёный чехол, в котором лежала одностволка. Вернулся в комнату, прислушиваясь и озираясь. Вытащил из тумбочки коробку с патронами. Зарядил ружьё и, положив палец на спусковой крючок, стал ждать, не появится ли в окне однорукий. Ладони взмокли от напряжения. Цевьё стало скользким. Так никого и неждавшись, я с осторожностью сайгонского партизана обошёл дом и, закрыв ставни, повесил на них большие замки, снятые в день переезда. Вернулся в дом, закрыл входную дверь на замок и на толстый уродливый крюк. Зажёг свет. С закрытыми ставнями комната сделалась похожей на склеп, зато стало немного спокойнее.

Выпил ещё стакан красного коктейля, выкурил ещё сигарету. Страх медленно, нехотя уходил. Цветные пятна продолжали вспыхивать по углам, но их я не боялся.

Попытался припомнить, какой сегодня день недели. Оказалось, что пятница, по крайней мере переезжал я точно в воскресенье. Что ж, недели будет вполне достаточно. Решил, что непременно уеду в понедельник. Всему должна быть мера. Никогда ещё я столько не пил, никогда не кричал без причины и не разбивал о стену телефон. Не жёг книги и не видел одноруких в окнах. Я был самой обычной человеческой единицей, от которой цивилизации ни пользы, ни вреда. Я такой же, как мои друзья, такой же, как люди на пляже, такой же, как однорукий и его собратья. В самом деле, какие у меня основания заявить, что от меня больше пользы, чем от однорукого? То, что я читаю иногда разную ерунду? То, что я хожу в спортзал по субботам? Или то, что я, бывает, кидаю монету в шапку, которую мне протягивает существо ещё более бесполезное, чем я?

А что же другие, полезные, так называемые гении и благодетели, все те, благодаря кому у меня есть что читать, есть куда ходить по субботам; все те, придумавшие окружающую меня действительность? Какая от них польза? Всё, что есть у меня — от зубной щётки до компьютера — придумано ими — полезными. Они, набычившись, шли напролом,

украсив головы острыми рогами идей. И всё это для того, чтобы миллиарды бесполезных имели возможность читать и ходить в спортзал по субботам, чего, впрочем, большинство из них не делает.

Бесполезным всё преподнесли на блюде, им не к чему стремиться, незачем думать, всё уже давно придумано за них. Значит, вырождение не следствие ошибок, а закон цивилизации. Нельзя слишком долго засеивать одно и то же поле — земля истощится, и однажды вместо пшеницы взойдут сорняки, и сеятель умрёт от голода, а вскоре и сорняки передышат друг друга в борьбе за глоток воды.

Я посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Никакого сна. Чтобы уснуть, надо продолжать пить. Однако две вещи сдерживали меня. Я боялся повторения спазмов, но ещё больше того, что в следующий раз увижу однорукого не за окном, а, скажем, спускающегося по лестнице со второго этажа. Поэтому я пил, но пил понемногу, сильно разбавляя водку красным солёным соком.

Уеду в понедельник. Непременно уеду в понедельник. А что, если... Весёлая, прямо-таки залихватская мысль заговорщицки подмигнула мне из чёрного ружейного ствола. Что если прямо сейчас, не вставая с дивана, взять и разнести себе голову. Едва ли это больно... Услышит ли кто-нибудь выстрел? Вероятно, нет. Когда меня найдут? Очевидно, не раньше, чем через две недели. Вот удивятся друзья, узнав, как герцог развлекается на даче. Впрочем, надолго их удивления не хватит, да и к чёрту друзей. Интересна сама идея. Единственная неприятность, как я буду лежать целых две недели. Жара. Мухи будут летать, хотя откуда мухи возьмутся в наглухо запечатанном доме. В любом случае мало приятного. Едва ли найдется идиот, желающий после купить дачу. Но какова идея... Взять и застрелиться. Не от отчаянья, не от нищеты, не от несчастной любви. Застрелиться просто так. Слово тебе говорят: «Живи!» — а ты отвечаешь: «А мне лень жить». Какой плевок в лицо этим «полезным».

Я вовсе не собирался этого делать, но всё-таки сел на деревянный подлокотник дивана и, уперев ружьё прикладом в пол, положил подбородок на ствол, однако дотянуться до спускового крючка не смог.

Тогда я выбрал книгу потоньше в жестком переплёте и, вернувшись в исходное положение, втиснул её в спусковую скобу. Посидел неподвижно, прислушиваясь к ощущениям. Забавно было так сидеть, сознавая, что одно незатейливое движение руки может всё прекратить.

Вспоминая о той десятиминутке, когда я сидел, положив подбородок на ствол заряженного ружья, мне кажется, будто чья-то ледяная ладонь ложится на затылок. Это была очень глупая и опасная заба-

ва. Я прежде никогда не стрелял из этого ружья и понятия не имел, насколько чувствителен его спусковой крючок.

Разумеется, я был очень осторожен, но только чудо спасло меня от смертельного движения, когда раздался стук.

Громко и отчётливо кто-то постучался во входную дверь.

Я отшвырнул книгу и замер, изо всех сил стиснув ружьё. Мне почудилось, что я превратился в огромное ухо, прилепленное к дивану, впитывающее тишину и боящееся того, что в эту тишину что-то прокралось.

Вслушивалось огромное ухо, должно быть, секунд десять, но ему показалось, что между теми секундами время замирало, чтобы вместе прислушаться, не повторится ли стук.

А потом огромному уху почудилось, что оно превратилось в человека с ружьём, сидящего посреди склепа и слушающего, как чьи-то когти скребут по тяжёлым плитам.

Удивительно, какие странные образы способны иногда выскакивать из сознания в минуты ужаса. Я видел эту картинку очень давно. Помнится, она впечатлила меня, но постепенно забылась. А теперь выскочила из прошлого и встала перед глазами столь ясно, что я едва не выстрелил в безумное лицо Сатурна с картины Гойи.

Стук послышался в третий раз, и был он громче и требовательнее прежнего.

Я встал и на деревянных ногах проковылял в сени. Зажег свет. Направил одностволку на дверь. Массивный крюк уже не казался надёжным. Каким-то смятым бесформенным голосом я спросил «кто стучит», пытаясь надеяться, что это сосед по даче пришел требовать назад свои дрова, а не проголодавшийся Сатурн из «Дома глухих».

Но когда из-за двери послышался длинный сбившийся ответ, все прошло. Все снова стало нелепым, скучным, обыденным, хотя, как сейчас понимаю, вовсе таковым не являлось.

Я попросил подождать минуту. Пошел в комнату и спрятал ружьё с патронами под диван. Потом вернулся и открыл дверь, не чувствуя ничего, кроме усталости и желания уехать.

Она зашла нерешительно и стыдливо замерла на пороге, нервно потирая тонкие ладони.

Я отступил, открывая путь и делая приглашительный жест. Она вошла, глядя на старый палас. Я опустил крюк и вошел следом.

Когда нас разделяла дверь, все было проще, теперь возникла неловкость. Впрочем, неловкость испытывала она, а не я.

Я просто молчал и смотрел. На ней были джинсы и белая футболка: типичный дачный наряд.

В нем она выглядела не столь отменно, как на пляже в купальнике, к тому же во всем: в растрепанных волосах, в выражении лица, в осанке — сквозила какая-то потерянная, как мне казалось, вовсе ей не свойственная.

Я подумал, что еще пять минут тишины и я просто сяду в кресло и буду дальше пить водку с томатным соком и смотреть на разноцветные пятна, быть может, разожгу огонь и включу телевизор, словно никого в доме нет. Пусть себе стоит и потирает ладони хоть до утра или ложится на диван и спит — мне все равно.

Однако она и сама поняла, что молчание в большей степени мое, чем ее право, и с немыслимым усилием, точно ребенка на свет производя, стала выдавливать из себя речь:

— Я знаю... вернее, я чувствую, как... как все это глупо... Может быть... Но вы понимаете?

Станный вопрос. Я молчал и слушал.

— Может быть, завтра... Я не знаю... Может быть... но сегодня... сейчас...

Я ждал, задумчиво глядя на нее и с трудом преодолевая желание выпить и закурить.

Она немного помолчала, отрывисто, громко дыша:

— Я знаю, это глупо... Но мне некуда больше пойти... Понимаю... Я уйду сейчас... Вот только...

Во мне вдруг проснулся смешанный с веселостью интерес и, воспользовавшись паузой, я спросил:

— Вы называете комнату, в которой стоите, «есть куда пойти»?

Она вскинула голову, и что-то надменное блеснуло в глазах, что-то, напомнившее мне, как на пляже ее огромного размера спутник жалко разводил руками и оправдывался, слушая, как его при скоплении народа обзывают дураком.

— Я все понимаю. Я сейчас уйду. Это действительно глупо. Простите.

Мне понравилась эта первобытная генетическая гордость, прозвеневшая в голосе. Четкие рубленые фразы вместо невнятного шелеста.

— Куда же вы уйдете? — спросил я с интересом, но интерес на этот раз смешался уже не с веселостью, а с уважением. — Сами ведь сказали, что идти некуда, а я человек добрый, к тому же скука заела. А что до глупости и нелепости, так это чушь. Мы дети нелепости. Нелепость — наша мать. Все нелепо и все нелепы. Так что располагайтесь в моем нелепом замке, пейте мои нелепые вина, дышите моим нелепым воздухом. Пользуйтесь гостеприимством нелепого герцога.

Никогда прежде я не произносил столь шутовских речей с таким серьезным видом, а когда произнес, сделалось досадно и стыдно. Я подумал, что

она и меня сейчас обзовет дураком, но она вдруг рассмеялась на удивление задорно и весело. Моя глупая выходка разрушила нерешительность и стыдливость, чего я никак не ожидал.

— Что ж, я очень рада, герцог, раз уж вам нравится так себя называть. Тогда и я не буду набиваться с никому не нужными именами. Будем просто считать, что графиня решила нанести визит своему высокогородному соседу.

Только этого мне и не хватало. Мою речь неверно истолковали. Мне сделалось досадно вдвойне. Если я чего и боялся, то уж точно не того, что она уйдет, а того, что обзовет дураком.

Было интересно, что привело ее сюда: одну, ночью, с потерянным видом и растрепанными волосами, а теперь все пропало. Она решила, что я предлагаю ей крышу над головой, галантно отнекиваясь от каких бы то ни было объяснений под видом идиотской игры в каких-то доморощенных герцогов и графинь. Вместе с тем было понятно, что просить объяснений уже поздно. После такой просьбы меня назовут уже не дураком, а как-нибудь поизысканней. Я злился на себя и не знал, что сказать. К тому же я уже порядком устал от перемигивания разноцветных пятен. В голове стоял какой-то зловещий гул. Жутко хотелось выпить. Но графиня ничего этого не замечала, потому что, пока я стоял и злился, она, решив, что после всего сказанного можно чувствовать себя как дома, взяла с телевизора ту самую книгу и принялась ее листать, прислонившись к боковине дивана.

Я же тем временем закурил, задумчиво пуская к покрытому цветными пятнами потолку сизые кольца. Таким образом, каждый был занят своим делом, и молчание казалось естественным и оправданным.

Когда послышался ее голос, я уже слегка успокоился и, не глядя в ее сторону, раскладывал дрова в камине.

*Бывают дни — с землею точно спаян,
Так низок свод небесный, так тяжел,
Тоска в груди проснулась, как хозяин,
И бледный день встает, с похмелья зол.*

*И целый мир для нас одна темница,
Где лишь мечта подложенным крылом
О грязный свод упрямо хочет биться,
Как нетопырь, в усердии слепом.*

*Тюремщик-дождь гигантского размера
Задумал нас решеткой окружить,
И пауков народ немой и серый
Под черепя к нам перебрался жить...¹*

¹ Перевод И. Анненского.

— Хватит! — крикнул я.

Она подняла взгляд. В ее левой руке была раскрытая книга, а в правой злополучный червонный валет. Она показала мне его.

— Это вы, герцог? Ваша фотография? — ни тени издевательства или насмешки, скорее, какое-то немислимое, странное сочувствие послышалось мне в ее голосе.

Я подавил злобу в интонации, но, вероятно, она осталась во взгляде:

— А вы, должно быть, дама пик? — спросил я, вновь закуривая.

— Я?... Куда мне до нее. А вы, я гляжу, любите Бодлера?

— Терпеть не могу Бодлера, — ответил я морщась, не поняв даже, о чем она: навязчивый гул не давал собраться с мыслями. Впрочем, хорошо, что не понял, иначе, наверное, спросил бы, кто это такой, и появился бы еще один повод назвать меня дураком. Что ж, теперь я хотя бы знал, кто издевался надо мной в ту ночь, когда я жег книги и впервые думал о том, что надо уезжать.

— Надо любить книгу, чтобы довести ее до такого состояния, да еще и взять с собой на дачу.

Я уже начинал сомневаться, что недавно она смотрела в пол и лепетала неразборчивую чепуху, должно быть, мне это почудилось.

— Оставим Бодлера в покое, — сказал я, продолжая морщиться, чувствуя, что если сию минуту не выпью, этот гул доведет меня до белого каления.

Я подошел к столику и, смешав водку с томатным соком в двух стаканах, протянул один из них графине.

— Хотите выпить?

То, что произошло следом, оказалось удивительным даже для меня, считавшего, что весь арсенал удивлений исчерпан, а сундук, в котором они хранились, уже затянулся паутиной.

Как угодно могла отреагировать графиня на мое невинное предложение. Могла согласиться, могла отказать под одним из бесчисленных предлогов, да мало ли что она могла.

Но вместо всего этого она вдруг вздрогнула, и лицо ее исказилось. Это было уже не потерянное, а какое-то затравленное выражение. Будто я не пригласил её к столу, ни к чему в общем не обязывая, а накинул на шею верёвку и потащил к перекладине.

Она буквально вжалась в боковину дивана, точно это была последняя шлюпка с «Титаника» и, разлепив губы, то ли спросила, то ли сказала, то ли просто выронила на пол слова:

— Вы... вы пьёте?

Я до такой степени опешил, что, прикуривая очередную сигарету, запалил фильтр вместо табака,

задохнулся едким чадом и, чертыхнувшись, швырнул испорченную сигарету в камин. Она стояла всё так же, прижавшись к дивану. Не будь его, она, наверное, отступала бы, пока не уткнулась в стену.

— Я пью? — переспросил я, делая шаг по направлению к ней, но остановился, увидев, как она напряглась и словно даже ошетижилась изнутри, подобно волчице, окруженной псами. Книга и картонный валет лежали на паласе.

— Я пью? — ещё раз повторил я, и какой-то idiotский смешок смешался неожиданно с произнесёнными словами.

— Я пью?! — заорал я совсем уж для себя неожиданно, и мощнейшей волной из моих лёгких вырвался безумный, в прямом смысле сумасшедший хохот.

Согнувшись пополам, схватившись руками за играющий спазмами живот, я изрыгал из себя дикие истеричные звуки. Слезы брызнули из глаз и покатались по лопающемуся от напряжения лицу. Я чувствовал, что этот облепленный кавычками смех вот-вот убьёт меня, но не мог остановиться.

В самом деле. Я пью! Как всё просто. Сожжённые книги, разбитый об стену телефон, сердечный приступ, тошнота, галлюцинации, запертые ставни, ружейный ствол, приставленный к голове. Неужели я пью? Неужели я действительно всего лишь пью? А червонный валет? А троица дебилов, от которых я бежал по ухабистой улице? А книга на полке кладовой? По-видимому, я действительно пью, вот ведь незадача.

Когда смех пощадил полузадохнувшегося мученика, я увидел, что графиня, как ни странно, не сбежала. Она стояла всё там же — у дивана, только выражение её лица несколько изменилось. Это, пожалуй, была уже не затравленность, а самое настоящее неподдельное отчаянье. Я понял, что с глаз её точно шоры упали. Я понял, что только сейчас, только в эти несколько последних минут она увидела всё: и осколки телефона, разлетевшиеся по паласу, и мёртвые окна, заблокированные ставнями, и моё жуткое заросшее волосами лицо.

Монотонный гул стоял в голове. Хохот ушёл, и образовавшийся вакуум заполнила какая-то тупая бычья злоба.

— Я пью? — промычал я, приближаясь к графине. — Значит, я пью? А ты что, дура, думала я делаю? Играю на скрипке? Пою серенады? Сажаю цветочки в огороде?

Это был страшный момент, о котором я не перестаю вспоминать с отвращением. Мне кажется, что, в сущности, это был уже не я, а кто-то другой, вселившийся в моё тело и подавивший моё сознание.

Она не успела увернуться, когда я наотмашь хлестанул её ладонью по лицу, воспламенив на

нежной щеке четыре алых полосы, продолжая при этом выкрикивать какие-то ругательства.

И вдруг всё исчезло: потерянность, затравленность, отчаянье. Глаза её заискрились зелёными огоньками болезненной гордости, и, сжав пальцы, она изо всех маленьких сил ударила меня по той самой скуле, к которой утром приложился однорукый. Вероятно, от этого наложения ударов я ощутил нешуточную, не женщиной причинённую боль.

— Ага! — захрипел я торжествуя и чудовищным движением, на какое способен лишь одержимый, отшвырнул тяжёлый диван, схватил с паласа заряженное ружьё и направил ствол на её голову.

И тут женщина неожиданно нежным, невесомым движением поднесла лоб к чёрному ведущему в загробный мир тоннелю и, закрыв глаза, прошептала:

— Стреляйте...

Воспоминания... воспоминания... Зачем они? Зачем этот камень держит на дне человека, который и без того уже захлебнулся, не давая хотя бы той жалкой оболочке всплыть и если не увидеть свет, то хотя бы соприкоснуться с ним. По-видимому, память — это и есть то главное, что делает нас несчастными и беззащитными перед страшным парадоксом, именуемым памятью о смерти, перед этим пристальным союзом несовместимых понятий, соединяющих прошлое и будущее в эфемерном, ускользающем, как мираж, настоящем.

Как я хотел забыть тот день. Как я хотел, чтобы вслед за четвергом шла суббота.

Самое интересное, что тот день, шестой день пребывания на даче, и день, последовавший за ним, я не могу столь точно детализировать, как пять предыдущих: моё психическое состояние достигло той критической точки, за которой начинается цепная реакция, ведущая к взрыву.

Цепная реакция началась, когда меня разбудило взбунтовавшееся сердце, а её отголоски и сейчас, год спустя, не дают мне спокойно спать. Всё, что я описал и опишу, начиная с пробуждения, есть лишь реконструкция скелета по маленьким косточкам-фрагментам. Но был один необычный и красивый момент прояснения, точно солнечная прореха, мелькнувшая на пасмурном небе. Прояснения, во время которого моя память включилась подобно диктофону, записавшему тепло человеческого голоса, чтобы вновь отключиться, когда этот голос стихнет и уйдёт. И я вынужден хранить эту запись, потому что память, к сожалению, не магнитная плёнка и не даёт выбора.

— Стреляйте, — сказала она, закрыв глаза, и солнце блеснуло в прорехе, остановив мой безумный палец, лежащий на спусковом крючке. Выстрела не последовало, но и ружья я не отвёл, словно загип-

нотизированный глядя на белый чистый лоб, вставший на пути пули.

И тогда она начала говорить, и весь этот монолог, впитанный мною навсегда от первого до последнего слова, так и был произнесён под ружейным дулом с закрытыми глазами удивительным, почти сокровенным шёпотом.

...Она нашла его, наконец-то нашла... Колёса стучали. Было очень сыро и холодно. Унылые лица вокруг. Казалось, никто никому не нужен, а она его нашла. Он один улыбался, и у него в глазах светилась мечта о чём-то хорошем. И она смотрела на него, пока стучали колёса, и ей хотелось, чтобы они стучали вечно, но трамвай остановился, и он вышел, так и не заметив, что совсем рядом кто-то так же мечтал о тепле.

Той ночью она не спала. На кухне было уютно и не так одиноко, как в спальне, где на кровати храпел пьяный мужчина. Мужчина пил каждый день после того, как родился мёртвый мальчик. Пил и проклинал женщину, которая покупала распашонки и ползунки. Которая наполовину умерла, когда одно сердце остановилось.

Утром она ушла, не желая ничего делить и ни о чём вспоминать. Только одно воспоминание унесла она с собою — воспоминание об улыбающемся человеке с мечтательными добрыми глазами.

36 Были дни. Много одинаковых дней. Она сидела на другой кухне, а в другой спальне всё так же храпел мужчина, другой мужчина, но другого мальчика не было.

Тот мужчина совсем не пил и не проклинал, у него не было на это времени. Если бы он пил, всё пропало бы. Кто бы тогда бил женщину за то, что она вернулась на полчаса позже, чем обещала? Кто бы выкручивал женщине руки, когда на его «алло» на другом конце провода клали трубку? Кто рассказал бы врачам скорой помощи, что женщина споткнулась, когда сломанное ребро проткнуло ей лёгкое?

Но она терпела, потому что из всех близких, сопровождавших её на протяжении жизни, этот был единственным, который хотя бы не пил и не проклинал. Вернее, их было двое: он и улыбающийся человек, сошедший на трамвайной остановке.

Как всегда, она ушла утром. Идти было некуда, и, как всегда бывает, когда некуда идти, шёл дождь. Дождь шёл для того, чтобы никто не заметил, как женщина плачет от того, что ей некуда идти.

И снова были дни. И был третий мужчина, который не пил, не проклинал, не выкручивал руки — и только. Он был послушным и очень глупым. Всё, что он умел, это ходить на работу, есть и смотреть телевизор. У него не было мечтательных глаз: лишь мышцы и желудок. И ещё у него была дача — един-

ственное место, где женщина иногда улыбалась, глядя, как розовое солнце выкатывается из-за холмов. В эти редкие минуты она всегда представляла, что рядом стоит тот человек. Он обнимает её за плечи и что-то шепчет, что-то удивительно хорошее. Что-то, что она искала всю жизнь, находя лишь пьяные проклятия и боль. Однажды женщина пошла на пляж. Было очень солнечно и очень грустно. Она не знала, отчего ей грустно, а может, и не замечала этого, потому что привыкла грустить.

Мужчина послушно надул для неё матрац и сказал, что подойдёт позже, не в силах оторваться от телевизора.

На пляже было хорошо. Близость воды успокаивала, и даже грусть делалась нежной, хотя и оставалась грустью.

И от этого тёплого покоя женщина неожиданно уснула. И ей приснилось, что недалеко от неё на песке сидит тот самый человек. Он совсем не изменился, только улыбка уступила место печали.

И женщина поняла, что человек так же одинок, как она, быть может, ещё более одинок, и ей было очень жаль его, ей хотелось подойти и обнять его, и сказать, что с тех пор, как перестали стучать колёса, не прошло ни дня, чтобы она не вспоминала эти глаза. А потом они взялись бы за руки и пошли по дороге. Неважно куда. Они бы просто шли рядом и молчали, слушая ветер.

И женщина поняла, что всё случившееся с ней прежде было не напрасно. Всё это было для того, чтобы в этот солнечный день она пришла на пляж и вновь увидела этот мечтательный взгляд.

А потом ей приснилось, что пришёл глупый мужчина и хотел разрушить её мечту, но она не позволила. Она увела мужчину с пляжа, а в душе у неё всё звенело от предчувствия счастья.

И это предчувствие сбывалось, как бывает лишь во сне.

Мечтательный человек прошёл мимо её дачи, и она, выйдя на дорогу, узнала, где он живёт. А на следующий день глупый мужчина сказал, что ему срочно надо ехать в город.

Он уехал в полдень, и женщина до самой темноты боролась с собой, заставляла себя встать и пойти туда, где её ждут, где она кому-то нужна, где ей впервые в жизни скажут что-то хорошее и дадут понять, что всё действительно было не напрасно. И она поборола себя. Она встала и пошла, дрожа от стыда, но ещё больше от страха, что её не впустят или вовсе прогонят. Она понимала, что этот сон не может окончиться плохо, но всё равно дрожала.

Она долго нерешительно стояла у двери, заносила руку и вновь её опускала, но опять поборола себя и постучалась, стиснув зубы.

Женщина даже не поняла сначала, что её впустили, и перед ней стоит тот самый человек. Она забыла все слова. Она лепетала что-то, словно маленькая девочка, и внутри у неё всё застыло, когда ей показалось, что ей не рады и хотят, чтобы она ушла.

Но всё обошлось, и там, где была мечта, появилась сказка. Тот человек оказался герцогом, в его родовом замке был замечательный камин, у которого герцог любил философствовать, глядя на огонь и читая Шарля Бодлера. Всё оказалось именно таким, как она предчувствовала. Огонь именно этого камина стоял у неё перед глазами, когда порванное лёгкое медленно заполнялось кровью в карете «скорой помощи».

А потом добрый человек предложил женщине выпить, и она проснулась. Она проснулась не в замке, а в жутком, не знающем солнечного света погребе. А у человека, стоявшего рядом глаза были не добрые и мечтательные, а злые и безумные. И, как всегда, пробуждение принесло унижение и боль.

Сначала человек проклинал её, как первый мужчина. Потом человек ударил её, как второй мужчина. И наконец он взял ружьё и приставил его к голове женщины, чтобы стать последним мужчиной.

Он хотел убить её за то, что она посмела мечтать о том дне, когда её просто обнимут, возьмут за руку и поведут по дороге прочь от проклятий, унижений и сломанных рёбер.

И женщина не спорила — она понимала, что заслужила смерть...

— Стреляйте, — закончила она, и ни единой слезинки не показалось из-под её опущенных век за весь этот жуткий монолог, произнесённый удивительным, почти сокровенным шепотом.

Наступила тишина. Никакой шорох из внешнего мира не мог проникнуть в запечатанный ставнями склеп, посреди которого застыла странная скульптурная композиция.

А потом без всяких предупреждений страшная тяжесть прошедших шести дней легла на меня и придавила, точно могильная плита. Тяжесть, слепленная из меланхолии, тошноты, сердечных приступов и головных болей, пьяного угара и голода. У меня, пяти минутами раньше с лёгкостью отбросившего тяжёлый диван, подкосились ноги, и медленно, будто падающий с дерева лист, я опустился на колени и, переломившись пополам, закрыл ладонями лицо, положив на пол смешное, никому не нужное ружьё.

Цепная реакция нарастала, и никакое чудо уже не могло её остановить.

Я не слышал, как она ушла. Когда я поднял голову, комната была пуста и ни малейшего признака, что здесь недавно кто-то был, не осталось.

Даже книга лежала на телевизоре, и рядом с ней лежал червонный валет.

Даже входная дверь была заперта на крюк изнутри.

Я постоянно возвращаюсь мысленно в тот вечер и, хотя прошёл уже год, у меня до сих пор нет твёрдой уверенности, что я разговаривал тогда с реальным существом.

Я понимаю, что это я опустил крюк. В том полубезумном состоянии несложно было сделать это и тут же забыть.

Я понимаю это, но сомнение, подобно невидимому точильщику, продолжает незаметно орудовать в древесине сознания. И бывают минуты, когда мне кажется, что я сам выдумал эту женщину. Выдумал потому, что моему полуразрушенному разуму хотелось, чтобы кто-нибудь назвал меня мечтательным человеком с красивыми глазами, чтобы кто-нибудь вошёл в мой дом и нежным тёплым движением остановил страшную цепную реакцию распада.

Помню, как я обыскал весь дом, надеясь, что она не ушла, что она, быть может, на втором этаже — лежит, свернувшись клубочком, и улыбается во сне. Но дом был пуст. Зато полны были две тёплые прозрачные бутылки, лежащие в большой спортивной сумке.

Я оскалил зубы и злобно с надрывом посмеиваясь, нацедил стакан водки. Поднёс стакан к губам и слился воедино с этой жгучей, сладковатой горечью.

И тогда цепная реакция взорвалась. Туман заполнил комнату и цветные пятна, словно новогодние гирлянды, запылали, весело перемигиваясь. Продолжая механически посмеиваться, я принёс топор и спокойно, но с каким-то непоборимым внутренним ожесточением начал рубить диван.

Я толком не понимал, что делаю, — мне просто доставлял удовольствие процесс разрушения. Время от времени, устав, я наливал немного водки в стакан и, быстро запив её красным соком, продолжал свою нелёгкую работу. Изрубив диван, я приступил к креслу, потом к столику. Обухом расколотил магнитофон и телевизор, однако книгу и червонного валета не тронул, убрав в сумку аккуратно, будто реликвию.

Весёлой была ночь с шестого на седьмой день моего отдыха среди холмов. Весёлой и краткой, потому как кроме обрывочного перемигивания новогодних гирлянд и хруста мебели под тяжёлыми ударами топора я почти ничего не сумел воссоздать в памяти.

Проснулся я на полу и, кроме тумана и продолжающегося хоровода цветных пятен, не обнаружил никаких признаков похмелья.

Топор торчал из сосновой стены, глубоко врезавшись в сухое податливое дерево. Уцелело только ружьё и сумка. В сумке лежали ключи от городской квартиры и деньги. Всё остальное было изрублено в щепки. Повсюду валялось битое стекло и окурки, которые я тушил прямо об стены. Мало того, на стенах виднелись потёки, показавшие мне, что этой ночью я не ходил на улицу по пустякам.

На подоконнике стояла початая бутылка водки. Я отхлебнул добрый глоток и, шумно выдохнув, пошатываясь и неизвестно чему улыбаясь, начал собираться в дорогу. Упаковал ружьё в зелёный чехол. Покурил, задумчиво сидя на корточках, и принялся сгребать обломки мебели в одну большую кучу. Когда куча показалась мне достаточно большой, я изорвал оставшиеся книги на куски и тщательно, с какой-то любовной неторопливостью, обложил эту кучу бумагой.

Я казался себе скульптором, ваяющим шедевр в минуту вдохновения.

Это были минуты торжества. Торжества безумного гения над умной практичной реальностью. Мне казалось тогда, что ненавистный мир рушится вокруг меня под красивыми ударами моего топора. Я не понимал, что это я распадаюсь от лёгкого, чуть заметного дуновения этого мира. Впрочем, едва ли это имеет значение.

Через двадцать минут я, улыбаясь и раскачиваясь из стороны в сторону, брёл по дороге к металлическим воротам дачного комплекса, за которым начинался путь на железнодорожную станцию. На плече висел чехол с ружьём и большая пустая сумка. В руке я крепко сжимал открытую бутылку. День был очень жарким и солнечным, и мне приходилось время от времени утолять жажду. Идти было трудно: я был очень слаб и почти ничего не видел из-за беспорядочного мельтешения весёлых пятен. Хотелось сесть на дорогу и любоваться пятнами. Шаги я больше не считал. Слышал какие-то голоса, но не мог понять, чего они от меня хотят.

Выйдя за ворота, я остановился, собираясь с силами. Немного утолил жажду. Потом двинулся дальше. Я уже не брёл, а петлял по дороге, будто дикий медлительный слаломист.

Зрение немного улучшилось, но голоса сделались громче. Мне казалось, что я даже начинаю разбирать отдельные фразы.

Когда я упал, до станции оставалось не меньше двух километров. Я не рухнул, как подрубленное дерево, а просто сел в дорожную пыль и понял, что встать уже не смогу. Как ни странно, мне это было безразлично. Я просто сидел на дороге, курил и иногда отхлёбывал из бутылки. Я ничего не ждал и никуда не стремился. Я был вполне доволен своим

положением. Мне было тепло и удобно. У меня были сигареты, и было чем утолить жажду.

Я сидел и спокойно ждал, когда сознание окончательно погаснет. Я не думал ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем: это было слишком сложно и ни к чему.

А потом меня посетило видение. Вдалеке катилось огромное облако пыли. Мне навстречу ехали автомобили. Их было три, и ехали они очень быстро, но я не собирался оказывать им честь и уползать с дороги в канаву. Потом я услышал отчаянные вопли клаксона, но лишь отхлебнул из бутылки и сунул в рот очередную сигарету.

Автомобили остановились. Я увидел, как из них кто-то выходит, поджёг табак и, улыбаясь, затянулся.

Когда изумлённо выкрикнули моё имя, я не удивился. Не удивился я и тогда, когда увидел, что вокруг меня стоят друзья и смотрят на меня с каким-то молчаливым священным ужасом. Их было больше десяти человек, и друг-водитель был здесь, и даже та знакомая, приславшая мне сообщение.

Я сидел и улыбался им, выдыхая дым и расклевываясь, подобно экзотическому небритому змею.

А потом я впервые обернулся и торжествующим божественным жестом указал на осиротевшие дачи.

Друзья повиновались жесту и застыли в благоговении перед величественным зрелищем.

Там, над крохотными крышами, в бездонное безоблачное небо вертикально уходил огромный чёрный столб дыма.

Я улыбался, ощущая, что сознание вот-вот оставит меня. И оно оставило меня. Последнее, что я успел сделать, это достать из сумки червонный валета и протянуть его стоящему рядом другу-водителю. Я протянул его и, пытаюсь подражать сокровенному шёпоту женщин: «а, прохрипел:

— Вы забыли карту.

Дачный сезон завершился. Теперь, год спустя, мне уже не кажется странной эта встреча на дороге. Был субботний день, люди хотели отдохнуть и развеяться. Всё естественно, всё в порядке вещей. Багажники автомобилей были полны водки и закусок, а головы — наиприятнейших планов.

Вместо дачи им пришлось отправляться на холостяцкую квартиру одного из друзей, где состоялась грандиозная попойка, в которой принял участие и я, очнувшись уже под вечер. Разумеется, они пытались задавать вопросы, но я не понимал их — я мог только пить и улыбаться.

Домой я попал лишь на следующий день, приблизительно около полуночи. Друзья довезли меня на такси и затащили на четвёртый этаж. Сам я передвигаться не мог. Ружьё, сумка и книга остались

целы. Потерялся только червонный валет. Должно быть, он остался лежать на той дороге.

Весь следующий день я пролежал на кровати, слушая голоса и наблюдая за хороводом разноцветных пятен. При одной мысли о водке начинал колотить озноб и открывалась желчная рвота. Казалось, внутри всё отравлено и необратимо разрушено, но это ощущение постепенно прошло, и через несколько дней я вновь стал членом человеческого общества.

Друзьям я сказал, что напился и уснул с сигаретой. Успел спасти только сумку и ружьё. Они поверили мне, что вполне понятно. Расскажи я им правду, шансов на то, что мне поверят, было бы меньше.

Я тоже задавал им вопросы. Спрашивал, как им пришлось в голову поехать на дачу, не договорившись со мной. На это они говорили, что мой телефон молчал, но они знали, что я на даче, и хотели устроить сюрприз. А ещё я спрашивал помогавших мне с переездом: заметили ли они пропажу валета, когда ехали в электричке. Они сказали, что не заметили, удивившись, какими пустяками я интересуюсь.

Жалел ли я о случившемся? Разумеется, жалел, и лукавить здесь ни к чему.

Сперва я опасался, что огонь мог перекинуться на соседние дома и ко мне придут кредиторы, но потом вспомнил, что дым уходил в небо вертикально, и успокоился.

Ещё я вспомнил о том, что кроме первой ночи ни разу не спал на втором этаже. Почему-то это показалось мне символичным, впрочем, быстро забылось.

Потом кончилось лето. Шли дожди. Постепенно дожди перешли в снегопады. Воспоминания потускнели и расплылись, как расплывается акварель на мокрой бумаге.

Я жил так же, как и всегда: ходил на работу, в ночные клубы по выходным и в спортзал по субботам. Все было так же, но не совсем. За те семь дней в моем мозге высох какой-то участок, да так и не смог восстановиться.

Томик Бодлера постоянно лежит на столе, но я не читаю его.

Все, что мне нужно, я уже прочитал.

*Бывают дни — с землею точно спаян,
Так низок свод небесный, так тяжёл.
Тоска в груди проснулась, как хозяин,
И бледный день встает с похмелья зол.*

Впрочем, это легкая тоска. Она не мешает спать по ночам. Мешает другое: память. Да, воспоминания потускнели, но не все они потускнели. Два из них не хотят тускнеть. Мне никогда не забыть холод

ружейного ствола под подбородком и никогда не забыть странного монолога, произнесенного женщиной, в существовании которой я по сей день сомневаюсь.

Я на девяносто девять процентов уверен, что она есть, что приходила ко мне тем вечером и говорила со мною, но в таких случаях девяносто девять — очень ненадежная цифра, а тот единственный процент, как ни странно, отвечает моим желаниям. Мне проще думать, что ее не было, что она была лишь галлюцинацией, слепленной из света и тени и озвученной ночными шорохами. Мне так проще и спокойнее.

Сейчас лето. Новое лето. Новый дачный сезон наливается силой.

Неделю назад я сел в трамвай и поехал. Я не знал, куда еду, просто в последнее время мне нравилось слушать, как стучат колеса.

Когда трамвай остановился у вокзальной площади, я вышел и, пройдя к кассам, купил билет.

Спустя час я уже шел по дороге, на которой меня когда-то нашли подоспевшие вовремя друзья.

Все казалось таким же: и вечно открытые ворота, и зияющие пазы в ограде, от которых змеились тропинки, и холмы ничуть не изменились с тех пор.

Подходя к своему участку, я почувствовал страх, словно это место излучало какую-то злую энергетику, но, увидев пепелище, успокоился.

От дома остался только черный бетонный фундамент, посреди которого, подобно надгробной плите, возвышался покрытый копотью, полуразрушенный кирпичный камин. Пепелище успело обильно зарости травой. Из вещей я ничего не заметил: ни кровати с пружинной сеткой, ни холодильника. Должно быть, их кто-то увез на металлолом, других объяснений не было. Впрочем, это место меня занимало мало.

Постояв минут пять и выкурив сигарету, я пошел дальше по переулку. Я помнил и без труда нашел ее дачу.

Какая-то пожилая женщина в садовых перчатках, склонившись над грядкой, выдергивала сорняки. Я окликнул ее и, извинившись, попросил ответить на несколько вопросов. Она нехотя и хмуро согласилась. Было заметно, что я ей неприятен. Я спросил, кто хозяин этой дачи. Она сказала, что это ее дача, ее и мужа. Я спросил, как давно эта дача принадлежит им. Она сказала, что дача куплена ими прошлым летом. Я попросил уточнить. Она заворчала, но я сказал, что для меня это очень важно и что ничего плохого я не замышляю. Она уточнила, что дача куплена в июле, даже назвала приблизительную дату. По всему выходило, что дача продана спустя три недели после того знаменательного вечера.

Я спросил, общалась ли она с предыдущими хозяевами. Она ответила, что общалась. Я описал ей мужчину с пляжа, и она подтвердила, что это именно он. Тогда я описал ей свою ночную гостью и получил отрицательный ответ: нет, никакой женщины она не видела. Тут я помедлил и, набрав в легкие жаркого летнего воздуха, задал последний вопрос: не показалось ли ей, что мужчина был чем-то опечален или расстроен. Она как-то странно поглядела на меня, точно на идиота, и сказала, что мужчина как раз наоборот был очень весел, много смеялся и даже шутил.

Больше спрашивать мне было не о чем. Я вторично извинился и пошел в направлении магазина.

Магазин никуда не делся. Он находился на том же самом месте, только возле него поставили пластиковые столики и стулья. За одним из столиков сидели четверо пьяненьких дачников. Они пили разливное пиво и резались в карты.

Я вошел внутрь. За прилавком никого не было, и я громко кашлянул, думая, что из подсобного помещения сейчас выйдет богиня здравого смысла, но вышла незнакомая опрятная старушка с улыбочивым лицом и спросила, что мне угодно. Немного подумав, я купил бутылку того самого портвейна из отборных сортов винограда и вышел на свежий воздух.

Один из дачников неловко махнул рукой, и игральная карта упала к моим ногам рубашкой вверх. Я наклонился и поднял ее. Перевернул. Это была дама пик. Я безразлично усмехнулся: мне больше не было дела до совпадений. Поглядев на часы, я вернул дачнику карту, и тот меня галантно поблагодарил. Надо было спешить, чтобы успеть на поезд.

Как и тогда, я брел по дороге, крепко сжимая бутылку в кулаке. Иногда останавливался, чтобы утолить жажду.

Никаких ответов я не получил, впрочем, возможно, это и к лучшему. Почему она не пришла раньше, когда еще не началась цепная реакция? Почему дверь была заперта на крюк? Почему была продана дача? Мне больше не хотелось думать обо всем этом, хотя я понимал, что все равно буду думать, буду думать и мучиться каждый день, буду засыпать и просыпаться с этими вопросами, сидящими у изголовья кровати.

Отборные сорта винограда с бульканьем уходили в горло. Вечером предстояло идти в ночной клуб. Я не хотел идти, но знал, что пойду. Я не хотел пить и танцевать, но знал, что буду пить и танцевать. Мне хотелось кричать, но я знал, что буду смеяться и шутить. Мне хотелось взять ружье и положить подбородок на черный ствол, но я знал, что буду жить вечно.

Однако я все же не пошел в ночной клуб в тот день, хотя и вернулся домой поздно. Нет, я больше не пил. Я просто слонялся по ярко освещенным полночным улицам и разглядывал прохожих, чувствуя, что предстоит трудная ночь.

Так и получилось. Я ходил по квартире и считал шаги. В голове какой-то голос навязчиво декламировал Бодлера. «Бывают дни... бывают дни... бывают дни...»

И не было никакого спасения от этого голоса.

А потом я сел за стол и стал писать первое в своей жизни стихотворение. Я писал долго, с ожесточением подбирая слова. С подобным ожесточением я рубил мебель утром седьмого дня. Мне даже казалось, что я слышу едва различимый хруст.

Я писал, понимая, что в тех местах, где книги читает огонь, надо писать топором.

Завершив стихотворение, я опустил голову на исписанную бумагу и уснул, соединяясь, сливаясь в единое целое с аурой чернил. Я спал, и никакие сны не тревожили меня в эту ночь.

*В кресле у остывшего камина,
Кутаясь в заплатанную шаль,
Согревает сгорбленную спину
Мать моя блаженная – Печаль.*

*Рядом на продавленном диване
Ищет утешения слова
В треснувшем захватанном стакане
Жизнь моя – замужняя вдова.*

*У окошка бледная, больная,
В платье, под которым пустота,
Плачет тихо, слезы утирая,
Дочь моя внебрачная – Мечта.*

*Все застыло, только лишь страницы
Календарь роняет в тишине,
Да скрипят в прихожей половицы,
Вспоминая с грустью обо мне.*

*И никто не видит и не знает
Радужные теплые края,
Где среди цветов меня ласкает
Смерть моя – любовница моя.*

Август – ноябрь 2005 года

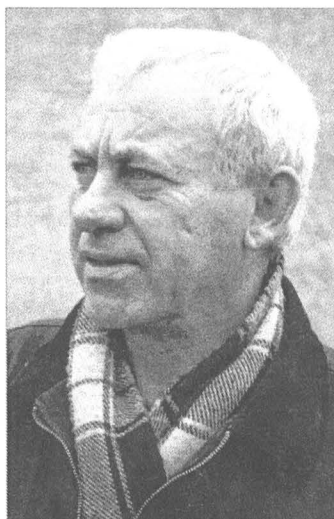
Литературная дружба

г. Юрга. Вечер памяти Тамары Рубцовой. Любимая песня Тамары

**Александр
РАЕВСКИЙ**

**ПО РОССИИ
РАССОХЛИСЬ
ГАРМОШКИ**

* * *

Пройдя сомненья, прегрешенья,
Обрести уверенность в себе.
Высокий миг преображенья
Начертан каждому в судьбе.

Отныне юным и свободным
Могу парить над суетой –
Сквозь иней вспыхнул мне сегодня
Лучистый крестик золотой.

Пред вечной тайной замирая,
Его ношу я на груди,
Луга забвенья, жизнь вторая –
Так что же, что там впереди?..

* * *

Мы на лавочку присядем, где забор,
Мать при фартучке. Мария ее имя.
Ее руки трудовые до сих пор
Пахнут детскими рубашками моими.

Созерцаем сельский мир перед собой,
И в стаканчиках мороженое тает.
Ты вот с палочкой хромаешь, я седой –
Пролетает наше время, пролетает...

Только память... в то, далекое, гляжу:
Вон на лавочке, сандалями болтая,

До земли не доставая, я сижу,
Рядом мамка – молодая, золотая!..

ПОСЛЕ МОЛЕБНА

Мудрый пастырь читал, словно пел,
Хор подтягивал. Ладан смолили.
Было тесно и душно в толпе,
Терпеливо стояли, молились.

Служба кончилась... Гаснут лучи.
Тишь витает по гулкому храму...
Лишь уборщица с шваброй ворчит:
«Сколь грехов нанесли, сколько сраму...»

ДУША

Над бездной космоса – могила,
Крестом надежно заземленная...
Душа на землю приходила,
Ушла больная, изумленная.

В коре оставив оболочку,
В астрале зябнет обнаженная...
На голубую эту точку
Глядит, глядит, завороченная:

Лениво вертится планета,
Такая теплая, атласная;
А никому там счастья нету,
А все мгновенное, напрасное...

72

РАЕВСКИЙ Александр Дмитриевич родился в 1951 году в селе Алабуга Каргитского района Новосибирской области. Служил в армии. Окончил Новокузнецкий пединститут. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке.

Автор нескольких книг стихов: «Полуденный костер», «Пьяные цветы» и других. Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2003 год. Член союза писателей России. Живет в Новокузнецке.

БЕЗ ШТАНОВ, НО В ШЛЯПЕ

Нужно врыть в калитке столб,
Мать давно уже просила,
Только ровно, только чтоб
За сто лет не покосило.

Можно с другом выпить штоф,
Потягаться с кем-то силой
Иль влюбиться. Только чтоб
Далеко не заносило.

Можно умно морщить лоб
И травить стихами залы,
Только в меру, только чтоб
На здоровье не сказалось.

Можно в «...пром» засесть иль в штаб,
Воровать сырье и деньги,
Только много! — это чтоб
Вдруг «браслеты» не надели.

Можно, можно... можно всё!
Лишь делись, взирай на лица.
А пошли бы все в свисток! —
Не хочу душой делиться.

Не молоденький уже,
Облетает лето в осень,
Приспособиться б да жить...
А меня опять заносит.

ВИДЕНИЕ

Равнина молчала. А сердце стучало...
Безмолвно и плавно — жалей не жалей —
Небесное войско к закату промчалось...
Один я остался на горькой земле.

Стою, очарован тоской несказанной,
Созвучной душе, недоступной уму,
Последний огонь провожу со слезами...
И холод межзвездный как данность приму.

Но свято поверю, что войско вернется.
И снова собравшись на битву со злом,
Возьмут и меня. И тогда мне найдется
Копье и кольчуга, и конь под седлом.

Стремительно-плавно, клубя облаками,
Умчимся к закату, растаем во мгле —
Затопит безмолвьем, укроет веками...
А кто-то останется ждать на земле.

ВСТРЕЧА

Молодость гуляла, бедрами качала,
Старость наблюдала, сидя у дороги.
Молодость гуляла и не замечала,
Как туман цеплялся ей за босы ноги...

Выйду на дорогу, молодость решила,
Нарвала цветов я, что мне в поле делать?
Старость у дороги тень свою сушила,
Из-под темной шапи ласково глядела.

Молодость на старость глянула брезгливо,
Ветхую черницу обходя надменно,
Старость улыбнулась: «Как же ты красива!
Но тебя сгублю я, девка, непременно...»

Встала и вдогонку рукавом махнула —
Зашумели в поле белые бураны,
В сердце ретивое холодом дохнуло...
Все бы ничего бы, но зачем так рано?

Ну зачем так рано, ну зачем так быстро
Пухом лебединым разлетелись годы,
Горькою морщинкой, прядью серебристой
Крепко зацепила злая непогода?..

...Молодость другая в голубую кружку
Ягоды сбирала, по цветку гадала...
Молодость бывшая седенькой старушкой,
Сидя у дороги, девушку поджидала.

...Укачала ночь-ладья.
Дремлешь, негой утомленная,
Чуть припухли и сладят
Губы, страстью опаленные.

Дышат росами любви
Куполки твои греховные,
Я в слезах целую их
И молюсь, как на церковные.

Льет луна через стекло
Струи мраморные, дивные;
Тихо глажу теплый лоб,
Локон, шею лебединую.

Я и раб, и властелин
Чувств твоих и сердца чистого,
Нежных всхолмий и долин,
Лона, свято беззащитного.

Что им надо: полей? мертвечины?
 Да хорошего просто ружья!..
 ...Расползаются тучи – овчины,
 Освещается гиль бытия...
 Эх ты, доля, российская доля,
 Расстрадались – края не видны,
 И летает над полем, над полем
 Ветер с привкусом мнимой вины.
 А покой нам, действительно, снится,
 Все труды – от беды до беды...
 Я с гармонью присел под божницей, –
 Ожила... лишь осипли лады.

В облаках синеокое лето,
 Все играет, жужжит, шелестит...
 Много жизни, зеленого цвета,
 Под березой рубашка поэта –
 Он задумчиво в дали глядит.

...В этих даях заманчиво-странных –
 Неизвестность, далекие страны,
 И щемящий простор, и тревога,
 И моря, и огни городов;
 Как от милого сердцу порога,
 В небеса золотая дорога
 Пролегла от ближайших кустов.
 ...А повсюду – покосы, покосы,
 Среди околков валы, словно косы,
 Сплетены гребешками граблей;
 На востоке темнеет завеса –
 То не к месту опять из-за леса
 Тащит тучу Илья-водолей.
 ...День звенит, косари не устали,
 На полях журавлиные стаи,
 День горит, он еще не поблек...
 В облаках синеокое лето,
 А береза уже без поэта,
 Он ушел, но осталась примета –
 Побывавший в руках стебелек.

Библиотечество

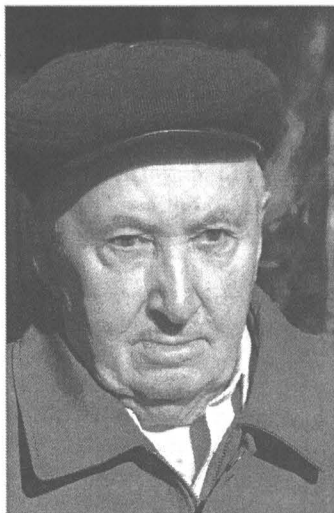
Над тешным летом зажав
 Всю горечь свою без остатка,
 О прошлом тут-тут покрутив,
 Себе говорю: „Жизнь не сладка!“

Как много тешного в ней
 Оплот пережито напрасно...
 А в вихре расставших дней:
 Туманно!... Задумно!.. Неясно!
 май-июнь 1992

В. Ковшов

**Борис
КЛИМЫЧЕВ**

ДВА РАССКАЗА

«ВО МНОГОГЛАГОЛНИИ НЕСТЬ СПАСЕНИЯ»

Писатель сочиняет роман или поэму. Год пишет, два пишет. А зарплаты ему никто не платит. Но ведь никто его и не просил романы и поэмы писать!

Ну, вот. Он пишет, а ему есть хочется. А есть нечего. Что же делать? В советские времена у нас был выход. Писатели выступали перед рабочими, перед колхозниками. Почитают там автор с часок стихи или прозу, слушали его, не слушали – полагается плата за выступление. Как сейчас помню, по путёвке общества «Знание» за час платили девять рублей. Десять, пятнадцать раз в месяц выступил, хватит денюжат на жизнь.

Потом пришла перестройка. И колхозов не стало, и заводов не стало. А если и есть нечто подобное, владельцам заводов, газет, пароходов начхать на наши писательские выступления! Но со временем обнаружилось – есть контингент, который нуждается в нашем писательском слове. Звоним в женскую детскую колонию, нам отвечают:

– Можете выступить, немножко оплатим.

Идём в колонию втроем. Паспорта при себе, дарственные книжки тоже. Проходная, тамбуры. Охрана просматривает наши документы, сличает с нами. Лязгают запоры.

Вот мы и в зоне. Впереди нас шагает крупная женщина с красной повязкой на рукаве. Антонина Ивановна.

Семидесятилетний писатель Сидоров несколько отстал от нас. Мы оглянулись, он бежит бледный и за сердце держится.

Мы его шёпотом спрашиваем:

– В чём дело?

Он покраснел, как мак, и шепчет:

– Две девахи схватили меня и хотели в деревянный нужник затолкать, причём говорят, мол, не бузи, старичок, согрешим в момент и отпустим... Вырвался я. Ох, сердце!

Прошли за Антониной Ивановной в барак, там – десятки глаз любопытных. Но воспитательница быстро завела нас в комнату, где на столах лежали подшивки газет:

– Это наш красный уголок, тут с вами Мариночка, наша дежурная, побудет, пока мы зрительный зал подготовим... Мариночка! Сюда никого не пускать!

Остались мы наедине с этой очаровательной девчуркой. Лет четырнадцать ей на вид. Локоны вьются, капроновый белый бант в волосах. На куртке аккуратный прямоугольничек с именем и фамилией.

Спрашиваю:

– Ты за что здесь, Мариночка?

– А по несчастью. Толкнула подружку на лестнице, она упала, ногу и руку сломала.

– А зачем же ты её толкнула?

– Да, ума не было! Она меня обозвала, да нехорошо так, нецензурно. А у меня нервы не железные. Так оно всё и вышло.

КЛИМЫЧЕВ Борис Николаевич родился в 1930 году в Томске. Автор многих книг стихов и прозы. Публиковался в литературных журналах «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни» и других. Почетный гражданин города Томска. Член Союза писателей России. Живет в Томске.

- И большой тебе дали срок?
- Да нет, три года.
- А сколько сидеть осталось?
- Да всего один год. Но я время зря не теряла.

Экстерном закончила десятилетку. Теперь готовлюсь в университет поступать.

- А на какой факультет?
- Да на какой, на юридический.
- Но... Примут ли? Всё-таки — такой факт в биографии.

— За одно преступление дважды не наказывают, к тому же колония дает мне блестящие характеристики...

Вошла Антонина Ивановна:

— Спасибо тебе, Мариночка! Иди в зал, умница! Товарищи писатели, следуйте за мной, проведу вас на сцену.

Вот и сцена. Достаточно большая. На покрытом красной скатертью столе сверкает гранями чистый графин с водой. Антонина Ивановна пригласила нас присесть. Я всматривался в зал.

Грубые обветренные лица, мешковатые юбки и куртки из серой материи, стоптанные сапоги. В их годы девочки должны быть обворожительны и грациозны. Но то ли жизнь их так изуродовала, то ли одевание это так обезобразило? У Мариночки-то одежда вроде бы поприличнее. Видимо, перешита по фигурке. Да у неё, кажется, всё сшито из более дорогой материи.

В зале то тут, то там вспыхивали потасовки.

— Успокоиться всем! — скомандовала Антонина Ивановна. — Что это за безобразие? Хотите, чтобы вас наказали? Неумеющие себя вести будут удалены отсюда.

Зал более или менее успокоился, и Антонина Ивановна представила нас юным зрительницам.

Хотя зрительницы наши имена и фамилии навряд ли слышали впервые в жизни, каждое имя встречалось истерическими возгласами и аплодисментами.

Первым вышел читать стихи молодой поэт Василий. На его стихи писали песни известные композиторы. Василий к тому же был каратистом, имел приличный рост и стройную фигуру.

Я, сидя за столом, ерзая на стуле, пытался втянуть в себя свой некондиционный живот. Но он никак не втягивался. Прозаик Сидоров съехался и поглядывал в зал с нескрываемым страхом.

Он, как говорится, был полностью деморализован. Рафинированный интеллигент, он уже сто раз проклял тот момент, когда дал согласие здесь выступить. Теперь он явно думал о том, доведётся ли ему вновь увидеть жену, детей и внуков.

Василий, встряхивая копной волос, декламировал:

*Ведь такой ослепительной можно ли быть?
Потерял я на веки покой!
Ты же просто улыбкою можешь убить,
Ведь нельзя быть прелестной такой!*

При слове «убить» Сидоров вздрогнул и стал сползать со стула под стол. Я взял его за подтяжки и остановил сползание.

Я шепнул ему, чтобы он мужался. Он всхлипнул и задрожал мелкой дрожью.

Наконец Василий закончил выступление и раскланялся под гром аплодисментов и оваций.

Я вышел на авансцену, гордо закинул голову, начал читать стихи о том, как в войну люди стояли в огромной очереди за хлебом, единственное, что им помогло не умереть в этой очереди, это девчонка, читавшая стихи. Все заслушались и на какое-то время забыли про холод и голод.

К моему удивлению, мне аплодировали ещё более страстно, чем красавчику Васе. Я ликовал. Ага! Живот — животом, фигура — фигурой, а настоящее искусство заставило их забыть и про мою полноту, и про мою лысину.

Настала очередь Сидорова. Чтобы не упасть, он держался за край стола, он прочёл небольшой рассказ о том, как маленькая собачка в морозный день замерзала на улице, хотела зайти то в один подъезд, то в другой, но её отовсюду гнали...

Сидоров не смог закончить свой рассказ, зал потрясли рыдания. Колонистки лили слёзы в три ручья, громко вскрикивали, никак не могли успокоиться. Антонина Ивановна опять вмешалась в ситуацию, на сей раз она говорила с залом почти ласково:

— Ну хватит, девочки, ну довольно, ну погоревали и — хватит. Писатели нам оставляют свои книги с автографами. Давайте подарим писателям цветы. На сцену поднимаются лишь те, кого я назначила.

Рыдания мигом прекратились. На сцену захотели подняться все. Цветы были вручены, но колонистки протягивали блокноты и тетрадки, просили автографы, тесно окружая каждого из нас и прижимаясь вроде бы нечаянно, но вполне ощутимо.

— Всё, всё! — Антонина Ивановна принялась сдергивать девчонок со сцены, ей помогала хрупкая маленькая Марина. Мне показалось, что колонистки боятся Марины даже больше, чем Антонины Ивановны.

С огромными букетами цветов в сопровождении Антонины Ивановны мы направлялись к проходной. Я спросил воспитательницу:

— А правда, что Мариночка через год освободится и поступит в университет?

Антонина Ивановна улыбнулась:

— Конечно, правда.

— Да, очень милая девочка, она вам помогает, я заметил.

— Вы наблюдательный человек.

Мы уже подходили к проходной, когда воспитательница сказала мне на ухо:

— Эта Мариночка совершила два убийства, причём одному из убитых ею мужчин отрубила голову. Мы в колонии вылечили её от сифилиса. Сидеть ей придется долго. Достигнет совершеннолетия, переведём во взрослую колонию...

Я испуганно оглянулся на Сидорова. Не услышал ли он эти слова. Но он увлечённо говорил Васькину:

— Вот видите, мой друг, что делает искусство? Как они рыдали после моего рассказа! В их душах есть доброта, в них живёт милосердие ко всему живому. После нашего выступления они станут лучше, чище...

В эти дни я вновь задумался о перестройке, о выпивохе Ельцине, который не раз говорил по телевизору:

— Я знаю, им тру-у-у-дно!

Ну, знает он, ну и что? Ему бы побывать в этой колонии.

А сколько ещё девчонок не расцветших гибнут просто под заборами, потому что кто-то во имя какого-то будущего великого благополучия ограбил их родителей?

В следующий раз я договорился со взрослой колонией. Это была такая особая зона, куда помещали тяжело больных туберкулёзом зеков. Желающих там выступать среди наших писателей не нашлось. Я в жизни прошёл огонь, и воду, и медные трубы. Мне с этими туберкулёзными не целоваться. Возьму гитару, попою им. Стихи почитаю. Как-то да развлеку. И денежку заработаю.

Пришёл к проходной, несколько тамбуров надо миновать. Строго. А возле ворот рычат овчарки. Меня в зоне встретил прапорщик, сказал, что зам по воспитанию теперь занят, просил подождать. Мне было предложено посетить церковь. Пришли в церковь, небольшая, уютная. Там заключённый пономарём числится, он художник, нарисовал сам иконы. И ещё на стене — картину Страшного суда. По выходным сюда приходит батюшка, проводит службу.

Пономаря зовут Сашкой, фамилия Богомяков.

— Ты за что тут? — спрашиваю.

Он говорит, что Порфирий во всём виноват. До этого жил Богомяков Сашка спокойно, работал в Москве, в артели ларцы расписывал, в мастерской было много женщин молодых и симпатичных. Если Сашка и выпивал, то только по субботам и то в самую пропорцию, под столом не валялся.

Познакомился с одной молодячкой, она ему сразу:

— «Деткой» увлекаешься?

Он сперва не понял, что это — «детка». Она объяснила, мол, учение такое, был такой старец, Порфирием Ивановым звали, много в жизни перенёс. От болезней этот Порфирий спасался холодом, по снегу босиком бегал, обливался колодезной водой, сопли глотал, дескать, всё должно быть натурально, организм сам знает, что ему делать.

Условие такое поставила: войдёшь в секту де-тковцев, будешь со мной дружить, а нет — извини.

Сашка согласился. Придут в залу такую, там портрет этого старца висит, старец здоровенный, седокудный, взгляд строгий.

Ну, помолятся на этот портрет, разденутся до плапочек, и по снегу к пруду бегут купаться.

Поначалу Сашку дрожь от этих процедур била, потом привыкать стал. Да вот беда, с похмелья стал ему старец сниться, ничего не говорит, а только пальцем перед носом водит.

«К чему бы это?» — думает Сашка. Однажды свою любезную с другим мужиком в постели застал. Расстроился, вот тебе «детка», вот тебе и Порфирий Иванов.

Пошёл в воскресенье в парк и выпил-то всего «партийного» стакан, а чего-то нехорошо стало, бежит по аллейке, смотрит, а в небе огромная голова Порфирия из облака высунулась, и Порфирий громовым голосом говорит:

— Делай зло людям!

Сашка припустил бежать ещё быстрее, а Порфирий не отстаёт:

— Делай зло! Делай зло!

Богомяков и не выдержал, догнал какую-то женщину и свалил, хотел зло сделать, а женщина как завопила, тут откуда ни возьмись выскочили два милиционера.

Сашка — бежать, скакнул в лесочек. А из облака опять высунулась голова Порфирия:

— Я кому сказал, делай зло!

Сашка из лесочка выскочил, увидел на дороге фигуру, кинулся на неё, повалил, а фигура-то мужиком оказалась.

Мужик ка-ак врежет Сашке промеж глаз, а тут и милиционеры подоспели, взяли Сашку за белые руки и поволокли в клоповник, а Порфирий на этот момент за облако спрятался, как и не было его.

Ладно, дали Сашке срок, и попал он в Томскую колонию. Сидит. Работает, старается, у начальства на хорошем счету. Всё хорошо и сидеть уже недолго, скоро отворят железную калиточку и скажут: «Пожалуйста, фарен нах Москау!» Однако всё не так вышло. Откуда ни возьмись над бараками из облака Порфирий высунулся и опять Сашке глаголет:

— Делай зло!

Сашка топор за пазуху и в сортир...

Потом пострадавший зек рассказывал, как дело было. Сидит этот зек над дыркой, о чём-то о своём задумался. Совсем не обратил внимания на мужика, который над дыркой напротив сел. Вдруг видит, мужик топор из-под телогрейки выхватил и размахивается.

Зек успел руку подставить, не то бы точно топором по черепу получил.

С пораненной рукой, со спущенными штанами, на полусогнутых зек выскочил из сортира и завопил. Тут Сашку и повязали.

Следователь его и спрашивает:

— Ты не чувствуешь себя больным? В роду душевнобольные были?

— Не было больных, — отвечает Сашка, — я тоже здоров, это всё Порфирий...

Сдали Сашку на экспертизу, отдохнул он на психе три месяца. Всё-таки признали вменяемым, досиживать отправили. Ну, сидел в тесной камере, туберкулёз схватил. Вот тебе и Порфирий! Перевели в туберзону. Теперь вот только на Бога одна надежда...

Потолковали. Прапор говорит:

— Всё! Можем идти к начальству.

Поднялись куда-то на второй этаж. Сидит там за столом хмурый майор. Я стою перед ним с гитарой, а он даже присесть не предложил. Спрашивает:

— Что? Стихи читать будешь?

— Буду!

— И петь будешь?

— И петь буду.

Он задумался. Долго думал, мне надоело стоять, я сел без приглашения на скрипучий, шатающийся стул.

Он вздохнул:

— Ладно! Зал я тебе наполню. Сидеть будут. Но хлопать тебе никто не будет, и слушать тебя никто не будет, понял?

— Чего же не понять?

Провели меня на сцену. Большая сцена, просто огромная. И зал громадный, гаражного типа. Освещение слабое. В полутьме в зал заходят зеки, рассаживаются, никаких слов, только кашель неумолчный и всё. Вроде стихнет кашель на минуту, кто-нибудь один кашляет, и опять все закашляли. Я хоть и смутно, но вижу угрюмые лица, полное безразличие, презрение ко всему миру.

Действительно. Аудитория ещё та! Тут, видать, воры в законе, авторитеты. И такое тяжкое их состояние. Действительно — не до стихов, не до песен им. Думают, наверное, сейчас, мол, чёрт принес этого фраера, из-за него пришлось с коек вставать. Вижу, заместитель по воспитательной работе вошёл в зал, сел с краю в первом ряду. Прапор из-за кулисы мне сигналил:

— Начинайте!

Майор этот смотрит на меня ехидно. Подошёл я к трибуне, к микрофону, взял аккорд и запел:

*Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я, привет тебе, привет!..*

А когда дошёл до слов:

*И тебе в осеннем сизом мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.
Ничего, родная, успокойся,
Это только тягостная бредь,
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб тебя не видя умереть... —*

в зале кашель прекратился, напряжённая тишина повисла.

Я взял заключительный аккорд. Зал разразился овациями. Я кланялся, прижимал руку к сердцу. И от моего зора не ускользнуло то, что майор поднялся и вышел. Я им стихи почитал и ещё спел несколько песен. Все они терпеливо и внимательно слушали.

А когда я попрощался с ними, кто-то крикнул:

— Приходите к нам ещё, пожалуйста!

Я обещал. Но слова не сдержал. Разные заботы и хлопоты помешали. Думаю, что многих из моих слушателей уже и нет на этом свете...

ПОСЛЕДНИЕ ЗВУКИ

Степан Звукомиров родился и жил в тайге, километрах в десяти от старинного и достославного города Пимска. Его отец был лесником, мать преподавала ботанику в средней школе лесного поселка. Понятно, что при доме лесника было большое, ухоженное хозяйство. В сараях мычали коровы, в загонах хрюкали боровки, конечно же, были во дворе куры и утки. Последним тут было раздолье, потому как рядом с двором Звукомировых протекала чайного цвета таежная, петляющая речушка, которая в народе прозывалась Пыхтеловой. За что обидели речку? За смолочурни, которые дымились здесь лет сто тому назад? Уж молчаливее ее трудно было бы сыскать во всей Пимской области.

Несуразно назвали родители своего сына. Звукомиров и вдруг — Степан! Могли бы назвать, к примеру, Аполлоном, очень имя к фамилии подошло бы, или Орфеем. Правда, Степан внешностью Аполлона или Орфея мало чем напоминал.

В школе он учился на тройки, от хозяйственных дел уваливал. Даже работа на домашней пасеке его не увлекала. Ульи, омшаник, рамки, дымокур – всё это было не для него. Благо, скрыться было куда, кругом – лес.

В лесу Степан размышлял. Почему он родился в семье лесника? Отчего – такая фамилия? Однажды купил Степан книжку про русские фамилии. Прочел. Оказывается, больше всего на Руси Смирновых да Ивановых. Дело в том, что в старину старшим в городе или в селе выбирали человека с хорошим характером, про такого говорили он смирной де, зря шуметь не станет, по совести решит. Вот дети Смирного стали Смирновыми. А почему Ивановых много? А Иван – имя непростое, с древнееврейского языка оно переводится как Божья благодать. А про Звукомировых в этой книжке никакого объяснения не было.

В лесу Степан слышал, как пели сосны. Он подпевал им. В этом могучем лесном хоре и его голос казался мощным. Помогало петь еще и эхо. И Степан стал задумываться. Может, кто из предков был певцом? А бор пел почти всегда. Сосны тянулись вверх, созревали и роняли шишки. Они сыпали свое семя в землю, и оно со временем прорастало новыми юными сосенками. Глядя на окружающую красоту, думая о зарождении новых жизней, Степан однажды ощутил некоторую клейкость меж ног, испугался. С ним это стало повторяться, хотя и редко. И он сходил к доктору. Тот его осмотрел. Сказал, что это выделение безвредное, сказал, что называется оно поллюцией. Надо только чаще мыться. И все.

– А что там, на полянках, загорали особы женского пола? – поинтересовался врач.

Степан только пожал плечами.

И вновь продолжал он блуждать по пригородному бору. И пел все, что приходило в голову: «Броня крепка и танки наши быстры...», «С одесского кичмана бежали два уркана...», «Когда едешь на Кавказ, солнце светит прямо в глаз, когда едешь ты в Европу, солнце светит прямо в попу...», «Поллюция, поллюция, лесная революция!».

Деревья... Упадет семечко не на землю, на камень, не прорастет, юное, совсем еще зеленое. Засохнет. А как цветет Иван-чай! У-у! Какие холмы, увалы! Там, за речкой чайного цвета, земля – словно гигантская стиральная доска, и вся она в сухих шишках, мхах разноцветных. Из этой почвы тянутся вверх к солнцу сосенки. Под кожей деревьев сок движется, обновляет клетки. Это как у человека кровь. Но у человека есть сердце – мотор. А кто или что движет соком деревьев? Сама земля? Она рождает, она растит. Выходит, это – как один организм? Но нет. Вон сосна-волк. Отец про неё объяс-

нял. С толстым стволом, приземистая, она широко раскинула свои густые, темные ветви. Немало нападало наземь с разных сосен шишек с семенами. А сосна-волк собой закрыла всё солнце. И уже ничто рядом не прорастет. И под землей корни злобной сосны как щупальца невиданного спрута все полезные соки тянут, никому ничего не оставят, ни одного витаминчика, ни одной калории, подышайте все к чертям собачьим!

Однажды Степан спросил отца, почему у них такая музыкальная фамилия? Отец рассердился:

– Фамилия, фамилия! Дров порубил бы, что ли. За зиму их сжигаем чертову прорву. Фамилия далась ему! Из крестьян мы Саратовской бывшей губернии. Прадед твой крепостным был. Может, барин для смеха ему такую фамилию выдумал. Бери-ка колун да березовые кряжи разделявай!

Однако Степан лесные мелодии не забыл. Поругался с отцом и пошел учиться в музыкальное училище. Кому лес, древесина, а кому – песня. Окончил училище, а затем и консерваторию в Новосибирске одолел.

Вернулся в родной Пимск, подросший, с фатовскими усиками, которые, впрочем, плохо подходили к его простому лицу. Хотя в твидовом костюме и в полосатом галстуке выглядел он вполне интеллигентно. И такая удача! Был принят в областной симфонический оркестр. Артист. Виолончелист. И вроде бы сразу масть пошла. И года не прошло, как женился на скрипачке Тамарке. Красавица, хоть и старше его на десять лет.

Молодой семье дали однокомнатную квартиру в доме-башне на улице Гузова. Мать Степана сюда иногда привозила кедровый орех, сливочное масло (не чета базарному и тем паче магазинному). Сам же лесник молодоженов визитами не удостоивал. Не мог простить сыну, что тот не пошел работать в лесное хозяйство.

В еде Степан был непривередлив, но больше всего на свете любил холодец из свиных ножек. Супружница его, Тамара, оказалась вегетарианкой. В обед она брала в столовой кисели и винегреты, а завтракала и ужинала дома печеньем и сладким чаем. Стал Степан в свободный час забегать на рынок за свиными ножками. Они там бывали почти всегда, да плохо опаленные, рыжая шерсть торчит в разные стороны, он их ножками Вельзевула называл. Выберет Степан время, когда Тамарки дома нет, и – на балкон. Огнем паяльной лампы чисто обработает ножки, чтоб нигде никаких подпалин. Затем сапожным ножом отскребёт до бела, положит вымачивать. А уж на другой день холодец варит. Косточки разварятся, мягкие, что твой воск. Теперь в бульон – чеснока, перца. Застынет холодец, дрожит на блюде, от одного только взгляда на

него слюнки текут. Лампу паяльную Степан с отцовской пасеки стащил. А тому и невдомек. Залетных бродяг костерит. Ничего, состоятельный человек, новую лампу купит, а Степану как без этой лампы жить?

Вот вкушает Степан холодец, а Тамара посмотрит и скажет:

— Тьфу, деревня проклятая! Провонял весь дом чесноком. Как самому-то не тошно?

И уходит из дома к подругам. Пробовал Степан уговорить ее отведать холодца, куда там! Ну и ладно! Ему больше достанется.

Через полгода прибыл дирижер из Москвы, известный. Старичок, но модный и темпераментный. Афиши запестрели: «Под управлением...»

Музыканты старались, выкладывались как могли. В виолончели Степана можно было расслышать и пение бора, и чуть различимое бульканье речушки Пыхтеловки.

Закончив гастролы, москвич собрал коллектив для прощания. Отличную всем поставил оценку. Отметил лишь незначительные недоработки.

Тамарка сходила к юристу, сделала бумагу, что свою часть квартиры безвозмездно передает своему бывшему супругу Звукомирову. Холодец виноват или что другое. Только сказала Степану:

— Извини! Сердцу не прикажешь. Я еду с Мировым Георгиевичем. Он все же — гений. И жена у него скончалась. А с тобой надо развестись. Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами! — слышал такую поговорку?

Обидно было. Но Степан расстроился не очень. Он — артист! Это что-то. В зале обитые алым плюшем кресла. Золото и бронза — янтарные огни жирандольей... С потолка свисают многотонные хрустальные люстры. Шелестение платьев, запах духов. Дирижер легонько стукнет палочкой по пюпитру. И сердце музыканта уносится вслед за мелодией, за стройной гармонией звуков, очень похожих на пение леса. И все в них слышит Степан: и горе, и радость. И вот уже кажется ему, что хрустальные подвески люстр расплавились, превратились в быстрые ручьи. И бегут, звенят, поют. И даже волосы на голове Степана становятся вдруг крохотными флейтами пикколо. И тоненько, тоненько мелодию вызывают.

А когда звучат овации и букеты на сцену сыплются, то Степану радостно: в этом ведь есть и его заслуга. Правда, радостью делиться не с кем. В оркестре для него пары нет, а эти нарядные, счастливые, красивые женщины, что аплодировали ему, оставив свои букеты в театре, удаляются со своими мужчинами или без оных в неизвестность.

Идет он домой один, в опустевшую квартиру. Все домашние заботы на него теперь свалились. Пыль

так быстро набивается во все щели, как будто кто ее мелет на небесах на гигантской мельнице. Посуду только помоешь, глядь, а она уж снова грязная. А еще мебель, обувь, одежда — все ухода требует.

Беда никогда не приходит одна. Через неделю после отъезда Тамарки умерла мать. Причем Степан даже не ведал, что её укусил зловредный сибирский клещ и она попала в больницу. Отец позвонил только тогда, когда мать уже скончалась. На кладбище и на поминках отец смотрел на Степана волком, так, словно, не клещ лесной, а именно он, Степан, был виноват в смерти этой беззаветной труженицы, спокойной и доброй женщины.

Степан не верил в Бога, точнее сказать, не задумывался о таких вещах, теперь же ему казалось, что где-то свыше есть кто-то такой. Но если он есть там и рядит, и судит всех сущих на земле, то за что же Степана-то наказал? Зачем было обрекать Степана на одиночество?

Есть отец, но его как бы и нет. Была Тамарка — нету. И вот ведь, стерва, за богатого старца пошла, за заслуженного деятеля, а перед отъездом все тюли и шторы с окон снимала, скатерку со стола и ту сдернула и упаковала в чемодан. Ну, от квартиры отказалась, вроде, щедрость проявила. Тюли-то зачем реквизируют? Что это — великая ценность? Не-ет! Это чтобы Степану еще тошнее стало в его одиночестве! С кем ему пообщаться? В оркестре общение лишь по делу: когда репетиция, где ноты взять и тому подобное.

На лестничной площадке всего две квартиры. В соседней живет писатель-фантаст. У него есть собака с круглыми черными глазами и с черными волнистыми волосами. У самого писателя глаза тоже круглые и черные, да и волосы точь-в-точь, как у его собаки, только у него на макушке среди черных волос светлым кружком сияет лысина-тонзура. Видно, от многих дум облысел. Степан, бывало, встретит его в коридоре, поздоровается. Писатель кивнет и — мимо. Разговора не получается.

Купил Степан книгу этого писателя. Толстенная. «Диоген без бочки» называется. И что? Высшая математика, бесконечность пространства и времени. А хорошо это или плохо — трудно понять музыканту. Как закончил он читать эту толстенную книгу, так и приснилось ему, что среди бесконечных миров, раскаленных и остывших кусков материи бежит со своей собакой сосед-писатель, причем у соседа теперь вся голова черная и кудрявая. Лысина исчезла, зато она появилась на боку черной писательской собаки. И собака лает, а миры, галактики от этих звуков рассыпаются, как горох из прохудившегося мешка. «Ой! Кусок огня ведь и на нашу землю может шмякнуться, сгорим!» — с этой мыслью Степан и проснулся.

Пока Степан плохо ли, хорошо ли совершал свои жизненные дела, где-то за морями, лесами, в столице некие люди тоже что-то делали. То, что делал Степан, мало кого касалось, то, что делали некоторые из москвичей, касалось всей страны.

Поглощенный своими печальными переживаниями, равно как и служебными и хозяйственными делами, Степан мало обращал внимания на то, что в далекой Москве генсеки стали умирать один за другим. Какое ему было до этого дело? Ему нужен был новый костюм и новые ботинки, а зарплаты на это не хватало. Неожиданно он обнаружил, что свиные ноги на рынке подорожали так, словно это были золотые слитки. Прощай холодец! Раньше, бывало, Степан относил в находившийся в своем доме магазин несколько пустых молочных бутылок и получал бутылку кефира или молока. Вот тебе и завтрак! Теперь возле магазина выстраивалась гигантская очередь. Приходилось там томиться, выслушивая ругань в адрес нового генсека, у которого, говорят, на лысине было пятно.

Очередь еле двигалась. Продавщице помогала девчонка лет тринадцати, она совала все десять пальцев в поставленные на прилавок пустые бутылки и одним махом перемещала десяток бутылок в тарный ящик. «Разобьет!» — тревожно думал Степан. А в очереди ворчали:

— Новая политика. По-американски с детства к труду приобщают...

А он думал: дочка ли это продавщицы или посторонняя девчонка подрабатывает? Пальчики тонкие, мизинцы особенно, того гляди отломятся. Ей бы не в кефирные бутылки эти пальцы толкать, а бежать бы ими по клавиатуре фортепиано.

Одна из бутылок все-таки сорвалась с мизинца и со звоном рассыпала по полу алмазы. Продавщица выплюнула сигарету и похабно выругалась... Нет, конечно, девочка не дочь ей.

Черт-те что творится в стране, в городе. Какой-то передел собственности. На базарах толкуются небритые личности с табличками на груди: «Куплю золото», «Куплю ваучеры»... У Степана тоже был ваучер, однажды хотел было продать его, но, узнав, что даже на бутылку красного ему не дадут, продавать не стал. Вдруг этот рыжий в Москве правду сказал, что на каждый ваучер выделяют потом по две «Волги», когда построят общество каких-то «новых русских»? Да не похоже что-то. В магазины перестали завозить продукты.

На базаре цены такие на все, что глаза на лоб лезут. А Тамарка прислала хвастливое письмо, что была со своим академиком в Польше. Концертировали, ей скрипичный футляр набили долларами до отказа... Врёт, поди? А может, и правда. Эх, ему бы кто набил футляр от виолончели, пусть не долла-

рами, хотя бы рублями, которые почему-то ныне стали называться деревянными.

Молока и кефира Степану не хватило, голодный и злой вернулся он в свой дом. На лестнице встретил писателя с собакой, хотел спросить его, что же это такое происходит в стране, но у писателя бы такой отстраненный вид, словно он находился где-то в ином измерении.

На другой день на репетиции дирижер Степану сказал:

— Я извиняюсь, но вы же не в лес по грибы собирались, а на репетицию в оркестр. У вас нет бабочки, грязная рубаша, засаленный фрак, и ботинки, извините, просят каши...

— Это последний раз, — сказал дрожащим голосом Степан, — просто мои лакированные туфли в ремонте, а рубаша в стирке...

Степан врал: не было у него больше ни ботинок, ни рубаша. Деньги в оркестре теперь не платили месяцами. Другие музыканты могли подрабатывать на базарах, в разных кабачках. Артист симфонического оркестра не мог себе этого позволить. Статус!

Иногда в городе случались нападения на магазины и киоски. Нищие просили милостыню в центре города. Однажды Степан увидел, как попыталась в ряд этих нищих встать девчонка, которая прежде работала в молочном магазине. Теперь она была грязной, чулки ее порвались, платье было в пятнах, худое тельце дрожало. У Степана родилась мысль: отвести ее домой. Отмоется в ванной. Отогреется. Может, удастся у соседей хлеба занять. Чаем ее напоить. А там... все может быть. Ей, может, уже не четырнадцать, а пятнадцать. Ну, поживет у него, может, к музыке приобщится, в возраст войдет, и они поженятся.

Теперь правил Ельцин, он быстренько убрал со своей дороги пятнистого генсека. Так Ельцин этот великую свободу дал. Сказал, дескать, разрешено все, что не запрещено. Журналы в кричащих глянцевых обложках полны сексом. Вчера в киоске продавались видеокассеты под названием «Детский секс». Никто не прячет, так прямо на виду лежат кассеты. Степану эти кассеты купить не на что, да и магнитофона у него нет. Да ему бы что-то натуральное, он ведь не пацан и не старик. И сколько он может быть один? Он уже шагнул к девчужке, но услышал, как она иступленно бормочет:

— Сволочи, все сволочи! Все! Негодяи! Будьте прокляты!

Это Степана отрезвило. Да она уж, может, с каким-нибудь сифилитиком под забором переспала. А еще, говорят, СПИД распространяется по городу. Да и как её к себе вести, если себя прокурить не в силах? Да еще истеричка какая-нибудь...

И как ему самому теперь жить? Пришел с репетиции, а в подъезде гарью воняет. Ослепляет вспышками сварка. Мужики в брезентовых робах суетятся. Один огромным молотом забивает железные клинья — под одну металлическую клетку, под другую. Забьет снизу, затем — сверху.

— Сюда еще закладные забей! — кричит молотобойцу мужчина начальственного прорабского вида. Сварщики отбрасывают остатки обгорелых электродов на мокрую тряпку. Один кричит другому:

— Учить меня вздумали! Я нитку газопровода на пять тысяч километров сшил, расписался на последней трубе, дескать, Иван Сидоров! Так-то! Пусть потомки помнят. А стальные двери эти мы быстро тут прищандорим, это нам, как два пальца облопнуть!

Из своей двери выглянул писатель:

— Товарищи! Как же так без трансформатора подключились? В телевизоре все мелькает, а сейчас как раз программа «Жизнь животных» идет!

Прораб ухмыльнулся:

— Инициативная группа заказала металлические двери с нижнего до верхнего этажа построить. Вы деньги собирайте побыстрее, чтобы потом нам за вами не бегать. Будете сами не хуже животных в клетках — все!

— А сколько денег? — осведомился Степан.

— Двадцать тысяч с носа.

— Я не хочу, у меня нет!

— Сделаем всем. А ключи будем давать, как уплатите деньги. Да ты как вздумал жить без металлических дверей? Свобода же сплошная. Так что добывай деньги!

Что было делать? Поневоле придется идти к отцу. Ясно, ворчать будет, но другого выхода нет.

Кое-как добрался Степан до пригородного бора. Ботинки совсем раскиселились. Вот и избушка родная, а вон и отец на крыльцо вышел, потому что собаки Степана не узнали, залаяли.

— Ну, что? Не шибко много на своей тарихелке заработал? Вижу — полураздетый.

— Зарплату платить перестали, — сказал Степан, — и концертов стало меньше, а еще в доме всем делают стальные двери, с каждого — аж по двадцать тысяч. С ума сойти можно.

— А ведь я тебе говорил, чтоб лесное дело осваивал. К примеру, меня завтра и должности, и зарплаты лишат, я что — пропаду? Меня огород прокормит, меня лес прокормит, мне пчелки меду принесут, мне речка наша малая да тихая всегда на уху рыбки подбросит... и стальных дверей мне для обороны не надо: меня ружья и собаки оборонят. Ладно, проходи, сушишь, печь топится, обедать будем.

Степан старался есть не спеша, да не получалось. Отец сказал:

— Вижу, оголодал, понимаю и то, что жить тебе нечем, времена трудные. Дам на двери денег. На одежду сколько тебе надо? Дам. А за жратвой приходи ко мне хоть каждую неделю. В ноябре боровка заколю, выделю и тебе долю. А сейчас возьми картошки, меда да прошлогодного сала. Я хорошо солю, вкусно, сам знаешь. Вот еще тues с орехом кедровым тебе подарю. Новую кралю не подыскал ли? Надо бы. Нехорошо молодому одному. Вот еще тебе бутылку медовухи. Вдруг кралю в гости позовешь?

Степан переночевал в родном доме, потому что вечером идти с поклажей было опасно. А утром понес на горбушке мешок с отцовскими дарами. Карман пиджака приятно оттягивала пузатенькая паечка денег.

Отец проводил его до калитки:

— Заглядывай!

— Непременно! А может, ты, батя, ко мне как-нибудь надумаешь? Адрес ведь знаешь?

— Ну, я-то едва ли. Сам знаешь, сколько тут работы, хозяйство на минуту оставить нельзя. Да не люблю я город, там воздух тяжелый. Да шум всегда. А у нас тихо...

На том и расстались. Степан отнес продукты домой, тотчас отправился на толкучий рынок. Сторговал приличную рубашку и хорошие ботинки, а свой концертный костюм сдал в химчистку.

53

В доме, где жил Степан, последнее время то на одном, то на другом этаже работали сварщики. Пахло кинутыми на пол мокрыми палеными тряпками, это на них сыпались искры от горящих электродов.

— О, черт! — воскликнул Степан, обалдевший от грохота и металлической гари. — И все это — за мои же деньги!

Толпившиеся на лестничной площадке соседи стали успокаивать его. Они сами чувствовали себя жуками, посаженными зловредным пацаном в жестяную банку, по которой он колотит сапожным молотком, но, толкуя со Степаном, получали значительное облегчение.

— Пора-то ноне какая? Дерьмократия! — вещала старуха с черной бородавкой на носу. — Слепые молодожены в первом этаже живут, так их ограбили до последней ниточки. Подвенечное платье взяли напрокат, сдать не успели, а теперь им за него до конца жизни не рассчитаться. Говорят им, что платье было прошито брильянтами, а теперь поди докажи, что это было простое стекло.

— Так то слепые! — воскликнул ученый в шляпе и с папкой в руке. — Слепые-то не сразу и обнаружили пропажу. А у Денисовых, можно сказать, на глазах все ценности из квартиры вынесли. И что? Денисов звонит в милицию, а те отвечают, дескать, у

них бензина нет, выехать не могут. И спрашивают Денисова:

— А ты не мужик, что ли? Вон каким басом говоришь, как Шалапин! Догоняй, лупи их!

Двое суток грохотали и дымили сварщики. На третий день глянул Степан с первого этажа наверх. Весь подъезд был прикрыт, как древний рыцарь, сверху донизу стальным щитом, напоминая декорацию из голливудского фильма о звездных войнах.

Отдохнул Степан от грохота, настроение улучшилось. Сварщикам он отдал, как и договорились, пятнадцать тысяч. Пять тысяч осталось. Отец все равно не узнает, сколько эта сварка стоила, он в город — ни ногой. Ну и ладно! Самое время пойти в железнодорожный ресторан и как следует обмыться там новым стилем жизни! А что? Современная квартира, супердверь, потом глазок врежем, и будет жизнь подающего надежды джентльмена. Да ведь он — артист. Тамарка ездила за границу, не исключена возможность, что его оркестр тоже поедет на гастроли. О! Тогда будет чем похвастать и перед отцом, и перед знакомыми.

Железнодорожный ресторан еще недавно был местом сбора всякого отребья. Всё на ходу, быстро, столы обшарпаны, стулья расшатаны. Заскочит пассажир перед отходом поезда проглотить тарелку борща со сметаной, под которую обычно маскировался кефир. А еще чаще брали пару стаканов клюквенного киселя, который под воздействием желатина стоял колом, причем края почти всех стаканов были обгрызены. Пирожки — с неизвестностью, почти окаменелые. Тут же продавали пиво и бормотуху.

Однако Степана ждал сюрприз. Вокзальный ресторан преобразился. У входа стоял бородатый швейцар, он показал Степану большой волосатый кулак и выкрикнул:

— Варате!

Слово звучало, как «карате», «варьете», но означало: от ворот — поворот.

— Почему? — возмутился Степан.

— По кочану! — пояснил швейцар. — Нельзя без галстука!

— Но я не надел! Может, мне шею давит.

— Без галстука хода нет! Вот, могу дать на прокат за двести рублей, — показал швейцар помятый, грязный и мокрый не то от пота, не то от другой какой-то влаги галстук.

Степан сообразил, что споры ни к чему не приведут, а если пойти за галстуком домой, вернешься, а в ресторане уже не будет ни одного свободного места. Он повязал омерзительную тряпку себе на шею, швейцар побрызгал на него из пульверизатора сильно разведенным водой одеколоном «Шипр» и протянул руку за чаевыми.

— Где бы присесть? — осведомился Степан у пробежавшего мимо официанта. Прежде официант и не подумал бы остановиться, но времена изменились.

— Рекомендую! — сказал с полупоклоном официант. — Многие любят сидеть поближе к эстраде, музыка, сами понимаете. Если вы насчет дам, то пока занимайте любой столик, оглядитесь, после пересядете.

Степан заметил, что ресторан почти пуст, не то что в прежние времена. Понятно — цены! Мебель обновилась: столики аккуратные, с пластмассой, имитирующей мрамор, и на каждом стояла голубая плошка, в которой плавала небольшая круглая свечечка. «Ностальжи», — вспомнился Степану телевизионный сюжет. Сделаешь заказ, официант тебе эту свечечку зажжет, она будет плавать, что-то такое навевать... воспоминания.

Да какие у него воспоминания! Ну вот, в Новосибирске, когда учился в консерватории, с ребятами вечерами в каком-то ресторане подрабатывали. Ну-да! Бифштексы, ромштексы, бефстрогановы разные, котлеты отбивные подают там с пылу, с жару, из огурчиков, свеклы и моркови диковинные цветочки вырезаны. Или поджарка по-русски. Подается на сковородке, а под её днищем другая сковородка с раскаленной солью. Шик, треск, красота!

Ну и заходили музыканты на кухню перекусить, давали им там гречневую кашу с фаршем. Официантки тарелки с недоеденными котлетами, бифштексами, ромштексами на особый стол за кулисами ставят. Повар вытаскивает из тарелок окурки, кости обглоданные, из собранного в кастрюльку мяса опять начинает котлеты, бифштексы лепить, замечательным гарниром украшать. Разогреет на плите — и вновь официантки подают клиентам прекрасные блюда. Тут тебе и медвежатина, и лосятина, и рябчики, и тетерева. Гости ресторана чокаются: за ваше здоровье! С аппетитом закусывают.

С этими невольными отнюдь не ностальгическими воспоминаниями Семен машинально присел за трехместный столик у стены. Вокально-инструментальный ансамбль на эстраде состоял из любителей, это он понял сразу, как те заиграли и запели:

*Тум-бала, тум-бала, тум-балалайке,
Тум-бала, тум-бала, тум-балала,
Тум-балалайке, шпил балалайке,
Тум-балалайке, фрейлих зол зайн!*

— Разрешите к вам присоединиться? — обратился к Степану пожилой обветренный мужчина, державший под руку голубоглазое чудо, девушку лет семнадцати.

— Места не жалко, — ответил Степан, — тут не по билетам.

— И то правда! — согласился обветренный, которого Степан мысленно прозвал капитаном, так как на смуглой руке его был выколот якорь. Познакомились. Мужик с наколкой был Василием, девушку звали Анжелой.

— Что они там за балалайку тумкают? — удивился Василий.

— Старинная грустная лирическая еврейская песня! — пояснил Степан.

Василий возмущился:

— Россию продали!

Степан сказал:

— Музыканты при чем? Сам музыкант, знаю. Им заказали, заплатили, вот и поют. Знаешь, еще говорят: наше дело шоферское, куда скажут, туда и ведем...

— Ты музыкант, так поди сыграй и спой нашу сибирскую «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...»

— Я не певец, я в симфоническом оркестре на виолончели играю. У них же только гитары да ударные инструменты.

— Ладно! Банкет объявляется открытым! — Василий щелкнул зажигалкой, и круглая свечка поплыла в голубой плошке, испуская тонкий церковный аромат. Анжела расширила и без того огромные голубые глаза:

— Как красиво!

Графин с коньяком, фрукты, морсы: клюквенный, брусничный... Степан предложил вообще не брать медвежатины, лосятины. Сладкий стол.

— Вегетарианец? — спросил Василий. — А про таких мужей, как я, в песне поётся — ребята семидесятой широты! На севере без мяса не сдюжишь. Специальность? Электрогазосварщик... Анжелка — дочь моего начальника — здесь в университете учится. Вот я приехал сюда на переподготовку, да от отца Анжелке кое-какие северные подарки привез. Сам знаешь, бывает просто золото, бывает голубое золото, а еще бывает какое?.. Не понял? Мягкое, пушистое.

В этот момент оркестр грянул:

— Уведу тебя я в тундру!

Василий подхватил полную даму за соседним столиком и закружил по залу.

— Может, и мы? — робко спросил Степан.

Анжелка положила руку ему на плечо...

Через некоторое время они распочали третий графинчик с коньяком.

— Хорошо сидим, музыкант! — восклицал то и дело Василий, отирая губы галстуком, который ему тоже выдал напрокат официант. — Хорошо сидим! — повторил Василий, — закусь — манго, ананасы, да так оно, может, даже и лучше, разобрало сильнее.

Между тем оркестранты уже покинули эстраду, да и публика стала убывать, как вода в ванне, когда из нее вынут пробку.

Степану хотелось заинтриговать Анжелку:

— Я недавно был с оркестром на гастролях в Вене, публике так понравилось мое исполнение, что после концерта мне набили футляр от виолончели деньгами...

— Рублями? — поинтересовался Василий.

— Да нет! В Вене? Какие там рубли? Доллары!

Люстры под потолком стали гаснуть одна за другой.

Швейцар и метрдотель желали задержавшейся публике доброй ночи.

— Извините, нам надо закрывать.

Милиционеры нетерпеливо переминались у входа.

— Ну, до свиданья что ли? — сказал Василий. — Я же здесь, в привокзальной гостинице остановился. А ты, брат, Анжелу до дома проводи. Даже машину брать не надо, она живет в двух кварталах отсюда.

— Я провожу! — обрадовался Степан. — Да, немножко пройтись, проветриться не мешает.

Степану казалось: вот оттолкнется ногами и воспарит над этим осенним городом. Тум-балалайка! Хотя при чем тут балалайка!

Он принялся объяснять Анжеле, чем отличается симфоническая музыка от всякой прочей. Вершина музыкального искусства! Он будет ей давать контрамарки, и она сможет ходить на любые концерты. Он научит ее понимать симфоническую музыку.

— А у вас дома есть виолончель? — поинтересовалась Анжела.

— Конечно!

— Может, вы мне сегодня и сыграете что-нибудь волнительное? Сейчас так хочется музыки!

— Вообще-то соседи уже спят, но неважно, я тихоньку, есть такой тихий этюд...

Степан долго не мог отворить замок, гремел железной дверью. Наконец они прошли в комнату, там было пусто, окна были завешаны газетами.

Степан снял с Анжелы пальто. Она прислонилась к нему, всхлипнула:

— Мне так неловко. Ой, уже так поздно! Мама с ума сойдет. Вы мне дайте ключи от двери, я побегу позвоню из автомата, тут в переулке. Скажу, что задержалась у подружки. Да нет, пальто надевать не надо, я быстро. А вы пока настраивайте виолончель.

— Может, мне проводить тебя туда, к телефону?

— Не нужно. Мне ведь придется маме врать, а при вас я буду стесняться.

Степа подал ей ключ, в голове у него звучали торжественные хоралы: сейчас она вернется, и он останется с ней один до утра!

В час ночи в квартире у писателя залаяла кудрявая собака, писатель вскочил и услышал глухие утробные вопли. «Это у соседа!» – понял писатель, хотел выйти в коридор, но дверь почему-то не отворилась. Никак! Тогда писатель вышел на балкон и увидел на соседнем балконе вспышки огня.

– Мы будем тебя поджаривать до тех пор, пока не скажешь, куда спрятал свои заграничные доллары! – слышались пьяные мужские голоса.

– Мамоу клянусь, я наврал всё, чтобы перед девчонкой похвастать!

– Все равно какая-то заначка есть! Зря что ли шляешься по ресторанам? Имел нашу даму – плати! Сейчас сильнее лампу накачаем...

– Да нет у меня ничего! Не трогал я никого. О-о! Мучители!

– Прекратите! – гаркнул писатель, – я позвонил, уже милиция едет!

– Ври больше! – ответил грубый голос. – Мы на всех этажах провода обрезали, все двери заклини-

ли. Трудов сколь затрачено, даму нашу лапал, и все – задаром?

– О-о! Возьмите виолончель, больше нет ничего!

– Сгореть нам с твоей виолончелью? Лучше мы её, как и тебя, сожжем.

Было слышно, как под струей огня с жалобными звуками лопались струны. Потом грохнула железная дверь, простучали по лестнице каблуки, и все стихло.

Писатель напоил дочь и жену валерьянкой и вновь пошел на балкон. Там он смотрел на дальние миры в бесконечное время и пространство и слушал тишину. Ему удалось дожидаться запоздалого прохожего.

– Товарищ! – обратился к нему писатель. – В нашем доме убили человека, все двери заклинили и телефонные провода обрезали. Тут в проулке телефон-автомат есть, позвоните ноль два, наш адрес: Гузова, шестнадцать. Сделаете? Спасибо!

Прохожий не обманул. Вскоре возле дома замигали синие маячки.

1 августа 2009 г.

Литературная дружба

Т. Мейко, С. Филатов, Т. Назаренко, Б. Климычев в Томске

Вероника
ШЕЛЛЕНБЕРГ

НА СЕРЕБРИСТЫЙ
ХОЛМ ВЗБЕГАЕТ
КОВЫЛИЦА

* * *

Спасение в солнце и в снеге сухом.
Искра! И стремительный кто-то верхом
Несется, как выстрел, упрямо горяч.
За спутанной гривой лица-то не прячь!

Солдат ли? Царевич? Домой? На войну?
Зачем измеряешь страну в ширину?
Степей ослепительно белую спесь
сбивая следами...
Не нужен ты здесь!
И что тебе там, где пиры и дары,
дружья – пали в битвах, а девы – стары...

Но всадника сердце и сердце коня,
ритмичную верность друг другу храня,
толкают горячую кровь, и она
ведёт их туда, где любовь и война.

* * *

Открой глаза, не спи,
всё это только снится,
а может быть, и нет –
кто может дать ответ?
На серебристый склон
взбегает ковылица –

ковыль моя трава,
луны волнистый след.

А утром сквозь туман
смятением пахнет мята,
волнуется ковыль,
бобыль глядит смурно...
А женщина вдали
ни в чём не виновата.
А может быть, и да –
но это – всё равно...

Раскован летний бег,
рискован бег весенний,
подковы ковылиц,
круша глухую тьму,
на счастье отлетят,
и это повторится...
А почему бы нет –
хотя бы одному...

* * *

Связь обрывается сотовая,
и паутинка сотканная
за лето... и наша связь
тонкая – оборвалась.

ШЕЛЛЕНБЕРГ Вероника Владимировна родилась в Омске. Окончила литературный институт им А. М. Горького. Лауреат ежегодной областной литературной молодёжной премии им. Ф. М. Достоевского (1998) за сборник стихотворений «Если б не ты». Дипломант Всероссийского литературного конкурса им. В. П. Астафьева (2006). Публиковалась в журналах и альманахах: «Арион», «Дети Ра», «Москва» (Москва); «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские Афины» (Томск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Иркутское время» (Иркутск), «Складчина» (Омск), «Урал» (Екатеринбург). Состоит в Союзе российских писателей. Живёт в Омске.

Солнечное, безветренное
лётся тепло — и нет его...
Хрустят листочки на дне
в сухом осеннем вине.

Достигнет волна увядания
и тополя пирамидального,
как бы он ни был упрям
под натиском октября.

Повремени, пожалуйста,
снежная жесть — не из жалости,
а из любви к листу,
последнему на посту.

Связь обрывается сотовая,
и паутинка сотканная...
на самом-то деле — да!
удерживала холода.

* * *

На западе Африки
экзотикой и не пахнет.
Птицефабрика. Графики-клетки.
Антикризисные порядки.
По цыплячьему желтому полю идёт,
как пахарь,
разнорабочий,
надевая резиновые перчатки.

Отлистайте назад —
в букваре на форзаце
алфавитная «Це»
с этим глупым, глазастым птенчиком —
в два кружочка,
а потом Черепаха,

Шарик воздушный, и — в конце
Ящерица или Яблоко...
или смерти отсрочка.

Модное слово «кризис» не вызывает шок,
Аист Африки место своё
иногда уступает Арбузу.
Но — кризис!
И крохотных желторотиков
живьём утрамбовывают в мешок
для умерщвления.
Потому что выросли цены на кукурузу.

А букварное «Ща» —
это Щавель и ЩАстье для дураков...
В умерщвлении —
изоощренная узкая щель
для последнего вздоха.
Цыплята царапаются, пищат...
И на всех не хватает мешков.
Для безработных текстильщиков
это даже не плохо.

* * *

Жёлтый одуванчик — день.
Белый одуванчик — дунь...
Мокрую сирень задень,
может быть, ещё приду.

Солнце ограничило край
сонным золотым городам.
Если где-то есть рай,
Белый одуванчик — там...

* * *

Роману Солнцеву
и Александру Казанцеву

58

Солнечно день завершается,
а серым казался.
Солнцев Роман улыбается
и Саша Казанцев.

Майским цветеньем одетая
зелень бестыжа —
не до того, не до этого —
свое-то поближе!

Из Енисея, безусое,
пьёт у стремнины
солнце, кроваво закусывая
стальной осетриной...

Всё это вертится, мается,
ждёт новобранцев...
Солнцев Роман не прощается...
...а Саша Казанцев?!

Владимир
СЕРОВ

СКВОЗЬ НОЧНОЕ НЕБО

Повесть

1. ТОЧНОСТЬ – ВЕЖЛИВОСТЬ КОРОЛЕЙ

Только что прошел теплый августовский дождь, и на бетонке местами образовались внушительных размеров лужи. Время от времени по ним с шумом проносились выкрашенные в желтый цвет для лучшей приметности на летном поле грузовые автомобили.

Несмотря на обильно прошедший дождь, низкая облачность не рассеялась, и, хотя временами сквозь «окна» всплесками проглядывало солнце, было ощущение, что погода в любой момент может снова закапризничать. Но прогноз метеослужбы был, видимо, обнадеживающим, потому что время от времени на край взлетно-посадочной полосы выруливали самолеты и, задерживаясь на короткий отрезок времени у линии исполнительного старта, сначала медленно, а потом все быстрее начинали свой разбег перед тем, как, окончательно оттолкнувшись от бетонки, уйти в разлохмаченное небо.

На стоянке у открытого заднего люка грузового самолета «Ан-26» стоял человек и скучающе созерцал бетонку ВПП¹. Это был бортоператор Иван Дорожников, и созерцание ВПП давно надоело ему, но ничего другого не оставалось: аэродромные биндюжники, как называли в обиходе летчики складских грузчиков, подвозивших грузы на машинах к самолетам, будто забыли о существовании их «двадцать шестого», и не ясно было, через какой еще промежуток времени они вспомнят о нем.

¹ ВПП – взлетно-посадочная полоса.

До вылета же оставался час с небольшим, на борт им предстояло взять пять тонн груза, и для того, чтобы разместить его в фюзеляже и намертво закрепить, в течение этого часа надо было работать на пределе.

От правой плоскости отвалил бензозаправщик и покотил на противоположный край бетонки. Подошел Бурин, бортмеханик, вытирая руки тряпичей.

– Три тонны гари взяли, – сказал он бортоператору. Керосина, значит.

На подходе к аэродрому вынырнул из облаков Ан-24 с выпущенным шасси, носом нацелился на полосу. Но метрах в восьмидесяти от земли прекратил почему-то дальнейшее снижение и пошел над бетонкой, медленно переводя поблескивающий стеклами пилотской кабины нос к взлохмаченным ошметкам облачности, откуда только что вывалился. То ли командир совершил «промаз» при заходе на посадку, то ли «двадцать четвертый» угнали на второй круг по иной причине, известной лишь диспетчеру посадки, сидевшему сейчас у локатора, – пассажирам лайнера от этого было не легче. Редко кто из них относился с олимпийским спокойствием даже к несильному вздрагиванию самолета на воздушных «ухабах», а уж когда снижавшийся Ан опять начал уходить от земли, наверняка вцепились ладонями в подлокотники кресел, вмиг утратив все желания, кроме одного: получить немедленный ответ на вопрос: «Почему?» Но такой ответ им никто давать не будет, потому что стюар-

СЕРОВ Владимир Данилович родился в 1940 году в городе Прокопьевске. Окончил горный факультет КузПИ. Автор книги «Жизнь – борьба, а борьба – жизнь», повести «Поющие крылья». Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Работал в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», на областном радио. Член Союза журналистов СССР. Живёт в Кемерове.

дессы сейчас сами сидят на своих местах, пристегнутые поясными ремнями, и тоже не знают, почему их лайнер прекратил снижение и снова начал набирать высоту.

Все это отлично понимали Дорожников с Буриным, провожая взглядом скрывшийся в облаках Ан-24. Грузовой Ан-26 был точной копией своего собрата в «белой сорочке», за исключением несущественных отличий. Это касалось в первую очередь задней части фюзеляжа, которая для выгрузки десантников-парашютистов и разных грузов имела вертикальный люк и откидывающуюся дверь-платформу. Двигатели были мощнее, а колеса шасси имели больший диаметр и пониженное давление в пневматиках, позволяющие воздушному кораблю с полным полетным весом в 24 тонны совершить взлет и посадку на аэродромах, не имеющих бетонного покрытия.

Подкатил трехтонный ЗИЛ и, сделав залихватский разворот, остановился точно в створе фюзеляжа Ан-26. Затем грузовик медленно, словно крадучись, стал пятиться к открытому люку самолета. В кузове в ленивых позах сидели четверо грузчиков, с безразличным видом глядя каждый в свою сторону. И лишь когда грузовик задней частью кузова, окаймленного кусками покрышек от самолетных колес, мягко ткнулся в край откинутой в рабочее положение платформы, они нехотя зашевелились, готовясь приступить к своим обязанностям. Даже по предварительной прикидке выходило, что грузчики провозились на складе вдвое дольше, чем следовало бы. А времени до вылета оставалось в обрез. Вообще-то в том, что самолет к назначенному до вылета времени может оказаться незагруженным, ничего смертельного не было. Не они первые, не они последние. Когда будет лайнер загружен, тогда и доложат диспетчеру: можем трогаться. Но вся соль заключалась в том, что летчики одного из прилетевших экипажей сообщили, что погода перед Уралом и особенно в западной его части что-то закапризничала и есть все основания предполагать, что каприз её может усилиться настолько, что в уральском небе для самолетов будет объявлен тайм-аут. Но для «усиления каприза» необходимо определенное промежуток времени, иногда довольно внушительный, и если они вовремя вылетят из матушки-Москвы, то смогут в этот промежуток времени пройти Уральскую зону. Потому и решил Бурин подключиться к погрузке, хотя он как бортмеханик не обязан этим заниматься.

Двое грузчиков прыгнули на откидную платформу, двое остались в кузове ЗИЛа.

— А мы уж думали, что вас свалившимся сверху мешком с валенками покалечило! — с легким раздражением проговорил Бурин.

Грузчики, словно их слуха абсолютно не коснулась колкость бортмеханика, продолжали деловито готовиться к трудоемкой операции. Перед тем как взяться за первый ящик, один из них флегматично произнес, не поворачивая головы:

— Все мы мастера шутить, глядя со стороны. На складе кто-то варежку раззявил, и на ваш груз навалили другой, который пойдет только завтра. И пришлось нам делать дурную работу.

Бурин почувствовал некоторую неловкость за свою горячность, но, помня о том, что слово не воробей, молча перебрался через кузов ЗИЛа на платформу и пошел вдоль фюзеляжа к пилотской кабине, где уже в ожидании у кнопки пуска транспортера стоял Дорожников. Он сменил свою аэрофлотовскую форму на потрепанный тренировочный костюм и теперь хладнокровно готовился к «пролитию пота». Бурин аккуратно повесил свой фирменный китель с брюками на деревянные плечики, потянул на себя такое же трико, в какое сейчас был облачен бортмеханик, и отошел к левому борту.

Из всего экипажа во время подготовки к полету грузового Ан-26 самый тяжелый крест несет бортмеханик. Бортмеханику тоже бывает несладко, но это случается нечасто. На сей же раз Бурину предстояло испытать ту же чашу, что и Дорожникову. А все из-за того, что поджимало время, а груза было чуть поменьше Эвереста. Бурин уже чувствовал, что они все равно не уложатся в оставшееся до вылета время, но теперь уже ничего нельзя было сделать, оставалось только действовать, сообразуясь с обстоятельствами. Сегодня для него выражение, что полеты начинаются с земли, приобрело сугубо натуралистический смысл.

Грузчики уже перевалили первый ящик из кузова на ленту транспортера, которая была смонтирована в пол вдоль фюзеляжа так, что сама как бы являлась частью пола, и Дорожников нажал кнопку пуска. За поплывшим ящиком на металлическую ленту глухо шлепнулся второй, затем третий, и рядом с Буриным бесшумно вырос один из грузчиков. Они подхватили поравнявшийся с ними первый ящик и одним махом положили его к борту. Потом следующий.

Ящики теперь на транспортер принимали два грузчика, а двое остальных орудовали в кузове и на платформе. Когда последний ящик перекочевал к борту, Бурин с Дорожниковым облегченно вздохнули, хотя понимали, что это — только начало.

ЗИЛ с грузчиками укатил на склад, и Бурин с Дорожниковым вышли на платформу, с наслаждением ощущая прохладу августовского вечера, слегка сдобренного сыростью. Оба, не сговариваясь, посмотрели на небо. Облака по-прежнему висели рваным покрывалом, простиравшимся до горизонта.

— Интересно, что там в АДСе¹ командиру говорят? — задумчиво произнес Бурин.

— Ты думаешь, что вылет могут отменить? — спросил Дорожников.

— Я думаю, что завтра лучше быть дома.

Потом снова прибыл ЗИЛ, и повторилось все сначала. Когда он ушел за следующей порцией груза, часы показывали 19 часов 35 минут. Вылет по расписанию был назначен на 20 часов, но теперь было ясно, что об этом нечего и думать. Командир, второй пилот и штурман все еще не появлялись. Видимо, позвонили на склад и выяснили, что вовремя погрузки не получилось.

Последним рейсом ЗИЛ привез остатки груза, так что на его размещение не потратили слишком много времени. Бурин с Дорожниковым принялись фиксировать сложенные ящики специальной сетью, которая крепилась держателями к бортам. Ящики занимали все пространство фюзеляжа до самого потолка. Ровно пять тонн. Свободным осталось лишь небольшое пространство перед пилотской кабиной. Здесь как раз по правому борту находилась входная дверь. Дорожников с Буриным снова облачились в аэрофлотские костюмы.

— Эх, сейчас бы бутылочку пивка холодного! — мечтательно произнес Дорожников, зачесывая волосы.

— И комиссию по контролю за состоянием экипажа перед вылетом, — в тон ему ответил Бурин.

Открылась дверь, и по стремянке поднялись командир экипажа Николай Дронов, второй пилот Евгений Мухин и штурман Василий Крамов. В руках у штурмана была сетка, в которой лежали полученные в пищеблоке на весь экипаж бортпайки.

Бурин ловко подхватил дюралевую стремянку и поставил ее к борту. Затем плотно закрыл дверь и зафиксировал замками.

Командир, положив свой портфель, туго набитый бумагами, на откидную лавку, прошел в пилотскую кабину. Остальные последовали за ним. Заняв левое, командирское кресло, Дронов надел наушники и проверил их подключение. В правом кресле устраивался Мухин. Штурман и бортоператор уселись на свои места почти одновременно. Геннадий Бурин, чье рабочее место было посреди командира и второго пилота, перед пультом управления двигателями и другими системами воздушного корабля положил откидывающуюся вперед спинку своего кресла на сиденье и лишь после этого взгромоздился на него. Все без исключения бортмеханики грузовых Ан-26 и пассажирских Ан-24 устраивались подобным образом. Что-то не учли при компоновке кабины конструкторы, и бортмеха-

ники сами нашли наиболее подходящее для себя положение: сидеть повыше, наклонившись немного вперед. Так удобнее работать. Правда, в много часовом полете, когда самолет идет на автопилоте, иногда нелишне было бы откинуться на спинку всем телом и в таком положении немного поблаженствовать, но из двух зол выбирают меньшее.

Понудив приладив наушники, Дронов взял переданные ему Буриным несколько карточек, нарезанных из ватмана, на которых печатными буквами от руки были написаны выдержки из многостраничной инструкции по эксплуатации самолета «Ан-26», где каждая фраза была так же молчаливо-впечатляюще, как холодно поблескивающее лезвие охотничьего ножа. Принялся читать, не очень громко, но внятно и отчетливо выговаривая каждое слово, что должен делать экипаж после отрыва от земли и наборе высоты при отказе одного или двух двигателей. Закончив читать, он вернул инструкцию Бурину и взамен получил другую, в которой шел перечень того, какие манипуляции с оборудованием кабины обязан был произвести тот или другой член экипажа перед запуском двигателей. И тот, чью должность при чтении называл командир, на каждый пункт этого своеобразного «поминальника» отвечал коротким: «Сделано!»

От аэродромного питания начал раскручивать винт правого двигателя. Через несколько секунд ровно загудела турбина. Тут же стал раскручиваться левый винт. Вскоре воздушный корабль мерно подрагивал под монотонное гудение двигателей, удерживаемый на месте тормозными колесиками, подложенными под колеса шасси. Убедившись в нормальной работе турбин, Бурин плавно уменьшил нагрузку на винты, и авиатехник по очереди убрал колесики из-под колес, сообщив при этом экипажу поднятой рукой. Получив разрешение диспетчера, Бурин поручил на край взлетной полосы.

Сумерки, основательно уплотненные нависшей облачностью, по сути превратились уже в ночь. В стороне от аэропорта морем огней сверкала Москва.

Когда самолет вырулил на исполнительный старт и Дронов запросил у диспетчера разрешения на взлет, Бурин нажал тумблер выпуска закрылков во взлетное положение. Потом в наушниках прозвучало: «Взлет разрешаю», — и Бурин плавным движением перевел лопасти винтов на большой шаг. Дронов отпустил тормоза, и Ан-26 послушно двинулся вперед, с каждой секундой ощутимо ускоряя разгон. Из-под колес веером разлетались брызги местами скопившейся на бетонке воды. Скорость продолжала стремительно нарастать. Дронов свободно сидел в пилотском кресле, крепко, но без на-

¹ АДС — авиационно-диспетчерская служба.

пряжения сжимая штурвал, устремив взгляд вперед, стараясь выдержать направление разбега.

— Сто двадцать, сто сорок, сто шестьдесят, — бесстрастным голосом фиксировал Бурин нарастающие скорости.

— Сто восемьдесят. Скорость принятия решения!..

Сто восемьдесят километров в час! Для данного типа самолета это та черта, на которой еще можно безопасно прекратить взлет, если экипаж заметит определенный сбой в работе сложного организма воздушного корабля. Командир и второй пилот в долю секунды окинули взглядом приборную панель.

— Экипаж, взлетаем! — коротко бросил Дронов и слегка взял штурвал на себя, подняв тем самым носовое колесо. Лайнер мчался теперь по бетонке на двух основных колесах шасси.

— Двести, двести двадцать...

Всё, скорость отрыва! Дронов снова плавно потянул штурвал на себя. Толчки под носом кабины прекратились, и на переднее стекло кабины начали наползать взлохмаченные облака. Дорожников вышел в грузовой отсек, внимательно осмотрел крепление груза. Все в порядке, страховочная сеть надежно спеленала аккуратное нагромождение ящиков, предотвращая даже мизерное их смещение. Проверив груз, Дорожников вернулся в пилотскую кабину и сел на свое место.

Дронов и Мухин по-прежнему вели лайнер в наборе высоты. Облачный слой был не очень мощный, и вскоре Ан-26 вышел из него. С ровной натужностью гудели турбины. В разрывах облаков внизу просматривались островки электрических огней. Выше, примерно на тысячу метров, простирался еще один ярус облаков, но тоже не сплошных, с разрывами, в которых можно было увидеть редкие, слабо мерцающие звезды. Командир спокойно держал штурвал, иногда пристально вглядываясь в экран локатора, но ничего настораживающего по курсу воздушного корабля экран не фиксировал.

Экипаж работал как хорошо отрегулированный механизм. Бурин, возвышаясь посреди пилотов на сложной спинке кресла, спокойно следил за работой двигателей. Крамов за перегородкой, в которую вмонтированы локатор и несколько навигационных приборов и которая отделяла его рабочее место от кресла командира, корпел над своими штурманскими исчислениями.

Перед вылетом из Москвы метеослужба, предоставляя данные о погодных условиях по маршруту, предупреждала о возможности усиления турбулентности¹. Сейчас, когда Ан-26, послушный штурвалу

своего командира и слаженным действиям остальных членов экипажа, напрягшись всеми своими без малого тремя тысячами лошадиных сил, заключенных в его турбинах, эстетично обрамленных мотогондолами, уверенно взбирался на отведенный для него эшелон² в семь тысяч метров. Тонкая нитка луча на экране локатора совершала свои размеренные движения, иногда высвечивая взлохмаченные скопления набухших облаков.

Десятки приборов, подсвечиваемых изнутри, фиксировали работу сложного организма воздушного корабля. Скороподъемность — десять метров в секунду, скорость — триста двадцать километров в час. Это очень приличная скорость для многотонного воздушного лайнера в наборе высоты. В середине тридцатых годов с такой скоростью летали истребители. На несколько секунд Дронов включил фары, вмонтированные в переднюю кромку крыльев. Яркий сноп света с каждой стороны пропорол вязкую темноту ночного неба. Светящимися дисками обозначились работающие винты. Выключив фары, командир вновь все внимание сосредоточил на авиагоризонте и пространственном положении воздушного корабля. Земля в «слепом» полете воспринимается абстрактно, как некая точка отсчета, сфокусированная в цифрах высотомера.

«Через час будем в промежуточном аэропорту, — равнодушно подумал Дорожников, глядя в темноту за иллюминатором. — Полная замена груза предстоит. Опять поту прольешь больше, чем наш «двадцать шестой» сожрет керосину на этом переходе».

Иван вышел в грузовой отсек, вытащил из держателя слегка начатую бутылку минеральной воды. Выпив полстакана, ополоснул его под краном, поставил в гнездо, вернул бутылку в зажимы держателя.

На грузовом Ан-26, в отличие от его пассажирского собрата Ан-24, звукоизоляцией оборудована лишь пилотская кабина, а грузодесантный отсек по этой части был абсолютно голый, и оттого здесь стоял невероятный вой от работающих двигателей. Причем впечатление было такое, что правый двигатель работает в одной тональности, а левый — в другой. Иван даже специально минут пять послушал этот любопытный дуэт турбовинтовых двигателей.

Слышал он его, разумеется, не впервые, но всякий раз привлекала в этой мощной разноголосице некоторая похожесть на членораздельные звуки человеческого голоса. Если долго вслушиваться, можно даже явственно услышать, что каждый двигатель произносит свое слово. Например, левый

¹ Турбулентность — возмущение воздушных масс.

² Эшелон — заданная высота полёта.

двигатель сейчас выдавал протяжное «най-дем, най-дем». В правом отчетливо прослушивалось «звездо-пад, звездо-пад»...

Иван закрыл глаза, стоя у питьевого агрегата с оборудованием для кипячения воды. И «най-дем», и «звездо-пад» стали прослушиваться еще отчетливее. Нет, это не было мистикой или игрой воображения впечатлительной натуры. Бортоператор Дорожников отвечал всем требованиям врачебно-лётной комиссии. И не он один из экипажа слышал те или иные «слова» в равномерном гуле воздушного корабля. Просто он, может быть, чаще других и с общим вниманием вслушивался при случае в этот «концертный» диссонанс-каламбур. Все-таки он был немного музыкантом: со школьных лет играл на баяне и часто брал его с собой при коллективном выезде за город. Гитару недолюбливал, хотя многие из сослуживцев, особенно из молодого поколения, частенько уговаривали его «пересесть» за гитару.

Тонкий слух Дорожникова уловил плавный переход двигателей на несколько иную тональность, и он понял, что они вышли наконец на отведенный им эшелон.

Повернувшись к открытой двери пилотской кабины, он увидел, что «бортач» Гена Бурин, повернувшись на своем складном кресле-блюдце, делает ему руками определенные знаки. Понятливо кивнув головой, Иван захватил бутылку боржоми со стаканом и пошел в пилотскую.

— Сиди, налью сам, — проговорил он в самое ухо Бурину, когда тот потянулся было к бутылке.

Дронов продолжал держать штурвал, хотя можно было уже включать автопилот. В бутылке еще оставалась минералка, но командир даже не пошевелился, временами вглядываясь в локатор. Зато Мухин косо посмотрел в сторону Бурина, и тот, ловко выхватив бутылку из рук Дорожникова, вылил остаток боржоми в стакан и подал Евгению.

— Посуду сдай, деньги можешь оставить себе, — сказал Геннадий, возвращая бутылку со стаканом бортоператору.

— Приемный пункт посуды на нашем эшелоне уже закрыт, — ответил Дорожников. — Так что двадцать копеек с тебя, когда приземлимся в родном и любимом аэропорту.

Сунув бутылку в пустой ящик, он вернулся на свое место и, равнодушно посмотрев в черный иллюминатор, облокотился поудобней на рабочий столик и положил голову на руки. Василий Крамов манипулировал напротив логарифмической линейкой, время от времени делая цифровые пометки на смонтированный в штурманский столик белый квадрат, внешне напоминающий ватман. Когда надобность в написанных цифрах отпадала, штурман обыкновенной школьной резинкой стирал их и лег-

ким движением карандаша наносил новые и в то же время успевал внимательно всматриваться в экран локатора.

В наушниках было слышно, как командир вышел на связь с диспетчером подхода аэропорта, в котором они должны сделать первую посадку, полностью заменить груз и дозаправиться.

Диспетчерский пункт передавал обычную в таких случаях информацию: горизонтальная и вертикальная видимость над аэродромом, направление и скорость ветра. Минимум погоды соответствовал квалификации командира корабля Дронова, но настораживало другое: ветер был боковой к посадочной полосе, скорость — двенадцать метров в секунду. Как раз тот предел, при котором разрешается посадка для Ан-26. Стоило ветру усилиться хотя бы на двадцать сантиметров в секунду, и тогда сразу же последует команда идти на запасной аэродром. К тому же полоса обильно смочена дождем.

До нее оставалось еще двадцать минут лета, а погода неустойчивая, и кто знает, не придется ли в самом деле — на запасной. А это — двести километров в сторону, а там сиди, съедаемый тоской, а потом опять возвращайся сюда: груз-то не транзитный, выгрузить надо здесь и взять другой.

Дронов начал снижать корабль с эшелона. Сейчас от него требовалось утроенное внимание, потому что уже вошли в воздушное пространство аэропорта. Где-то там, немного выше (об этом предупредил диспетчер), шел на снижение огромный реактивный лайнер, в котором в эти минуты не менее ста пятидесяти пассажиров, утомленных полетом, по команде стюардессы вяло и неохотно пристегивали себя ремнями к креслам.

— Командир, придется нам торчать в зоне ожидания, — нажав кнопку переговорного устройства, обреченно произнес штурман. Он в считанные секунды все прикинул и рассчитал: скорость у «тушки» (так пилоты обычно именуют самолеты конструктора Андрея Туполева) в два раза выше, чем у Ан-26, да и к полосе он идет с выгоднейшим курсом по сравнению с ними. К тому же служба управления воздушным движением во всех аэропортах всегда более благосклонна к пассажирским, нежели к грузовым самолетам.

Внезапно в наушниках раздался голос диспетчера подхода, который сейчас вел и «тушку», и их Ан-26:

— Борт 19995, садитесь на параллельную грунтовую полосу. Она смочена дождем, поэтому на пробеге воздержитесь от энергичной работы тормозами.

— 19995 понял, — дал «квитанцию» Дронов, легким движением рулей внося небольшую поправку в курс снижения воздушного лайнера.

Данный аэропорт относился к первому классу, в нем, кроме «бетонки», имелась хорошо укатанная грунтовая полоса, куда в часы пик принимали средние воздушные корабли. Сейчас не было «пиковой» ситуации в воздухе, но диспетчер (а они, как правило, на девяносто пять процентов состоят из бывших летчиков, ушедших на пенсию по выслуге лет), здраво рассудил, что чем «двадцать шестому» в ожидании очереди болтаться в хвосте у «тушки» и жечь лишние килограммы горючего, пусть лучше садится на «грунтовку». Правда, увлажнена она, да он предупредил командира, чтобы не слишком шуровал тормозами.

На локаторе пилотам было видно, что Ту-154 уже прошел последний разворот и теперь, нацелившись носом в створ полосы, шел на посадку. Ан-26 шел за ним в правом пеленге на расстоянии примерно двух километров. Все, пора! Дронов плавно отжал штурвал от себя, нацеливаясь в точку приземления. Когда до земли оставалось пятьдесят метров, Бурин включил фары. Два лезвия луча легко пропороли темноту августовской ночи, потеряв свою силу лишь у самой земли, в зоне действия посадочных прожекторов, отбрасывавших снопы света вдоль полосы. Ан-26 пружинисто коснулся земли и уверенно пошел на двух основных колесах. Через несколько секунд Дронов легким движением штурвала от себя прижал носовую стойку шасси к травяному грунту. Ан-26 грузно осел на амортизаторах и с едва ощутимым замедлением стал отмерять положенное для пробега расстояние. В конце него лайнер, окончательно укрощенный тормозами колес, послушно покотился в заданном командиром направлении.

Дронов подрулил к отведенной им стоянке, где уже поджидал грузовик, и пока винты по инерции продолжали энергично вращаться, Дорожников нажал тумблер. Квадратная дверь, закрывавшая вместительный проем задней части фюзеляжа, медленно поползла вниз, под брюхо лайнера.

Подрулил автозаправщик. Дронов, Крамов и Мухин сразу же направились в АДС. Бурин открыл аэролюк, расположенный в крыше пилотской кабины, привычно выбрался наверх. Там уже копошились два парня с заправочными шлангами. Дело свое знают, горловины боков вскрыли еще до того, как к ним взобрался Бурин. Сунули наконечники шлангов в горловины, упрятанные в верхние кромки крыльев, один из парней лениво гаркнул водителю АЗ:

— Качай!

Шланги зашевелились, на изгибах начали отползать в сторону, подчиняясь напору первосортного керосина, который погнал насос из чрева АЗ.

— Словно живая, стерва, — сказал один из заправщиков — тот, который стоял рядом с Буриным.

Схватил шевелящийся шланг, откинул от края крыла, придавив ногой.

— Как у вас тут, ухудшения погодки не ожидается? — буднично осведомился Геннадий, не забывая в то же время цепким взглядом окинуть все, что требовалось по инструкции.

— Вообще-то нам погода как таковая по барабану, — флегматично изрек тот, который придавливал шланг ногой. — Обрати свой взор к небесам, и на тебя сразу же снизойдет наиточнейший прогноз на ближайшие часы.

Бурин и без совета сразу же определил, как только выбрался из аэролюка, что циклон, зародившийся где-то над Уральским хребтом, своим еще не очень мощным краем достиг уже данного региона. Державший ногой шланг счел нужным добавить:

— Мы только что одного заливали, пришел с той стороны, куда вам сейчас топать. Говорит, кутерьма там сплошная. Еле пробилась.

— Пробьемся и мы, — нарочито лениво ответил Бурин, бросив мимоletный взгляд на темный небосвод.

Ан-26 слегка покачивался, в кузов машины, стоявшей у грузового люка, с грохотом падали ящики. Разгрузка шла скоро, по всему видать, бригада грузчиков состояла не из сачков, значит, разгрузпогруз не отнимет столько времени, как в начале рейса. Но если хорошо здесь, то плохо «там». Редко в каком рейсе случается, чтобы «сальдо-бульдо» во всех отношениях сходилось...

Бурин вздохнул, запечатал горловины заполненных баков и нырнул в аэролюк. Грузовой отсек был уже пуст, Дорожников стоял посередине, уперев руки в бока, а на его спине сквозь рубашку явственно проступало мокрое пятно.

— Что они сейчас прикатят? — спросил Геннадий.

— Опять какие-то ящики, — вяло отозвался Иван.

Вверху, мигая аэронавигационными огнями, в крутом наборе уходил в ночное небо Ту-154. Немного в стороне от Ан-26 по рулежной дорожке катил к ярко освещенному аэровокзалу Ил-18.

— На пенсию скоро уйдут ветераны, — кивнув в сторону Ила, проговорил Бурин.

— Всякому овощу — свое время, — меланхолически отозвался борт оператор, отводя взгляд от слепящих фар приближающегося автомобиля.

Развернувшись, ЗИЛ начал медленно пятиться задом к проему люка. Бурин не спеша пошел к пускателю лебедки. Не успели грузчики поставить первые два ящика на ленту транспортера, как сверху по фюзеляжу дружно забарабанили крупные капли дождя.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — проворчал Геннадий, держа указательный палец на кнопке

пускателя и следя за движением транспортной ленты. Когда Дорожников с грузчиками опускали на ленту очередной ящик — остановка. Ящик плюхнулся — пуск! Ящик подъехал к намеченной точке, и Бурин с остальными двумя грузчиками, подхватив его в шесть рук, сноровисто укладывали на нужное место. Ящики были все одного веса, поэтому никаких трудностей с определением центровки не было, да и со швартовкой тоже.

Машина с грузчиками наконец уехала, и Бурин с Дорожниковым, присев на откидную лавку, молча вслушивались в негромкие звуки дождя. Снаружи прогудел на взлетном режиме еще один пассажирский лайнер, значит, аэропорт для полетов пока не закрыт. Щелкнул замок боковой дверцы, и по стремянке в самолет поднялись Дронов, Мухин и Крамов. Командир осторожно поставил портфель к ногам, сняв фуражку, стряхнул с нее капли дождя.

— Все в порядке? — буднично осведомился он.

— Как всегда, — коротко ответил Бурин.

— Тогда летим, — подытожил Николай Андреевич и первым прошел в пилотскую кабину.

— Метео не очень обрадовало нас погодой на следующем отрезке пути, — негромко произнес штурман, отвечая на немой вопрос Бурина и Дорожникова. — Грозовые очаги, к тому же встречный ветер на эшелоне. Короче, идиллия.

Бурин и Дорожников понимали, что в подобных ситуациях, когда метеоусловия вроде и позволяют лететь, но не исключают в пути всякие сюрпризы, последнее слово остается за командиром корабля. Он может или отказаться от вылета, или, как того требует инструкция, расписавшись в журнале о своем решении на вылет, сесть за штурвал, взяв всю ответственность на себя.

Крамов и Мухин заняли свои места, а вслед за ними прошел и Бурин. Последним прошел в пилотскую кабину Дорожников. Окна кабины были покрыты густым бисером дождевых капель.

Дождь прошел плотной полосой над аэродромом и теперь отодвинулся в юго-западном направлении на несколько километров. В стороне тускло мерцали огни посадочной полосы.

От заработавших двигателей плотной дрожью затрясся корпус «Антон». Ожившие стеклоочистители вмиг сняли дождевую пленку с передних стекол кабины, и экипаж, получив от диспетчера разрешение вырывать на старт, повел корабль в конец взлетной полосы.

2. ЗАДАЧА С ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

В конце рулежной дорожки пришлось минут десять переждать, пока не произведет посадку Ту-134. На исполнительном старте Дронов привычным взглядом окинул еще раз приборы, лаконично пе-

редал их основные показания диспетчеру на командную вышку. Тут же последовало разрешение на взлет.

Дронов плавно отпустил тормоза, и Ан-26 послушно рванул по мокрой «бетонке» вперед. Николай Андреевич на первых десятках метров разбега чисто рефлекторно фиксировал направление по осевой линии взлетной полосы, которая сейчас с трудом просматривалась через переднее стекло кабины. Самое трудное вначале разбега — это поддержать направление с точностью до миллиметра, особенно когда взлетаешь ночью, да еще в такую погоду. Взгляд скользит впереди мчащегося по взлетной полосе корабля до того самого момента, когда плавным движением штурвала будет поднято переднее колесо.

Миг приближения отрыва Дронов всегда чувствовал всеми порами кожи, и если бы даже перед глазами не было приборов и сидящего рядом Бурина, спокойным голосом фиксировавшего нарастание скорости, он все равно с точностью до секунды определил бы этот момент. И вот он наступил. Дронов привычным движением взял штурвал на себя, и Ан-26, оттолкнувшись в последний раз от прочного бетона полосы, пошел вверх. На высоте пятидесяти метров Бурин включил наружные фары, и стекла пилотской кабины окутала плотная мгла. Ни единого огонька нельзя было различить внизу, так же, как и ни одной мерцающей звезды сверху. А высотомер показывал всего сто пятьдесят метров.

Исчезло ощущение движения. Лишь надсадный гул двигателей да показания десятков приборов бесстрастно сообщали о том, что Ан-26, имеющий сейчас собственный вес без малого двадцать четыре тонны, уверенно идет в наборе высоты.

Когда они набрали триста метров, Дронов, нажав кнопку радиосвязи на штурвале, коротко доложил диспетчеру: «Взлетел!» — и после этого продолжал также спокойно следить за авиагоризонтом, в то же время успевая искоса поглядывать на экран локатора. Тонкая нитка его луча совершала свои размеренные движения по кругу, высвечивая скопления облаков.

Пока все шло нормально, но нервное напряжение, которое испытывают летчики в первые двенадцать минут после начала взлета, равно по своему воздействию на организм такому, какое испытывал бы шахтер, проработав двое суток подряд в забое. Тут уже все скрупулезно подсчитали медики. Потому что воздушный океан — особая стихия. Человек от рождения привык чувствовать под ногами твердую опору. Пусть это будет даже глубокая шахта или покачивающаяся палуба морского корабля, все равно нет ощущения, что ты нахо-

дишься в бездне, а матушка-земля далеко внизу. Да и не всегда ее видишь, как, например, сейчас. Впечатление такое, что воздушный корабль неподвижно завис в какой-то космической мгле, и снаружи нутжно гудят двигатели, стараясь вырвать его из этой жуткой ловушки.

В «слепом» полете, когда за стеклами пилотской кабины непроглядная ночная темень или беледая завеса сплошной облачности, авиагоризонт для пилотов поистине становится той самой нитью Ариадны, которая только и позволяет воздушному судну уверенно идти вперед. И если эта нить по какой-либо причине оборвется, тогда...

Николай Дронов хорошо помнил, как они, курсанты военного летного училища, на занятиях по самолетовождению проходили тему «Полеты вне видимости земли». Преподаватель — полковник, налетавший не одну тысячу часов, рассказал случай из практики, когда при взлете тяжелого реактивного бомбардировщика у него на высоте сто метров при входе в сплошную облачность отказал авиагоризонт, и экипаж не сразу это понял. Авиагоризонт показал крен, которого у бомбардировщика не было. Повинуясь показаниям прибора, командир «убрал» его, тогда как на самом деле создал в противоположную сторону. Вдобавок ко всему прибор «добавил» задираание носа, что так же вызвало соответствующую реакцию пилота. Падать тяжело-му реактивному бомбардировщику, весящему десятки тонн, с высоты чуть более ста метров — считанные секунды, которых по всем законам аэродинамики экипажу не хватило, чтобы исправить положение. У Дронова тогда непроизвольно вырвалось:

— Неужели командир не мог понять, что авиагоризонт врет? Да и второй пилот тоже.

— Понять всегда можно, — будничным тоном произнес полковник. — Но в подобных случаях это происходит, когда у всех членов экипажа уже полные рты земли...

И сейчас для командира, как и для второго пилота, из всех приборов, густо сосредоточенных на специальной панели, наиглавнейшим был авиагоризонт. Обыкновенный с виду прибор, в котором под стеклом на фоне шарика-Земли и четко обозначенной линии горизонта висел самолет-птичка. Стоило только воздушному кораблю сделать крен, как то же самое в ту же сторону под стеклом сделает самолет-птичка и своим контуром-крылом укажет на градуированной окружности, на сколько градусов сделал крен. Перешел лайнер в снижение, самолет-птичка тоже нацелится носиком ниже черты горизонта на фоне шарика-Земли.

Чем был сейчас для могучих сил природы, подчиняющихся незыблемым законам безбрежной

Вселенной, воздушный корабль, пусть даже внушительный, исходя из земных понятий, по своему весу и мощи? Микроскопической песчинкой, не более. И та часть Вселенной, в которой в данный момент находилось Солнце со всеми своими планетами, будто по чьему-то величественному мановению решила лишний раз напомнить об этом.

Кто-то невидимый схватил концы крыльев своими мощными щупальцами, не ведающими понятия «слабость», и несколько раз потрянул их так, что завибрировали тяжелые ящики в фюзеляже, закрепко прихваченные швартовочным устройством.

Никто из экипажа даже не пошевелился, хотя многоразовая встряска воздушного корабля прошла через каждую нервную клетку.

Лишь Дронов, на мгновение оторвав взгляд от авиагоризонта, дольше обычного задержал его на экране локатора. Светящаяся стрелка продолжала совершать размеренные круговые движения, высвечивая местами рваные очертания грозowych облаков. Некоторые из них выделялись своей необыкновенной плотностью.

— Командир, по курсу «черные дыры», — передал по переговорному устройству штурман. Видимо, он тоже все свое внимание сосредоточил на локаторе. Из пяти членов экипажа сейчас только Дронов и Крамов могли видеть, что делается за бортом их корабля, потому что локатор пилотов, установленный перед передним остеклением кабины, был повернут кожаным раструбом, окаймлявшим экран, в сторону Дронова, но слова Крамова прозвучали в наушниках у всех. «Черные дыры» — это наиболее интенсивные и коварные очаги разбушевавшейся небесной стихии, обладающие колоссальным запасом энергии, вполне достаточной для того, чтобы играючи разделаться с любым воздушным кораблем. Из таких «черных дыр» формируется грозовой фронт. Одно напоминание о нем учащает пульс самого опытного пилота, какой бы крепкой нервной системой он ни обладал. История авиации знает немало случаев, когда самолеты еще в небе превращались в груды обломков, попав в объятия «черных дыр».

Ан-26 уже вышел на заданный эшелон — семь тысяч метров, и по тому, как его начало встряхивать всё чаще и ожесточенней, стало ясно, что он вошел в крайние границы фронтальной грозы. С левого борта, немного выше линии полета Ан-26, темноту неба распоролла гигантская огненная стрела, направленная острием вниз.

— Что будем делать, командир? — спросил второй пилот таким тоном, как если бы спросил в столовой: «Что будем брать на второе?»

— Попытаемся обойти эти чертовы дыры, — ответил Дронов.

Крамов сосредоточенно трудился за своим столом, сверяя исчисления с показаниями штурманских приборов.

Временами он пытался что-то разглядеть внизу, втискиваясь в блистер¹ по самые плечи, но ничего нельзя было увидеть. Корабль со всех сторон окружали нагромождения темных облаков, в разрывах между которыми холодающе висла темнота. Обычно в ночном полете, если, конечно, погода нормальная, внизу всегда, даже вдали от крупных населенных пунктов, можно заметить крохотный одиночный огонек. Неизвестно его происхождение: может, свет из окошка припозднившегося хозяина избы в каком-нибудь сельском поселке, а может, уютный рыбацкий костер на берегу крохотной речушки с сонными пескрями. Но все равно такие огоньки в виде ярких светлячков отлично просматривались с высоты в несколько тысяч метров.

«Сплошная облачность в несколько слоев», — определил Крамов.

Дронов изменил курс на несколько градусов влево. Нервы его были натянуты до предела, но руки, как всегда, сжимали штурвал без напряжения. Остальные члены экипажа внешне тоже были спокойны, хотя Николай Андреевич отлично понимал их психологическое состояние.

Дронов мог поклясться, что сейчас никто из них не испытывал даже малейшего чувства страха в том его изначальном виде, когда липкий пот обволакивает все тело и становится сухо во рту, а мышцы рук и ног отказываются подчиняться.

Нет, то, что испытывал сейчас каждый член экипажа, правильной было назвать не страхом, а тем особым состоянием, когда чувства обостряются до предела и каждое действие, связанное с управлением кораблем, как бы опережает сознание, хотя мозг в это время так же работает с утроенной энергией. И многое тут зависит от профессионального опыта. И как бы ни был в этом отношении подготовлен экипаж, все равно каждый из его членов в первую очередь надеется на командира. Потому что не он летает с ними, а они летают с ним. И никакого парадокса тут нет.

Бравые вчерашние курсанты, разлетевшиеся из училища кто куда, первые годы при случайных встречах в промежуточных аэропортах обычно спрашивают друг друга: «С кем летаешь?»

Потом, отяжеленные опытом и годами, при встречах в разговорах о всякой всячине не забывают неторопливо осведомиться: кто с тобой летает «вторым», а кто «бортачем». Сначала тебя вели, а теперь ты ведешь. И весь экипаж за твоей спиной.

А будет ли она той каменной стеной, за которой все ничем, это уж не тебе решать. За тебя это уже давно решили члены экипажа за те сотни часов, что провел с ними в воздухе.

Это верно, что экипаж — одна семья. А в семье каждая мелочь на виду, тут уж не притворишься и не соврешь. Так что внимательней гляди на локатор и работай: ногами и руками, а главное — головой.

Грозовой фронт зловеще темнел на экране радара, продолжая ощутимо встряхивать воздушный корабль с пятью тоннами груза на борту. Ан-26 обходил очаг пришедшей в неистовство атмосферы ночного неба с левой стороны. Впрочем, чтобы полностью обойти грозовой фронт, избежав даже малейшего соприкосновения с ним, нужно сделать дугу в сотню километров. А в полете, где рассчитано точное время нахождения в пути и в связи с этим взято необходимое количество горючего, такой вариант не проходил.

— Командир, справа по курсу в восьми километрах — грозовой очаг, — передал штурман. Дронов ничего не ответил Крамову: он и сам уже заметил эту проступившую «черную дыру». Вот только расстояние до нее мог определить лишь штурман. Восемь километров сейчас для них — это блошиное расстояние. Но эта «дыра» как будто не торопится себя проявлять, и вскоре она должна остаться далеко позади.

Однако и слева на экране радара так же стала угрожающе расти «черная дыра». Грозовой фронт начал формироваться с двух сторон. Воздушный корабль мчался вперед со скоростью четыреста пятьдесят километров в час среди бушующих волн Тихого океана. Слева — Сцилла, справа — Харибда. Будут ли они по-прежнему увеличиваться в размерах, чтобы в конце концов превратиться в единое целое, в котором любому воздушному судну уготована незавидная доля? Может, развернуться на сто восемьдесят градусов — да туда, откуда только что взлетели? Сейчас последнее слово за командиром. Как он решит, так и будет. Руки Дронова спокойно лежали на подрагивающем штурвале, а взгляд продолжал скользить по экрану локатора.

3. КОМАНДИР

Двадцать пять лет назад желторотый курсант Николай Дронов впервые сел в кабину учебного самолета Як-18, чтобы совершить с инструктором первый ознакомительный полет по кругу. Еще в школьные годы Николай мечтал о военной авиации, поэтому в десятом классе поступил в аэроклуб.

Весной начались полеты. И вот наступил он, тот момент, когда Николай надел спасательный парашют и доложил:

¹ Блистер — выпуклый во внешнюю сторону иллюминатор.

— Товарищ инструктор, курсант Дронов к ознакомительному полету по кругу готов!

— Садись в кабину, — кивнул ему инструктор.

И вот Як пошел на взлет, а потом, после короткого выдерживания над землей, приподнял нос и полез в небо. Перед глазами Николая сверкал в лучах солнца блестящий круг, образованный вращающимся винтом, а в шлемофоне раздался голос инструктора:

— Какая у нас сейчас высота?

Глаза Николая забегали по приборам, отыскивая нужный, наконец выхватили ползущую по циферблату стрелку, и он от волнения закричал во весь голос:

— Сто метров.

— Делаем первый разворот, — спокойно произнес инструктор, будто только и ждал подсказки Николая.

Як плавно выполнил разворот на девяносто градусов и продолжал уверенно уходить от земли. Николай крутил головой по сторонам, окидывая взглядом то приборную доску, то увеличивающийся под крылом обзор земли.

— Шея заболит, — раздался в наушниках шлемофона голос инструктора.

Николай попытался сосредоточиться, как и учили его на наземной подготовке. Но, странное дело, там все приборы были всегда перед глазами и никакого труда не стоило сразу же задержать взгляд на любом из них. Сейчас это почему-то не удавалось.

Лишь после второго разворота Дронов сообразил, в чем тут дело. На наземной подготовке все приборы находились как бы в «сонном» состоянии, а в полёте они работали, фиксируя своими ожившими стрелками то, что и положено было фиксировать.

И Дронову приходилось как бы заново привыкать к приборной доске. Впрочем, первый полет потому и называется ознакомительным, курсант должен в первую очередь ознакомиться с новыми ощущениями, привыкнуть к ним.

И когда Николай осознал эту простую мысль, ему вдруг стало легко и спокойно. Он уже легко, без напряжения смотрел на приборы, и, когда инструктор буднично приказал ему по переговорному устройству: «Сделай небольшой отворот вправо», — Дронов деловито выполнил команду. «А теперь верни самолет на прежний курс», — снова приказал инструктор. Николай и здесь не подкачал, хотя действовал скорее интуитивно, чем осмысленно.

Инструктор это отлично понял, потому что не первый год вывозил в ознакомительный полет желторотых курсантов, и мог безошибочно определить, что из кого получится в дальнейшем. А потому он спокойно проговорил:

— Молодец. Нюх имеешь. Остальному научишься.

От этих слов грудь Николая обдало приятным жаром, и он как-то уж слишком по-хозяйски осмотрел перед собой горизонт. «Як» летел сейчас на высоте трехсот метров, приближаясь к третьему развороту.

И только когда самолет выполнил третий разворот и пошел к четвертому, Николай понял, что обнадеживающее «остальному научишься» принимать ему всерьез пока преждевременно.

Белое «Т» просматривалось из передней кабины отчетливо, но для Дронова сейчас было абсолютно не ясно, каким образом их самолет приземлится у этого знака. Скорее всего, он коснется колесами земли метров за сто впереди, уж очень высоко они находятся.

Через несколько секунд мнение его относительно точности изменилось на диаметрально противоположное, и он был уверен, что Як не долетит до знака метров двести с гаком, уж очень много они потеряли высоты. Но не получилось ни так, ни эдак, инструктор притер машину точно у знака, и Николаю стало ясно, что приземлять самолет с такой точностью он никогда не научится.

Потом были ознакомительные полеты в зону, которые тоже не прибавили Николаю уверенности относительно его летного будущего, а когда начались вывозные полеты по кругу, для сомнений уже не было времени: в кабине приходилось работать до ломоты в затылке. И сложный пилотаж в зоне стал со временем не таким уж неприступным, каким показался первоначально.

Аэроклуб он окончил на отлично и одним из первых был рекомендован в военное училище летчиков. Еще на первом курсе видел себя в мечтах командиром тяжелого реактивного бомбардировщика.

Наверное, так бы оно и было, если б не ударили словно в медные тарелки: сокращение армии на миллион двести человек! Львиная доля пришлось на авиацию.

Дронов заканчивал тогда третий, последний курс. У них был разгар летней практики. Хотя и был Николай далеко не простак, все равно не мог ни сердцем, ни головой принять этот дребезжащий звон медных тарелок. Кому и зачем понадобилось ослаблять воздушную мощь страны? И не только воздушную.

В газетах много, и к тому же с помпой, писали об очередных испытаниях межконтинентальных ракет. На людей, далеких от военных вопросов, это действовало впечатляюще и... успокаивающе. Великое воинское сокращение, получившее в обиходе термин «Миллион двести», воспринималось

как мудрое и прозорливое решение партии и правительства.

В училище, как, впрочем, и во всей авиации, было еще немало строевых летчиков, имевших фронтовой опыт Отечественной войны. В выражениях их лиц Николай видел отражения собственных сомнений.

Ракеты, конечно, вещь серьезная. Тут уж ничего не скажешь. Но почему же тогда наши вероятные противники, у которых ракет ничуть не меньше, не торопятся объявлять компанию наподобие нашей «Миллион двести»? Неужели кто-то всерьез думает потрясти их звоном медных тарелок? Или здесь что-то не так?

Дронов мучился и не находил ответа. Лишь однажды заместитель командира полка, подполковник, начинавший войну сержантом штурмовой авиации, сказал как-то в конце летного дня, когда они уже зачехлили самолеты, но продолжали топтаться на стоянке:

— Да, хлопцы, грустно и вам, только что вставшим на крыло, грустно и нам, старым летунам. Только ломать всегда легче, чем строить. Особенно на развалинах. И не борьбой за мир вызван этот широкий жест кремлевских начальников, а тем, что государственная казна трещит по всем параметрам, потому что подрядились мы безвозмездно испечь на весь мир гигантский пирог с надписью на одной стороне «социализм», а на другой «коммунизм». Хотя я подозреваю, что те же африканцы до сих пор не могут взять в толк, что же это такое — социализм и коммунизм, но деньги наши берут охотно и строят на них стадионы и казино. Помяните мое слово, все еще вернется на круги своя: спохватятся наши правители, что так легкомысленно разгромили авиацию и другие рода войск, да только падение престижности военной службы сделает свое черное дело, и придется по крохам собирать то, что сейчас мы выбрасываем тоннаи и.

Он оказался прав, этот умудренный опытом подполковник, совсем не склонный к сентиментальности. Все вернулось на круги своя через каких-нибудь четыре года. Но трудно было переломить уже устоявшийся стереотип о профессии военного летчика. И шла молодежь косяком набираться ума-разума в иную обитель, презрев военную авиацию за ее непостоянство.

Сегодня ты князь, а завтра — носом в грязь! Потому что видели тысячи демобилизованных военных летчиков, попавших под ту самую метлу «Миллион двести» и оказавшихся не у дел в самом расцвете сил.

Лишь малой части тех бедолаг удалось с превеликим трудом втиснуться в гражданскую авиацию. Остальным дали от ворот поворот. Слишком много

вас тут собралось, дармоедов со стажем, а аэрофлот не богадельня, своих кадров с избытком хватает. Давайте-ка, вчерашние бесстрашные асы, засучите повыше рукава своих офицерских рубашек да включайтесь в трудовые будни семилетки.

Что, более десяти лет, говоришь, в военной авиации прослужил и никакой другой профессии не заимел? Ничего, у нас и таким дело найдется. Бери больше, кидай дальше! Поместила же главная партгазета «Правда» душеспасительный репортаж с впечатляющим фотоснимком о некоем бывшем пехотном майоре, пошедшем после демобилизации свинарем в совхоз и взявшем рекордное количество хрюшек на откорм во имя окончательной победы мирового пролетариата над не менее мировой буржуазией.

А то можешь учеником токаря пойти. Отличного наставника тебе выделим. Он недавно только ГПТУ окончил, а уже по четвертому разряду шпарит. Что, зазорно иметь наставника, который в два раза моложе тебя? Зато он в три раза умнее.

Потому что пошел в ГПТУ, а не в военное училище летчиков. И тебе, браток, надо было после десятилетки если не в ГПТУ, то в техникум или институт подаваться. Сейчас бы уже до хорошей должности дослужился, надежный кусок хлеба с маслом имел.

В соседнем с Николаем купе ехал незнакомый ему майор лет тридцати, уговоривший Дронова сходить в вагон-ресторан. Двадцатилетний Николай алкоголь, даже в малых количествах, переносил с трудом, но сейчас приглашение майора воспринял без возражений. «Мы сейчас с ним в одинаковом положении, — подумал Дронов. — Все нивелировалось: и возраст, и воинские звания. Одним словом — запасники. И неизвестно еще, кому из нас в этом качестве труднее и горше».

Почему-то лишь в вагоне-ресторане Николай с поразительной ясностью ощутил, что означает для них, бывших еще вчера военными летчиками, словосочетание «миллион двести тысяч человек». Оно словно в одночасье растворило все то, к чему стремился, к чему привык. И без чего жизнь уже не в жизнь. И в этом смысле сидящему сейчас за столиком вагона-ресторана напротив него майору было в два раза тяжелее, чем ему, новоиспеченному лейтенанту (присвоили им офицерские звания накануне демобилизации, и форму с иголочки выдали — форси по дороге домой), как, впрочем, и остальным его однокашникам.

Ни кола, ни двора, ни тем более денежных накоплений, все богатство — мундир с погонами, да и тот придется снять, как только получишь паспорт и станешь на все сто процентов гражданским лицом.

Да и то — намного ли легче ему, лейтенанту, чем этому полужнакомому майору? У каждого своя боль, и каждому кажется, что именно она — самая сильная. Будто угадав его мысли, майор сказал:

— Вот мы с тобой, как и тысячи других летчиков, оказались за бортом. Ни работы, ни перспективы в ближайшее десятилетие получить квартиру — ничего нет. Конечно, бери больше, кидай дальше — в любом месте предложат. Семья моя, само собой, с голоду не умрет. Я никакой работы не боюсь. Мне что оттащить, что подтащить. Лишь бы деньги платили. Но главное не в этом. Я вот родом из заштатного городка, расположенного в захуханной глубинке. Не раз приезжал в отпуск туда, особенно в первые годы после окончания училища, в парадной форме летчика ВВС. Старики при встрече, опережая меня, приподнимали картузы. И ты знаешь, я испытывал особую гордость, что принадлежу к племени летчиков. Это я без всякого ложного пафоса говорю. А кто я теперь? Если называть вещи своими именами — неудачник, очутившийся у разбитого корыта. И сделали меня таким доморощенные борцы за мир во главе со звонарем-кукурузником.

Майор разлил из принесенного официантом графина водку по рюмкам и, не чокаясь, махом опрокинул свою в рот. Николай, не привыкший к алкоголю, медленно и с трудом опорожнил свою, потом торопливо запил несколькими глотками минералки. В голове сразу же зашумело. То, что сказал сейчас майор, он слышал уже не раз и от других. А пресловутый «звонарь-кукурузник» давно уже среди людской молвы стал притчей во языцех, особенно после того, как кинул клич: «Кукуруза — ценная кормовая культура». Ретивые партийцы сразу же кинулись внедрять эту ценную культуру — от благодатной Кубани до полярных широт, на которых и лишайник-то не во всяком месте исхитряется произрасти.

— И знаешь, — снова заговорил майор, — сколько бы ни пыжился с высоких трибун этот звонарь-кукурузник по поводу нашей мощи, если, не дай бог, начнется великая свалка, вломят нам по высшему разряду еще хлеще, чем в сорок первом вломили. Потому что дураков история ничему не учит.

Дронов молча соглашался с каждым словом своего собеседника, потому что испытывал те же самые чувства, несмотря на существенную разницу в возрасте и воинском звании.

— Я вот думаю, — сказал Дронов, вертя в руках пустую рюмку, — что в родные пенаты лучше не возвращаться. Приезжал я туда в отпуск из училища если не орлом, то кандидатом в таковые. А возвращаться придется ошипанной вороной. Нет, куда угодно, только не домой.

Тот мимолетный разговор в вагоне-ресторане стал для Николая действительно судьбоносным. Он ненадолго всё же заехал домой, а потом, выбрав один из городов Сибири, в котором был аэроклуб, поехал туда. Была надежда устроиться летчиком-инструктором. Авиация ДОСААФ — единственная в своем роде, куда при наличии летного диплома принимали без излишних проволочек. А попасть в аэрофлот линейным пилотом — это то же самое, что верблюду пройти сквозь игольное ушко. Потому что аэрофлот «варягов» не жалуется. А если кому и удастся проникнуть туда через все препоны, то если ты даже в ВВС в качестве командира экипажа тяжелого ракетноносца налетал сотни часов, все равно по спецнабору в одном из летных училищ аэрофлота в течение полугода изучаешь и сдаешь все то, что необходимо для полноценной работы летчику аэрофлота.

Но на аэрофлот сейчас новоиспеченный лейтенант Дронов и в мыслях не замахивался. Потому как даже капитаны с солидным налетом при таком наплыве на «гражданку» бывших военных летчиков в лучшем случае могли рассчитывать лишь на место диспетчера с мизерным окладом. Даже аэроклубы ДОСААФ оказались забиты под завязку. Дронову, когда он по приезду на новое место пришел в местный аэроклуб, сказали:

— Летчики-инструкторы нам не нужны. Можем предложить только место техника самолета. А там, может, дождетесь своей очереди...

Николай не стал взвешивать все «за» и «против»: он уже раньше все обдумал и принял решение. Дронов стал техником самолета. Такого же Як-18, на котором учился летать. Зимой крутил гайки на собачьем холоде, а летом — под солнцем, от которого тоже иногда приходилось искать убежище. И семьдесят рублей на руки «чистыми». И так на протяжении двух лет, пока не освободилось место летчика-инструктора.

В первый год вообще выматывался зверски. И дело здесь не только в чисто физической усталости. Это бы ещё куда ни шло.

Надо ведь не просто летать, а научить этому шесть молодых «сундуков». И как втиснуть в каждый из этих «сундуков» то, на что ты сам горазд?

Все-таки втиснул, залетали его парни как надо, не подвели своего измочаленного вконец инструктора. Со временем и сам поднабрался ума-разума, не откидывался уже в изнеможении на спинку в своей инструкторской кабине, видя, что очередной его «сундук» в который уже раз сегодня заходит на посадку «по-вороньи», вместо того чтобы нормально планировать к знакам.

Восемь лет проработал Николай инструктором-летчиком в аэроклубе. Последние три года без ус-

тали писал рапорты в зональное управление аэрофлота с просьбой о переходе. В конце концов его приняли в аэрофлот.

После шестимесячного переучивания он сел в кресло второго пилота работы Ан-2.

Вторым пилотом пробыл он сравнительно недолго: около года. Потом стал командиром. По инструкции новоиспеченный командир должен первые двести часов налетать с грузом. Только после этого ему доверяют перевозить и пассажиров.

Через год его командирства и произошел с ним тот случай, который едва не стал для него роковым. Из своего аэропорта везли они мешки с почтой. Обратно должны были захватить груз в твердой упаковке. Что именно должны были они тогда прихватить, он до сих пор так и не знает.

Вторым пилотом у него был двадцатилетний паренек, только что выпорхнувший из летного училища. Все накладные и прочая филькина писанина обычно находится в портфеле второго пилота, в обиходе именуемом по-морскому — шкипером. Он же сверяется с грузом, поднятым на борт.

Понадеялся тогда Дронов на своего второго, что и сколько положили в Ан-2, а второй понадеялся на забулдыг-грузчиков и, даже не заглянув в сопроводительную ведомость, сунул ее в портфель.

Захлопнули они фюзеляжную дверь, запустили двигатель и — на исполнительный старт. Лету до родного аэропорта было чуть более часа. Дошли нормально и сели как положено. Зарулив на стоянку, бросили самолет на попечение авиатехника и не спеша — в свою эскадрилью.

Минут через сорок их оттуда по телефону вызвал к себе командир отряда.

— Вы смотрели сопроводительную ведомость после погрузки? — оgoroшил он Дронова вопросом.

— Этим второй пилот должен заниматься, — ответил озадаченный Дронов.

— Командир экипажа тоже должен кое-чем заниматься, — жестко заметил командир отряда.

Потом несколько смягчился, глядя на растерянно-недоумевающее лицо Дронова, и уже с неподдельным интересом спросил:

— А вообще-то хоть что-то почувствовали в этом полете?

— Да, что-то на взлете тяжело было, а так ничего, — проговорил Николай.

Он всё никак не мог взять в толк, в каких прегрешениях его пытаются обвинить. Командир отряда с глубоким вздохом откинулся на спинку стула.

— Что-то на взлете тяжело было, — саркастически проговорил он и вдруг расхохотался. — Да ты на своем Ан-2 увез груз, предназначавшийся для Ли-2! Тонна с лишним перегруза. Вот самолет создал Антонов — не самолет, а ломовая лошадь!

Дронова прошиб запоздалый пот. Две с половиной тонны груза — «поклажа» для двухмоторного Ли-2, а он все это приволок на одномоторном Ан-2, для которого нормальная загрузка — тонна триста. Грузчикам все едино — Ли-2 или Ан-2. Главное — цифра «2» стоит.

А вот он, командир экипажа, должен был пере-проверить и грузчиков, и второго пилота — «желторотика». А он и варезку раззявил. Теперь остается только гадать: больно ударят или... так себе?

Словно угадав его мысли, командир отряда вмиг посерьезнел, опять распрямился над столом.

— Мы разберем ваше нарушение, Дронов. А пока идите.

Вердикт разбора был краток: командира Ан-2 Дронова на шесть месяцев перевести в отдел перевозок грузчиком. Без изъятия пилотского свидетельства.

Ударили «так себе». После этого случая Дронов на всю оставшуюся жизнь решил следовать избитому правилу: доверяй, но проверяй. Ибо в авиации оно на каждый вылет к месту, как хорошо подогнанные привязанные ремни на пилотском кресле.

Потом была школа высшей летной подготовки, где он переучился на Ан-24. С появлением в отряде Ан-26 одним из первых освоил этот корабль. И всегда имел «аппетит к полетам», как говаривал когда-то его первый инструктор.

Но в последний год как будто что-то надломилось в нем. Послеполетный отдых уже не освежал, как раньше, организм. И к следующему рейсу Дронов приходил уже не с таким «аппетитом», с каким приходил прежде.

Иногда проскальзывала мысль: а не уйти ли с летной работы на пенсию по выслуге? А там подыскать что-нибудь попроще на земле. Ведь ему всего сорок четыре. Для земных профессий совсем даже ничего.

Но тут вставала другая проблема — материальная. Пойти работать на земле — его заработок даже вместе с пенсией все равно будет намного меньше, чем заработок командира корабля. А дочь пока что на первом курсе института. А сын еще только заканчивает среднюю школу. На семейном бюджете весьма ощутимо скажется его уход с летной работы. Потому и гнал Николай Андреевич мысли об уходе «на землю»...

...Вот и этот полет тоже. После него, как минимум, трое суток надо приходиться в себя. А положено только двое. Когда-то ему казалось, что силы и здоровья его не убудет. То есть теоретически такая возможность подразумевалась, но как-то подсознательно, подкорковым мышлением. Когда то еще будет? И вот оно «это» подошло. Подкралось и схватило в свои цепкие объятия. А в полетах быва-

ет всякое. Иногда такое, что не каждому профессиональному юмористу в голову придет. Как-то экипаж Дронова выполнял спецрейс по заявке одного завода. Доставляли из Ростова несколько ящиков с непонятным грузом. Приставлена была к этому грузу от завода сопровождающая — препротивная баба с наганом на боку.

Дронов никак не мог взять в толк, для чего эту бабу возят на самолетах туда-сюда, да еще и зарплату начисляют. Груз с завода сдается на склад аэропорта, куда никаких сопровождающих все равно не допускают. А затем грузчики по документам получают все что нужно и везут к самолету.

Бабе этой кто-то внушил на заводе, что, поскольку самолет зафрахтован предприятием, она на борту является полновластной хозяйкой. Дронов был наслышан о причудах этой экспедиторши от других экипажей, а теперь вынужден был испытывать это сам.

Началось все с того, что она на его борту принялась руководить погрузкой. Дорожников сначала терпел ее выходки, а потом не выдержал:

— Слушай, тетка, ты что нос суешь не в свое дело? Я и без тебя как-нибудь обойдусь.

Экспедиторша, с мужской прической, густо одобренной сединой, с мужеподобными чертами лица, с удивлением уставилась на Дорожникова, потом пробормотала бесцветным голосом:

— Ты еще поговори у меня здесь.

Стоявший рядом Бурин с удовольствием загоготал, схватившись за живот.

Не слишком изысканную фразу Дорожникова экспедиторша восприняла как поползновение на свой авторитет и решила доказать, что она есть далеко не последняя спица в колесе. Весь путь от Ростова она изводила экипаж своими придирками. Недалекая на вид, она делала это с неподражаемым мастерством. Вышел второй пилот в грузовой отсек покурить, чтобы не досаждать дымом некурящему командиру, и она сразу же возопила, перекрывая гул моторов:

— Нельзя рядом с грузом никому находиться! Ваше место в кабине за рулем, а здесь только я должна присутствовать!

Мухин не спеша докурил сигарету и, повертев у виска пальцем, ушел в пилотскую. Зато бортпроводник, когда она ему проревела то же самое, не выдержал:

— Слышь, тетка, — наступая на нее, закричал он, — я сейчас на метр приоткрою грузовой люк, и тебя выбросит наружу избыточным давлением, как пробку из воды! — и он большим пальцем руки прикоснулся к кнопке электродвижка.

Баба ошарашенно посмотрела на него и схватилась обеими руками за откидную скамейку, на кото-

рой сидела. Иван зашел в пилотскую кабину и, прикрыв за собой дверь, взглянул в смотровой глазок. Экспедиторша продолжала сидеть в той же позе, крепко ухватившись за скамью руками. Взгляд ее с ужасом косил на крышку заднего люка. Дорожников удовлетворенно хмыкнул и сел на свое место — досматривать «Крокодил». Минуты через три дверь распахнулась, и в пилотскую буквально влетела экспедиторша.

— Начальник, он хочет меня давлением выбросить из самолета! — закричала она, протиснувшись к креслу Дронова.

Николай Андреевич с недоумением уставился на обезумевшую бабу, потом сдвинул наушники:

— Говорите толком, что произошло?

— Вот он, он, — палец ее дрожал в направлении сидевшего бортпроводника, — он хочет меня задавить и выбросить из самолета.

Дронов понял одно: Иван, допеченный этой взбалмошной дурой, отчуждил какой-то номер. И она приняла все за чистую монету. Ивана, конечно, он взгрезит, а сейчас надо выпроводить из пилотской эту особу (печеночную колику тому, кто принял ее экспедитором или кем-то там...)

— Возвращайтесь к своему грузу, он просто пошутил, — прокричал Дронов, ибо в пилотской, несмотря на звукоизоляцию, было все же шумновато.

72 — Я при нагане, — сообщила сопровождающая и хлопнула дверкой.

Дорожников взглянул на командира и, вздохнув, надел наушники.

— Ты что ей там наобещал? — раздался в них глуховатый голос Дронова.

— Один пустяк. Если она не перестанет надоедать, приоткрою крышку люка, и её избыточным давлением утащит в бескрайнее и темное небо.

— Нашел с кем шутить, — вяло проговорил Николай Андреевич. — Не хватало еще, чтобы она на нас жалобу командиру отряда состряпала. И доказывай тогда, что ты не верблюд.

Дронов отпустил кнопку переговорного устройства и откинулся в кресле. Что поделаешь, если таких идиотов по милости заказчика приходится терпеть на борту.

Жалобу командиру отряда та сумасбродка не написала. Видимо, не подозревала о существовании такого начальства. Нажаловалась у себя на заводе. Оттуда немедленно позвонили в отдел ПАНХа¹.

Начальник отдела, сравнительно молодой еще мужчина, быстро понял, в чем дело, но доказывать что-либо в защиту экипажа не стал. Понял, что бес-

¹ ПАНХ — применение авиации в народном хозяйстве.

полезно. Раз приняли на веру бред какой-то психопатки, значит — доказывать бесполезно.

Вместо этого он как бы между прочим заметил, что следующий спецрейс завод в этом году не получит. Нет свободных бортов. Все экипажи вылетали санитарную норму, а Тюмень и Магадан берут за горло: даешь самолеты под грузы...

На другом конце провода среагировали мгновенно. Без всякого перехода сообщили, что делают сопровождающей груза крепкое внушение, дабы не конфликтовала больше с летчиками. Может, она что-то перепутала и возвела на них напраслину. И вообще, если на то пошло, она и на заводе всем нервы повымотала. Так что и звонили они совсем не по этому поводу, а лишь узнать, сможет ли аэропорт выделить им через десять дней самолет...

Начальник отдела ПАНХ сказал: «Позвоните через неделю», — и с удовольствием положил трубку. Разговор этот он передал Дронову, когда тот пришел для выполнения очередного рейса, и Николай Андреевич сказал только: «Спасибо, друг, что избавил меня от пустопорожней нервотрепки».

А так все шло как на хорошо отлаженном конвейере: полеты, изредка сидение на запасных аэродромах из-за непогоды и снова полеты.

4. ИЗ ОГНЯ — ДА В ПОЛЫМЯ

...Локатор продолжал высвечивать «черные дыры». Корабль шел, нацеливаемый командиром в пространство между ними. Теперь вопроса разворачиваться или нет для Дронова не существовало, потому что уже принял решение: только вперед.

Решение было обдуманное, после взвешивания всех «за» и «против», хотя на это отпускаются секунды, в лучшем случае — минуты. Но в авиации есть непреложный закон: принял решение — выполняй его, а не бросайся от одного варианта к другому, потому что при таком шараханье немудрено и голову потерять. А это уже — смерть.

Экипаж продолжал спокойно работать, будто и не было за окном бушующего неба. «Черные дыры» приближались. Корпус воздушного корабля противно дрожал, словно он мчался на колесах по бетонке, поверхность которой напоминала стиральную доску.

«Черные дыры» на экране локатора приобрели за окнами пилотской кабины вполне реальные очертания грозowych облаков, насыщенных разрушительной энергией. Между ними сейчас стремительно движется Ан-26 с бортовым номером 19995, имея пять тонн груза. Сцилла и Харибда словно уснули, и их как бы не интересует этот лайнер, со скоростью семьдесят пять метров в секунду поглощающий воздушное пространство. И вдруг Сцилла словно встрепенулась, и ее края стали стремитель-

но расширяться. С правого борта стало происходить то же самое. Назад поворачивать было поздно. Да и какой смысл? «Черные дыры», скорее всего, начали образовываться и на том участке воздушного пространства, которое они только что миновали. Остается ждать, время от времени пристально вглядываясь в экран локатора, где отчетливо просматриваются Сцилла и Харибда. Даже если они сблизятся настолько, что между ними, как говорится, палец не просунешь, все равно есть шанс проскочить центр грозowych очагов. Еще несколько минут томительного напряжения, и стало ясно, что Ан-26 минует опасный отрезок прежде, чем эти два монстра сомкнутся в единое целое. Можно сказать, повезло. Хотя везение в той или иной ситуации — это профессионализм экипажа. Вскоре предстояло идти на снижение: приближался аэродром промежуточной посадки, и Дронов вышел на связь с диспетчером подхода.

— Вас принять не можем, — лаконично сообщил диспетчер. — Сильный боковой ветер, полное отсутствие видимости. Идите на запасной.

Николай Андреевич несколько секунд смотрел в лобовое стекло, словно что-то пытался рассмотреть в чернильной темноте. До запасного аэродрома было сто пятьдесят километров. Это примерно двадцать минут лету. В принципе, ничего особенного, такие ситуации — поворачивать на запасной аэродром — в повседневной работе не редкость. Что ж, пора менять курс. Дронов развернул корабль на семьдесят пять градусов. Чуткий локатор по-прежнему обшаривал простиравшуюся впереди толщу воздушного океана, безмолвно повествуя экипажу светящимся экраном обо всем, что удалось выхватить цепким электронным глазом.

Грозowych облака были и в этой стороне неба, и у всех мелькнула не слишком бодрящая мысль, что непогода распространяется с громадной скоростью и трудно предугадать, где она окончательно выдохнется, чтобы наконец остановиться.

Правда, диспетчерский пункт запасного аэродрома дал обнадеживающую метеосводку, и можно было надеяться, что на запасном они сядут вовремя, а там, подзаправившись, пойдут дальше по направлению к дому. Напряженное состояние, владевшее экипажем, когда они обходили грозовой фронт, спало, и теперь каждый из них мог позволить себе немного расслабиться. Командир даже перевел управление кораблем на автопилот, с удовольствием откинувшись на спинку кресла.

Дронов повернул раструб локатора к себе и стал внимательно в него вглядываться. Кажется, все нормально, никаких причин для беспокойства нет. Правда, занозой засела мысль: сколько они просидят на запасном аэродроме? Дронов помнил

случай, когда он со своим экипажем целую неделю ждал погоды на запасном. Второй пилот, словно угадав мысли командира, посмотрел в его сторону. Дронов ответил ему молчаливым взглядом, который можно было истолковать одной фразой: рано или поздно, а дома все равно будем. Корабль приближался к запасному аэродрому. Впрочем, запасным он был только для них, а для других экипажей — портом назначения. Вскоре должна была последовать команда на снижение, и тогда за удесятеренной работой все мысли о превратностях судьбы отпадут сами собой.

Неожиданно в наушники ворвался голос диспетчера подхода. А может, экипажу это просто так показалось из-за томительного ожидания. Диспетчер сообщал, что их аэропорт только что закрыт для приема самолетов и дал им совет идти на другой ближайший аэродром.

Диспетчер выключился, но никто из членов экипажа не проронил ни слова. Корабль продолжал держать курс на аэродром, который еще каких-то полминуты назад был для него точкой земной тверди, а теперь ставший недостижимым, как поверхность Юпитера.

— Ехали на тройке с бубенцами, — кося взглядом влево, в сторону остальных членов экипажа, запел Мухин и выразительно умолк.

— А приехали без бубенцов, — мрачным речитативом подытожил бортмеханик Бурин, глядя немигающим взглядом на приборы.

Указатель топлива в баках не мог сейчас вселить оптимизма никому из экипажа, а уж бортмеханику и подавно. До ближайшего аэродрома было без малого триста километров. Горючего хватало на этот отрезок пути, но, как говорится, в обрез.

Когда они начнут снижаться к полосе, в баках не останется даже требуемого по инструкции аэронавигационного запаса топлива, который рассчитан на работу двигателей в течение тридцати минут. Если случится «промаз» или какая-то другая оказия, не на чем будет уйти на второй круг. А если и на втором аэродроме, когда они подойдут к нему, метеоусловия окажутся такими же, как и здесь, а баки сухие, что тогда? Может, еще раз порасспросить диспетчера обо всех метеорологических перипетиях да попытаться сесть тут? Сейчас есть хоть полная возможность сделать и первую, и вторую, и третью попытку произвести посадку. Но там-то, там-то такой возможности не будет.

Да и неподходящие метеоусловия, по которым закрывают аэропорты, тоже ведь не всегда «гробовые». Просто есть повышенный процент риска при взлете или посадке, только и всего. Но стопроцентной гарантии на то, что ничего не случится, нельзя получить даже тогда, когда сидишь за штурвалом

абсолютно исправного и надежного самолета, а видимость составляет «миллион на миллион», как говорят в авиации. Потому что риск присутствует даже в том случае, если не спеша отправляешься из собственной квартиры в ближайшую булочную за углом. Вдруг на лестнице ногу вывихнешь или, паче того, ребро сломаешь. А на улице всяких транспортных средств полно, чуть зазеваешься и... Так что на сей счет у теории вероятности свои, четко выверенные математическими формулами законы. Может быть, здесь все же больше шансов совершить благополучную посадку, чем на следующем аэродроме?

Такие вот мысли одолевали сейчас Дронова, потому и не спешил он давать кораблю новый курс. Повернул голову вполоборота в сторону Мухина. Второй пилот прочитал мысли командира и едва заметно кивнул головой. Но в то же время взгляд его выражал сомнение.

«Что ж, Николай Андреевич, попытаем счастья здесь, — говорили его кивок и взгляд, — только навряд ли диспетчер разрешит нам тут посадку. Потому что аэродром закрыт, а тот, на который нам указали, открыт. И никакие логические рассуждения не смогут перевесить на весах ответственности ту самую статью Уголовного кодекса, которую наверняка хорошо знает диспетчер».

Дронов нажал кнопку рации.

— Урал, повторите метеоусловия, — бесстрастно произнес он.

— Видимость пятьдесят на сто, ветер боковой, четырнадцать метров в секунду, полоса обильно смочена дождем, — ответила земля.

— Над Южным аэродромом останемся без горючего, — лаконично передал Дронов. — А циклон может подойти и туда. Разрешите посадку у вас.

— 19995, посадку запрещаю. Поворачивайте на Южный. Конец связи!

Наушники заполнила тишина. Дронов взял штурвал и ввел воздушный корабль в вираж, нацеливая его курсом на Южный аэродром, который через сорок минут должен дать им пристанище для заправки баков горючим. Решение принято, и теперь — только вперед. Даже если аэродром, пока они к нему летят, тоже закроет непогода, все равно никаких вариантов уже не предвидится. Поэтому все мысли — о посадке на Южном. Несмотря ни на что. Жребий брошен, Рубикон перейден. Впереди — Рим!

В пилотской все безмолвствовали. Дронов спокойно держал управление, не переводя его на автопилот, Мухин с правого сидения дублировал действия командира. Евгений пришел к нему в экипаж два года назад с должности командира Ан-2, и ни разу еще у Дронова не возникало повода упрекнуть в чем-либо второго пилота. Чувствовалась

у него обстоятельность во всем и та особая летная хватка, которой невозможно обучить ни в каких училищах и академиях. Она дается человеку от рождения, как дается, например, талант музыканта. И как бывает хорошо, когда человек занимается в жизни именно своим делом! У Дронова не было никаких сомнений, что, когда Мухин станет командиром корабля, его экипаж в любой сложный полет будет отправляться со спокойной душой.

И Дронов сейчас, несмотря на свой большой летный опыт, когда ко всему уже можно привыкнуть в небе, временами ощущал что-то наподобие удовлетворения, что за параллельным управлением сидит именно Евгений Мухин, хотя основной воз, конечно, везет командир, все равно без хорошего второго пилота экипаж — не экипаж.

Через штурвальную колонку каждый из них словно бы ощущал биотоки другого. Стоило только командиру после первой команды диспетчера задержаться с выполнением маневра, как Мухин в первое же мгновение понял его намерения. Но и Дронов понял, что его второй пилот, так же как и он сам, не очень уверен в том, что диспетчер разрешит им посадку на этом аэродроме.

А теперь они шли на Южный, и никто не мог поручиться, окажется ли этот аэропорт гостеприимным. Автопилот командир не включал, и вся масса воздушного корабля в двадцать с лишним тонн весом как бы сконцентрировалась сейчас на штурвале.

Евгений Мухин сидел в свободной позе, подсознательно фиксируя показания приборов. Он почти не был подвержен стрессовым состояниям, потому что по своей натуре являлся флегматиком, и как бы ни складывалась обстановка в полете, всегда сохранял самообладание. Если бы диспетчер разрешил им садиться на первом запасном, он бы спокойно воспринял этот вариант, и ни на один удар не участвовал бы его пульс.

Мухин был спокоен и сейчас, когда они пове, нули на Южный аэродром, а двигатели поглощали остатки горючего. В свои двадцать восемь лет он еще ни разу не ощутил, что такое послеполетная усталость. Правда, иногда он испытывал что-то наподобие приятной истомы, когда, приехав из аэропорта домой, с удовольствием растягивался на кровати.

Почему-то в такие минуты ему всегда вспоминался матросский кубрик, когда он учился еще в высшем мореходном училище. В общем-то не склонный к лирическим откровениям, Евгений в такие мгновения не мог все-таки полностью отрешиться от эпизодов той курсантской жизни.

Несколько лет спустя, когда он уже ввелся командиром Ан-2, к ним в отряд наведалься корреспондент областной газеты. Дело было накануне

Дня авиации, корреспонденту нужен был репортаж о летчиках, и кто-то из командиров в числе прочих назвал ему фамилию Мухина. Молодой летчик, недавно стал командиром экипажа, летает уверенно — чем не кандидат на газетную страницу? К тому же в юности аэрофлот предпочел морфлоту.

В общем, когда корреспондент отыскал в эскадрилье Мухина, тот понял, что сотруднику газеты, видимо, в слишком романтической окраске обрисовали его путь в авиацию, а потому решил говорить с журналистом как можно откровеннее и чуточку с хитринкой. На первый же вопрос: «Как получилось, что вы бросили высшее мореходное училище и перешли в летное?» — Евгений, на секундочку задумавшись, ответил:

— Видите ли, моряку трудно приходится потому, что в море бывают шторма и соответствующая им качка. Нет, моряку трудно от одиночества, но не своего, а жены. Вот поэтому я и ушел из мореходки.

— Послушайте, это какой-то ребус, — проговорил корреспондент. — Во всяком случае для меня. При чем здесь одиночество жены?

Мухин чуточку помедлил, будто взвешивал на невидимых весах то, что он скажет сейчас корреспонденту областной газеты.

— Когда моряк находится в длительном плаваньи, жена его, естественно, находится на берегу. Проходит месяц, второй, а мужа все нет. Потом проходит полгода, может, больше, а муж по-прежнему в Атлантике или еще того дальше. И при том, заметьте, жене двадцать с небольшим, мужу столько же или чуть поболее. Выдержит нормальная женщина в таком возрасте многомесячную разлуку? Тем более что такие разлуки повторяются. Вот и появляется у моряцких жен сухопутный друг, который к концу рабочего дня всегда ждет на остановке.

А у мужа, как я уже сказал, рабочий день иногда семь месяцев длится. А потом «выходной» месяц, от силы — два. И опять — девятый вал за кормой. А у жены — опять новый «друг», а то и каждый день по новому. В городах портовых своя философия — от этого, брат, никуда не денешься.

Вот и заключают некоторые моряки между собой как бы кровный союз: пока я в море, а ты на берегу, доверяю тебе свою жену. Пусть она будет на это время твоей — так я хоть спокоен, что не среди портового сброда ищет она себе партнера на ночь. А ты уйдешь в море — я таким же образом сберегу твою жену. Ну и понял я, что к такой философии привыкнуть не смогу, и подался в аэрофлот.

С минуту корреспондент молчал, словно осмысливая все сказанное Мухиным. Потом нерешительно спросил:

— Вы это рассказали, чтобы разыграть меня?

— Какой розыгрыш? — удивленно переспросил Евгений. — Я просто по честному объяснил причину перехода в летное училище.

Мухин видел, что разочаровал корреспондента. Романтикой в его ответе и не пахло. Корреспондент со вздохом спрятал блокнот и вежливо поблагодарил Евгения за приятный разговор.

Командиром на Ан-2 Мухин отлетал всего два года. Но длительных разлук с домом не избегал и в аэрофлоте. Пассажиров на местных воздушных линиях бывает не так уж много, и экипажи Ан-2 с наступлением зимы бросали в «отхожий промысел» — в северные районы страны. Возили они там всякую всячину — и для буровиков, и для строителей, доставляли бригады рыбаков на отдаленные озера для подледного лова, а обратно прихватывали ящики с мороженой рыбой.

Весной же наступала эпопея химвработ. Улетали опять за тридевять земель — «на точку», и от зари до зари с бреющего полета рассыпали удобрения. Отработали здесь, собрали весь свой немудреный скарб и — на новую «точку». Вылетал свои сто двадцать часов — месячная санитарная норма на химвработах — можешь отправляться домой на побывку. Ванну горячую принять, если таковая есть у тебя, жену обнять, с аппетитом и вволю отоспаться. А потом опять на круги своя. И лишь месяца три в году возишь пассажиров. Тогда, как все нормальные люди, из дома уходишь утром, а возвращаешься вечером. Впрочем, у пилотов отлучки, какими бы длительными они ни были, зовутся прозаически — командировки.

Как ни странно, Евгению они нравились, особенно когда он был еще неженатым. Потом стало трудновато работать «на точках», потому что по натуре своей он был домоседом. И хотя все то, что он говорил тогда корреспонденту, было отчасти правдой, небо он все же любил больше, нежели море, хотя как-то об этом не задумывался. Просто ощущал это после очередного отпуска, когда усаживался в кабину тренажера, чтобы восстановить подзабытые за время отпуска профессиональные навыки. Вообще-то он с кем угодно мог поспорить, что навыки у него за какие-то там два месяца нисколько не уменьшились, но раз инструкция требует после таких перерывов в работе сначала «полетать» на тренажере, то он против ничего не имеет.

Только вот здесь, за штурвалом тренажера, на какие-то короткие мгновения Евгений вспоминал море, но воспоминания тут же гасли, не вызывая никакого прилива чувств. Просто вспомнил, как далекий случай из жизни — и всё. Кабина тренажера, в точности повторяющая кабину Ан-2, никак не ассоциировалась с рубкой океанского лайнера. Что же, вторая любовь оказалась сильнее. И прочнее.

Евгений это прекрасно чувствовал. Потом, когда он окончил школу высшей летной подготовки и начал летать на Ан-26, однажды вдруг мелькнула мысль: а если бы он не потратил тогда впустую два года на мореходку и сразу поступил в летное — сейчас, наверное, уже командиром летал бы на тяжелом. Эта мысль почему-то развеселила его, а потом он вдруг напрочь забыл о мореходке и никогда больше не вспоминал, что учился в ней, как не вспоминает взрослый человек о том, что ходил когда-то в детский сад.

Мухин привычно скосил взгляд на приборы. Все нормально, ни одна стрелка не посылает сигналов бедствия. Лишь только указатель горючего выдает данные, от которых под ложечкой возникает ощущение, как будто три дня не ел.

Но тут уж, как говорится, диалектика развития: керосин в баках, как и деньги в карманах, имеют неприятное свойство уменьшаться в количественном отношении. Причем по закону подлости такое катастрофическое уменьшение происходит в тот момент, когда это самое количество необходимо позарез. Хотя, если разобраться, ничего пока страшного нет. Ну подумаешь, не принял их сначала промежуточный аэропорт, затем запасной. И он пока не открыт, и кто это нагадал, что его так же может накрыть непогода. В метеосводке ни о чем таком не упоминалось. Правда, там не упоминалось и о том, что в случае чего их не сможет принять и первый запасной. Так ведь метеослужба — не клан ясновидящих. События не предсказывает, только погоду.

Но Южный-то, Южный, чёрт бы его побрал (тьфу-тьфу-тьфу, милый, хороший, самый красивый и гостеприимный!) — открыт. Вот в эту самую минуту, когда они здесь, в кабине, и Мухин в том числе, сидят и между делом гадают: закроют, не закроют? — на Южном взлетают и садятся самолеты. И через определенный промежуток времени диспетчер подхода Южного аэродрома примет их позывные:

— Южный, я — борт 19995, разрешите снижение.

И Южный ответит:

— Борт 19995, снижение разрешаю.

Ведь если спокойно разобраться, все их сомнения построены по пресловутому «а вдруг?», который будто выталкивает на поверхность сознания стрелка указания наличия горючего в баках.

Мухин даже улыбнулся про себя, потом посмотрел сквозь боковое стекло вправо — назад, стараясь рассмотреть контуры диска от вращающихся лопастей винта. Но вязкая темнота за бортом поглотила все выступающие части воздушного корабля. Лишь на невидимой консоли¹ крыла слабо про-

¹ Консоль — внешний конец крыла.

смаatrивалась пульсация одного из аэронавигационных огней. Впечатление было такое, будто где-то рядом параллельным курсом идет другой лайнер, и это с его борта посылает предупреждающие сигналы красный огонек.

Привычным движением Евгений нащупал тумблер включения фар, плавно нажал. Мощный пучок света с трудом пропорол вязкую темноту метров на двадцать, высветив переднюю кромку крыла и огромный диск вращающегося винта, который сейчас казался тонким, словно лезвие бритвы. Мухин снова мысленно улыбнулся и погасил фары. Корабль опять врезался овальным носом в плотную пелену темноты и будто снова завис на месте, продолжая равномерно гудеть двигателями.

Со скоростью четыреста пятьдесят километров в час на него надвигался Южный аэродром с четко обозначенными на штурманских картах «воротами» входа и выхода, зонами подхода и зонами ожидания. Судя по времени, до Южного оставалось всего ничего. Но и о количестве топлива в баках можно сказать то же самое. Как бы в подтверждение этого Бурин спокойно произнёс, ни к кому не обращаясь:

— Гари осталось на одну заправку керосиновой лампы.

Командир и второй пилот и без сообщения бортовых механика прекрасно видели сами: топлива в баках осталось только на то, чтобы преодолеть оставшийся небольшой отрезок пути до аэродрома, а там сойти с эшелона до высоты трехсот метров и нацелиться в створ посадочной полосы. Сколько еще после этого проработают двигатели — оставалось только догадываться. Конечно, есть цифровые выкладки, по которым можно определить время работы двигателей при определенном количестве топлива. Но когда керосина осталось на дюнышке, а до бетонки аэродрома надо еще добратся, на голые цифры надежда плоха. Потому что небо — не заводской стенд для испытания двигателей, а семь тысяч метров под крылом — это не семь ступенек лестницы, которые можно преодолеть с закрытыми глазами. Подходило время выхода на связь с диспетчером Южного, и Николай Андреевич почувствовал лёгкий приступ «предстартовой лихорадки». Как тогда, давным-давно, перед первым в жизни парашютным прыжком.

Вроде сознание усвоило прочно: парашют безотказен и должен раскрыться нормально. А если вопреки всему случится какая-то неожиданность, можно ввести в действие запасной. Суммарная надежность основного и запасного парашютов вообще гарантирует стопроцентную надежность. Кажется, яснее некуда. А вот подсознание противится такой ясности и заставляет ушащенно колотиться

сердце, будто в гору бежишь, а на самом деле сидишь спокойно на скамейке на летном поле, и прыгать тебе еще минут через тридцать, а то и больше, а вот поди ж ты! Колотится, родимое!

И сейчас, когда Дронову до выхода на связь с диспетчером Южного целых восемь минут, он почувствовал, что кабина его обжитого Ан-26 вдруг стала казаться не такой уютной, как прежде. Это не было страхом со всеми присущими ему атрибутами — липким потом и разжигающей мышцы слабостью. Просто подсознание фиксировало после того момента, когда их не принял первый запасной и они пошли на Южный, усложненность ситуации. И сейчас приближается её кульминационный момент — выход на связь с диспетчером, после чего сразу станет ясно, перейдет усложненная ситуация для экипажа в сверхсложную или нет. То, что погода в этой стороне неба, по сути, уже начала хватать своими жесткими щупальцами воздушное судно, можно определить по усиливающейся «болтанке». Но из-за дефицита горючего вариантов у них больше нет. При любых обстоятельствах садиться они будут только здесь. Дронов нажал кнопкурации, и в динамике перед диспетчером подхода раздался спокойный голос:

— Я борт 19995. Эшелон 7000. Разрешите вход в зону и снижение.

В кабине корабля все пять членов экипажа с тяжелым беспокойством ждали, что им ответит Южный. И Южный после немного затянувшейся паузы (или им только так показалось) ответил:

— Борт 19995, на локаторе вас наблюдаю. Снижение и вход в зону разрешаю.

Дальше следовали данные метеоусловия. Они были такими, про которые впору сказать: нагни голову, а то не пролезешь... Дронов отжал штурвал от себя. Корабль опустил нос, устремляясь сквозь беснующуюся атмосферу вниз, к земле. Приборы показывали, что вертикальная скорость снижения составляет двадцать метров в секунду. Это было много для груженого воздушного лайнера с полетным весом более двадцати тонн. К тому же горизонтальная скорость сейчас тоже немного больше максимально допустимой при снижении.

А все параметры полета, начиная от разбега и заканчивая пробегом после посадки, фиксируются на ленту «черного ящика», который находится на борту любого воздушного судна. После каждого возвращения лента сдается в группу расшифровки. И, если обнаружится, что экипаж допустил какую-то вольность в полете, то начальство возьмет в первую очередь за горло командира: ты что же это, сукин сын, делаешь? Кровью писанные инструкции для тебя — филькины грамоты? Остальным тоже воздадут должное.

«Чёрный ящик» на самом деле представляет собой по форме ярко-оранжевый шар, чтобы его легко можно было отыскать взглядом среди самой разнообразной окраски земной поверхности. Шар этот и в огне не тонет, и в огне не горит, и любые удары для его сохранности ни о чем, такая уж у него завидная доля. И даже если никто из экипажа ничего не сможет никому рассказать, как же все так тяжко и непоправимо произошло, «черный ящик» бесстрастно и правдиво поведает обо всем.

Знал это отлично Николай Андреевич, и все-таки вел сейчас лайнер вниз под таким крутым углом, что будто телом почувствовал гигантский напор воздушной массы, с удесятенной силой навалившейся сейчас на корабль. Даже сквозь гул двигателей можно было различить вибрирование его обшивки, от которого по телу неприятный озноб, будто от резкого прикосновения бормашины. А что, в самом деле, прикажете сейчас делать, уважаемые товарищи инспектора по безопасности полетов? Соблюдать все тютелька в тютельку? Нужно бы, да вот только разум и летный инстинкт выбрали сейчас такой вот вариант снижения, потому что керосина в баках осталось тоже тютелька в тютельку. Так что голова о «тютельках» крепко помнит. До полосы бы только добраться да сесть нормально, а там уж пусть инспекторы дома пытаются: как да почему?

Диспетчер Южного внимательно следит на локаторе за движением их воздушного судна с бортовым номером 19995. Опытный навигатор, видно, из бывших летчиков, Дронов это сразу понял, потому что в наушниках раздался его голос:

— Борт 19995, почему так круто снижаетесь?

— Так надо, — бесстрастно ответил Николай Андреевич.

Диспетчер больше не задавал вопросов. Командиру с высоты виднее, как надо, а как не надо. В зоне снижения сейчас не тесно, так что пусть экипаж делает то, что ему нужно. Дронов тоже об этом подумал и поблагодарил судьбу за то, что сейчас впереди у них нет бортов. Иначе неминуемо стали бы сблизиться, а тут закон воздушного движения жесткий: прекрати снижение или сделай отворот, чтобы расстояние между воздушными кораблями было не менее положенной дистанции.

Наконец-то половину высоты потеряли. Но до полосы оставалось еще далеко. В другое время и не обратили бы внимания на такую мелочь, а сейчас каждая оставшаяся сотня метров воспринималась физически ощутимо, будто эти метры не в кабине лайнера надо было преодолеть, а пешком по трясине, которая в любой момент может и с головой поглотить.

Стрелка вариометра продолжала дрожать на цифре «20». Бортоператор слегка поерзал в крес-

ле, ощущая во всем теле охлаждающую легкость, которая возникает при стремительном снижении.

Дронов с Мухиным держали управление, как всегда, почти автоматически фиксируя показания приборов. Неожиданно попали в полосу дождя. Ливневые потоки заливали лобовые стекла так, что начинало казаться, будто воздушный корабль пробивает толщу океанской воды. Опять начались ощутимые встряхивания. Но это ничего, все это семечки, если бы в баках керосина было побольше. На указателе топлива стрелки уперлись в крайний предел. И внутри у командира такое ощущение, будто эти самые стрелки уперлись не в одно из отделений проградуированной шкалы, а в самый дальний уголок сердца, и оттого оно сейчас ощутимым холодком обволакивается.

Осторожно, чтобы не оголить заборные трубки топлива, сделали еще один разворот. Слава богу, гул моторов по-прежнему ровный, значит, есть еще порох в пороховницах, только бы хватило его еще на малый отрезок времени. Высота уже — тысяча метров, а ни впереди, по курсу, ни внизу за бортом ни единого огонька. Мгла крошечная, лишь приборы выдают информацию о курсе корабля и расстоянии до посадочной полосы.

Бурин нажал тумблер, и где-то снизу и сбоку воздушного корабля раздался глухой звук, будто что-то нарушилось в доселе упругом корпусе воздушного корабля, и тотчас же на табло перед экипажем вспыхнули два ярко-зелёных глаза с четкой надписью посередине «шасси выпущены». Дронов слегка взял штурвал на себя, пресекая стремление лайнера опустить нос после того, как его «ноги» вышли из гнезд и вспороли атмосферную толщу.

На связь вышел диспетчер посадки. Теперь он будет вести воздушный корабль, наблюдая за ним на экране локатора, до высоты пятьдесят метров. Но пока до неё еще в десять раз больше. Там, за ночной завесой, в полукилометре от лайнера, створ посадочных огней. Судя по информации диспетчера, всё пока нормально, Ан-26 ни на вершок не отклонился от положенного ему курса. А когда в баках горючего осталось на доньшке, эти непредвиденные сантиметры на последней прямой могут стать роковыми.

По-прежнему стекла пилотской кабины окутывала плотная чернота. Внезапно в кабине раздался резкий звонок. Значит, прошли первый радиомаркер. А всего их три перед посадочной полосой. Они для экипажей самолетов, идущих на посадку вслепую, то же самое, что вешки в бурной степи, помогающие путнику не сбиться с дороги.

Так же просигналил второй маркер. Как сейчас хочется увидеть что-нибудь внизу-впереди! Но никакого просвета за стеклами.

После звонка третьего маркера впереди мелькнули посадочные огни по краям полосы. Бурин спокойным голосом доложил о показаниях радиовысотомера. Вот она уже, полоса, обильно смоченная дождем, в считанных метрах от колес лайнера. Боковой ветер пытается развернуть лайнер. Дронов доворачивает штурвал, давая крен кораблю в наветренную сторону, чтобы не очень сносило от центра полосы, и одновременно плавно выбирая штурвал на себя, чтобы после выравнивания создать кораблю необходимый посадочный угол.

— Высота — ноль, — произнес Бурин, но еще за секунду до этого Дронов, тоже спокойно, убрал крен, чтобы корабль коснулся «бетонки» двумя колесами.

И вот он, знакомый, тысячи раз испытанный толчок. Самолёт мчится пока еще на двух основных стойках шасси, носовое колесо еще над бетонкой, а при таком боковом ветре ухо держи востро, иначе в два счета скатишься с полосы.

Руль управления — ах, как им надо нежно сейчас работать, если только слово «нежно» можно применить к двадцатичетырехтонному кораблю, коснувшемуся посадочной полосы на скорости двести двадцать километров в час — немного вправо, чтобы в первые секунды после касания полосы идеально выдержать направление пробега.

«Боковик» давит изо всей силы на самолёт, но скорость пробега медленно, но верно падает, и вот уже носовое колесо опустилось на «бетонку».

Бурин тут же сдвинул до упора назад секторы управления двигателями, уменьшив до минимума обороты, и лопасти винтов, словно крылья ветряной мельницы, стали мощно сдерживать стремительный бег корабля. Пробег закончен, можно уже уходить с полосы на рулежную дорожку.

Дронов срулил с полосы. Вдали яркими огнями сияло здание аэровокзала. И тут двигатели вдруг резко оборвали свой размеренный гул и легким убывающим посвистом будто просигналили, что они не намерены больше подчиняться манипуляциям бортмеханика. Корабль прокатился ещё с десятков метров и медленно замер на рулежной дорожке. Винты по инерции ещё продолжали вяло вращаться, но это лишь усугубляло тягостность момента.

— Приехали, — произнес наконец Бурин.

— И, по-моему, вовремя, — с нескрываемым облегчением попытожил Мухин.

Дронов нажал рычаг и вместе с креслом отодвинулся от штурвала. То, к чему они все, и в первую очередь он, командир экипажа, внутренне были готовы еще там, в воздухе, когда только-только разворачивались в сторону Южного, произошло. И хорошо, что вовремя, как заметил Мухин.

А если бы не вовремя? Что тогда? Как хорошо, что ему и Мухину конкретными действиями не пришлось отвечать на этот вопрос. Сейчас же никакого ответа не требуется. Можно вот так, вытянув ноги и откинувшись на спинку кресла, закрыть глаза и, сцепив руки на животе, спокойно ожидать тягач, который отбуксирует их на стоянку.

Мухин подумал об этом же самом. Так же отодвинул кресло и устроился поудобней.

— Нет, все-таки здорово все получилось! — возбужденно заговорил Дорожников, вставая с кресла. — К «бетонке» притерлись без опоздания.

— И груз не растеряли по дороге, — заметил Бурин, спускаясь со своего возвышения.

Постоял секунду-другую в проходе и, насмешливо глядя на возбужденного Дорожникова, добавил:

— А то бы нашему стюарду фирма-хозяин иск предъявила.

— Ты, кочегар, сейчас как дам по рубильнику, так он у тебя на затылке выскочит! — с театральной наигранностью произнес Дорожников и крепко сжатым кулаком слегка надавил бортмеханику на кончик носа. — К тому же кочегару воздушного судна лучше всего иметь нос на затылке — так безопаснее для приборной панели при неудачной посадке...

— Типун тебе на язык! — Бурин отвел руку борт-оператора от своего лица. — У нас никогда не будет неудачной посадки.

— Если только командир поменяет кочегара на более умного, — не унимался Дорожников.

— Кочегар воздушного судна — это что-то новое в перечне должностей, — удовлетворенно хмыкнул штурман.

— И первый кочегар появился именно в нашем экипаже, — уточнил Дорожников. — Достойные бортмеханики достались другим.

— Так же, как и стюарды, — не сдавался Бурин.

— Да хватит вам, — миролюбиво произнес Крамов, — выключайте.

Все понимали, что перепалка между Буриным и Дорожниковым была беззлобной, просто возникла сама собой ради п.с. хологической разрядки после трудного отрезка пути, и Дорожников утешающе хорохорился только для вида. Хотя все также знали, что бортоператоры не очень-то любят, когда их, пусть и в шутку, называют стюардами или, паче того, стюардессами.

Рядом по освещенной полосе катился на последних десятках метров пробега массивный Ту-154, вспарывая нависшую сверху темноту аэронавигационным огнем, вмонтированным в верхнюю часть громадного киля. За свистом трех его реактивных двигателей никто в кабине Ан-26 не услышал, как подъехал тягач, и увидели его лишь тогда, когда он

подрулил к передней стойке лайнера. Помощник водителя прицепил буксирную штангу, и лайнер мягко тронулся с места, увлекаемый тягачом. Корабль отбуксировали на промежуточную стоянку для транзитных самолетов.

— Вот теперь действительно приехали, — произнес Бурин и пошел открывать входную дверь. Экипаж спустился по выставленному трапу, и каждый с удовольствием вдохнул полной грудью до предела наполненный прохладной сыростью воздух.

Их посадка здесь не была предусмотрена, поэтому у самолета сейчас даже бортмеханику было делать нечего. Заправщика еще надо было ждать да ждать. Они прошли через турникет с бдительным вахтером в служебное здание аэропорта. Как водится, отметили летные документы, посмотрели синоптическую карту. Продолжать путь прямо домой они сейчас не могли: на борту находились эти чертовы ящики, которые необходимо было сгрузить в аэропорту на территории Башкирии, не принявшего их из-за погоды.

Это означало, что они должны были проделать четыреста километров с «копейками» в обратном направлении. Груз был с пометкой «срочный», и все другие варианты его доставки по назначению исключались. Негостеприимный башкирский аэропорт был по-прежнему закрыт для самолетов, но синоптики сказали, что циклон движется в своем направлении с огромной скоростью, и, возможно, через час-другой его центр с мощной турбулентностью покинет воздушное пространство аэропорта.

Такое сообщение вселило в экипаж определенную долю оптимизма, хотя каждый знал, что синоптикам и при хорошей погоде доверять, но будь готов ко всему, а уж если атмосфера непредсказуемо взбунтовалась, то и подавно. Но так хотелось именно сейчас, после такого утомительного отрезка пути, без всяких колебаний поверить, что не придется здесь в тоске коротать сутки, а то и более, ожидая долгожданное «добро» на вылет.

Поэтому решили номер в гостинице не брать, а подождать в коридоре служебного здания. Время тянулось медленно и потому нудно. То и дело проходили экипажи: одни — чтобы отметить вылет, другие — прилет.

Дронов стоял, прислонившись к стене с укрепленным на ней телефоном-автоматом, и думал о том, что никого из своих бывших однокашников из летного училища ВВС он никогда не встретит в таком вот не слишком просторном вестибюле, за стенами которого ревут двигатели пассажирских лайнеров.

Не встретит потому, что многие после увольнения в запас навсегда распрощались с мечтой об авиации, а те считанные единицы, которым удалось

устроиться на летную работу в аэроклуб или аэрофлот, давно уже за выслугой лет навсегда покинули кабину самолета, оседлав земные профессии.

А вот он, Николай Андреевич Дронов, все еще натирает мозоли на ладонях о штурвал самолета. Это только непосвященным в тонкости авиации людям кажется, что в кабине современного лайнера работа почти сродни кабинетной. А как же, сами летали в пассажирском салоне. Бабуся, лет по семьдесят с гаком видели, как они в течение нескольких часов на высоте одиннадцать тысяч метров спокойненько обсуждали свои земные дела.

Так что очень даже зря нынешние летчики аэрофлота считают себя королями воздуха. Вон и в печати статьи время от времени появляются, что всякие автоматические системы захода на посадку испытываются. Поэтому даже непонятно, зачем столько людей до сих пор в кабинах лайнеров сидят. Давно пора сокращение штатов произвести.

«Эка, Николай Андреевич, куда вас занесло, — усмехнулся про себя Дронов. — Может, и не все авиапассажиры так думают, как ты сейчас постарался мысленно воспроизвести их умозаключения».

Дорожников опять то ли от скуки, навеянной извечным в этом коридоре, то ли от того, что настоящему все еще не мог позабыть того, как Бурин назвал его стюардом, опять решил покрутить словесные виражи вокруг бортмеханика.

— Послушай, кочегар, вот ты, к примеру, так же, как я, относишься к летно-подъемному составу. Признайся честно: соседям говоришь, что летаешь за штурвалом?

— Ты угадал. Ну, а сам в таком случае что представляешь знакомым?

— Говорю, что летаю бортоператором. Когда же просят уточнить, в чем заключаются мои обязанности, я добавляю: «В нажимании кнопок — лишь только нажал, вся спина мокрая».

— Ладно, будем считать, что у нас ничья, — миролюбиво произнес Бурин.

— Согласен, — кивнул Дорожников.

Бурин походил по коридору, разминаясь и размышляя о животрепещущем: а не придется ли в этом аэропорту вместо двух часов сидеть двое суток? Чтобы заглушить эти мысли, отошел к двери и, вытащив сигарету, закурил, пуская вверх причудливые кольца дыма.

5. БОРТМЕХАНИК

По временной площадке размером чуть больше футбольного поля холодный апрельский ветер гнал почерневшие пучки прошлогодней соломы. Геннадий Бурин сидел на мешке с удобрениями, пряча лицо за поднятый воротник совершенно промасленной куртки, ожидая очередной посадки Ан-2, кото-

рый сейчас носился на бредущем километрах в десяти от площадки, распыляя над полем удобрения.

На эту «точку» они прилетели неделю назад. Снег с площадки соскребли трактором еще в конце марта, но земля все равно от не слишком щедрого тепла припозднившейся весны как следует не просохла, и теперь от частых взлетов и посадок Ан-2 лишилась вконец жиденького травяного покрова и окончательно стала походить на трудный участок трассы в соревнованиях по мотокроссу.

Вчера вот снежная крупа полдня сыпала. Не летали. А после этого на площадке не то что груженому самолету перед взлетом разбежаться — на телеге, запряженной лошастью, не проедешь. Сегодня ранним-раненько, пока еще легким морозцем была прихвачена почва, пустили трактор с тяжелой волокушей на прицепе. Часа два ездил он по площадке туда-сюда, кое-как подтрамбовали взлетную полосу.

Да толку все равно мало: весна хоть и скудная на тепло и сидеть на открытой площадке в ожидании возвращения «борта» под пронизывающим ветром довольно скучно, а все равно температура плюсовая, и после нескольких взлетов-посадок увесистые комья грязи срываются с колес и намертво прилипают к крыльям и фюзеляжу. Вдобавок встречный ледяной поток воздуха так цементирует все эти наслоения, что потом хоть топором срубай. А грязь не просто «косметику» самолету портит. Она его аэродинамику ухудшает. Поэтому приходится каждый день часа по полтора тратить на удаление хотя бы крупных комков грязи. А еще на химработах самолет обильно запудрен удобрениями или химикатами. Но это семечки. На такие мелочи авиатехник даже внимания не обращает. После возвращения самолета в порт приписки мойщики будут драить его с утра до вечера, чтобы вернуть ему благопристойный вид. А на «точках» у авиатехника одна-единственная забота: чтобы вверенный ему самолет работал как часы.

Дня через два после того, как они начали работать на этой площадке, у Бурина появился добровольный помощник из местных ребят. На площадку он пришел в первый же день, но его турнул кто-то из рабочих, занятых на загрузке самолета удобрениями. Несмотря на такой неласковый прием, парнишка пришел на другой день и, встав в отдалении, наблюдал за всем, что происходило на площадке.

Бурин приметил его настырное любопытство и, когда загруженный Ан-2 снова ушел в воздух, призывно махнул пареньку, чтобы не боялся, подходил к нему. Тот не сразу среагировал — может, боялся какого подвоха, а может, еще что.

— Эй, парень, шагай сюда! — крикнул Геннадий, и снова призывно махнул рукой. Парнишка наконец

понял, что его приглашают вполне серьезно, и неторопливо подошел.

— Если тебе что-то велит сделать старший, — назидательно произнес Бурин, — его приказания нужно выполнять бегом. Это правило важно заучить еще до того, как пойдешь служить в армию. Тогда не придется вне очереди мыть полы в казарме...

Мальчишка внимательно слушал, стоя почти по стойке «смирно», и это умерило менторский пыл Геннадия.

— Ты для чего здесь второй день на ветру полощешься? — участливо спросил он.

— Мне бы хоть раз осмотреть самолет, — произнес парнишка. — Интересно узнать, как он устроен. Вот педаль для газа у него где расположена? Как у автомобиля, на полу? Или как у гусеничного трактора — рычажок на колонке перед водителем?

— Вот это ты скомплектовал вопросы! — развеселился Геннадий. — Как у автомобиля или как у трактора? Ни одному курсанту ни одного авиатехнического училища страны никогда бы такое сравнение и в голову не пришло. Ну и оригинал ты. А впрочем, если уже на то пошло, расположение управления двигателем на всех типах самолетов похоже на тракторное. То есть рукой газ регулируют. А ты что, наверное, летчиком хочешь быть? — Парнишка отрицательно покачал головой. — А кем же тогда?

— Мотористом на самолете, — серьезно ответил парнишка.

— А тебя как звать-то? — посерьезнел и Геннадий.

— Мишкой.

— Вот что, Миша, мотористов давно в авиации нет. Вернее, есть, но зовутся теперь они по-другому — авиатехниками.

— А вы, дядя, авиатехник?

— Угадал, — ответил Бурин.

Мальчишке-то, поди, лет четырнадцать, а он для него уже «дядя». Вон как времечко летит. В августе уже год будет, как он закончил авиатехническое училище Гражданского воздушного флота. После десятилетки год поработал в автобазе: сначала учеником слесаря, а потом и слесарем.

Об авиации даже и не мечтал, потому как никогда ею не увлекался. Технику, правда, любил, сосед-то всегда помогал разбирать-собирать часто барахливший мотоцикл, сосед-то и устроил потом его, Геннадия, в автобазу. Но как-то случайно попался Бурину расхристанный номер журнала «Гражданская авиация», кто-то и зачем-то принес его в каптерку, где слесари в обеденный перерыв обычно забивали «козла», и после внимательного просмотра появился у новоиспеченного автослесаря неосознанный пока интерес к авиации.

Потом он стал регулярно уже покупать этот журнал в киоске «Союзпечать», а там и решение твердое созрело: буду авиационным техником. Правда, мать советовала продвигаться вперед по автомобильной части, хотя бы в техникум соответствующий поступить.

Генка понимал мать. После окончания автомобильного техникума на работу можно вернуться в ту же автобазу и жить дома. А после авиатехучилища путь домой будет заказан: в их маленьком городке самолетов сроду не было.

— А трудно на авиатехника выучиться? — прервал его короткие воспоминания Мишка.

— Как тебе сказать, — неопределенно начал Бурин, — выучиться, может, и не очень трудно, а вот стать настоящим авиатехником — это, брат, посложней.

— А я смогу? — продолжал любопытствовать Мишка.

— Может, и сможешь. Да чем гадать, ты лучше попробуй, на что способен, — оживился Бурин. — Вот сегодня мой «борт» закончит работу, ты и помоги мне подготовить его к завтрашнему летному дню. Вроде авиамеханика у меня будешь на общественных началах. Это почти как авиатехник, только рангом пониже.

Предложение Мишке понравилось. С этого дня налипшая грязь на плоскостях уже не так раздражала Бурина. В конце концов он объявил Мишке, что авиатехник из него, пожалуй, выйдет. Вот только воду надо почаще менять в ведре.

А сегодня Мишка почему-то не явился. Скорей всего, дома дело нашлось. Время-то весеннее, в любом дворе сейчас найдется чем заняться четырнадцатилетнему парню вместо того, чтобы полпуда грязи смывать с самолета.

Вдали, низко над землей, показался силуэт Ан-2. Потом он исчез в складках местности, а еще через короткий промежуток времени из-за расположенной поблизости рощицы послышался нарастающий гул двигателя, и через две-три секунды снова появившийся в поле зрения Ан-2 пронесся над рощицей, едва не задевая деревья колесами шасси, оставляя позади себя раскачивающиеся верхушки берез, по которым прошлась мощная воздушная струя, отбрасываемая винтом. Сделав на малой высоте разворот на сто восемьдесят градусов, самолет мягко коснулся полосы у трепещущего на ветру посадочного знака и покатился вперед, лязгая амортизаторами на неровностях.

— Эх, жаль, что сегодня Мишки нет, — с сожалением бормотал Бурин, наблюдая, как увесистые шматки грязи срываются с покрышек колес и молотят по корпусу самолета.

После загрузки Ан-2 опять порулил к началу взлетной полосы, оставляя позади себя глубокие колеи. Из-за податливости грунта и взлет затянулся настолько, что Бурин даже дыхание задержал, наблюдая, как ужасающе быстро приближается Ан-2 к краю площадки, не проявляя ни малейшего желания оторваться.

Рев мотор на максимальных оборотах, ни одной фальшивой нотки в его работе (на этот счет у авиатехников слух тонкий, как у хороших скрипачей), а все-таки не может оторваться после положенных метров разбега загруженный гербицидами, или как их там, такой летучий биплан¹ Ан-2, которому в другое время и футбольного поля хватило бы с избытком для взлета. Будто магнитную ленту положили под разъезженной поверхностью прямоугольной площадки, громко именуемой аэродромом, и никак сейчас не преодолеть её притяжение самолету «Ан-2», у которого в двенадцатицилиндровом двигателе заключена тысяча лошадиных сил.

— Ну давай, давай же! — не выдержал Бурин и даже руками движение сделал, как будто что-то тяжелое вверх подбросил.

И — странное дело — колеса Ан-2 вышли из размягченного дерна, считай, на самом краю площадки, за которым начиналась уже пахота.

— Уф! — с облегчением произнес Геннадий и даже воротник тужурки приотпустил, так тепло показалось сейчас на пронизывающем ветру, зародившемся в северных широтах.

Каркали носившиеся в суматохе вороны, в который уже раз рассматривая сверху с почтительного расстояния эту странную птицу, которая прежде чем взлететь, долго бежит по земле, издавая ужасающий рёв. Вороны, надо полагать, были уже умудренные жизнью, поэтому от взлетавшего самолета на всякий случай старались держаться подальше.

Но едва лишь Ан-2 исчез за дальним перелеском, вороны, видимо, решив доказать, что именно они хозяева здешних мест, издали воинственный клич и всей стаей спикировали на полевой аэродром, рассеившись на взлетной полосе.

— Кыш, проклятые! — шуганул их Геннадий, но вороны не обратили внимания на его восклицание и устрашающий взмах рукой.

«Не дуры набитые, понимают, что мне до них ничем не дотянуться, расстояние-то метров сто с гаком».

Бурин опять расположился на чехлах от мотора, искоса поглядывая на птиц. Вообще-то надо бы их спроводить с площадки, потому что для самолета

¹ Биплан — самолет, у которого две пары крыльев.

они очень даже реальную угрозу создать могут, да очень уж вставать неохота и топтать на ветру по разьеженной полосе. Эти твари снимутся при его приближении и, едва лишь он вернется на удобные чехлы, опять усядутся на прежнее место. Уж он-то с настырностью ворон успел познакомиться.

Если они слишком засидятся здесь, а Ан-2 будет заходить на посадку, тогда он запустит в них чем-нибудь. Да они и сами при виде самолета улепетнут, тут и гадать нечего. Вообще-то птиц, вторгавшихся в воздушное пространство аэропортов и «точек», где взлетают и садятся самолеты, Бурин считал врагами номер один. В прошлом году, когда Геннадий только-только начал работать в аэропорту после училища, в их эскадрилье произошло ЧП. И как раз с самолетом, который обслуживал Бурин. Ан-2, разбежавшись, уже оторвался от земли, и после непродолжительного выдерживания для возрастания скорости плавно перешел в набор высоты, как вдруг двигатель его чихнул и тут же смолк на самой высокой ноте взлетного режима. Бурин в это время находился на транзитной стоянке самолетов, наблюдая за взлетом своего подопечного. Экипаж не растерялся, мастерски в доли секунды притер самолет к земле, и тот покатился по зеленому полю аэродрома, благо его размеры позволяли после прерванного взлета избежать аварийной ситуации. И когда Ан-2 остановился после разбега, до Бурина дошло, что это у самолета в воздухе на взлетном режиме отказал двигатель. И Геннадий вдруг почувствовал такой озноб, какой еще ни разу не испытывал в жизни.

Надо же такому случиться в первый месяц самостоятельной работы: техника, которую он готовил к вылету, отказала. Как он мог не досмотреть? И вообще — что там произошло на самом деле? Они быстро прыгнули с техником-бригадиром в кабину ЗИЛа, и водитель погнал машину к застывшему на полосе Ан-2. Кабина грузовика была трехместной, справа у неплотно прикрытой дверки сидел хмурый техник-бригадир, у него была привычка дышать, время от времени пофыркивая через нос, но сейчас Бурину показалось, что пофыркивание целиком относится к нему, и потому воспринималось им особенно угрожающим.

Первое, на чем остановился лихорадочный взгляд Геннадия, когда они подъехали к самолету, это действия командира экипажа, который доставал из воздухозаборника какие-то ошметья, похожие на куски пакли. «Как они там очутились?» — машинально подумал Геннадий, спрыгивая на ватных ногах из кабины грузовика.

— Шашлыки сейчас будем жарить, — крикнул летчик подъехавшим авиатехникам. — Килограмма полтора мяса наберется!..

Ошарашенный Бурин не сразу понял, о чем идет речь. Когда же ему растолковал второй пилот, в чем дело, Геннадий в момент обмяк и прямо тут же сел на пожухлую траву. Оказалось, что на высоте около пятнадцати метров Ан-2 столкнулся с воробьиной стаей, и воздухозаборник забился, отчего сразу же заглох двигатель. С тех пор Геннадий при виде птиц над взлетной полосой испытывал ощущение, какое обычно бывает у человека при виде цветка, вызывающего аллергическую реакцию.

— Нет, придется все же в вас, подлых, запустить чем-нибудь тяжелым! — вслух решил Бурин, видя, что вороны продолжают вальяжно разгуливать по импровизированному аэродрому, а время возвращения Ан-2 приближается. К тому же едва он вспомнил, как испереживался тогда, пока доехал с техником-бригадиром до самолета, лень его окончательно испарилась, и он с удвоенным рвением принялся шарить около чехла в поисках хорошего земляного кома. Такого не оказалось, и он принялся разгребать руками слежавшуюся кучу удобрений, в которой всегда могут оказаться комья. Поглощенный этим занятием, он не сразу заметил торопливо приближающегося к площадке Мишку.

— Дядя Гена, я потому задержался, что помогал соседке ручную помпу наладить, она у них в квартире воду для питья качает, — выпалил скороговоркой Мишка, с трудом переводя дыхание.

— А я думал, что ты уже не придешь, — степенно произнес Бурин, донельзя обрадованный тем, что его «механик на общественных началах» все-таки объявился. — Ты вот что сейчас сделай: набери из этой кучки комков и обстреляй ими ворон, а то из-за них может случиться летное происшествие.

Вскоре вороны с недовольным гомоном снялись с площадки и отлетели на приличное расстояние.

— Всё, дядь Ген, полоса очищена, — доложил Мишка, оглядывая горизонт.

В двадцать с небольшим в душе гнездится желание выглядеть старше, чем ты есть на самом деле. Но это, так сказать, в теоретическом плане. А если в практическом, когда тебя начинают величать «дядей», становится как-то неуютно, потому что к этой роли вроде бы не слишком готов, и к тому же не совсем еще зарубцевалась мета, отделившая полудетскую юность от самостоятельной молодости, а потому начинает шевелиться пугающая мысль: неужели я и впрямь стал «дядькой» со всеми вытекающими последствиями?..

— Ты вот что, Миша, не в гости к родственникам заявлялся, «дядек» и «тетенок» забудь. Ты в авиации срочную службу проходишь, а потому называй меня просто «товарищ командир».

Поглядел в ту сторону, откуда должен был с минуты на минуту показаться Ан-2, и добавил:

— Только обращайся ко мне так в отсутствии остальных членов экипажа. А то наш командир самолюбив и может подумать, что я решил подорвать его авторитет.

Мишка понимающе кивнул. Он вообще был сообразительный парнишка, это Бурин отметил с первого же дня знакомства.

К площадке стал приближаться самолет, и Геннадий приказал Мишке вооружиться мягкой замшей, чтобы протереть стекла кабины.

Приземлившийся самолет с трудом порулил на стоянку, и Геннадий понял, что на сегодня полеты закончены. При взлете с такой площадки можно в два счета дров наломать. Значит, завтра ранним-ранешенько ему придется руководить укаткой полосы. Зацепят за К-500 деревянный короб, загруженный камнями, и — туда-сюда, выравнивая и утрамбовывая площадку.

Пилоты направились на отдых, а Геннадий с Мишкой принялись за свои обычные дела: первый проверял технику, а второй орудовал тряпкой, окуная ее в ведро с водой. Вода была из бочки, стоявшей тут же поодаль, и до того холодная, что у Мишки ломило руки. Но он как ни в чем не бывало продолжал отмывать от грязи плоскости самолета, стоически перенося ломоту в пальцах.

Каково приходится авиатехнику в сибирских условиях, он знал из рассказов Бурина, а потому был готов стоически выдержать любые испытания, лишь бы не показаться слабым. Он справился со своим заданием прежде, чем Бурин успел проверить двигатель и основные узлы самолета. После того, как все было сделано, они зачехлили кабину пилотов и тоже направились в сторону деревни.

Геннадий квартировал в доме одного совхозного механизатора. Сегодня у того была какая-то памятная дата, и по этой причине Бурин к своему приходу застал в гостях соседа, тоже механизатора широкого профиля. Лица у обоих были раскрасневшиеся, и Бурин определил по ним, что горячительного они уже приняли изрядное количество.

— А вот и наша сельхозавиация, — бодро произнес хозяин дома, беря в руки початую бутылку. Было ему уже хорошо за сорок, но выглядел он значительно моложе. — Давай приземляйся рядом с нами, тебе это будет сейчас весьма кстати. В открытое поле тебя за целый день, чай, просифонило основательно. Так что — приятное с полезным! — и он наполнил до половины третий стакан.

— Я не употребляю посреди рабочей недели. Да и умыться мне надо основательно, — запротестовал было Геннадий.

Но хозяин избы никаких отговорок принимать не желал:

— Руки сполосни с мылом — и к столу. Тем более что у меня сегодня круглая дата: тридцать лет назад я впервые получил в свое полное распоряжение трактор. А до этого прицепщиком крутился. Трактор был колесный. Поговаривали, что его с американского «Фордзона» передрали. А трактор мне достался все сроки выходявший. День работаешь, а три ремонтируешь. Но я на нем все равно в передовиках ходил. Потому как нюх имел на технику.

— Без нюха на технику надо в конюхи подаваться, — подтвердил сосед. — Я думаю, наш авиатехник тоже такого же мнения в этом вопросе. Я правильно рассуждаю? — повернулся он к Бурину.

— Абсолютно правильно, — подтвердил Геннадий.

— Тогда споласкивай руки и к нашему шалашу.

Геннадий уже понял, что отнекиваться бесполезно, тем более что причина застолья более чем уважительная. Вытерев после мытья руки полотенцем, он присел к столу. Все трое подняли стаканы, чокнулись. Геннадий еще не привык к таким дозам, поэтому сразу стал торопливо закусывать соленым огурцом. Хозяин снова наполнил граненые стаканы наполовину.

— Мне хватит! — замахал рукой Геннадий.

Но хозяин наставительно сказал:

— Вот эту порцию замахни — и хватит. Нам по количеству, а тебе по качеству. Вижу, что не очень-то ты воспринимаешь сорокаградусную. Да сегодня у меня день особый, я уже говорил. Так что — поехали! — и он поднял свой стакан.

Сосед сделал то же самое почти одновременно с ним, так что Бурина ничего не оставалось, как последовать их примеру.

— Одного я никак понять не могу, — снова начал хозяин, дожевывая ломтик огурца после выпитой порции, — в чем заключается соль работы авиатехника? У нас, сельских механизаторов, все ясно как божий день: зимой технику ремонтируем, весной на пахоте от зари до зари. Летом сенокос, а потом — уборочная. А с наступлением зимы опять ремонтом занимаемся. Полная цикличность. А ты, авиатехник, целыми днями на летной площадке торчишь, хотя делать тебе вроде и нечего. Самолет летает туда-сюда, летчики свое дело знают. В самолете все вроде исправно, а ты все равно целый день сидишь около кучи химикатов и словно ждешь какого-то подвоха. Самолеты у вас гнилые, что ли? Да их, наверное, тоже ремонтируют, как мы свои трактора. Ты можешь мне на этот счет дать разъяснение?

— Конечно, могу! — с какой-то веселой разухабистостью ответил Геннадий. — У авиатехника не жизнь — малина. Летом под солнцем жариться и

дождевой душ принимаешь, а зимой на морозе за-
каляешься. На работу приезжаешь раным-ранень-
ко, когда экипаж еще чай дома готовится пить. А ты
уже к своим летным обязанностям приступил: рас-
чехлил звенящий от мороза самолет, проверил
весь его до последнего винтика, заправил горючим
и маслом, а потом начал раскопегаривать, то есть
двигатель запускать. А иногда, прежде чем начать
запускать, какую-нибудь гайку требуется отвинтить-
завинтить. А ключ маленький такой, как пальчики у
балерины, в одеревеневших руках удерживать не мо-
жешь. Тогда берешь эту самую гайку двумя пальца-
ми, смоченными слюной, и сразу та гайка прикипа-
ет к ним на морозе намертво. Теперь уже можно
смело совать руку в самые немыслимые лабирин-
ты двигателя и насаживать эту самую гайку на свое
законное место: с пальцев она не сорвется и не за-
катится туда, где ее с миноискателем не найти.
Правда, на гайке остается после этого часть кожи с
пальцев, но это уже мелочь по сравнению с тем,
что гайка наконец-то закручена. А там и двигатель
в конце концов запустился, теперь уже жить можно.
Гоняешь его на разных режимах, следишь за при-
борами: все ли в порядке? Потому что тебе доверя-
ют экипаж, и пассажиров, и самолет. И от тебя на
девяносто с лишним процентов зависит, как прой-
дет полет. Потому и в трескучий мороз жарко иног-
да становится, когда что-то не ладится в твоей ра-
боте, и вдруг эта мысль в голову придет. Тут уж мозг
сразу начинает работать в несколько лошадиных
сил. А потом, когда добьешься, чтобы двигатель и
все остальное работали как часы, выключаешь за-
жигание и зачехляешь машину, чтобы двигатель
сохранил тепло до прихода экипажа. А мороз-то
трескучий с ледяным ветром, при такой метеооб-
становке прогретый двигатель опять может быстро
превратиться в застывшую конструкцию из метал-
ла. Посмотришь на время — и опять все сначала:
расчехляешь самолет и двигатель запускаешь. А
потом опять зачехляешь. В общем, работаешь по
принципу «на колу мочало»... Потому что мороз. А
зарплата у нашего брата намного меньше, чем у
летчиков. Я, конечно, понимаю, оклады устанавли-
вают не они, я просто к тому говорю, чтобы яснее
было, какая такая жизнь-малина у авиатехников.
Но я не жалеюсь, сам выбрал специальность и до-
волен ею.

Закончив этот длинный монолог, Бурин подце-
пил вилкой ломтик огурца и отправил в рот. Некото-
рое время за столом длилось молчание.

— Вот видишь, Иваныч, как зачастую бывает в
жизни, — нарушил молчание сосед. — И деньги вро-
де не такие уж крупные платят, и работа собачья, а
вот прикипел к ней человек и ни на какую другую
менять не собирается.

— Конечно, зарплату со счетов скидывать не
приходится, — заметил Иваныч. — Но ведь одними
деньгами душу не согреешь, если она, конечно,
имеется у конкретного человека. Тут в корень зри,
как говаривал, кажется, Козьма Прутков. В корнях
вся суть...

Николай этот разговор и свой пространный мо-
нолог почему-то часто вспоминал. Может, потому,
что он впервые осознанно не столько своим себе-
седникам, сколько себе объяснил, что значит быть
техником в аэрофлоте. Как бы тяжело ни приходи-
лось, он не жалел о своем выборе профессии,
хотя в общем-то относился к ней без всякого ро-
мантического ореола. Своей будущей жене под
звуки эстрадного оркестра на танцплощадке он
сказал так:

— Работаю техником самолета. Нет, бортмеха-
ник — это совсем другое, а я отправляю машину в
полет, потом дожидаясь ее возвращения. Если не
дождусь, чем тогда заниматься буду? А я легко от-
вечу на этот юмористический вопрос: в подобных
случаях расследованием ЧП занимается обычно
ну очень компетентная комиссия, и, если она узрит
мою вину в невозвращении самолета, то мало не
покажется. Вот так то, девушка...

Потом отряд получил турбовинтовые самолеты
Ан-24, и Бурин в числе первых перешел на их об-
служивание. А еще через три года ему предложили
перейти в бортмеханики. Здесь его ждала «белая»
работа. Позади — восемь лет работы «технарем»,
трескучие морозы и летняя жара под открытым не-
бом.

Теперь же — герметичная кабина воздушного ко-
рабля с пультом управления, все льготы летно-
подъемного состава и соответствующая оплата.
Бурин такой поворот в своей судьбе воспринял как
должное. Таков уж у него был характер: без излиш-
них эмоций следовать через житейские повороты.

6. ВЫЛЕТ

— О чем задумался, бортач? — дружелюбно хлоп-
нул по плечу Бурина Дорожников.

— Да так, просто вспомнил, как я уголь шумовой
в обыкновенную сельскую печку в обыкновенной
деревеньке подкидывал, — безразличным тоном
произнес Геннадий.

— Кочегарил, значит?

— Значит, кочегарил...

Оба замолчали, потому что Дронов снял с висев-
шего на стене телефона трубку и принялся названи-
вать в метеослужбу. После короткого разговора ко-
мандир повеселевшим голосом бросил «спасибо»,
повесил трубку и посмотрел на экипаж.

— Запрягать, командир? — первым нарушил се-
кундную паузу Бурин.

— Запрягай, бортач! — буднично, как всегда, проговорил Дронов.

Полетные документы они оформили быстро, а потом все пошло по раз и навсегда заведенному ритуалу, который обычно предшествовал взлету. На старт порулили без задержки. Хотя метеоусловия улучшились, но небосвод по-прежнему был плотно закрыт толстым слоем облачности, по этой причине рассвет запаздывал. Расстояние до аэропорта, который их не принял несколько часов назад, было чуть более четырехсот километров. Час лету. Треклятые ящики! Из-за них приходилось топтать сейчас в обратном направлении, жечь керосин и собственные нервные клетки — потому что они тоже сгорают. В одном случае в меньшем количестве, в другом — в большем. Раз на раз не приходится. В данном полете каждый из экипажа наверняка спалит сверх лимита энное количество этих самых клеток, которые, как известно, не восстанавливаются. Ведь за окнами пилотской кабины опять крошечная мгла, а когда за спиной четыре с половиной часа летного времени, далеко не малая часть которого была одобрена стрессовой ситуацией, такая воздушная обстановка ложится на душу каждому члену экипажа отнюдь не целительным бальзамом. К тому же эта подспудная мысль, действующая на нервы, словно звук от лезвия перочинного ножика, которым с оконного стекла чернильную кляксу соскабливают, что воздушный корабль идет совсем в противоположном от дома направлении.

Над Южным аэродромом, хотя небо и было прикрыто плотным пологом свинцовых туч, всё-таки стало чувствоваться приближение рассвета. Теперь же начинавшая редеть темнота по мере того, как корабль всё больше удалялся от Южного аэродрома, вновь стала приобретать чернильный оттенок, потому что курс воздушного судна лежал туда, где простиралась ночь.

— Опер, ты спишь? — прокричал Бурин, повернув вполоборота голову.

Конечно, можно было воспользоваться рацией, чтобы не надирать голосовые связки, но бортач этого делать не стал, потому что неизвестно, как отнесётся к этому командир, не поощрявший праздного трёпа по внутренней связи.

Дорожников сидел, поставив локти на рабочий столик и подперев щеки ладонями, и на обращение бортача никак не отреагировал.

— Значит, всё-таки спишь, — так же громко подытожил Бурин, продолжая между тем смотреть вполоборота в неподвижный затылок борт操атора. — А дома-то сейчас уже утро. Солнышко светит, птички поют...

— Скверики и дворики подметают дворники, чтоб блестела улица моя! — пропел Дорожников, не ме-

няя позы, потом спросил: — Ты об этом хотел поведать мне, бортач?

— Проверить, спишь ты или нет, — подытожил Бурин и повернулся к приборной панели. Ему хотелось пить, но он доподлинно знал, что минералка в бутылках давно закончилась, а идти и цедить из бачка кипячёную и как следует не остывшую воду не хотелось. Чтобы как-то отвлечься от мыслей о прохладном нарзане, он и решил покричать-поговорить с борт操ателем.

Дронов сидел, выпрямившись в пилотском кресле, уставив неподвижный взгляд в лобовое стекло, упиравшееся в темноту. Корабль шёл на автопилоте, и хотя по-прежнему не было видно ни зги, атмосфера поутихла, так что можно было какое-то время посидеть спокойно и даже поразмышлять.

То, что два часа с небольшим назад он благополучно посадил лайнер в дикой ситуации, уже воспринималось как нечто абстрактное. Природа всё-таки поступила мудро, наделив человеческий организм этой способностью — забывать. В крайнем случае размывать в сознании остроту пережитого. Иначе невозможно было бы ни жить, ни работать. Особенно лётчикам. И ещё морякам. Хотя, если уж по справедливости, щекотливые ситуации, после которых руки-ноги дрожат, могут возникнуть даже у велосипедиста. Но там это скорее исключение. Здесь же — закономерность, выросшая из случайности. То, что погода им на маршруте преподнесла сюрприз, — случайность. Метеослужба, хотя и предупреждала их о возможном ухудшении, но не до такой степени, чтобы два подряд аэропорта, один из которых был для их корабля запасным, оказались закрытыми.

Первая случайность предопределила появление второй, когда горючее в баках самолёта подошло к нулевой отметке. Это обстоятельство могло стать для них роковым. Могло, если бы не следующая случайность, на этот раз счастливая: в зоне подхода Южного аэродрома не оказалось ни одного лайнера, у которого воздушная ситуация была бы аналогичной. Особенно по части горючего. Случись иначе — ещё неизвестно, повезло бы...

Ещё одна счастливая случайность: экипаж при выходе на посадочную полосу не совершил «промаза». Хотя крутое снижение с эшелона способствовало тому, чтобы расчёт на посадку оказался «подкорректированным», и о том, какие последствия могла иметь эта «коррекция», остаётся только гадать... Но шасси их самолёта коснулись бетонки точно на посадочной «зебре». Тоже случайность? Или закономерность? Да нет, скорее закономерность, вытекающая из тысяч часов, проведённых за штурвалом, из потения на тренажёрах в школе

высшей лётной подготовки и в учебно-тренировочном отряде. Так что приbedнаться ни к чему.

Слётанный и дружный экипаж — это хорошо, но такая оценка может в один прекрасный миг стать абстракцией, если командир в нём слишком хрупкая натура. Потому что выполнение рейса на воздушном корабле хоть и дело коллективное, но всё-таки девяносто пять процентов работы, особенно по части пилотирования, ложится на плечи командира. Это как бы солист в оркестре. Если он виртуоз, то в любом концерте оркестр на высоте. А если нет, тогда никакое сопровождение делу не поможет. «Сольную партию вы, товарищ Дронов, когда корабль шёл на Южный, а потом снижался на посадку и в конце концов сделал её, исполнили на «ять». Так в лётном училище курсанты оценивали полёт, который, по единодушному мнению, был выше всякой похвалы. Наверное, бывшие однокашники сейчас, нисколько не покривив душой, как в былые времена, солидно произнесли бы, подняв большой палец: «На ять!» Дронов едва приметно усмехнулся. Непонятно даже себе: в лирику ударился, что ли? С чего бы это? Юношеский возраст давно миновал, скоро в трамваях самые воспитанные молодые люди место начнут уступать. Скорее, наоборот, приближение старости почувствовал. И не общезначимой, а лётной, что, впрочем, для настоящего пилота одно и то же. Только, наверное, каждый ощущает это по-разному. Один перестаёт получать удовольствие от полёта. Другого тянет на всякие полулирические размышления в полёте. Как его вот сейчас. Николай Андреевич снова усмехнулся про себя. Видимо, и в самом деле у него наступил тот самый «переходный возраст», при котором многие пилоты опускаются с заоблачных высот на грешную землю. В прямом смысле, безо всяких аллегорий. Вот и ему пора принять бесповоротное решение: или-или... Или в небе, или на земле. И чем скорее, тем лучше. Потому что небо не признаёт половинчатости, хотя бы даже и в мыслях. Или ты целиком предан ему, или навсегда прощаешься с ним. Третьего не дано. В противном случае можешь жестоко поплатиться. Плата одна — жизнь. Твоя собственная и твоих товарищей. Ну, а если уже принято решение навсегда распрощаться с небом, всё равно не думай об этом, даже выполняя свой последний в жизни полёт. Хотя лётчики избегают слова «последний» и заменяют его словом «крайний». Крайний полёт перед отпуском. Крайний полёт перед расставанием с небом. А раз полёт крайний, вольно или невольно в голову лезут посторонние мысли, не имеющие прямого отношения к пилотированию. И тут уж недалеко до беды. Или до ситуации, именуемой в актах комиссий «предпосылкой к лётному происшествию». Это ког-

да воздушный корабль лишь пройдёт сквозь тень, отбрасываемую скоплением роковых обстоятельств, которым до полной концентрации, необходимой для перехода в новое качество — катастрофу — не хватило какого-нибудь малого мига.

Дронов хорошо помнил случай, произошедший с одним командиром корабля именно при выполнении крайнего полёта. Командиру тому было пятьдесят. Тридцать лет прослужил в авиации. И теперь ему настал черёд совершить свой крайний полёт. После обычных радиопереговоров запустили двигатели, вырулили на старт. Разбег, отрыв — всё шло нормально. А вот когда набрали высоты метров пятьдесят, корабль накренился на одно крыло. Командир пытается штурвалом вернуть корабль в нормальное положение, а штурвал ни в какую не поддаётся, словно его электросваркой прихватили. «Помогай!» — кричит он второму пилоту, но и в четыре руки не могут они сдвинуть баранку штурвала. А крен уже такой, что корабль на нижнее крыло к земле заскользил. Среди экипажа не то что паника, а почти утвердившаяся в голове мысль: управление заклинило, до земли считанные метры, сейчас всё будет кончено. И тут второго пилота вдруг осенило: да ведь взлёт производится с законтренными электрострубцинами¹! Одно нажатие кнопки — и штурвал заработал. Да поздно уже было. Правда, не настолько, чтобы корабль врезался в землю, но вполне достаточно, чтобы полёт в самом начале закончился лётным происшествием. Крен выровнялся, но корабль уже сносил на своём пути невысокие деревца, росшие за аэродромом.

В такой ситуации отойти от земли и набрать безопасную высоту экипаж уже не мог. Хорошо хоть смогли притереть тяжёлый корабль на брюхо прямо по курсу, и пошёл он в тучах пыли на огромной скорости «брить» всё, что ни попадётся на пути движения.

Пропахав несколько сот метров, самолёт остановился. Никто не получил даже царапины. Благоприятное стечение обстоятельств, особенно то, что в той части территории, примыкающей к аэродрому, куда плюхнулся взлетающий четырёхтурбинный лайнер, не было никаких сооружений.

Физически никто не пострадал. Но в профессиональном плане командир экипажа был испепелён, так же как и второй пилот. Комиссия установила, что экипаж не расконтрил электрострубцины на рулях воздушного корабля.

Вообще струбцина — это деревянная деталь, отдалённо напоминающая хомут. Их надевают во время стоянок, чтобы ветер не трепал рули. Но это

¹ Струбцина — стопор на рулях самолёта на стоянке, чтобы их не трепал ветер.

на лёгких поршневых самолётах. На тяжёлых же, особенно на промежуточных стоянках, используются электрострубины, работающие от внутренней электросети. Лётчик нажимает в кабине тумблер, и рули законтрены. Перед взлётом, естественно, надо их расконтрить. Почему экипаж не сделал этого, трудно сказать. И «поминальник», то есть инструкцию, командир перед взлётом читал, и управление рулями должен был подвигать, чтобы практически убедиться в его нормальной работе, да и второй пилот тоже должен уши топориком держать, а вот ни тот ни другой не сделали этого. Невежливо, но факт.

Впрочем, на свете случаются такие невероятные вещи, что в них трудно бывает поверить. Но не бывает настолько невероятных случаев, чтобы они не могли произойти. Расхолодился человек, и вот результат. В приказе, который во множестве экземпляров рассылается после всяких ЧП в отряды и подразделения, события, естественно, излагаются без всякой «лирики». Там сама суть, толково изложенная. Мотай на ус, не повторяй ошибок других! По этому поводу при разборе приказа о злом случае с электрострубинами один из командиров произнёс почти философский монолог:

— Я так полагаю, товарищи, что все мы, сидящие здесь, сплошь умные люди. Потому что учимся на ошибках других. А по этому поводу один из больших политических деятелей прошлого заметил, что дураки учатся на собственных ошибках, а умные на ошибках других. Вот и выходит, что мы умные. Только в таком случае естественный вопрос возникает: каким же образом из умных дураки получаются? Ведь они тоже до того, как перейти в это сословие, в умных ходили. То есть я хочу подчеркнуть — на чужих ошибках, в официальных бумагах изложенных, учились. Не ожидает ли и некоторых из нас, сидящих здесь, тот же самый резкий переход из одного качества в другое?

Дронов тогда съязвил, что вывод в корне неверный, потому что умный в любом случае останется таковым, ибо все люди умны задним числом. Тогда он ещё не задумывался о том, что будет, когда наступит его крайний полёт. А теперь наступил для него этот момент взвешивания «за» и «против», после чего останется только прикинуть ориентировочно дату крайнего полёта.

Николай Андреевич потянулся к штурвальному автопилота, чтобы внести предусмотренную поправку в курс корабля. Ан-26 послушно качнул крыльями, изменяя на несколько градусов линию полёта. И тут Дронов физически ощутил руками, ногами и вообще всем нутром, что рано ему ещё думать о своём завершающем полёте, который будет своеобразным росчерком в его лётной жизни. Вот сей-

час, несмотря на многочасовой ночной рейс, он ощутил явственный аппетит к своей работе пилота гражданской авиации. Это ощущение чем-то схоже с ощущениями человека, сидящего за столом и с вожделением ожидающего любимого блюда.

Значит, все мысленные взвешивания «за» и «против» — побоку! Он ещё не собирается покидать эту кабину, в которой временами бывает так спокойно и уютно. Как вот, например, сейчас.

«Пора, наверное, и перекусить», — подумал командир. Бортпаёк они получили ещё в предыдущем аэропорту, и всё никак не могли выбрать время, чтобы разделаться с ним. Теперь самая пора сделать это.

— А не поужинать ли нам? — передал Дронов по переговорному устройству и посмотрел на Мухина.

Второй пилот потянулся к кнопке СПУ:

— Начинайте, Николай Андреевич, а я пока на вахте побуду.

Дронов снял с упора направляющие своего кресла, резко оттолкнулся обеими ногами, отодвигаясь от штурвала. Потом поднялся и начал выбираться в проход, ощутив вдруг почти патологическую пустоту в желудке.

До того момента, когда он произнёс: «А не поужинать ли нам?» — этого ощущения не было. Возможно, организм Дронова давно уже требовал «дозаправки», потому что на рабочую деятельность в стрессовых ситуациях энергии требуется в несколько раз больше, но, поскольку голова была забита мыслями совсем другого плана, желудок не мог напомнить о себе. Командир, наверное, удивился бы, если б узнал, что точно такие же ощущения, словно по закодированному сигналу, испытали сейчас и остальные члены экипажа.

Дорожников с Крамовым тоже поднялись, вышли вслед за командиром в грузовой отсек. Крепко спеленатые крепёжными ремнями, едва заметно вибрировали под громовую музыку двигателей аккуратно уложенные почти до высоты человеческого роста ящики.

Дронов взял целлофановый пакет с яркой наклейкой на боку, надорвал. Хрупкий целлофан легко поддавался усилиям пальцев. Холодная курица была отменно вкусна. Дронов одобрил её чёрным перцем из маленького пакетика и принялся с хрустом уминать. Штурман с бортоператором последовали его примеру. Между собой не разговаривали: гул в грузовом отсеке стоял неимоверный, а с набитым ртом при такой акустике не очень-то побеседуешь, даже если и есть желание перекинуться словечком-другим.

Дорожников освободил кусочки сахара-рафинада от облатки, подождал, пока чай в стакане зава-

рится, потом стал прихлёбывать из стакана, откусывая маленькими дольками сахар. Все в экипаже знали, что для Ивана слаще чая не бывает, как только «вприкуску».

Крамов равнодушно наблюдал за чаепитием бортоператора, помешивая ложечкой в своём стакане. Из стакана прихлёбывал не спеша, смакуя каждый глоток. Эта привычка осталась у него ещё с армейской службы. Правда, там сильно чаи распивать было некогда, но если выпадала такая возможность, например, за обедом, то Крамов мог в короткие мгновения съесть первое-второе, а вот на чай тратил вдвое больше времени.

Привычка эта возникла не сама собой, а по вполне конкретной причине: горячий чай дежурный разливал в алюминиевые кружки, которые сразу же нагревались так, что пальцы не выдерживали. Приходилось пить маленькими глотками. Иные через некоторое время навострились, нещадно дуя и обжигаясь, очень быстро опорожнить кружку. Василий такую способность развить в себе не стал. Наоборот, иногда даже слишком затягивал чаепитие и выходил из-за стола последним. И хотя товарищи очень скоро заметили в нём это пристрастие к неспешному чаепитию, что повлекло за собой язвительные остроты, на Крамова это никак не подействовало. И сейчас он с наслаждением тянул из фарфоровой чашки малыми дозами ароматный чай, с великим наслаждением отдуваясь после каждого глотка. Дронов с Дорожниковым покончили с едой и чаем, упаковали в те же целлофановые мешочки то, что осталось после трапезы, а затем неспешно прошли в пилотскую кабину.

Тотчас же на смену им вышли Бурин с Мухиным. Бортмеханик был в приподнятом настроении. Видимо, из него не улетучился ещё тот заряд бодрости, который вселился в него после посадки на Южном, когда он затеял словесную дуэль с борт-оператором.

— Ты как купец из Замоскворечья чаи гоняешь, — прокричал Бурин над ухом Крамова, вытаскивая из пакета куриную ножку. Оглядывая её аппетитным взглядом, заключил: — Только тому купцу и в голову не могло прийти, что когда-нибудь люди будут распивать чаи на высоте семь тысяч метров, как в своей собственной квартире.

Его, разумеется, никто не услышал сквозь вой двигателей, да Бурин и не помышлял об этом, ибо понимал, что не бог весть какое открытие сделал. Бортмеханик в два счёта управился с куриной ножкой и принялся за следующую часть птичьей тушки.

— Не мурлыкай так громко! — с самым серьёзным видом сказал ему на ухо Крамов и, похлопав покровительственно по плечу, направился на своё рабочее место.

Бурин с неудовольствием посмотрел ему вслед, потому что ничего не смог за секунду придумать достойного, чтобы штурман, прежде чем уткнуться в свои карты, почесал бы у себя за ухом от такого ответа бортмеханика. Но Крамов уже скрылся за своей перегородкой, и Бурину ничего не оставалось, как только продолжать жевать с немного разочарованным выражением на лице.

Василий едва успел надеть наушники, как в них раздался голос командира:

— Штурман, курс и всё остальное!

Крамов ответил не мешкая. Курс, скорость по отношению к земле (от приборной скорости она отличается с поправкой на встречный или попутный ветер), удаление от ближайшего запасного аэродрома, расстояние до пункта посадки и схема снижения и подхода к посадочной полосе. Командир сказал: «Добро» — и выключил переговорное устройство.

Василий стёр резинкой несколько цифр на целлулоидном квадрате, нанёс карандашом новые. Сейчас командир выйдет на связь с диспетчером подхода, потому и запрашивал штурманские данные. Корабль входил в воздушную зону аэропорта, который именовался в накладных пунктом назначения для этих объёмистых ящиков, ради которых они сейчас сделали лишних восемьсот километров, считая в оба конца.

Внимательно поглядев на написанные им цифры, Василий взял в руки логарифмическую линейку.

7. ШТУРМАН

Двухмоторный реактивный лайнер уже не один час ходил на своей максимальной высоте по выверенному заранее зигзагообразному маршруту. Далеко внизу простиралась акватория океана. Впрочем, отсюда, с высоты более десяти тысяч метров, наличие океанского простора можно было зримо ощутить лишь на штурманской карте.

Внизу же, сколько ни вглядывайся, ничего не было, даже отдалённо напоминающего водную поверхность океана. Стояла изумительная солнечная погода, облаков не было и в помине, и нагретый нижний слой атмосферы, соприкасаясь с матовой поверхностью океана, в котором, словно в гигантском зеркале, отражался бледно-голубой небосвод, как бы растворил линию горизонта, отчего пространство под крылом лайнера казалось сейчас бесконечным. И хотя видимость была «миллион на миллион», но пилоты от приборов взгляда не отрывали, иначе и не заметишь, как потеряешь пространственную ориентировку. И тогда быстро падёшь в положение хуже не придумать.

Радист-оператор сержант Василий Крамов сидел в кресле в своём закутке, стиснутый «ящика-

ми», напичканными различной радиоаппаратурой. О том, что происходит за бортом реактивного лайнера, он мог только догадываться. От внешнего мира его отгораживали прочные стенки корпуса воздушного корабля, и там, где сидел радист-оператор, не было ни одного иллюминатора.

За годы срочной службы, которая началась для него с учёбы в школе младших авиационных специалистов, или просто ШМАС, Крамов привык к своему положению летающего затворника. Он чувствовал, когда шасси после уборки полностью уходили в свои гнёзда, когда корабль после набора заданной высоты выходил в горизонтальный полёт, делал разворот по команде штурмана, и, хотя лётчики отказывались верить в его феноменальные способности, Василий знал, что это именно так. Впрочем, даже если бы рядом с ним был иллюминатор, Крамову всё равно было бы не до красот простиравшегося далеко внизу океана или окружающей среды: обязанности радиста-оператора требовали на всём протяжении полёта сосредоточенности и определенной доли психологического и физического напряжения.

Из полёта в полёт их экипаж делал одно и то же: ходил над океаном и «прощупывал» своими антеннами простиравшийся над ним эфир. Океанская толща для радиста-оператора тоже не была такой уж далёкой и безмолвной, хотя и числился он затворником. Плавающие в океанской пучине радиобуи передавали в наушники Крамова все оттенки шорохов и звуков обитателей глубин. Иногда в такие моменты ему хотелось заглянуть в этот загадочный и непривычный для человека мир, чтобы воочию увидеть живое создание, о жизни которого повествовали сейчас эти странные, с большими паузами шорохи в наушниках. Но такие лирические моменты в настроении Василия случались редко. Чаще он испытывал неосознанное удовлетворение от того, что радиопеленгаторы и другие умные аппараты – глаза и уши их реактивного корабля – не доносят до него тот самый звук, говорящий о присутствии нежданного гостя там, где ему не положено быть. Потому что если бы они уловили это, то немедленно сообщили бы условным кодом в определённые точки координат, и тогда на кораблях, лениво покачивающихся на не сильной волне, и на авиационных базах прозвучала бы команда – боевая готовность номер один! И тогда неизвестно, чем бы всё это закончилось: неприятным локальным эпизодом или нарастанием событий, подобных цепной реакции. Они бы тогда тоже на своём «летающем эхолоте» действовали по программе, предусмотренной на подобный случай. Но всё пока было нормально.

Приходилось им участвовать в боевых учениях, и тогда Крамову удавалось улавливать шумы, из-

даваемые громадной субмариной, далеко ушедшей по техническому оснащению от своего предшественника – легендарного «Наутилуса». В такие моменты, передавая экипажам вертолётов-«охотников» за подводными лодками координаты обнаруженной субмарины и с удовлетворением вытерев со лба выступивший от доброй работы пот, Василий испытывал уважение к самому себе: не подвёл в ответственный момент товарищей по оружию, обнаружил врага, пусть условного, но если бы случилось, то и настоящий не скрылся бы от него. Ни в глубинах океанских, ни в самой преисподней.

Когда подошёл срок демобилизации, мелькнула было мысль остаться на сверхсрочную, но в самый последний момент передумал. Не потому, что армейская жизнь тяготила его, скорее наоборот, он был доволен ею. Просто ему захотелось новых впечатлений, хотя он и сам толком ещё не знал, где и каким образом он будет их набираться. Потом, после размышлений и совета со «стариками», такими же двадцатидвухлетними сержантами, Крамов решил, что самое подходящее для него место на «гражданке» – это аэрофлот. Правда, было неясно, в качестве кого его туда возьмут: бортрадистов на внутренних линиях давно убрали, а о наземных службах аэропортов Василий имел самое общее представление. Подбадривала мысль, что в кармане есть всё-таки удостоверение выпускника ШМАС, а это что-нибудь да значит. Сидя в свободное время в казарме над обыкновенной географической картой, прикидывал, куда лучше податься. Выбрал один из сибирских городов, не слишком огромный, но всё-таки вполне подходящий для демобилизованного бортрадиста-оператора, которому армейская служба, так необходимые в существовании молодого человека, маленькие житейские развлечения отпускала урезанным пайком, и следовало немедленно наверстать упущенное.

В отделе кадров аэропорта, посмотрев его документы, предложили должность диспетчера в управлении воздушным движением. Крамов без колебаний согласился, тем более что сначала необходимо было пройти стажировку в учебно-тренировочном отряде. А там дело пойдёт. Ведь недаром на его счету не одна сотня лётных часов в качестве бортрадиста-оператора.

Написав заявление с просьбой о приёме на работу и оставив его в отделе кадров, Василий решил сходить на командную вышку аэропорта, познакомиться с местом своей будущей службы. Снаружи командный пункт напоминал внушительных размеров круглую башню, будто вросшую в середину крыши аэровокзала. Проплутав по узким коридорам служебной половины аэровокзала, Крамов очутился перед узкой железной лестницей, управ-

шейся верхним концом в проделанный в потолке лаз. Василий из простого любопытства внимательно осматрел его, задрал голову, прикидывая, когда он был сделан: после того, как здание построили, или же во время его возведения?

По тщательности, с какой были выполнены обводы овального лаза, Крамов пришёл к заключению, что дырка была предусмотрена ещё проектантами. Но при этом он никак не мог взять в толк, почему строители сварганили такую узкую лестницу, к тому же поставив её торчком. Не для пожарных же она предназначалась, в самом деле? Впрочем, сам Крамов взобрался по ней быстро, с той сноровистостью, которая бывает присуща многим молодым людям, только что отслужившим срочную службу. Шагнув с последней ступени на покрытый линолеумом пол, он очутился в довольно просторном помещении, окна которого были плотно зашторены. На экране стационарного локатора отмахивала размеренные движения световая стрелка. Сидящие за своими пультами диспетчеры почти не обратили внимания на появившегося Крамова. Раз пришёл человек в святая святых управления воздушным движением, решили, видимо, что он по делу. А по какому, сам скажет.

Василий же отсутствие повышенного интереса к своей персоне воспринял с удовольствием и, пристроившись в сторонке, стал наблюдать за действиями диспетчеров. Так продолжалось две или три минуты, пока один из них, закончив радиообмен с очередным экипажем, не повернулся к Крамову:

— Вам кто-нибудь нужен?

— Я к вам в авиапредприятие устраиваюсь диспетчером, — ответил Василий, нисколько не смущаясь тем, что при этих словах все с любопытством уставились на него.

— Тогда вам лучше поговорить вот с ним, — диспетчер кивком головы показал на одного из коллег, сидевшего на своём вращающемся кресле вполборота к Василию и посматривавшему на него, как ему показалось, с лёгкой снисходительностью. — Это дежурный начальник смены.

Тот окинул Крамова внимательным взглядом, затем с какой-то задумчивостью произнёс:

— Ну что ж, раз такая ситуация вытанцовывается — в наш здоровый и энергичный коллектив решил вписаться, поговорить стоит. В анкетах как себя именуешь?

— Крамов Василий Петрович. Член ВЛКСМ, холост, образование среднее, недолго был токарем, в армии окончил ШМАС, утюжил воздух бортрадиотом-оператором на Ту-134.

— Трудовая биография для нас подходящая. Я тоже по паспорту Василий, только Николаевич. Кое в чём имеются и другие расхождения. А в ос-

новном — полное совпадение: мы оба — диспетчеры. Правда, у тебя впереди ещё кое-какие формальности, но это уже семечки. Сразу запомни: без нас, диспетчеров, все командиры экипажей, даже самые наиопытнейшие, с дипломами академий в кармане, будут чувствовать себя, как слепой без поводыря на оживлённом перекрёстке, который ему надо перейти. Надеюсь, экс-радиостанция-оператор, у вас на сей счёт не припасён контраргумент?

Крамов начал посматривать на своего собеседника с любопытством. На вид лет тридцать. Лицо под маской серьёзности, но чувствуется, что под ней — неподдельная хитроватая весёлость. Своей манерой разговаривать он сразу же расположил к себе Василия, у которого за годы службы в армии выработалось уважение к людям, не лезущим за словом в карман и умеющим в самый неожиданный момент преподнести собеседнику неожиданный сюрприз. Крамов по этой части и сам был не промах, но прежде чем он набрался ума-разума, в первый год службы прошёл основательную «шлифовку» у «стариков», которые в своё время тоже вкусили вдоволь этой науки.

— По лестнице как взбирался к нам, тяжело или не очень? — неожиданно спросил Василия Николаевич.

— Не очень, — поспешил ответить Крамов с выражением на лице, какое обычно бывает у человека, усаживающегося в кресло перед бормашиной.

— Ну, раз так, значит, в нашем коллективе приживёшься. Только учти, — продолжал дежурный начальник смены, — нашему брату-диспетчеру суд меньше десяти лет строгого режима не определяет. А то и все пятнадцать может дать. Это — если диспетчер, как говорится, варёжку раззявил и экипажу снижающегося лайнера подал не ту команду. Ты это тоже на всякий случай на видном месте заруби у себя. Лучше всего на носу. Чтобы каждый раз, когда за рабочий пульт будешь садиться, эту зарубку можно было потрогать.

— Я зарублю, — кивнул Крамов.

— В небе скоро станет так тесно от аэропланов, что палец не просунешь. А диспетчеру уже сейчас приходится работать так, как тому шахматисту в цейтноте — лишь секунды в запасе на обдумывание очередного хода. Так что варёжку в нашем деле разевать не приходится.

— Я это отлично усвоил ещё на прежней службе, — скромно вставил Крамов.

— И ещё хочу сказать тебе, не мудрствуя лукаво: работа у нас — не соскучишься, а платят за неё жменю сухарей. Так что ты это тоже не сбрасывай со счёта.

Спускаясь по крутой лестнице, Крамов размышлял о только что закончившемся разговоре с на-

чальником смены. Как ни странно, но этот его колоритный диалог дал Василию более полное представление о его будущей деятельности, нежели предварительная беседа с ответственным товарищем начальствующего состава аэропорта. И, отметив это, Крамов сдержанно похвалил себя за то, что не удовлетворился той беседой. А полез в «мансарду». Конечно, и без этого путешествия он стал бы диспетчером, вопрос-то в основном в отделе кадров был решён. Но после беседы с Василием Николаевичем Крамов почувствовал аппетит к своей будущей работе. И оттого спускался он сейчас по такой неудобной лестнице в возвышенном настроении.

После соответствующей подготовки в учебно-тренировочном отряде сел Василий за диспетчерский пульт. То, о чём говорил ему при первой встрече Василий Николаевич, начинало обретать зримость и осязаемость при его диспетчерской работе. Требования к здоровью диспетчера были такие же, как и к здоровью лётчика. А ответственность за исход полёта в зоне аэродрома даже большая, потому что лётчик выполняет команды диспетчера. А у диспетчера должно быть ясное представление о воздушной обстановке. Потеть на первых порах приходилось здорово, но Крамову было не привыкать. Он ещё в ШМАСе усвоил, что без этого вначале не обойтись. А потом, после «притирки», жизнь всегда становится легче.

В подразделении аэропорта всё больше поступало новой техники, особенно для линий средней протяжённости. Василий с интересом знакомился с новыми самолётами, подолгу разглядывал их на стоянке. Где-то внутри гнездилась лёгкая зависть к тем, кто будет летать на этой технике. В такие минуты вспоминалась служба в армии в качестве бортрадиста-оператора. Безбрежный океан внизу, слившийся с небом. Приглушённый посвист реактивных двигателей за бортом авиалайнера, возделенный «полдник за облаками», когда можно расслабиться и пошутить, и снова всё внимание на кнопки и тумблеры приборов слежения. Может, всё-таки зря не остался на сверхсрочную? Чего греха таить: тогда в иные моменты казалось, что скучное всё-таки это занятие – ходить туда-сюда над океаном, имея чисто абстрактную связь с внешним миром в виде световых сполохов на экране локатора.

А теперь вот, на расстоянии в два с лишним года, многое высветилось по-иному.

Работа авиадиспетчера, конечно, по-своему интересна, но всё-таки на земле. А в небе работают другие. Он же опоздал с прокладкой своего маршрута. Вот и получился непредвиденный зигзаг, уведший его в сторону. А теперь жалея, не жалея –

в исходную точку не вернёшься. Одно остаётся – стараться, чтобы хорошим диспетчером быть.

И Крамов старался. Чутьё и реакция у него от Бога, а трудолюбие было не занимать. Строгая комиссия, принимая у него экзамен на более высокий класс, осталась довольна. Видимо, это обстоятельство через некоторое время сыграло в судьбе Крамова не последнюю роль. Так уж случилось, что в лётном отряде стала ощущаться нехватка штурманов. Поступления авиатехники опережали приток выпускников лётно-штурманских училищ. Проще говоря, профессия штурмана в гражданской авиации попала в разряд «вымирающей». И на то были свои особые причины. Насыщение аэропортов и воздушных лайнеров новейшими достижениями локации и радиотехнических средств настолько нивелировало работу штурмана, что при полётах по внутренним трассам экипажи могли свободно обходиться без них. Лайнер «Ту-154», например, да и некоторые другие уже изначально проектировались с расчётом на то, что в составе их экипажей штурманов не будет.

Это не могло не сказаться на работе лётно-штурманских училищ, которые стали сокращать набор курсантов. Но жизнь не стоит на месте. В авиапредприятия стали поступать грузовые лайнеры «Ан-26», на которых полёты без штурмана не производились. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, профессия штурмана попала в разряд «вымирающей», а с другой – во многих авиаподразделениях резко поднялся спрос на специалистов именно данного профиля. Ставка на лётно-штурманские училища была ненадёжна: слишком долго пришлось бы ждать, пока проблема будет решена. Выход нашли в создании при региональных управлениях гражданской авиации девяти-месячных штурманских курсов из специалистов, преимущественно уже имеющих определённый авиационный опыт.

Крамов узнал об этом в одно из своих дежурств и тут же написал заявление на имя командира авиапредприятия с просьбой направить его на эти курсы. Потянулись дни ожидания. Кандидатов было много. Отобрали несколько человек, в том числе и Крамова. Как он потом узнал, его кандидатура среди утверждённых была названа одной из первых. Здесь немалую роль сыграло то обстоятельство, что он в своё время окончил ШМАС и около трёх лет отлетал бортрадистом-оператором в спецэскадрилье ВВС.

Учёба на курсах штурманов оказалась напряжённой: за девять месяцев надо было пройти и усвоить то, что проходят за три года в лётно-штурманских училищах. Вернувшегося в родное авиапредприятие с дипломом штурмана Василия Кра-

мова назначили на грузовой Ан-26. Полёты он любил. Постепенно росло количество часов, проведённых в небе — один из главных показателей профессионализма лётчика. Без всяких скидок можно сказать, что жизнь у него сложилась. Казалось, что ничто не омрачит её. И вдруг в одном из полётов случилось то, что лётчики называют жутким переплётом.

Летели они тогда из Иркутска в свой аэропорт приписки. Погода по маршруту следования была нормальная, и командир решил не дозаправляться, так как простой «прикид» показывал, что горючего вполне хватит до конечного пункта назначения. Крамов попытался возразить, но командир лишь досадливо поморщился: зачем везти лишние центнеры? Как обычно — взлёт, выход на заданный эшелон, и проверенным курсом — в родные пенаты. Неприятности начались, когда прошли треть пути. Неожиданно подул встречный ветер, который усиливался с каждой минутой. Затем скорость его стабилизировалась. Крамов постоянно наносил на белый квадрат штурманского столика колонки цифр, затем, поманипулировав логарифмической линейкой, ластиком быстро стирал написанное и тут же выстраивал новые колонки цифр. И чем больше колонок выстраивалось, тем большая озабоченность проступала на его лице. Скорость встречного ветра достигала ста километров в час.

На скорости лайнера по отношению к воздушной среде это никак не отражалось: стрелка прибора по-прежнему стояла на цифре «450». Но вот истинная скорость, по отношению к земле, в данной ситуации была на сто километров меньше. Значит, и лететь до места назначения Ан-26 будет дольше. Но горючего-то в баках было в расчёте на нормальную крейсерскую скорость, которая сейчас из-за встречного ветра уменьшилась на сто километров в час. Несложный штурманский расчёт с железной неумолимостью подтвердил: керосин в баках Ан-26 закончится прежде, чем он окажется в пределах своего аэропорта. Крамов нажал кнопку внутренней связи:

— Командир, баки будут сухими километров за сто от дома.

Командиру было за пятьдесят. Таких должностных в авиации можно было по пальцам перечесть. В данной ситуации всё зависело от него: какое он примет решение? Впрочем, никаких вариантов не было. На запасной аэродром идти ещё дальше. Возвращаться в аэропорт вылета — та же сумма. В общем, куда ни кинь, везде клин. Крамов это понимал как никто другой.

— Что посоветуешь, штурман? — бесцветным голосом спросил командир. Судя по всему, эту ситу-

ацию он уяснил сразу же, как только Крамов сообщил ему о появлении встречного ветра.

— Я бы, товарищ командир, в данной ситуации тоже не прочь услышать чей-нибудь совет. Да вот только где найти сейчас такого советчика?

Командир ничего не ответил на риторический вопрос штурмана. По-прежнему ровно гудели турбины. Сейчас это гудение для каждого члена экипажа вмиг превратилось в подобие музыки, которую хотелось слушать до бесконечности. Положение осложнялось тем, что самолёт был полностью загружен. Это усугубляло ситуацию, особенно при посадке, где бы она ни производилась. Экипаж понимал, что изменить в данной ситуации уже ничего нельзя. Оставалось только одно: продолжать полёт.

Турбины умолкли, когда до аэродрома оставалось сто двадцать километров. Бортмеханик поставил лопасти винтов во флюгерное положение, то есть ребром к набегающему потоку, когда сопротивление ему становится минимальным. Планирование для современного самолёта — вещь серьёзная. Сверхзвуковые перехватчики, например, вообще лишены этого дара. Как говорят лётчики, хуже них планирует лишь утюг. Дальность планирования зависит от многих факторов. Но главный из них — аэродинамическое качество самолёта. Аэродинамическое качество самолёта — это отношение лобового сопротивления к подъёмной силе крыла, которое выражается определённой цифрой. У Ан-26 данное соотношение равнялось девятнадцати. Это означало, что с высоты тысяча метров на планировании по прямой он пройдёт девятнадцать километров. Турбины «потухли» на высоте семь тысяч метров. Значит, Ан-26 может покрыть расстояние в сто тридцать километров. До аэродрома — осталось сто десять. Теоретически всё нормально. Практически могут быть и неожиданности. Самое неприятное — при заходе на полосу придётся делать доворот на шестьдесят градусов. Для воздушного корабля да ещё с полной загрузкой с неработающими двигателями это сопряжено с немалым риском. Чтобы получить избыток скорости, необходимый для выполнения данного маневра, нужно увеличить угол планирования. И во время разворота рулями действовать с филигранной точностью, иначе в считанные секунды можно потерять скорость и свалиться на крыло. Тут уж тяжёлому лайнеру уготован один путь — камнем к матушке-земле.

Хотя ситуация, в которой оказался Ан-26, относилась к разряду сложнейших предпосылок к лётному происшествию, экипаж не терял самообладания. Крамов каждые пять минут докладывал командиру истинную скорость воздушного корабля относительно земли, курс и оставшееся расстоя-

ние до аэродрома посадки. И всё-таки высота таяла катастрофически быстро. Намного быстрее, чем того хотелось. На последних десятках километров командир мелкими доворотами стал нацеливать нос лайнера на аэродром, чтобы при выходе на посадочную полосу доворот был с наименьшим радиусом. На этом потеряли ещё более четырёхсот метров высоты. Когда воздушный корабль вышел точно в створ полосы, у всех мелькнула мысль: достигнут ли они до неё?

Ан-26 коснулся колёсами травяного грунта метров за тридцать до начала бетонки. Слава богу, грунт оказался относительно твёрдым. У края взлётно-посадочной полосы стояли наготове три пожарные машины и «скорая помощь». Эти меры были приняты сразу же, как только командир сообщил на командную вышку аэропорта, что двигатели остановились из-за выработки горючего. Несмотря на «гробовую» ситуацию, полёт закончился благополучно. Можно сказать, зверски повезло.

Хотя всё закончилось даже без минимального повреждения техники, вывод комиссии, разбиравшей ЧП, был однозначен: виноват экипаж. Командира без проволочек отправили на давно заслуженную пенсию. Штурману и второму пилоту вырезали талон предупреждения. В гражданской авиации это очень серьёзное наказание. Ещё один малейший промах и – прощай авиация! Вообще-то Крамова хотели тоже поначалу уволить, посчитав его вину после командира наиболее значимой. Именно штурман более других членов экипажа досконально прорабатывает все перипетии предстоящего полёта. И штурман должен был настоять перед командиром о дозаправке в промежуточном аэропорту. Но проявил бесхребетность. Правда, потом, взвесив все «за» и «против», решили ограничиться вырезкой талона. После всех этих передраг Крамов оказался в экипаже Дронова. Постепенно накапливался опыт, а вместе с ним – уверенность в своей интуиции, без которой немислим истинный профессионал-авиатор, тем более штурман.

Своего нового командира Крамов по-настоящему оценил лишь через полгода совместных полётов. Скорее почувствовал, чем понял: это пилот божьей милостью. С таким никакие передраги на маршруте врасплох не застанут. А если и свалются как снег на голову, как, например, три часа назад, когда на последних каплях горючего притопали на второй по счёту запасной аэродром, то всё равно железная выдержка командира, помноженная на его лётное мастерство, помогут благополучно коснуться воздушному кораблю взлётно-посадочной полосы.

...Гул турбин перешёл на более низкую тональность: Ан-26 пошёл на снижение. А потом поэтапно

элементы предпосадочного снижения: уменьшение скорости с четырёхсот пятидесяти километров в час до трёхсот двадцати, на которой выпускаются закрылки на пятнадцать градусов, затем через определённый промежуток времени уменьшение скорости до трёхсот километров в час и – выпуск шасси. За бортом по-прежнему густая темнота. Дронов ориентируется сейчас лишь по стрелке радиокompаса, которая ведёт его точно на посадочную полосу. Крамов неспеша начал собирать со штурманского столика свой нехитрый реквизит: его миссия на этом отрезке пути закончилась. Не глядя на приборы и на иллюминатор, чисто рефлекторно почувствовал, как лайнер завершил очередной манёвр перед выходом на посадочную прямую и тут же резко «вспух», словно снизу кто-то мощным рывком попытался его подбросить вверх. Значит, командир снизил скорость до двухсот шестидесяти пяти километров в час, и бортмеханик довыпустил закрылки до посадочного положения – на тридцать восемь градусов. Ещё непродолжительный отрезок времени, и вот уже знакомый толчок колёс о бетонку, а ещё через несколько секунд натужный гул винтов, переведённых Буриным в режим торможения. Дежурный взмахом жезла указал, куда заруливать. Крамов засунул свои штурманские принадлежности в портфель, поднялся со своего кресла. Остальные члены экипажа тоже готовились к выходу. Лишь Дорожников не спешил подниматься со своего места.

Все уже знали, что у лебёдки, приводящей в движение транспортёр, захандрил электродвигатель, и теперь её нужно будет крутить вручную. А при такой операции присутствие бортоператора просто необходимо.

Экипаж направился в ПДС, а Дорожников, вздохнув, принялся переодеваться в потрёпанное трико.

8. БОРТОПЕРАТОР

Когда подъехала машина для приёма груза, Иван подошёл к лебёдке, по внешнему виду напоминавшей не очень объёмный стояк высотой с метр, и положил руку на металлический штырёк, привинченный к ободу маленького штурвальчика. Грузчики споро заняли свои места, и Дорожников начал вращать штурвальчик. Увесистые ящики медленно поплыли к откинутой платформе, где их сноровисто подхватывали в несколько рук и укладывали в кузов грузовика. Иван крутил штурвальчик, как зомби, запрограммированный на определённые действия, чувствуя, как быстро деревенеют руки. Отдыхай, не отдыхай перед ночным рейсом, всё равно организм не обманешь. Не выдерживает он ночью тех нагрузок, которые днём даже и не почувствовал бы. Сто раз правы медики, когда гово-

рят о биологических часах. А попробуй соразмерь себя с этими самыми часами, когда сразу попадаешь из одного часового пояса в другой. Почувствовав, что наступил предел, Иван решил передохнуть. Выпрямился, вытер тыльной стороной ладони густо выступивший на лбу пот.

— Дай-ка и мне немного размяться, — подойдя к Дорожникову, пробасил один из грузчиков. Когда очередной ящик лёг на ленту транспортёра, грузчик начал вращать штурвальчик. Дорожников стоял рядом, наблюдая, как ящик медленно плывёт к люку. На полпути он остановился, и грузчик, выпрямившись, с трудом перевёл дух.

— Однако, ты мастак, — произнёс он, обращаясь к Дорожникову. — Один крутил, без передыху, пока три ящика не перебросил. А что с движком-то лебёдки случилось?

— Прилетим домой, там разберёмся.

— Отказ, значит, техники. А на безопасности полёта это как-то может отразиться?

— Точно так же, как отказ смывного бачка в клозете самолёта.

— Петро! — крикнул грузчик своему коллеге. — Давай, двигай ко мне, нужна дополнительная мощь на лебёдку!

Под удвоенным усилием лента транспортёра, состоящая из металлических пластин, соединённых шарнирами, дрогнула и резво потащила очередной ящик к зияющему зеву люка. В боковую дверь протиснулся Бурин, быстро сменил форменный китель на тужурку и, пробормотав скороговоркой: «Керосинчику надо подзалить» — снова исчез в проёме двери.

— Хорошо! — скомандовал Дорожников, когда очередной ящик грузчики ловко перебросили в кузов, и стал закреплять оставшиеся ящики, шедшие транспортом.

Грузовик отвалил от люка, а его место занял ЗИЛ, в кузове которого громоздились объёмные мешки из плотной бумаги, в которых находились какие-то добавки для химического производства. Судя по тому, как грузчики с натугой уложили первый из них на ленту транспортёра, вес у них был приличный. Дорожников с напарником так же не без усилия уложили медленно подъехавший к их ногам первый мешок. Второй приближался к ним ещё медленнее первого: крутившие штурвальчик на лебёдке расходовали последние силы.

— Переходите на укладку, — приказал Дорожников, когда второй мешок оказался рядом с первым. — Теперь мы попыхтим.

— Конструкторов бы заставить это колёсико повертеть! — зло бросил один из грузчиков, уступая своё место у лебёдки. — Такая нагрузка и такой диаметр. Тут не менее полуметра надо!

— Если встречу конструктора, передам ему эти пожелания, — серьёзным тоном пообещал Дорожников.

Снова не спеша зашуршала лента транспортёра. Дорожников с напарником продолжали крутить штурвальчик лебёдки, ни на что больше не обращая внимания. Лишь когда последний мешок занял своё место у борта отсека, они выпрямились и так постояли несколько секунд, словно утверждаясь в мысли, что кузов ЗИЛа наконец-то опустел. Сверху доносились голоса Бурина с заправщиком.

Дорожников принялся крепить уложенный в отсек груз. Покончив с этим, он нажал кнопку, возвращая платформу-дверь в исходное положение. Потом он спустился по стремянке на бетонку и с удовольствием подставил лицо лёгкому налетающему ветерку. Предутренний рассвет уже всё явственней начинал размывать ночную темноту, окутывавшую горизонт. С верхотуры лайнера по длинной стремянке спустился водитель-заправщик и, проходя мимо Дорожникова, вдруг остановился и стал бесцеремонно его рассматривать.

— Соседа что ли признал? — негромко спросил Иван, не поворачивая головы. Он по-прежнему наслаждался тёплым южным ветерком, так приятно ласкавшим лицо в прохладе августовской ночи.

— Да нет, не соседа. А командира отделения стрелкового полка сержанта Дорожникова! — последние два слова заправщик произнёс с нарастающим пафосом, как обычно делает это судья-информатор на мототреке, представляя зрителям участников очередного заезда.

Иван медленно повернулся лицом к говорившему, затем вдруг гикнул и с размаху хлопнул заправщика по плечу:

— Витька! Порошин! Вот уж и вправду неисповедимы пути аэрофлотские! Ты же, кажется, родом совсем с другой стороны? Как здесь-то очутился?

— После дембеля подался на стройки Сибири. Там и шоферить начал. А потом с женой перебрался в этот город. Подвожу на «ТЗ» к самолётам горючее. А ты каким манером летуном стал? Вроде в армии о небе ты ни разу не заводил разговора.

— Да как тебе сказать, — неопределённо произнёс Дорожников, — я ведь сначала в авиатехническое училище подался. Правда, не сразу: после дембеля год поработал слесарем в мастерских аэропорта. Ну а там и надумал авиатехником стать. В лётчики поздновато уже было, а для поступления в авиатехническое училище даже ещё запас годков оставался: туда до двадцати пяти лет принимают. Через три года вернулся с дипломом техника в тот же аэропорт и был поставлен на участок регламентных работ авиационно-техни-

ческой базы. А ещё через три года получил возможность перейти бортоператором. После специальной подготовки, конечно.

— Да, — протянул Порошин. — В армии командир отделения из тебя был отменный. Мне от тебя тоже иногда перепало. А теперь, поди, самому достаётся от командира экипажа? — глаза Виктора блеснули лукавиной.

— Я служака исправный, так что обхожусь без накачки, — в тон ответил Дорожников. — А если уж начистоту, то за разгильдяйство по голове нигде не гладят. Экипаж гражданского самолёта это, конечно, не отделение солдат, но и здесь уставной порядок. Конечно, многое зависит и от командира экипажа. Каков командир, таков и экипаж. А у нас, скажу я тебе, экипаж отменный. Блох не ловим, и климат внутри здоровый на все сто процентов! Ты вот вспомни наше отделение: всякое бывало, а ведь в общем-то были на высоте и друг за друга в огонь и в воду готовы были пойти.

— Да, хорошее было время, — Порошин широко улыбнулся. — И ведь помнишь, как грустно расставались, хотя вроде и радость от дембеля сквозила. Я ведь тоже на жизнь не жалуюсь, хотя вроде и не шибко выделяюсь из общей массы. Квалификация шофёра — высшая, «ТЗ» мой по грузоподъёмности лишь немного железнодорожной цистерне уступит. Я ведь раньше в «автотрансе» работал, на дальнебойных рейсах, как у нас говорят, был. Заработки приличные. Одно только плохо — дома бываешь лишь наездами. А тут уже двое ребятишек: сын и дочь. Растут как на дрожжах, воспитывать надо. Дочь ещё куда ни шло, мать её наставляет, а сыну мужская рука нужна. Иначе какой же из него мужчина будет? Вот и решил я, поразмыслив, перейти в аэропорт на «ТЗ». Жена довольна, и я тоже, хотя в зарплате и потерял, конечно. Но на жизнь всё равно хватает.

— А у меня дочь растёт, — сказал Иван. — Из дома приходится отлучаться, да что поделаешь? Такова работа. И знаешь, без пафоса скажу: я её ни на какую другую не променяю. Хотя коврижек бортоператорам и не раздают. Да их, по-моему, нигде не раздают. Вернёшься с рейса домой, отоспишься и опять в аэропорт. Приходится работать и вдали от базы. Это когда выполняем заявки геологов или нефтяников. В общем, живём — работаем, работаем — живём.

— Ну, ладно, мне пора отчаливать к другому лайнеру. Рад, что встретил тебя. Только не подумай, что ради красного словца говорю.

— Ну, будь здоров, Витёк. Хоть и в мирное время служили, а всё-таки однополчане.

Крепко пожав Дорожникову руку, Порошин направился к своему трёхосному КамАЗу.

9. НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Воздушный корабль шёл на заданном эшелоне на восток. Там уже явственно ощущалось зарождение нового дня. Вскоре светлая полоска стала расширяться, постепенно охватывая всё большую часть горизонта. Неожиданно брызнуло солнце, и на стёклах пилотской кабины заиграли ослепительно-яркие всполохи. Дронов нажал кнопку, и светозащитная шторка, собранная до этого веером, с лёгким щелчком по направляющим плотно закрыла переднее стекло перед командиром. Мухин тоже нажал кнопку, и перед ним так же хлопнула светозащитная шторка. Только боковые форточки оставались незашторенными. Сейчас сквозь них в каких-нибудь десятках метров под крылом растилась сплошная белизна облаков, похожая на бескрайнюю снежную равнину с возвышающимися на ней огромными стогами, укутанными снегом. Корабль шёл на автопилоте. Через два часа он должен был приземлиться в своём аэропорту. Рейс подходил к концу. Мучительно хотелось спать. К тому же плотно запечатанные светозащитными шторками передние стёкла создавали убаюкивающий полумрак. Недаром в ночном полёте самым трудным считается завершающий отрезок пути, когда самолёт, пройдя сквозь ночное небо, попадает в объятия первых лучей солнца. Попадает на подходе к дому, пронзая последний часовой пояс, когда «биологические часы» экипажа наконец совмещаются с размеренным ходом астрономического времени, а все нормальные люди ещё спят. Из всего экипажа блаженствовал сейчас лишь один Дорожников, положив голову на маленький столик с радиотелеграфным ключом. Он мог позволить себе это с чистой совестью. Тем более что его смолила физическая усталость. Остальные члены экипажа занимались своим обычным делом.

Со скоростью семьдесят с половиной метров в секунду самолёт приближался к дому. За бортом солнце бурлило вовсю. Под крылом продолжали проноситься белые стога облаков. Два часа лётного времени и — дома. Обыкновенная посадка в обыкновенных метеоусловиях. Дополнительный расход нервных клеток не потребуется. А там они зарулят на стоянку, выключат двигатели и всё, что выключается, не спеша соберут своё нехитрое имущество, спустятся по трапу на бетонку своего аэропорта и пойдут в ту часть здания, в котором расположены основные службы воздушного движения. Даже Дорожникову не надо будет оставаться в салоне и следить за разгрузкой. Всё сделает бригада грузчиков.

Убаюкивая, мерно гудели двигатели. Словно грючее, медленно утекало время. Вошли в радиозо-

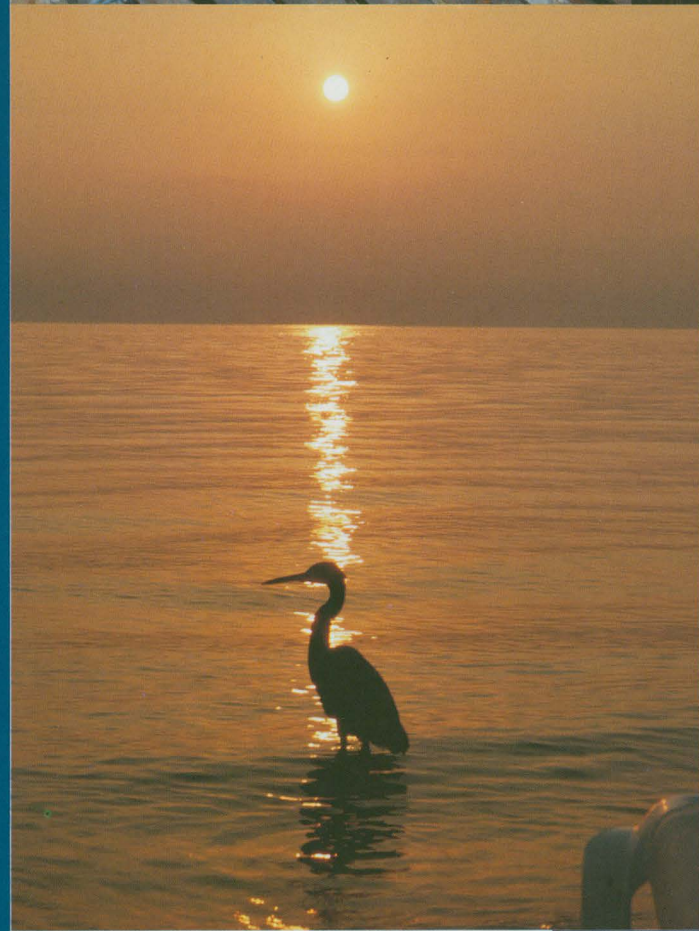
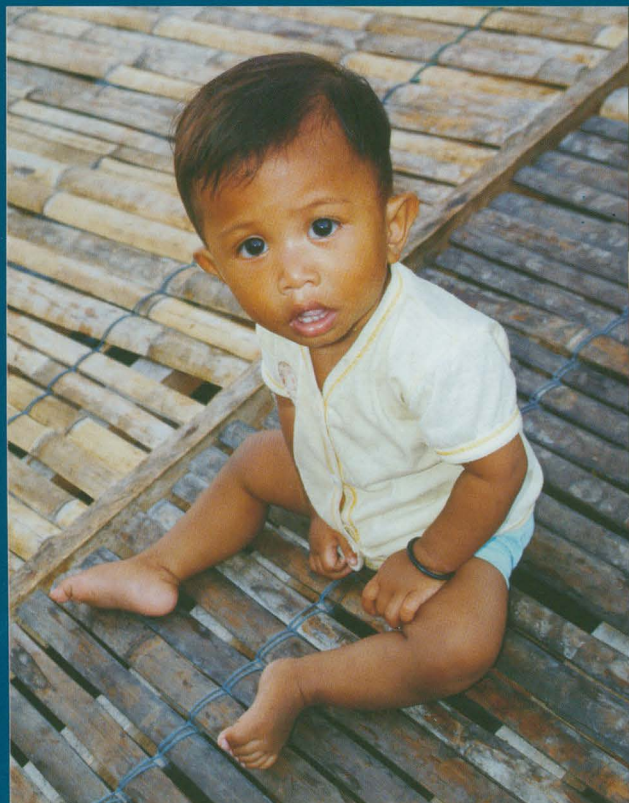
ФОТОХУДОЖНИК ЮРИЙ ЧУРСИН

Материал о нем читайте на стр. 129

Фотографии Ю. Чурсина
на четырех страницах вклейки

ну родного аэропорта. Метеоданные, переданные на борт, почти полностью совпадали с метеосводкой, с которой экипаж ознакомился в аэропорту вылета. Низкая облачность, боковой ветер до десяти метров в секунду. Взлётно-посадочная полоса обильно смочена дождём. Не ахти какие условия, но — приемлемые.

Новое сообщение диспетчера заставило экипаж стряхнуть с себя усталостную полудрёму: видимость по горизонту подошла к тому критическому пределу, за которым может последовать команда идти на запасной аэродром. По всем нормам везения и невезения это было бы уже слишком: в третий раз за один полёт уходить на запасной аэродром. Тем более сейчас, когда в свои ворота почти упёрлись оглоблями.

Диспетчер разрешил снижение, и Дронов отключил автопилот. Самолёт медленно опустил нос, подчиняясь отклонённому рулю высоты, и постепенно начал приближаться к бескрайней белоснежной равнине. Вот его винты бесшумно и легко врезались в эту поверхность, и сам лайнер стал постепенно погружаться в белые барханы, продолжая стремительное движение вперёд. Его сигарообразный фюзеляж полностью исчез в этих хлопьях, лишь вертикально поднятый киль хвостового оперения какое-то время, словно конец огромного ножа, бесшумно и легко резал мохнатое покрывало, пока полностью не исчез в нём.

В кабине привычно потемнело. Дронов с Мухиным приближали воздушный корабль к земле, которой всё ещё не было видно. Команды диспетчеров, показания радиокompаса и других приборов — вся эта информация привычно, в доли

секунды анализировалась в подсознании командира и второго пилота, подводящих сейчас трудягу Ан-26 с бортовым номером 19995 к земле. Вот уже пора выпускать шасси. Бурин поставил кран уборки в положение «выпущено»; снаружи фюзеляжа послышался знакомый глухой стук, и на приборной панели загорелись зелёные «глазки» с надписью поверх них «шасси выпущено». Земля по-прежнему не просматривалась. Лишь на приборной доске можно было увидеть удаление самолёта от заветной бетонки, которое с каждой минутой сокращалось.

Самолёт вышел из облаков на высоте сто пятьдесят метров, и перед глазами впереди по курсу появилась долгожданная полоса. Когда высоты осталось пятьдесят метров, Бурин начал вслух отсчитывать остающиеся метры. Вот он бесстрастным голосом произнёс «ноль метров», и в ту же секунду Ан-26 на скорости двести двадцать километров в час коснулся бетонного покрытия. Пыхнули облачка дыма от покрышек колёс в момент касания, и лайнер, пружинисто присев на амортизаторах, покатился по бетонке. Потом, как обычно, зарулил на отведённую стоянку.

Бортмеханик открыл боковую дверь, выставил наружу стремянку. Экипаж сошёл на землю. Полёт закончился. Это был обычный рейс, ничем не выделяющийся из числа других, которые напрочь забываются по дороге домой. А то, что погода по маршруту оказалась не очень ласковой и пришлось из-за этого топтать сначала на один запасной аэродром, а потом на другой и садиться там почти с пустыми баками — ну так что из того? Обычные будни рейсовых пилотов аэрофлота.

Александр БОГДАНОВ

КАК СВОБОДНО, КОГДА ОДИНОКО

В ДУШЕ ЧТО-ТО ЗАШЕВЕЛИЛОСЬ

Иногда, если очень рано и солнце ещё не встало над городом, а я иду на работу по аллее мимо местного Дома культуры, мне кажется, что Богданов идёт неподалёку. В полумраке вырисовываются черты его фигуры, на нём серое пальто... Почему-то в моём воображении он всегда возникает именно в пальто с поднятым воротником.

О поэте Александре Богданове известно очень мало.

Родился Александр Сергеевич в 1954 году в городе Тайге Кемеровской области. Отец его был столяр-краснодеревщик, мама – домохозяйка.

После школы поступил в Томский медицинский институт, который окончил в 1977 году. По направлению института приехал работать терапевтом в Топки. Любил петь, играть на гитаре, сочинял мелодии на свои стихи. В 2005 году поэта не стало.

Он сам, словно предваяя вопросы по поводу своей биографии, когда-то сказал:

*Я не охочий
до развлечений,
И вид не бросаю,
и нету сил.
И день окончен
без приключений.
На перекрёстке
сажусь в такси.
А ну, для смеха
лети крылато
фальшивой удалю разозли!..
Вот и приехал,
пора расплаты.
Таксист в карманы кладёт рубли.*

БОГДАНОВ Александр Сергеевич (1954–2005). Родился в г. Тайге Кемеровской области. Окончил Томский медицинский институт, работал терапевтом в г. Топках, отец двух дочерей. В Томске в 2007 году издана его книга стихов «Тебе». Жил в Топках.

Вообще при всём желании писателя публиковаться при жизни его стихи нигде не печатались. Одно только маленькое стихотворение было опубликовано в томской районной газете.

Стихи свои он переделывал по многу раз, постоянно редактировал их, доводя до совершенства.

Очень много стихотворений Богданов посвятил Женщине. Поэт боготворит и возносит её:

*Ты – последнее облако над моей головой –
Уплывёшь – и мне не на что будет молиться.*

Практически вся любовная лирика поэта посвящена его жене Татьяне Михайловне. Неудивительно, что первая и единственная книга, вышедшая уже после его смерти, называется «Тебе». Идея об издании родилась у дочерей Богданова Лены и Нины.

Осенью 2009 года, когда уже выпал небольшой снежок и когда вечер опускался на город, я пыталась найти квартиру жены и вечной музыки Богданова. Зная адрес, пришла в нужный барак на Привокзальной улице. В подъезде темно и холодно. Соседи сообщили, что Татьяна Михайловна здесь не живёт, а живёт её мама, которой к тому же сейчас нет дома. Стою одна в подъезде и думаю, ходил ли сам поэт по этим деревянным скрипучим лестницам, по пролётам, объёмам сквозняками... Наверняка, да. И даже начало казаться, что вот-вот он зайдёт и скажет: «Привет!» И так грустно стало.

Часто память уносит меня в зиму 2008 года. Тогда в центральной районной больнице Топок проходил вечер памяти Александра Сергеевича. И пожилой врач, с которым я сидела рядом и которого попроси-

ли сказать несколько слов о поэте, встал и начал говорить, как Богданов попал к нему с перитонитом. Он очень тепло рассказывал о нём, какой он был человек, как подолгу они разговаривали друг с другом. А потом вдруг сел и заплакал.

А после вечера я шла по больничным коридорам, мне доверили нести гитару поэта, я несла гитару и гвоздику. А когда вышла на улицу, цветок сломался у меня в руке и упал на снег. И сразу вспомнилось богдановское:

*Хотя бы для пробы
И то написать не смогу:
«Кровавые розы
На белом смертельно снегу...»*

Помню своё первое знакомство с поэзией Богданова. Это было на представлении его посмертной книги в 2007 году. Тогда ещё гордыня моя не позволяла мне безоговорочно принять нового поэта и поверить в его талант. Заглянув в раскрытую книгу, лежавшую на коленях у сидящей рядом женщины, я прочитала:

*Нет вопросов. Любой
Стал простым и понятным.
Мы доедем с тобой
До кольца и обратно.
До другого кольца,
На котором проститься...
До другого кольца...
Им не соединиться.*

И уже тогда в душе что-то зашевелилось.

А теперь, по прошествии почти трёх лет, если на улице зима, а я иду одна по городу и мне одиноко, то могу почувствовать, как он идёт рядом в своём сером пальто с поднятым воротником и говорит: «Река замерзает, под лёд унося облака...»

Марина БРЮЗГИНА,
г. Топки

*Вот он, наш старый дом.
Звон кольца у ворот.
Над трубой белый дым,
На крыльце черный кот...*

*Я стою у плетня.
Счастлив как никогда...
— Киса, помнишь меня?
— К сожалению — да!*

1976

*Осень, не трогай маленьких,
Играющих на траве.
Пусть им падают яблоки
В руки... Не по голове.*

*Дерево, дай приюта им.
Ветер, теплом овей,
Ну а дяденьку Ньютона —
Можно по голове.*

1976

*Ступлю из сеней
С улыбкой лучистой...
Я так же, как снег, —
Хоть падший, но чистый.*

*И будто лечу;
Восторженно, пылко
Пимами топчу
В сельпо за бутылкой.*

*Дорога легка,
А по небу мимо
Плывут облака
Табачного дыма.*

1976

*Прозрачно и тихо,
И в крапинку грустно.
И дворник Никифор
Кремирует мусор.*

*Вдоль серых построек
И черных барачков
Летают сороки
И бродят собаки.*

*И внутренний голос
Не падок до песен.
И не с кем быть порознь,
И вместе быть не с кем.*

*С селёдками в сетках,
Небрежны одеждой,
Проходят соседки
Любовь и Надежда.*

Одна зеленая звезда
Светло и немо.
Под нами черная вода,
Над нами небо.

И неподвижная река
Полна покоя.
И эта лодка так легка,
Когда в ней двое.

И недоступную уму
Постигнув вечность, —
Мир необъятен — обниму
Тебя за плечи.

Июль 1978

О время дивное, ночное,
Мои гуляния без дела!
Хек серебрится под луною
В витринах рыбного отдела.

Как хорошо бродить бездомно, —
Как будто что переиначат
Мои гулянья под звездой,
Под путеводною, коньячной.

Ноябрь 1978

Кто звонит мне с утра и в обед?
Мне не хочется видиться с вами.
И вообще, может быть, меня нет.
Я уехал в Сиам за котами.

Я за чаем уехал в Китай,
Я за хной в Иран мотанулся,
И с котами и хной не вернулся,
И еще не распробовал чай.

Что за чудо побыть одному.
Как свободно, когда одиноко.
И я вновь отправляюсь в дорогу
И с собой никого не возьму.

Июль 1983

Жизнь обаяние теряет,
Когда я зрю твой хмурый вид.
Нас ночь уже не примиряет
И, значит, день не примирит.

Рассвета синяя отрава
Надежды ночи истребит.
Тебе — налево, мне — направо.
Союз наш ранен. Я — убит.

29 сентября 1986

Кончается тетрадь,
И я помаракую:
А стоит ли писать
И начинать другую?

Ведь если и прочтут,
То может получиться —
Приедут, заберут
И увезут лечиться.

9 марта 1987

Лета и весны, осени и зимы
Слились в один едва заметный миг.
И жизнь в трудах под бодрые призывы
Почти прошла — на пенсии старик.

Он и теперь, бывает, «захмелится»
В кругу фабричных стариков-друзей.
И, благо, есть на что повеселиться,
Ведь в месяц — целых семьдесят рублей.

К тому ж такое радостное время
Шумит крылом на нашем хоздворе:
По росту цен заметно ускоренье —
Бутылка водки стоит десять рз.

И негде взять. А молодость и сила
Ушли, оставив место для тоски.
За сахаром стоят у магазина
Все белые, как сахар, старики,

А вечером нацепят на нос линзы
И смотрят на экранный тусклый свет.
Там говорят, что трезвость —
 норма жизни.
А жизни-то уже почти что нет.

1-2 сентября 1987

* * *

Звезды на небе, а мне
Здесь от них в кровати колко.
Я лежу как на иголках,
Холодящихся в спине.

Эти тонкие лучи
Наискось меня пронзают
И, пронзивши, замерзают,
Холодеют у ключиц.

Ну а в доме — ни души.
Некому задернуть штору.
Я б обрадовался вору.
Вор с визитом не спешит.

Вору нечего здесь брать.
Все, что было дорогое,
Ты давно взяла с собою,
Чтоб меня не забывать.

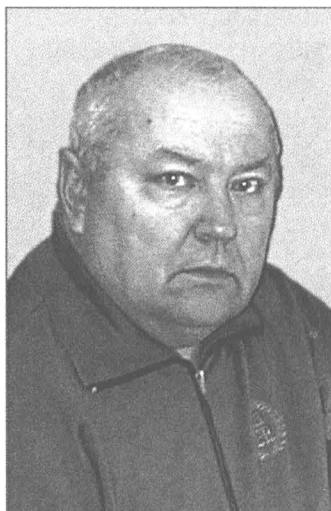
2 сентября 1987

Александр Богданов

**Владимир
ИЛЬНЫХ**

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЭТЮДЫ

ЭТЮД 1

Когда заканчивался Рождественский пост, в большой семье моего дяди, человека неверующего, готовились тем не менее к разговению. Так уж сложилось издавна, что Рождество в деревне — праздник всенародный, радостный, семейный. Отмечали его основательно. Родные ходили друг к другу в гости. Особенно отделившиеся молодые семьи — к своим родителям. Да и дальние родственники наезжали из соседних деревень. Съестных припасов требовалось много. В семьях готовились к празднику заранее. Чтобы не ударить друг перед другом в грязь лицом. Осуждающих разговоров потом не оберешься целый год.

Перво-наперво в нашей степной деревне главным угощением был рыбный пирог, а из мясного — пельмени, холодец. За неделю до Нового года дядя запрягал в сани-розвальни послушного Серка и спрашивал нас с Витькой — двоюродным братом: «Едете со мной, пострелы?» Мы, конечно, были рады, зная, что дядя собирается за рыбой. Тихая степная речка к этому времени замерзала. На дальних перекатах дядя загодя сооружал перегородки из подручного материала — речной лозы. Плел из ивы-краснотала мордушки для рыбы, прятал их в заветных схронах от недоброго человека. Годились они в дело раз-два в год. Представляли эти аккуратно сплетенные корзины из себя настоящее произведение искусства. Тетка Соломия тепло укутывала нас старыми шальями, давала на ноги

теплые пимы, а на руки — рукавички-мохнашки. Дядя бросал в сани побольше сена, сверху — тулуп, чтобы им прикрыться от мороза. Мы отправлялись в путь.

Дальние луга, где протекала речка, встречали нетронутыми снегами, куржаком на прибрежных кустах. Дядя распрягал лошадь в закутке, чтобы не было ветра, велел нам с Витькой утапывать поляну, наносить побольше хворосту (вот зачем мы были нужны!) и зажигать костры около двух его загородок. Мы ведь ехали в ночь, забыл сказать. Сам дядя Михаил сноровисто долбил привезенной пешней лед где-то в середине загородок, вбивал топором колья из лозы и доставал из заветных мест мордушки, привязывая их плотно к кольям. Одну — по течению, другую — против течения. Управившись с работой дотемна, мы наскоро пили приготовленный нами с Витькой чай в котелке и вновь спешили к мордушкам. А в них уже вовсю кишело рыбье население.

Были здесь остромордые щуки-травянки, красноперые полосатые окуни, серебристые чебаки. Иногда течением приносило золотые слитки карасей. Рыба поначалу шла все крупная, отборная. Мы вдвоем еле поднимали из воды мордушки и высыпали их содержимое на снег. Гора шевелящейся и причудливо замерзающей на морозе рыбы росла быстро, костры горели. Часа через два-три напряженной, до пота, работы дядя Михаил говорил: «Шабаш!» — оббивал от намерзшего льда на берегу

ИЛЬНЫХ Владимир Иосифович родился 29 февраля 1948 года. Окончил исторический факультет Пермского ордена Ленина государственного университета имени А. М. Горького и журналистское отделение Новосибирской ВПШ. Работал редактором районной газеты. Публиковался в «Литературной газете», «Учительской газете», журналах: «Охота и охотничье хозяйство», «Алтай», «Встреча»; альманахах: «Бийский вестник», «Соседи», ежемесячнике «Природа Алтая». Живёт в селе Быстрый Исток Алтайского края.

вынутые из воды мордушки, уносил их в заветное место, засыпал снегом. Может, пригодятся еще на раз. Ведь того, что мы добыли сегодня, хватит надолго! Перетаскав рыбу в конопляном мешке в сани, мы доверху набивали ею розвальни. Домой приходилось идти пешком, рядом с лошадей, по проторенному ранее пути, изредка помогая лошади на взгорках.

Светила луна. Нам, мальчишкам, было радостно, что поймали много рыбы. Мы чувствовали себя добытчиками. Большая семья не спала. Ждали нас. Быстро переносили рыбу в угол холодных сеней. Получилась изрядная куча! Значит, много пирогов с поджаристой корочкой испечется в русской печи! На это тетя Соломия и ее невестки были большие мастерицы! Управившись с конем, шли спать в тепло натопленную избу. Назавтра предстояло не менее важное дело – стряпать пельмени.

Описываемые картинки память приносит из шестидесятих годов прошедшего столетия. Вроде недавно все было! Люди – дружнее, семьи – крепче, совместный труд и праздники – веселее. Изготовление пельменей впрок для праздника Рождества – особое занятие. В дом к дяде Михаилу приходили для этого дела снохи, невестки, да и соседки. Как правило – хорошие певуны. Тяжелый монотонный труд требовал разрядки. Сидя за большим столом и распределив между собой обязанности по проведению различных операций, в результате которых из-под рук выходил маленький, с ноготок, пельмешек, женщины пели! Пели без сопровождения музыкальных инструментов. Но так строили лад, что вереница мальчишек и девчонок «висла» на наружном тыну, заслушавшись мелодиями. Старые люди не спешили уходить со двора, управившись со своим хозяйством. Песни далеко были слышны и создавали ощущение приближающегося праздника.

Руки меж тем споро делали свое дело, устроив негласное соревнование: у кого пельмень выйдет меньше да круглее. Потом пельмени ссыпались в большой холщовый мешок, прикрепленный к матице в холодных сенях. В его днище было проделано отверстие, закрытое дощечкой. Подставляй таз, дерни дощечку – и насыпай сколько нужно, сколько пришло гостей, да едоки какие... Бывало, и до двухсот штук, разохотясь, сибиряк в присест съедал!

ЭТЮД 2

Каждый день, начиная с Нового года по самое Рождество, не похож один на другой. У школьников в это время каникулы – веселая пора! Кроме елки, конечно, вспоминается, что много движения народа было на улицах села. Старшие парни и девки

ходили компаниями, с гармошкой, часто – пели. Конные повозки развозили седоков по гостям. То-то было удовольствие нам, пострелятам, догнать на коньках-снегоурках кошевку и незаметно прицепиться к ней сзади длинным крючком. Можно было без усилий прокатиться по наезженной колее через все село! Но если увидит кучер – берегись! Случалось «отхватить» и бича. Но били не сильно, играючи.

Молодежь постарше тоже каталась, но по-другому. На крутой берег реки втаскивались сани. В них навалом садилось, сколько войдет, молодежи. Сани со свистом в ушах летели вниз, порой – до противоположного берега. Хохот, визг, разгоряченные лица. Соревновались: кто дальше укатится.

Мы, малышня, тут же катались на «ледянках». Это нехитрое изобретение делалось следующим образом. Кружком выкладывался теплый коровий навоз, заливался холодной водой. И так – несколько раз. В «сооружение» вмораживалась веревка, чтобы затаскивать «ледянку» на гору.

Затем всей улицей малышня носила в ведрах из речной проруби воду, заливая чуть вогнутую вовнутрь трассу, желательнее тоже на берегу реки. Скорость ледянки развивали невероятную! Бывали и несчастные случаи. Но разве нас остановишь? Катились с утра до вечера, пока в баню не позовут.

Баня – особая статья, особый разговор. Она в прошлом сельском укладе жизни играла незаменимую роль. В бане, рассказывают, тетя Соломия четверых из своих одиннадцати детей родила. В нашем степном селе бани ставились глинобитные, обычно – в конце огорода, у колодца-журавля. Жар в них держался долго, почти сутки, даже зимой, в мороз. Надо же всю семью помыть, да и соседи иногда просят, как откажешь. Расскажу, как «банились» на Рождество. На зиму для бани дядя Михаил заготавливал поленицу особо жарких, сухих, из витых березовых комлей дров. Это при том, что в хате часто топили кизяком.

Начиналась подготовка к помывке всей семьи еще с утра. Дядя Михаил затапливал печь. У ней не было трубы, а значит, тяги. Дым поднимался под потолок, а затем выходил наружу через двери и специально проделанное в стене окно-отдушину. Печь-каменка к полудню раскалялась почти докрасна. Мы – дети и племянники – натаскивали ведрами из колодца к этому времени две двухсотлитровые бочки воды и одну поменьше – для приготвления щелока. Это чтобы волосы хорошо промыть. Они становились мягкими, пушистыми.

Коли банька топилась по-черному, то понятно, что сажа оседала на стенах и потолке. Убрать ее считалось заботой «старшухи» – старшей снохи. Она же готовила щелок, собирая для этого древесную золу.

Старшуха насаживала веник на длинную палку и тщательно обметала им потолок, стены, полки. Полки и деревянные полы начисто мыла горячей водой. Не дай бог, свекор со свекровью замечание сделают. Ведь они обычно имели привилегию первого пара. Пока позволяло здоровье. Очередь продвигалась по старшинству. Мылась очередь полдняя, имея в виду, что зимой дни короткие. Пар регулировался через отдушину.

Плеснешь ковшик на каменку лежа на полу, пождешь, пока часть его выйдет наружу, и взбираешься на полку. Тебя со всех сторон окутывает ровное сухое тепло или жар. Тут уж на любителя. Веники березовые в сенах наготовлены. В каждом — по пучку мяты еще с лета в середине заложено. То-то дух пойдет, когда его распаришь! Тут же, в предбаннике, кадушка с костяничным морсом, листья костяники плавают. Помывшись, зачерпнешь ковшик, чтобы жажду утолить, и такое тебя блаженство от желанной вкусноты охватит... Будто летом у степной криницы побывал!

ЭТЮД 3

Обычно, когда поздними сумерками в баню собирались идти средние незамужние дочери дяди Михаила и их соседки-подружки, тут-то и начиналась настоящая кутерьма. Вы можете, конечно, представить себе нетерпение, с которым ждали этого момента взрослые неженатые парни, да и мы, мальчишки-подростки. Начиналась игра в «подглядки». На взаимной, конечно, основе. Ничего постыдного в этом и сейчас не вижу. Совершеннее, следовательно, красивее женского тела природа не создала. Это хорошо понимают скульпторы, художники, писатели, поэты. Отсылаю читателей хотя бы к картине художника Аркадия Пластова «Весна. В бане». Только потому, что она по сюжету близка теме нашего разговора.

Присутствовал в этом извечном озорстве, игресоблазне между молодыми представителями рода человеческого, кроме простого любопытства, и практический интерес. Как, к примеру, у косачей на весеннем току или у тех же куликов-турухтанов. «Вон та, черненькая, с тонкой талией. Не успела прикрыться полушубком, чтобы бежать в теплый дом. Ишь как «стрельнула» глазами. Вроде на меня... Хороша! А не заслать ли нынче к ней сватов?» — так или примерно так рассуждал деревенский парень в цветущей мужской поре, подглядывая за хохочущими, вроде по пустякам, девчатами из-за соседского тына или даже взобравшись на ближайшее дерево.

Догадывались ли об этом девчата? Конечно, догадывались. Их ведь тоже не проведешь. От своих матерей и бабок знают об этой игре. Воз-

бужденно потом перешептываются между собой в горнице, расчесывая перед старинным, помутневшим от времени зеркалом длинные пряди волос. А там, смотришь, на Красную горку и свадьбу играли...

ЭТЮД 4

Наконец мы подошли к тому действию, что собственно и помнится, как разговление. Конечно, до размаха пиршества духа и тела, что описаны гениальным Иваном Шмелевым, нашим скромным деревенским праздникам далеко. Однако ж было в них что-то незабываемое и поэтическое, что осталось в памяти, как веха, картинка окружающего безыскусного быта родных и близких, к которым ты привязан всей пуповиной земного существования.

После того, как все помылись, за напряжением то ли праздничного, то ли трудового дня захотелось есть. В течение поста немного поднадоели крупяные, без мяса, супы, различные муссы из ягод, чай с заваркой из плодов боярышника или шиповника и прочее. Готовить их большая мастерица была тетя Соломия, из оскоромившихся старообрядцев. В теле ощущалась некая легкость, вплоть до звона...

Мы, братья, родные и двоюродные, пока сестры мылись, ходили на речку, в ближайшую заводь. Брали с собою ломы и топоры. В гуще замерзших осок и камыша искали заветные места с уходящими в омут цепями. На другом их конце, опущенном в воду, крепились бочки с дарами лета. Обычно в них солились арбузы и хорошо зимовали до весны. Раздолбив задубевший лед, откатишь бочку домой, выбьешь дно, и такой из нее запах прошедшего лета пойдет!..

В доме уже предпраздничная суэта. Женщины собирают на стол все самое лучшее из еды. Холодец готовился заранее из коровьих, свиных и бараньих ножек. Они опаливались соломой и подолгу варились в котлах в русской печи. На деревянном противне разделявались, а кости-бабки отдавались нам — малышне, для игры. Хранился холодец тоже в деревянных корытах. На стол подавался дрожащей студенистой массой с прослойками жира и мяса. Так хотелось погрузить в него ложку! Но нельзя, пока старший в доме не попробует.

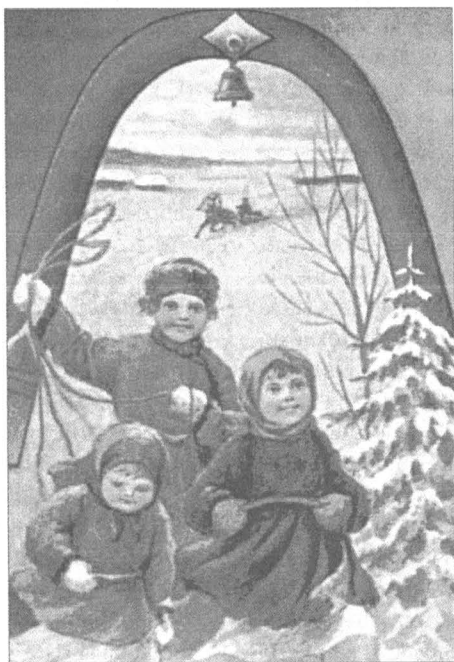
У коновязи собирались повозки ближайших родственников из других деревень. К полуночи все садились за стол. Первым шел щучий царь-пирог. Подавался он на большом противне. Дядя Михаил аккуратно делил его, чтобы каждому гостю досталось, да и нас, детей, не обидеть. Прятались мы на широком лоне русской печи, откуда все видно. Стол уставлен всякого рода закусками. Слово «майонез» для нас тогда было не знакомо. Зато «подлива»

очень ценилась: с соусом, чесноком, хреном и т. п. Подавалась она в глубоких блюдах-куветах. Хозяйка заранее вкусы каждого гостя знала.

Потом шли пельмени, потом — запеченный с яблоками или рисом гусь. Хотя большая семья моего дяди не выпивала, погрешу против истины, если не скажу, что на столе к этому времени стояло несколько четвертей выдержанной под печкой медовухи. Ведь дядя мой и славился разведением пчел и большим садом, где даже в наших широтах виноград выращивал.

Когда подавались сласти: коврижки да шанежки, тут уж было раздолье для нас — детей. Многие из ватрушек выпекались с маком. Насытившись, мы быстро засыпали на печи. Веселье, естественно, продолжалось. Пели «Бежал бродяга с Сахалина...», «Хасбулат удалой...», «Уточка луговая», «Конь буланый» и другие. Запевал первым голосом дядя Михаил, а тетя Соломия подхватывала. И так от всего этого становилось хорошо, что казалось, что жить мы будем вечно...

с. Быстрый Исток

Старинные рождественские открытки

Валерий
ГАНИЧЕВ

I СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ – СЪЕЗД УРОКОВ

Начало 30-х годов для СССР означало, что советская власть существует в стране уже 15 лет и укрепилась довольно основательно, несмотря на катастрофический голод 1933 года, перегибы и «разгибы» коллективизации. На глазах оторопелых Европы и Америки, попавших в небывалый экономический кризис, возматала индустриальная мощь СССР. В США, с презрением относившихся к советской России, под ударами Великой депрессии и нарастающего социального протеста признают Советский Союз и устанавливают с ним дипломатические отношения. Европа отыгнулась на экономический кризис фашизмом. Запахло новой мировой войной.

Жестокий мировой экономический кризис заставил власти всех уровней Европы и Америки искать спасение в различных реформах, выходах к массовым аудиториям, проповедях социальных утешителей, разного рода миссионеров. Капитал в целом был готов принять и фашизм, если бы не его антисемитская риторика. Не надо думать, что кризис не тревожил советских вождей. Да, страна вкладывала немало средств в покупку и создание новой техники, создание новых и модернизацию старых предприятий, финансовые спекуляции исключались, все было подчинено производственному и промышленному росту. Но не только. Шел поиск идей, объединяющих народ. Кризис не должен был выплеснуться внутрь советского общества.

В стране вырисовывалась линия на национальные, внутренние опоры, большая часть руководителей начинала понимать, что мы в предстоящей схватке с миром фашизма и безнационального капитала не можем рассчитывать на помощь мирового пролетариата, а должны опираться на собственный народ,

на собственную экономику, историю, культуру. При разгule Наркомпроса, где пыталась верховодить Н. К. Крупская, изгонялся из школьных библиотек «певец дворянских усадеб» Александр Сергеевич Пушкин и другие «непролетарские» писатели. Но в это время группа руководителей страны дала сигнал к массовому, миллионному изданию классиков отечественной литературы, создавая библиотечки для школьников, крестьян, комсомольцев, красноармейцев из произведений Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Пушкина, Н. Некрасова, М. Лермонтова, И. Крылова. Пушкин заполнил страну в 1937 году, а представляете, что было бы, если бы в эти годы, когда Россия произвела подлинную культурную революцию и когда миллионы людей преодолели безграмотность, она получила бы в качестве чтения американские комиксы, детективы сегодняшних дамочек, литературу ужасов, насилия, порнографии? Тут уж никакие бы Олеги Кошевые и Зои Космодемьянские не выросли в стране к мировой войне.

Начала прорисовываться линия на возрождение исторических традиций, ориентация на победы русского народа над иноземными захватчиками. Красные дьяволята, революционеры всех эпох, коммунары потеснились, уступая место Александру Невскому, Суворову, Кутузову, Петру I. Появилось письмо руководителей страны (Сталин, Жданов, Киров) о том, что надо проявить уважение к истории страны, ее реальным историческим персоналиям, к ее военным, научным, культурным достижениям. Правда, это все было несколько позднее.

Внутри партии коммунистов сторонники Троцкого, мировой революции, все крылья дореволюционного ревизионистского социал-демократизма, левого безответственного бунтарства, выжидающего своего часа сионизма, все эти Бухарины, Зиновьевы, Радеки, отодвинутые от первых и главенствующих мест, готовились к реваншу. И уже в 1933–1934 годах это проявилось в подготовке и проведении I съезда писателей. Таким образом, I съезд советских писателей стал полем идейной схватки многих сил, и не только тех, которые были внутри страны. Немалая часть русских писателей, не принимая платформу и действия советской власти или просто попадая в водоворот исторических событий, покинула Россию. Русская литература в изгнании многие годы сохраняла дух, стиль, образ отечественной классики. Среди них были и звезды первой величины (И. Бунин, И. Шмелев, И. Ильин). В силу возрастных причин она постепенно угасала, кто-то возвращался на родину (А. Толстой, И. Куприн,

М. Горький). На территории же советской России, как казалось многим, литература в национальном русском смысле никогда не возродится. Да и откуда? Когда лидеры тех, кто объявил себя «пролетарскими» писателями, не принимали никакой ответственности и провозглашали: «Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы...» Беспощадные «пролетарские» писатели, подлинные «неистовые ревнители» только себе присвоили право считаться представителями литературы. Все эти Авербахи, Лелевичи, Безыменские, Либединские, Уткины, Ермиловы распинали любые попытки национально мыслить, глубинно всматриваться в жизнь, сделать ее предметом художественного осмысления, поиска истины. Все было подчинено идее мировой революции, идее уничтожения «до основания» старого мира и броска в грядущее. Они не замечали выдающихся рассказов М. Шолохова, сквозь зубы говорили о превосходящих их художественных талантах Л. Леонова, В. Шишкова, с презрением называя их «попутчиками».

Магистральная же дорога литературы оказалась в руках РАППа, ВОАППа, МАППа – так называемых пролетарских организаций писателей. Они создали или захватили почти все литературные и общественно-политические издания, они, размахивая дубинкой критики, избивали всех непокорных, нестандартных, пытающихся создавать национальную литературу. Как это напоминало 80–90-е годы, когда все общество и, естественно, литературу загоняли в русло «демократии», заставляли непопсу присоединяться к «истинной цивилизации». Удивительно, как менялись фишки и лозунги, но не меняются методы «неистовых ревнителей», наряжающихся то в одежды пролетарские, то в либеральные, то в демократические.

Как я понимаю, в те 30-е годы в недрах власти, общества многие задумывались о судьбе России, искали стратегические и тактические ходы для ее возрождения, не ставя вопрос о реставрации дореволюционного строя. Конечно, об этом можно немало рассуждать, но это особое исследование, в котором не может быть одной краски, ибо исторические задачи на каждом отрезке времени вставали перед страной и властью с учетом мировых событий по-своему, и отвечать на них надо было нестандартно и часто судьбоносно. Общество было тогда неоднородно, немало было тех людей, кто являл собой основу дореволюционного строя. Были среди них те, кого причисляли к эксплуататорам, кого к беднякам, пролетариям. Хотя к 1936 году было объявлено

в Конституции о равенстве всех людей. В 60-е годы я встретился с одним крупным ученым, который востро ругал коммунизм и власть. Я осторожно спросил: «У вас вся грудь в орденах, вы лауреат Государственной премии и так ругаете коммунизм, почему?» – «Ну а что, я и в 30-х годах ругал власть, но когда понял, что впереди война, что там, на Западе, Россию никто не спасет, решил укрепить Отечество и создавать новую технику». Думаю, что такое настроение было характерно для многих людей в 30-е годы.

И для писателей, обладавших талантом, реалистическое «попутничество» было характерным путем в литературе того времени. Это не могли не заметить «реалисты» власти. Первым предупреждением «неистовым ревнителям» стало в 1932 году партийное постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», по которому было принято решение ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей и объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти, в единый Союз советских писателей. М. Горький, которого считают инициатором подобного решения, выступал все-таки в поддержку РАППа, в который, по его словам, «объединены наиболее грамотные и культурные литераторы-партийцы». По-видимому, идея объединить писателей и преодолеть вакханалию группировок возникла в руководстве страны, и в первую очередь у Сталина. Нет сомнения, что это было продиктовано и желанием приспособить литературную организацию к общегосударственным нуждам и общепартийным задачам. Но за этим просматривалась и попытка обуздать «неистовых ревнителей» в культуре, составлявших второй троцкистско-бухаринский эшелон.

Дата съезда несколько раз переносилась, и открылся он 15 августа 1934 года. Открыл его и выступил с основным докладом М. Горький. Он к этому времени возвратился окончательно в Советский Союз, «выжатый» кризисом и фашизмом из Европы. Конечно, можно скептически и критически отнестись к I съезду писателей, который все-таки развернул панораму действующей, прорастающей, многообразной литературы страны. Показал ли он все наличные силы, назвал ли все достойные имена? Да нет, естественно. Рапповщина не сдала свои позиции, троцкистско-бухаринская оппозиция давала свой бой на съезде. Можно приписывать все «перегибы» Сталину, но не надо забывать, что с основными докладами кроме А. Горького выступали Н. Бухарин (о поэзии, поэтике и задачах поэтического

творчества), К. Радек (о мировой литературе и задачах пролетарского искусства). А ведь именно Н. Бухарин еще в 1927 году опубликовал знаменитые «Злые заметки» с разгромом Сергея Есенина. После этого почти на 30 лет Есенин исчез из издательских планов, школьных учебников и хрестоматий. Он же был беспощаден к Маяковскому. Хорош знаток поэзии! Столь же безапелляционен был К. Радек, выстраивавший ряд близких его сердцу поэтов. Эти оппозиционеры Сталину формировали свою литературную оппозицию и хотели сформировать свой признанный ряд поэтов и руководителей, близких им по духу. М. Горького они использовали, чтобы давить на Сталина и Жданова. Конечно, все это может выглядеть как чисто политическая кухня съезда. Да, и это тоже так. Но все-таки выстраивалась и литературная составляющая. В президиум съезда были избраны такие известные писатели, как А. Горький, Ф. Гладков, В. Иванов, Л. Леонов, П. Павленко, Л. Сейфулина, А. Серафимович, Н. Тихонов, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов, И. Эренбург. От ЦК ВКП(б) был избран А. Щербаков. И разговор о литературе, художественном творчестве, народных истоках, об истории, таланте, языке состоялся, несмотря на громкую пролетарскую риторику рапповцев. Чего стоят слова М. Горького: «Начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его... Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творчества нашего настоящего».

Из-под покровительства троцкистско-бухаринского руководства уходило большинство литераторов. Конечно, Союз писателей в немалой степени был подчинен государству и партийному руководству, но некий простор, условия для творчества и особенно материальные опоры (достаточно вспомнить сформированный в те годы Литфонд, выстроенное немалое количество съемных дач в Переделкино, Дома творчества, Дома литераторов, издательство «Советский писатель» и т. д.).

Многие, наверное, успели подзабыть, что до Великой Отечественной войны Союза писателей России не существовало. Был созданный Максимом Горьким Союз советских писателей, имевший республиканские отделения во всех советских республиках, кроме России. Такое странное положение являлось следствием политики, заложенной ещё в послереволюционные 20-е годы Троцким и его соратниками, мечтавшими о всемирном интернационале и ненавидевшими всё русское. Русский народ,

самоотверженно несший на своих плечах тяжесть развития нашего государства, оказался в ущемлённом положении. Другие национальные образования, входившие в состав СССР, развивались, поддерживалась их национальная культура и самосознание, а в Российской Федерации не было не только своего писательского союза, Академии наук, но даже и коммунистической партии Российской Федерации, что для того времени – просто удивительно. Русское самосознание не только не развивалось, но, напротив, угнеталось, считалось шовинистическим, националистическим, хотя по отношению к другим народам Советского Союза это называлось развитием национального самосознания и национальной культуры.

Но после войны отношение к русскому народу стало меняться. Русский народ показал свою самоотверженность, коренную сущность государствообразующего народа, именно русский народ внёс основной вклад в Победу, и именно русских людей больше всего погибло в войне. Переломным, наверное, стал исторический тост генералиссимуса Сталина «за великий русский народ». Возрождение русского самосознания в СССР уходит своими корнями в Великую Победу. На этой волне в 1957–1958 годах и был создан Союз писателей РСФСР – ныне Союз писателей России. Возглавил его выдающийся русский писатель Леонид Соболев (кстати, что удивительно, беспартийный). В первые годы деятельности происходило создание областных отделений Союза, формирование органов управления, воссоединение писателей в единый общественный организм. Тогда же выкристаллизовалась и духовно-идеологическая составляющая деятельности СП России. И хотя ни в каких постановлениях съездов или программных документах отразить её не представлялось возможным, но вышедшая в 1957 году книга Владимира Солоухина «Владимирские просёлки» несла в себе мощный заряд русской идеологии. Вот тогда и появилась группа писателей, которые не боялись произносить и писать слова «Русь», «Россия», «русский»... По сути своей созданный Союз писателей РСФСР стал единственной легальной действующей организацией, вставшей на защиту русских в Советском Союзе.

Хрущёв со своей взбаломошенной политикой и сам немало вредил русскому народу, и этим же отличалось его окружение, в которое входили такие одиозные личности, как Аджубей и Ильичёв, выстраивавшие национальную политику по довоенному образцу. Кроме того, Никита Хрущёв негативно относился к поколению победителей. Мы помним, как он

расправился с маршалом Жуковым, как боялся военных, выигравших войну. Патриотизм тогда был явно не в почёте, особым гонениям подвергалась православная церковь. В годы правления Хрущёва было уничтожено православных храмов больше, чем в 20–30-е годы. После того как за вульгарность и волюнтаризм в политике Хрущёв был смещён со своих постов, дышать стало легче.

Так получилось, что к началу перестройки русское движение возрождения подошло несколько растерянным и разобщённым, а потому и проиграло «битву за умы» «перестройщикам» и либералам-западникам. Но к 1994 году Союз писателей России, уже очистившийся от антирусских настроений, на своём съезде провозгласил наши основные принципы:

- следовать традициям классической русской литературы;
- утверждать реализм как главное художественное направление;
- утверждать нравственность;
- бороться за чистоту русского языка;
- быть державниками.

С этого момента, можно сказать, наступил третий этап в истории Союза писателей России, когда наш творческий союз стал союзом писателей-единомышленников, объединённых идеей духовного возрождения России.

Когда в 2005 году в Кремле президент Путин вручал мне орден Почёта, то я поблагодарил его и сказал, что считаю этот орден «наградой Союзу писателей России, который стремится продолжать традиции русской классической литературы, литературы нравственной и духовной, Союзу, который стоит на страже русского языка, языков народов нашей страны. Нация сохраняется, если даже полностью изменится её экономическая основа. Нация сохраняется, если изменяется государственное устройство, даже если исчезнет государство. Но если пропадает язык, нация перестаёт быть таковой. Остаётся народонаселение. Сегодняшнюю награду мы оцениваем как заботу общества и власти о русском языке, о нашей духовной скрепе, нравственной основе литературы».

Мы работаем по многим направлениям, но главное, к чему мы стремимся, – чтобы наш Союз всегда участвовал в созидательных акциях во благо Отчизны. Мы являемся соучредителями Всемирного Русского Народного Собора, который возглавляет Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Я являюсь заместителем главы Всемирного Русского Народного Собора. Союз писателей России самым активным образом участвует в организации и работе соборов, начиная с момента его образования – с 1993 года. На каждом из них мы рассматриваем главные, самые животрепещущие вопросы жизни русского народа – духовное возрождение, проблемы русского языка, русской национальной школы, здоровья нации, православие, положение русских в мире в конце XX – начале XXI века. Постоянно проводятся круглые столы с участием духовенства, писателей, представителей патриотических кругов, интеллигенции.

Нынче вмешательство власти в литературное дело не так ощутимо, но экономический диктат значительно жестче и неотступнее. Все наработанные и созданные, в том числе за счет писательских средств, Дома творчества (за исключением Переделкино) изъяты, издательства стали частными, и писатели потеряли какой-либо социальный статус, ибо закон о творческих союзах, несмотря на обещания всех законодателей, до сих пор не принят. Пытаются отнять Дом писателей России.

И тем не менее русская литература существует. Семь с половиной тысяч литераторов объединены в Союз писателей России, который причисляет себя к продолжателям традиций русской классической литературы, к людям державной и нравственной позиции, не отбрасывающей достижения реалистической и честной литературы русского зарубежья, русской советской литературы. И в этом смысле I съезд советских писателей 1934 года – это исторически важная веха, заставляющая нас вспоминать всю сложность пути от честной литературы, четко видеть те усилия, которые прилагались и прилагаются многими, чтобы увести ее с пути служения народу и своему Отечеству.

Александр КЕРДАН,

координатор Ассоциации
писателей Урала

ОТ ДИССОНАНСА К СИМФОНИИ*

Из доклада
на X конференции АСПУр

ДЛЯ ЧЕГО СОЗДАВАЛАСЬ АССОЦИАЦИЯ?

Вопрос о создании некоей объединяющей структуры возник у писателей Екатеринбурга еще в середине 90-х годов прошлого века. По-моему, отправной точкой надо считать одно из традиционных застолий в Доме писателей на Пушкина, 12, где за одним столом, рука об руку оказались поэт-фронтовик Венедикт Станцев и фронтовик-документалист Юрий Левин – два давних друга и члены разных творческих союзов: Союза писателей России и Союза российских писателей. Не вспомню, чему было посвящено застолье, то ли Дню Советской Армии (тогда еще не притерпелись к новому названию этого праздника), то ли Дню Победы (который, слава богу, остался без переименования), но все собравшиеся и главным образом сами фронтовики смеялись над своим абсолютно условным разделением. Как-то сама собой возникла тема необходимости возвращения к единому писательскому союзу: ведь и празднуем, и горюем мы, писатели провинции, вместе. Нет у нас и переделкинских дач – вечного повода для московских окололитературных склок. Нет и другой собственности как предмета для раздоров и дележки. И по духу-то мы, уральцы, – патриоты, и край наш – становой хребет державы...

110

Но одно дело – разбежаться по разным углам, другое – снова собраться вместе. Сразу же нашлись оппоненты этому стремлению и аргументы для оппонирования. Вот тут у нас с Владимиром Блиновым и родилась идея новой структуры – ассоциации, позволяющей писателям, оставаясь членами своих писательских союзов, объединяться, двигаться вперед.

Конечно, и разговор за праздничным столом, и сама идея Ассоциации писателей Урала (АСПУр) были predetermined той ситуацией, которая сложилась и в стране, и в творческих союзах. Социально-экономические перемены в России поставили центральные органы основных писательских объединений, как и сами объединения, в труднейшее положение: воюя за собственность, отстаивая свои принципы, удовлетворяя амбиции тех или иных лидеров, правления наших союзов на достаточно долгое время оставили без внимания многие провинциальные организации, особенно от столицы территориально далекие. Достаточно привести несколько примеров: многие руководители областных писательских организаций годами не приглашались на пленумы СП, в московских издательствах перестали публиковать книги даже таких известных авторов, как В. Крапивин, В. Потанин, А. Решетов. Более десяти лет ни один из писателей-уральцев не получил ни одной всероссийской премии и т. д.

И главное – центральные правления не осуществляли свою основную задачу – стратегическое планирование и координацию деятельности организаций, входящих в творческие союзы. И хотя «провинциалы» продолжали работать, бороться с трудностями, издавать книги, но были разобщены, лишены поддержки сверху, не координировали свои усилия. Все это предстояло взять на себя АСПУр.

Насущными представлялись: а) выработка стратегии дальнейшего развития писательского сообщества в новых социально-экономических условиях; б) определение современной тактики действий региональных писательских организаций; в) формулирование внятной книгоиздательской политики в условиях рынка; г) организация деятельности по социальной адаптации и защите писателей и другие

* Ассоциации писателей Урала (АСПУр) в этом году исполнилось 10 лет. В уральский город металлургов и поэтов Нижний Тагил на юбилейную конференцию съехались писатели Екатеринбурга, Челябинска, Ханты-Мансийска, Перми, Тюмени, Москвы, Омска, Кургана, Кемерово и других городов России. В Нижнем Тагиле кроме юбилейной конференции со СМИ прошли встречи писателей с читателями, вручены премии, учрежденные Ассоциацией: Всероссийская литературная премия имени Д. Н. Мамина-Сибиряка и, впервые, Международная литературная премия «Честь и Отечество».

мероприятия. В первую очередь, конечно, работа с литературной молодежью (сами писательские организации на тот момент были организациями шестидесяти-семидесятилетних литераторов...).

Повторюсь и подчеркну еще раз: в условиях потери связи с центром и с соседними регионами все эти задачи и должна была решить наша Ассоциация. Она была создана на учредительной конференции в ноябре 2000 года, на которую прибыли представители Челябинской, Свердловской, Ханты-Мансийской, Пермской областных организаций Союза писателей России и Тюменской ассоциации литераторов. Учредительные документы подписали: Николай Коняев, Анатолий Белозерцев, Александр Кравцов, Владимир Блинов и Федор Востриков. Координатором АСПУр был избран Александр Кердан.

Должен справедливости ради заметить, что даже у тех, кто тогда основал Ассоциацию, ее жизнеспособность первоначально вызвала сомнения. Тем не менее за десять лет нашей совместной работы эти сомнения развеялись окончательно.

ЧТО УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ?

...На разных уровнях (от государственных органов власти до центральных правлений писательских союзов) состоялось признание Ассоциации как знакового, уникального явления, не имеющего аналогов в России. Подтверждением этому служит участие первых лиц субъектов РФ, руководителей общероссийских писательских союзов, глав муниципалитетов в работе наших конференций, в совещаниях молодых писателей, проводимых нами. Думаю, фактом такого признания стало избрание сопредседателя АСПУр Арсена Титова в состав сопредседателей Союза российских писателей, а Александра Кердана – в состав сопредседателей Союза писателей России. И, наконец, притягательность нашего интеграционного опыта не только позволила Ассоциации из уральской стать сначала урало-приволжской, а в дальнейшем и урало-приволжско-сибирской, увеличив число своих коллективных членов с 5 до 19 организаций (двадцатая организация – Томская, надеюсь, будет принята в АСПУр на этой конференции). Этот пример побуждает наши общероссийские союзы создать подобную ассоциацию в масштабе России. Насколько это удастся осуществить, покажет время. Но в решении последнего съезда Союза писателей России такой пункт есть.

...Во многом благодаря АСПУр в регионе налажена целостная система подготовки литературных кадров. За десять лет нашей работы проведено

2 всеуральских и 4 всероссийских совещания молодых писателей. Очередное всероссийское совещание молодых писателей по благословению нашего многоуважаемого коллеги и друга владыки Димитрия, архиепископа Тобольского и Тюменского, запланировано на май следующего года. Оно будет приурочено к дням славянской письменности и пройдет в духовном центре Сибири – Тобольске.

Для любителей статистики замечу: через проведенные АСПУр совещания прошло более 400 талантливых молодых поэтов и прозаиков. Около 40 из них были рекомендованы и стали членами Союза писателей России и Союза российских писателей. У 50 по рекомендации совещаний вышли в свет первые книги, произведения подавляющего большинства семинаристов опубликованы в различных сборниках и альманахах. Конечно, работа с молодыми литераторами не укладывается ни в какие цифры. Это в общем-то в каждом случае индивидуальный процесс творческого роста. Но и с этой точки зрения есть примеры просто замечательные. Алексей Иванов из Перми, Наталья Поляченкова из Кемеровской области, Наталья Куваева из Сургута, Николай Семенов (Вячеслав Коркодинов) из Нижнего Тагила, Алексей Лукьянов из Соликамска не только стали членами профессиональных союзов, но и получили заметное признание в своих регионах и в России. Примеры того, что наши совещания – достойный трамплин для талантливой молодежи, можно продолжить...

ЧТО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ?

...Тревожит пассивность отдельных коллективных членов нашей Ассоциации. Во многом она опирается в уже упомянутый кадровый вопрос, но кое-где приобретает и морально-нравственную окраску – выглядит потребительством и элементарной ленью. Месяцами не выходят на связь Анатолий Белозерцев, Кирилл Шишов, Николай Шамсутдинов, Елена Козлова, от случая к случаю вспоминают об АСПУр кемеровчане и кировчане. Возникает вопрос: для чего, коллеги, вы рвались, просились в Ассоциацию? Если для того, чтобы работать, так давайте будем работать. Ассоциация строится по принципу общего дела – каждый привносит в нее что-то свое, а не ждет, когда за него что-то сделают другие. Был же два года назад на конференции в Муравленко пример исключения из состава АСПУр Ульяновской писательской организации как утратившей связь с Ассоциацией. Думалось, что он окажется поучительным. Увы, нет.

И, несомненно, прав Николай Коняев, который на прошлой конференции в Нижневартовске призвал всех честнее относиться к делам Ассоциации. Конечно, сегодня у наших организаций в разных регионах несопоставимые условия работы. Нельзя даже сравнить положение писателей в Кемеровской и в Пермской организациях, в Республике Коми и в Кировской области... Скажем, по-человечески можно понять кемеровчан: им при поддержке губернатора Амана Тулеева живется неплохо: и Дом на областном балансе, и журнал издается, и гонорары платятся... Но ведь для того мы и объединились, чтобы сильные помогли нуждающимся, чтобы даже в самые трудные времена не прервался литературный процесс.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У АСПУР?

...Не сулят благостных перемен внешние условия. Очевидно, что экономический кризис продолжится, что тоже усложнит реализацию задуманного.

Изменяется и лицо органов государственной власти, с которыми нам приходится сотрудничать. К руководству приходит новый тип управленцев – типаж западного менеджера, те самые «образованцы», о которых горько говорили Александр Исаевич Солженицын и Валентин Григорьевич Распутин. Это молодые или очень молодые люди, не прошедшие школу жизни, не понимающие значения для россиян слова писателя и государственной необходимости самого писательского труда.

...Но уныние – грех. Выход есть. Он видится в поиске новых смыслов, новых форм деятельности Ассоциации...

И прежде всего в поиске симфонии с властью. На протяжении многих лет мы говорим о государственном служении отечественной литературы. И этому принципу не изменим. Симфония, на наш взгляд, заключается в социальном партнерстве по целому ряду проблем. Во-первых, сотрудничество в вопросе нравственного, культурного воспитания молодежи, школьников, студентов, военнослужащих; во-вторых, совместная борьба с искажением отечественной истории, а в год 65-летия Победы – это и совместное отстаивание правды о Великой Отечественной войне; в-третьих, конечно, это стремление к дальнейшему сплочению славянских народов, консолидации всех народов и народностей, населяющих Россию; в-четвертых, это диалог о путях дальнейшего развития нашей страны. И, наконец, это поиск законодательного разрешения проблем дальнейшей деятельности творческих союзов.

Представляется необходимым продолжение партнерства во всех этих вопросах с Русской православной церковью и с другими общественными институтами, занимающими державно-патриотические позиции.

Леонид БЫКОВ,
г. Екатеринбург

СУМБУР ВМЕСТО МУЗЫКИ?

Критик часто оппонирует прозаикам и поэтам. Даже тем, кто, подобно Александру Кердану, обладает титулом доктора наук. Поэт, по определению, – слуга гармонии, и уже потому он многое в жизни идеализирует. Иными словами, выдает желаемое за сущее – по крайней мере, в своих книгах, в своих речах.

Сам по себе посыл: «От диссонанса к созвучию, от какофонии к симфонии» – замечателен. Но не утопичен ли? И, раз уж мы оказались подвержены музыкальной терминологии, не могу не вспомнить известные строки:

*Устал тот ветер, что листал
страницы мировой истории.
Как будто перерыв настал,
словно антракт в консерватории.
Мелодий нет. Гармоний нет.
Все устремляются в буфет.*

С Борисом Слуцким, автором этих стихов, солидаризируется в «акустическом» диагнозе Юрий Левитанский:

*Это общество – словно рояль,
безнадёжно расстроенный,
весь изломанный, весь искорябанный,
весь искореженный.
Как в беспамятстве, все эти струны
стальные и медные,
лишь вчера из себя исторгавшие
марши победные, –
та едва дребезжит,
та, обвиснув, бессильно качается,
есть отдельные звуки,
а музыка не получается.
И все так же плывет над пространством
огромной страны
затянувшийся звук
оборвавшейся некой струны.*

Теперь признаюсь, что этим констатациям около двух десятилетий. И, хотя своей актуальности они не утратили, характеризовать ими нынешнюю и общественную, и, в частности, литературную ситуацию – как в рамках всего отечества, так и в границах, очерченных полномочиями нашей Ассоциации (а это – впечатляющая часть российского пространства), – едва ли правомерно.

Прожитые нами годы, совпадающие со сроками существования Ассоциации, не были напрасными. Координатор имел право не без удовлетворения информировать о многих реальных примечательностях, которые в немалой степени стали реальностью именно благодаря инициативам Ассоциации. Это и совещания молодых литераторов, и выпуск альманаха «Чаша круговая» (восемь книг), и издание газеты «Большая Медведица» (более двадцати номеров), и премиальные сюжеты (а Ассоциация причастна к учреждению нескольких литературных наград), и проводимые в дни таких, как эта, конференций творческие встречи писателей России с читателями принимающих нас городов. Это и (или – прежде всего!) встречи нас, авторов, друг с другом.

Есть творческая деятельность, требующая коллективных усилий (театр, кино, телевидение). А работа писателя – кустарная. Стихи, повести, пьесы и даже критические опусы пишутся в одиночестве. Вот почему письменники так нуждаются в общении, и поэтому, когда мы все-таки встречаемся, общение это столь экспансивно.

Конечно, для пишущего человека не менее (если не более!) важны встречи не только с коллегами, но и с читателями. Особенно с теми, для кого твое имя, твои книги не в новинку, когда есть возможность именно реального диалога – о написанном и прочитанном и о той жизненной реальности, с которой написанное и прочитанное так или иначе соотносятся. Работа-то у нас затворническая, а дело-то – публичное.

Ныне, когда телеэкран сторонится литераторов (за исключением двух-трех юмористов), когда журналы во многих библиотеках уже не выписываются (не на что), когда газеты уклоняются от рецензий из боязни карательных акций (ведь любой отклик – уже реклама!), когда словесный фастфуд, поток книг одноразового чтения захлестывает собой штучность серьезных произведений, – в этих условиях и такие кратковременные контакты, при всей их импровизационности, уместны и полезны не единственно для участников конференции. Уже потому хотя бы, что напоминают населению принимающего нас города,

что есть в стране литераторы, не позабывшие об отечественной традиции – говорить о серьезном серьезно, без заискивания перед публикой и перед властью.

К слову, и представителям власти подобные встречи напоминают о том же: литераторы в России еще не вымерли, хотя, казалось бы, срок доживания (есть у нынешнего чиновничества такое понятие для пенсионеров) уже исчерпали.

Процесс разлитературирования страны, еще недавно считавшей себя самой читающей в мире, скорей всего, неостановим. В условиях мирового кризиса ценностей (не столько экономического, сколько духовного) неизбежна атрофия отдельных отраслей производства. Единственное, что в наших силах, – это постараться его замедлить. Последуем совету Новеллы Матвеевой: «Не станем участвовать в кораблекрушении».

Власть книги в России не менее сакральна, чем власть того, кто венчает собой вертикаль служения и подчинения. Мы – современники не только Путина, но и Распутина. Однако почему же авторитет книги так стремительно меркнет?

Да потому, прежде всего, что в обществе произошла девальвация слова. А это много прискорбнее для нашей родины, чем девальвация рубля.

И раз уж упомянуты деньги, как тут в сотый или тысячный раз не посетовать на то, что законодательные структуры продолжают игнорировать наши стенания о необходимости принятия закона о творческих союзах.

Но давайте предъявим счет и себе. Все эти годы, когда происходят наши встречи, мы твердим прежде всего о том, как живем. Жалуемся на то, что существование наше все более напоминает житье-бытье колхозников в сталинские времена. Проблемы литературного быта заместили собой куда более важную для русского литератора проблему – литературного качества. Печалась о том, как нам живется, мы почти не говорим о том, как нам пишется.

Литератора сегодня заботит не столько поиск истины, сколько искание спонсора. Если нас послушать, то зачастую вопрос, как напечататься, волнует куда больше иного: а что мы печатаем?

Меж тем, самокритично признаем, даже те наши произведения, которые фигурируют в премиальных списках, можно охарактеризовать старинной формулой: «Достоинства их сколь почтенны, столь и умеренны». Если есть среди нас таланты, то и они, как говорили в XIX веке, обыкновенные. А обыкновенный талант обычно не переживает своего време-

ни. Он ему принадлежит, его переживая. Но своему времени и своему месту такие литераторы, надеюсь, необходимы не менее, чем литературные величины большего порядка. Ведь уровень культуры – как в масштабах нации, так и в масштабах региона, края, области – обуславливают не счастливые исключения, а, так сказать, правила. Содержательность среды. Вот об этой насыщенности почвы и надо бы вести речь.

Некогда один литератор написал другому, искавшему у первого поддержки: «Писать Ваши две последние книги было, наверное, гораздо более интересно и забавно, чем когда-нибудь кому-нибудь их читать. Возьмите меня, типичного, обыкновенного читателя. Много я получаю удовольствия от чтения Ваших вещей? Нет. Чувствую я, что получаю что-то новое и открывающее мне новые перспективы? Нет. И вот я спрашиваю себя: а кто такой, черт его подери, этот самый N, который требует такого количества моих часов из тех нескольких тысяч, что мне остались в жизни, для понимания всех его вывертов, и причуд, и словесных вспышек?»

Согласитесь, мы не столь пристрастны друг к другу, как Герберт Уэллс к Джеймсу Джойсу. А меж тем в строчках первого ко второму сформулирован существенный критерий: чтоб наши книги было читать столь же интересно, как и их писать, в них должно содержаться нечто, превышающее бытовое, житейское знание о сущем.

Вот эта устремленность к полноте бытия и обусловит желанную симфоничность наших усилий.

Нина ЯГОДИНЦЕВА,
г. Челябинск

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Моё выступление – о том личном, которое, думаю, является не только моим. Десятилетие Ассоциации, которое сегодня празднуется, – это и путь каждого из нас, и во многом путь самой страны, которая снова оказалась ввергнута в очередное испытание её могучего духа.

Вспомним: 1999 год. К этому времени писательство уже публично низведено до чужачества одиночек. Растёт рынок коммерческой литературы и антилитературы, которая входит в моду, стремится и в душу читателя, но не даёт ей ничего, кроме недоумения и разочарования, а иногда и прямого отращения. Издаётся вал самодеятельной книжной про-

дукции, которая также считается литературой и опускает планку писательства ниже некуда.

Безнравственное уже открыто утверждает себя как единственно возможное. Прошлое оболгано, всё вместе – и победы, и поражения. И впереди маячит только светлое рыночное будущее... Ты понимаешь, что всё это бред, реальная, нормальная жизнь требует совершенно другого, но кто-то уже решил всё за тебя. И – честно! – жить в эти годы возможно только уповая на известный принцип «Делай что должно, и будь что будет».

Писательские организации разрознены. Они не имеют широкого выхода к читателю, у них нет возможности говорить о традиционных ценностях, они буквально отстранены от жизни. Потому что любое последовательное осмысление происходящего сразу выдаёт абсурд и катастрофу – и требует решения.

В этот момент и появляется Ассоциация писателей Урала. Она становится ответом на вызов времени. Одним своим появлением она решает главную проблему – она показывает, что людей, мыслящих, переживающих за судьбу страны и её культуры, – множество, их большинство. Это ведь только эффект действия средств массовой информации представляет нам страну территорией с населением, уже окончательно забывшим себя, своё прошлое и даже настоящее. На самом деле есть и страна, и в стране народ, и у народа писатели.

Не будучи руководителем организации, я включалась в работу Ассоциации постепенно и с удивлением и радостью обнаруживала возможности этого уникального творческого объединения. В те годы, когда статус провинциального писателя был низведён до статуса городского сумасшедшего – подумайте только, все нормальные люди деньги зарабатывают, а он книжечки пишет! – здесь вручались премии лучшим поэтам и прозаикам русской провинции, эта поддержка дорогого стоит и сейчас. Первое время я особенно обращала внимание на то, как возрастал интерес к книгам лауреатов, как появлялись отзывы, рецензии и статьи – а ведь конференции ассоциации проходят в разных городах, и круг читателей и ценителей ширится.

Объединили нас и издания Ассоциации – альманах и газета. По большому счёту, региональная литературная газета – это такая роскошь для провинции и в то же время такая необходимость! Передавая газету в Челябинске и области буквально из рук в руки библиотекарям и читателям, я мечтаю о том времени, когда на неё будет подписка. Ведь литера-

турная газета – это не только информация о событиях. Это рецензии на лучшие книги, это аналитические статьи и самые новые стихи и рассказы... Круг авторов газеты должен стать шире за счёт откликов заинтересованных читателей, преподавателей литературы, филологов, учёных. И тогда это будет действительно широкое осмысление нашей активно обесмысливаемой жизни.

К общению Ассоциация привлекает молодых писателей, за души которых сегодня идёт настоящая война. Их подкупают вседозволенностью самовыражения, позолоченной плесенью гламура, их отлучают от родного языка (я уже не говорю – от литературы), но ребята, побывавшие на семинарах Ассоциации, становятся другими. Они начинают говорить о главных вещах, жизненно важных для молодого таланта. Конечно, сама Ассоциация определяет успех таких семинаров количеством открытий, а я хочу поставить акцент именно на изменении сознания молодых.

Ассоциация дарит счастье общения. За эти годы я познакомилась со столькими потрясающе талантливыми современниками! Из своего трагического провинциального одиночества мне посчастливилось выйти в общество людей, чьи творческие амбиции сегодня направлены не на самоутверждение среди коллег, а на решение общих для всего народа жизненно важных проблем. Признаваясь вам в любви, я всё-таки из ставших мне дорогими имён хочу назвать хотя бы несколько.

Это сибирячки поэтессы Татьяна Георгиевна Четверикова и Валентина Юрьевна Ерофеева-Тверская, вокруг которых – целая поэтическая школа. Галина Дмитриевна Колесникова из Барнаула, прекрасная поэтесса, которая снова и снова откладывает в долгий ящик новую рукопись своих чистых, тонких стихов ради ежедневных дел своей организации. Борис Васильевич Бурмистров из Кемерово, открывший мне поэтическую Сибирь XX века. Александр Борисович Кердан, чьими стараниями, мужеством и государственным умом Ассоциация развивается уже десять лет.

Это поколение писателей, которое пронесло через очередную русскую смуту мужественную любовь к своей стране, родной литературе и только укрепило в своей решимости служить народу, как и подобает русскому писателю. И таких людей должно быть много. Недавно из маленького городка в Омской области я получила умную, тонкую рецензию на одно из моих стихотворений. Дело не в стихотворении – оно просто стало поводом для глубокого философ-

ского высказывания казалось бы рядовой учительницы литературы. Но тот, кто становится причастен к литературе, перестаёт быть «рядовым» и становится личностью. Каждый из нас обладает внутренним компасом, инстинктом истины. Каждый из нас рождается, чтобы исполнить жизнью поручение, данное свыше. Вместе мы составляем живую ткань бытия. Это прекрасное чувство лично мне подарила Ассоциация.

Сергей ДОНБАЙ,

г. Кемерово

МЕСТО В СОДРУЖЕСТВЕ

Моё выступление прошу считать репликой-ответом на прозвучавший в докладе А. Кердана упрёк в адрес Кемеровской писательской организации.

Начнём с того, что приблизительно в то же время, когда зарождалась Ассоциация, мы, Б. Бурмистров, В. Баянов и С. Донбай, загорелись идеей издать антологию «Русская сибирская поэзия. XX век». И в течение пяти лет кропотливо собирали рукописи поэтов на пространстве от Урала до Тихого океана. Кемерово – не Москва, и мы понимали, что в одиночку нам такую книгу не потянуть. Обратились к сибирским писательским организациям, чтобы присылали рукописи своих поэтов, и к сибирским губернаторам – помочь финансово. Рукописи повалили к нам, а вот губернаторы не откликнулись на призыв. И мы поняли, что надеяться надо только на себя и на своего губернатора А. Г. Тулеева.

Когда книга была уже готова, мы стали членами Ассоциации и, несмотря на это (подчёркиваю, книга была готова), срочно включили поэтов Урала в антологию. То есть сразу подключились к работе в Ассоциации.

Наверное, вам понятно: создание антологии дело хлопотное, тем более – сибирской антологии, такую книгу ещё никто не делал. За это время и за эти деньги, которые нашими усилиями и благодаря поддержке губернатора Кемеровской области всё-таки нашлись, мы могли, как многие поэты из других регионов страны, выпустить свои толстые сборники стихотворений. Были и среди наших, кемеровских писателей недовольные: мол, зачем, лучше своих издавать. Но даже несогласные согласились, когда плод созрел.

Теперь немного о другом, но, по сути, всё о том же. В начале перестройки, когда в писательском содружестве в Москве и в провинции всё стало ру-

шиться, писатели Кузбасса решили для себя основное: если сохраним свой журнал «Огни Кузбасса», который издаётся с 1949 года, то значит, и сохраним свой Союз писателей, докажем, что мы нужны обществу не на словах, а на деле. И верность нашего направления подтвердило время. Опуская перечисление всех трудностей на этом пути, можно доложить уважаемой конференции: у нас четвёртый год выходит шестиразовый литературный журнал, который открыт для писателей всей России. Более того, мы декларируем в нём, что журнал проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также журналами других регионов России: «Наш современник» (Москва), «Всерусский собор» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» и «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Алтай» и «Барнаул» (Барнаул), «Бийский вестник» (Бийск), «Сибирь» и «Зелёная лампа» (Иркутск), «Дальний Восток» (Хабаровск).

Этот дружеский круг журналов действует уже несколько лет и расширяется.

Я недавно написал официальное письмо председателю СП России В. Н. Ганичеву с просьбой рассмотреть вопрос о присвоении журналу «Огни Кузбасса» статуса журнала писателей России. И к этому активно подключилась администрация Кемеровской области. А как же иначе: журнал – родное детище! И, отмечая в этом году 60-летний юбилей журнала, мы не только праздновали и вспоминали свои заслуги, но и провели двухдневное совещание главных редакторов сибирских литературных журналов. Пользу такого совещания, думаю, вы оцените.

Я рассказал вкратце о том, что мы, писатели Кузбасса, вносим в общее дело писательского содружества. Надеюсь, в этом ответе прочитывается и гармония писателей с властью, о поиске которой говорилось в докладе.

А теперь прямой вопрос А. Кердану: вы снимаете свой упрек в адрес писателей Кузбасса? (Ответ: Снимаю.)

Слева направо: С. Донбай, А. Кердан, В. Ерофеева-Тверская, В. Усманов в Нижнем Тагиле

**Сергей
ВДОВИН**

**АФГАНСКИЙ
СЛЕД**

Вдовин Сергей Александрович родился в Калтане Кемеровской области 28 сентября 1962 года. Окончил Новосибирский авиационный техникум. Служил в Афганистане в спецназе (1982–1984). Награжден медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги».

Стихи начал писать уже по возвращении из Афганистана, в 1985 году; увлекся и авторской песней.

Публиковался в калтанских и новокузнецких газетах. 117

В 2009 году Российский союз ветеранов Афганистана выпустил в свет диск Сергея Вдовина «Ну, сколько можно воевать?», в который вошли литературно-музыкальные композиции автора, военные баллады, лирические стихи и песни.

Сергей Вдовин живет в городе Калтане.

В феврале 2009 года в Калтане проводился первый городской открытый литературный конкурс «Афганский след», посвященный 20-летию вывода советских войск из Афганистана.

Обладателем Гран-при конкурса стал участник Афганской войны, поэт-калтанец Сергей Вдовин. Его стихи и песни покорили жюри, слушателей, гостей. Все стремились хотя бы немного побыть с ним, пообщаться, потому что настоящее мужество не спутаешь ни с чем, и оно притягательно.

Наверняка читатели журнала «Огни Кузбасса» испытают на себе силу пассионарности его личности.

Любовь НИКОНОВА

**СУМАСШЕДШИЙ
АВТОМАТ**

Я — автомат АК.
Блестят мои бока,
Но лучше бы мне было заржаветь.
Пусть молчу пока,
Но чья-то смерть близка:
Ведь я рожден, чтоб песню смерти петь.

Я — автомат АК.
И значит, мне рука
Прикажет вновь в кого-нибудь стрелять.
Короткий разговор,
На смерть взведен затвор,
Хочу иль не хочу я это знать.

Припев:
Не трогайте курка,
Не трогайте курка,
Мне от бессилья хочется кричать.
Не трогайте курка,
Не трогайте курка,
Я не хочу стрелять и убивать!

Я не хочу стрелять,
Я не хочу стрелять,
Но как об этом и кому сказать.
Мне б разучиться петь,
Мне б напрочь онеметь,
Мне б, гарью поперхнувшись, замолчать.

Но дослан в ствол патрон,
Как кость мне в горле он,
Наперекос пошел бы хоть один.
И крепкая рука
Вновь жмет мои бока,
И душу давит полный магазин.

* * *

Задавлен темнотой
На дальней сопке пост.
Пунктирной чертой
Под ним бетонный мост.
Чужая сторона,
Чужой развал дорог,
И нервы — как струна,
И командир так строг.

Слипаются глаза,
Но ночь еще стоять.
Эх, горькая слеза,
Нельзя, солдатик, спать!
Нельзя — один ответ.
От холода продрог,
Из дома писем нет,
И правый жмет сапог.

Задавлен темнотой
На дальней сопке пост.
Не спит, залит тоской
Окопчик в полный рост.

БУМЕРАНГИ

Коль генерал сказал: «Вперед!» —
Что ж, на войне как на войне:
Если на смерть отправил взвод,
Так значит, смерть теперь в цене.
А коль в цене — она придет,
Она не любит долго ждать,
Не худших — лучших отберет:
Она умеет выбирать.

Припев:
А мы с тобою бумеранги,
И обязательно назад,
Пройдя сквозь грязь, обман и морги,
Несем с собой войны заряд.

И если выстрелили нами,
Назад мы выстрелом летим.
И если топчут сапогами —
И мы навряд ли пощадим.

Коль генерал сказал: «Умри!» —
Что ж, стало быть, ему видней.
В глаза костлявой посмотри —
Не раз уж виделся ты с ней.
Не может родина не знать
Про жизнь солдатскую твою:
Она ведь Мать, она ведь Мать,
Не посрами же Мать в бою...

ТРОПКА К ДОМУ

Тропку к дому занесло,
Да не снегом, а песком.
Тропку к дому запуржило
Злым солдатским ремеслом,
Заглушило русским матом
Да багровой пеленой,
Подружило с медсанбатом,
С плащ-палаткою — женой.

Тропка к дому — крик печали
Да надгробная свеча.
Тропку к дому помечали
Цинк да запах сургуча.
Улетали в путь неблизкий
Похоронные листы,
Вырастали обелиски
Да могильные кресты.

Тропка к дому — дни и ночи —
Перечеркнуты войной,
Да скупая пара строчек:
«Здравствуй, мама, я живой!»
Тропка к дому — сны солдата:
Все когда-нибудь пройдет,
Все пройдет, и нас, ребята,
Тропка к дому приведет!

ЧУЖОЙ ОКОП

Окоп на войне у каждого свой,
А мне почему-то достался чужой.
Он мне не по росту, он мне мелковат.
Бог видит — не я в этом был виноват.

Он мне как рубаха с чужого плеча,
Эх, мать твою, Сашка, шепчу сгоряча.
Не вышло, видать мне, не выпала масть,
Так что ж теперь руки сложить и пропасть?

Нет, так не по мне, нет, так не пройдет,
Возьмусь-ка за дело: война любит пот.
Возьмусь-ка за дело, и вот уж чужой
Теперь мне по росту, теперь-то он мой.

Ну, что же ты, брат, меня не признал?
Ну, что же ты, брат, меня не пускал?
Уж коль так сложилось — ну, как теперь быть?
Ты хочешь — не хочешь, нам нужно дружить.

Уж коль так сложилось, — шепчу горячо, —
Подставь мне свое земляное плечо.
Теперь нам с тобой все делить на двоих:
И правду, и ложь, и своих, и чужих.

Теперь на двоих нам и отдых, и бой.
Теперь все делить до команды «отбой».
Шепчу и шепчу, а окоп все молчит,
Иль, может, сказал он, да сердце стучит.

Вздригнуло небо, и взрыва волна
Огнем ополла — не кружкой вина.
Окоп не сберег
И, склоняясь надо мной,
Послышалось мне, он ответил: «Чужой!»

* * *

Колеса, колеса, колеса, колеса стучат.
Вагоны, вагоны, вагоны, вагоны спешат,
А я без билета на полочке верхней лежу.
Идет проводник, я, наверное, скоро сойду.

Делюсь сигаретой и хлебом с попутчиком я.
Одно же ведь небо, одна же под нами земля.
Ну, что нам делить,
разве дело во рваных рублях?
Ты скажешь: не так — ради бога!
пусть будет не так.

Пусть будет не так,
но за деньги не купишь рассвет,
Не купишь «прощай»
и не купишь от друга «привет»,
Не купишь заката, не купишь полета шмеля.
Не я так придумал, но это приветствую я.

Колеса, колеса, колеса, колеса стучат.
Вагоны, вагоны, вагоны, вагоны спешат,
А я без билета на полочке верхней лежу.
Идет проводник,
я в ромашковом поле сойду.

* * *

Дождь которую неделю льет и льет,
А лесник Потапов Федор водку пьет.
Пьет и пьет, да не хмелеет — вот беда,
Стала водка под дождями как вода.

Что же ты, Потапов Федор, пьешь и пьешь?
Отчего к своим зверушкам не идешь?
Без хозяйского без глаза вор полез,
Если ты не доглядишь — погибнет лес.

Что у Феди приключилась за беда?
Может, все его напасти — ерунда?
Может, время коротая, солнца ждет?
А может, просто захотелось — вот и пьет.

Сергей ПОДГОРНОВ

ВЕШКИ

Влечение к сочинительству началось у меня с небольшого эпизода.

За окнами зима, я первоклассник, играю дома в комнате на полу. По радио идет детская передача. Вдруг слышу чьи-то стихи. Стихов к этому времени я знал много — мать не скупилась на книжки Михалкова, Барто, Заходера. Но там я отчетливо сознавал, что эти стихи написаны взрослыми для ребятшек. А тут как будто такой же восьмилетний человек говорит о своем, и у него получается невероятно складно. Ни чьи это стихи, ни о чем они — я сейчас не помню, однако они настолько потрясли, что я взял лист бумаги и карандаш и тут же, немедленно изобразил два стихотворения. Одно быстро выветрилось, а второе — вот оно:

КОРАБЛИК

*В синем море
по волнам
ходит маленький кораблик.
Вы не знаете, что там
ветер ходит по волнам,
где нет ничего,
кроме дерева одного
да гор.*

С той давней поры я написал несколько сотен грамотных стихотворных строк, большую часть которых забыл напрочь, а эта нескладушка — до сих пор в голове. Не устаю удивляться: до чего загадочно устроена наша память.

Но вернусь к истокам. Во втором классе я уже закончил первое собрание сочинений — тетрадку в линейку в двенадцать листов. Матушка, единственная моя читательница, велела показать тетрадку учительнице. Помню, как Вера Степановна Коптева бегала с тетрадкой по школе и показывала ее другим учителям. Девочки поглядывали на меня

с любопытством, но я был безнадежно мал, чтобы воспользоваться внезапной славой.

В четвертом классе первое стихотворение опубликовала городская газета, а в седьмом, когда на счету было уже с десяток публикаций и звание «поэт» прочно прилипло ко мне, редакция объявила о создании литературной студии. Естественно, я сразу помчался туда записываться. Студийцев набралось по объявлению человек пятнадцать в возрасте от двенадцати до семидесяти пяти. Народ был весьма диковинный. Один пенсионер явился с гармошкой и все порывался петь свои сочинения.

Руководил студией Николай Иванович Теплов, корреспондент газеты и сам не чуждый творчества. Это был самостоятельный поэт с диапазоном от лирики до первомайских поздравлений. Стихи его имели определенную бойкость, как и сам автор. Тогда (да и не только тогда) считалось, что среди знаковых качеств поэта непременно должна быть сексуальная озабоченность. Или, возвышеннее сказать, — стойкая влюбленность во всех женщин и девиц сразу. Однажды это сыграло с поэтом злую шутку. Молодая корректорша, уязвленная охлаждением чувств, в строчках «Я, как челн / Среди волн» поменяла местами две буквы. Корректоршу с треском выгнали из редакции, и, думается, зря, поскольку читателей долго волновал могучий образ, а слава и популярность Теплова только возросли.

Николай Иванович не силен был в теории, и занятия проводились так: «Вот эта строчка хорошая, вот эта похуже, а эта совсем плохая». Мастерство заключалось в том, чтобы набрать побольше хороших строк и выбросить плохие. Позже я видел и другие студии, где главенствовал аналогичный принцип. Сейчас могу сказать: нет ничего губительнее для начинающего, чем подобное обучение. У людей, не искушенных в поэзии, отсутствуют ясные критерии — что такое хорошо и что такое плохо. Внимая их наставлениям, начинающий топчется на месте, не ощущая собственного развития и теряя интерес к работе со словом... Студия продержалась года полтора и тихо развалилась, так и не выявив ярких дарований.

После школы был отъезд во Владивосток и поступление в университет. Поскольку таланта не обнаружилось, я решил: нечего множить ряды посредственностей. Со стихами было покончено, а навыки сочинительства вспоминался иногда для сугубо утилитарных целей — для рифмованных посвящений к свадьбам и дням рождения. Эта пора продолжалась до двадцати шести годов.

А потом одновременно сошлись несколько обстоятельств, заставивших вернуться к забытому увлечению. Выделю два. Первое — я окончил универ-

ситет, попал в конструкторское бюро и стал ходить в море. Появилась масса новых впечатлений, им требовался выход. Второе – семейная жизнь развалилась, переживал я это тяжело, и, чтобы не запить, надо было срочно чем-нибудь занять голову. Так неожиданно для себя я вновь взялся за стихи. В грубоватые строчки косяком пошли свинцовые облака, штормовые волны, а также уловы палтуса и минтая. Рыбацкая газета опубликовала мою подборку, чем укрепила во мне: я на верном пути.

Но какой пишущий не жаждет признания у собратьев по перу? Однажды в передаче местного радио промелькнуло сообщение: литературная студия, которой руководит известный приморский поэт и член Союза писателей, приглашает желающих пополнить ее ряды. Вот только дату я не запомнил. Где находится помещение Союза, я уже знал и следующим вечером после работы отправился туда. Пожилая женщина – не то вахтер, не то уборщица – встретила меня словами: сегодня занятий нет, а вот такого-то числа в такое-то время все поэты тут и соберутся.

Здесь необходимо маленькое отступление. В давние, доперестроечные времена во Владивостоке под одной крышей писательского Союза существовало две литературные студии. Одной руководил тот самый известный член СП, была она идеологически безупречной и любимой крайкомом комсомола (правда, стихи ее авторов отличались удивительной серостью). А другая была не то чтобы диссидентской, но сторонившейся идеологии с ее непереносимой казенщиной, и более трепетно относилась к слову. То ли старушка, то ли сама судьба направила меня именно во вторую студию.

Был конец марта 1983 года. Собралось человек двенадцать. Двое – руководитель студии Саша Радушкевич и Раиса Мороз были постарше меня, остальные – парнишки лет по восемнадцать-двадцать. Я подготовил подборку стихотворений, которая тут же пошла по рукам. Пока студийцы шелестели листочками, я вкратце рассказал о себе. Меня спросили: каких поэтов ты любишь? Я назвал нескольких обязательных классиков.

– А из современных?

Я признался, что современную поэзию знаю плохо.

– Но кого-нибудь читал в последнее время?

– Читал, – говорю. – Феликса Чуева.

И еще одну фамилию назвал.

Задорное молодое ржание грянуло в ответ.

Затем началось обсуждение. Сидевшие за длинным столом говорили по очереди. Пух и перья полетели от моих стихов. Клевали их без злобы, с каким-то даже сожалением и досадой, что пришлось отвлекаться на такую лажу. Все примитив-

ное, взгляду не за что зацепиться!.. И это они про мои стихи? Про стихи, в которых были не просто траулеры и волны, но и много милых сердцу деталей? У меня там и траловые доски отцеплялись после траления, и кухтыли гремели, когда ваера наматывались на лебедку, и мешок с рыбой вползал по слипу на палубу. А они вот так про мои стихи – да?.. Когда кто-то напоследок предложил: а не запретить ли ему писать? – я готов был много разного сказать в ответ. Но тут руководитель студии выразился в том духе, что, может быть, не все потеряно, что даже попугай может научиться подражать человеческому кашлю и что пусть походит, если есть желание. Мне же от стыда и гнева ни на кого не хотелось смотреть. Позже, вернувшись в комнатушку, которую снимал, я еще раз перечитал свои вирши. Вспомнил, что мне про них говорили и, как ни тяжело было, все-таки согласился: эти пацаны правы. Мелко, неинтересно, убого.

И началось мое ученичество.

Оно было своеобразным. Стихов в студию я больше не носил. А носил я их на дом руководителю – Саше Радушкевичу. Он сам виноват. Он предложил: если появится что-нибудь новенькое – давай прямо ко мне. Это было что-то типа вежливости, а я тут же взял у него адрес и дня через три явился с пачкой свежих стихов. Он очень удивился, что я так буквально его понял, но пригласил войти.

127 Круг Сашиных домочадцев оказался невелик: жена Люся и молчаливая дочка-школьница. Была еще старая собака колли. Собака, глядя умными и печальными глазами, положила голову мне на колено, а Саша взял карандаш и в пять минут перечеркнул крест-накрест все мои сочинения. Дальше состоялся разговор. Суть его приблизительно была такова: многие думают, что писать стихи – это как птичке божьей чирикать: сплошное удовольствие и никаких усилий. На самом деле – это серьезный и кропотливый труд. Прежде чем сказать что-то свое, надо знать, что до тебя сказали другие. А также иметь хотя бы некоторое представление о литературных школах и чем они друг от друга отличаются... Сейчас-то я понимаю, что ничего неожиданно в его словах не было, но тогда все услышанное являлось новостью. А еще Саша продиктовал список авторов, чье творчество следует обязательно усвоить, и дал с собой две или три книги.

Он так и произнес: «усвоить», а не «прочитать». Разницу я уловил чуть позже, когда в очередной раз пошел в море. Мой товарищ был ярый любитель книг. Маленькую судовую библиотеку он за четыре месяца одолел полностью. Любой толщины роман проглатывал за день-полтора. Правда, уже через неделю не помнил прочитанное. Оно пролетало сквозь него без всякого усвоения. Если бы

рейс продлился еще четыре месяца, он с тем же успехом мог бы взяться за эти книги по новой.

А я начал усваивать. Причем не только стихи, но и литературоведческие работы – первой была выданная Сашей книжка Е. Эткинда «Разговор о стихах». Как и всякий поверхностный читатель, я многого в стихах просто не видел. Даже зная некоторые наизусть, не представлял всей глубины их. С. Ломинадзе уделил разбору лермонтовского «Паруса» несколько (!) страниц. И все – по существу. Меня это потрясло: в давно знакомом – столько нового! Я покупал книги. Мне больше нравились свои, а не взятые в библиотеке или у Саши. В своих можно было подчеркивать карандашом то, что зацепило, привлекло необычностью суждения. Здесь я оставлял на полях замечания, соглашаясь или не соглашаясь с автором. Просматривать такие книги по второму и третьему разу было легко – там уже стояли мои опознавательные знаки. А из тех, которые не мои, я делал выписки и складывал в папку. Делать выписки и потом время от времени перечитывать их вошло в привычку. С годами папка распухла, и ее пришлось рассортировать. Выписывать я не ленился. Да ведь и было что, особенно когда рухнули идеологические запреты. Из «Прогулок с Пушкиным» А. Синявского набралось на восемь страниц убористым почерком, из «В тени Гоголя» на двадцать с лишним...

Одновременно сочинялись стихи. И хотя ни одно стихотворение той поры не уцелело – осталось общее воспоминание о них. Это была песня северных народов: что вижу – то пою. Ни мысли, ни чувства. Тогда, однако, мне так не казалось. Раз в неделю я приносил Радушкевичу до десятка новых опусов. Поначалу их судьба была одинакова: Саша крест-накрест перечеркивал каждую страницу. Когда я, был случай, защищая их, понес наивную оклеветку, Радушкевич сказал:

– Давай условимся: пока я понимаю в этом деле больше, чем ты. Поэтому слушай, что говорю. Когда наберешься опыта – тогда будем спорить, а сейчас рано.

Саша был терпелив. Я, к примеру, если слышу или читаю откровенную чушь, то неизменно раздражаюсь. Радушкевич и виду не подавал. Зачеркивая, говорил:

– Я тебе показываю на твоём примере, как не надо писать.

Однажды я не выдержал:

– А как надо?

И услышал:

– А вот этого я не знаю. Тебе самому предстоит определиться...

Вот оно что! Я-то думал, что меня всему научат, расскажут и подскажут, и мне останется только со-

чинять блестящие стихотворения и одну за другой выпускать книги... Это была не первая из разрушенных иллюзий и далеко не последняя. Окружающий мир спокойно обходился без моих стихов, мог обходиться и дальше. Если я начал сочинять – это нужно для меня. Конечно, я могу не напрягаться и продолжать как умею, но настоящая поэзия – все-таки нечто иное.

Месяца через два в моих сочинениях что-то сдвинулось. Стихи Радушкевич перечеркивал не полностью, отдельные строки оставлял нетронутыми. Саша объяснял это так:

– Вот здесь у тебя не тривиальная мысль. Вокруг нее может нарасти стихотворение.

Или:

– Вот эта картинка довольно любопытна. Тут бы подумать – напрашивается несколько вариантов развития.

Но думать было некогда. Я хотел добиться того, чтобы, как у Бальмонта, стихи получались сразу, целиком.

Вскоре, получив свежую пачку виршей, Радушкевич сказал:

– Ты почему над старыми не работаешь? Стихи надо вытягивать.

– Зачем?

– А затем, что удачные складываются иногда месяцами – пока каждую строчку не отточишь.

И я взялся вытягивать. Для начала решил вникнуть, что Радушкевич отбрасывает, а что оставляет. Иную «хорошую» строчку или образ – для меня несомненный – безжалостно вычеркивал. А какая-нибудь мелкая деталька, которой я и значения не придавал, удостаивалась положительной оценки. Вскоре я постиг принцип его отбора: он выделял все, что имело хотя бы едва уловимые зачатки индивидуальности – во взгляде на окружающее, в интонации ли. Подтверждая мою догадку, Саша сказал однажды:

– Стихи, по сути, не главное. Главное – иметь свое, творчески сложившееся мировоззрение. Если оно есть, то, о чем бы ты ни думал, это становится интересным. А стихи уже вторичный продукт...

С этого момента я взялся носить ему переработанные вирши. Некоторые переписывал до десятка раз. Вершиной такой отделки стало стихотворение, в конечном варианте которого не сохранилось ни единого слова из первого варианта. Но главное – оно заметно улучшилось. Однако это было потом. А пока мне казалось, что я топчусь на месте. Временами я отчаивался, полагая, что у меня никогда ничего не выйдет. Саша понимающе усмехался.

– Почему ты решил, что каждое последующее стихотворение будет сильнее предыдущего? Ты сейчас многое узнаешь, знания накапливаются, од-

нако проявляется такое накопление не сразу. Продолжаешь писать вроде бы как раньше, и вдруг в какой-то момент — рраз! — и качественный скачок. И ты уже на другом уровне, на ступеньку выше.

Не забыть, как довольный он хмыкал в бороду, обнаружив следующие строки:

*Кто-то в небе облако иглою
колет, и не выйти без плаща.
Дай же сентябрю смести метлою
все, что май недавно обещал.*

— Вот видишь, — приговаривал он, — вот видишь! Разве с такими стихами ты пришел в первый раз?

Действительно, я вскоре и сам начал различать эти свои скачки. Только ступеньки были невысокие.

Глядя отсюда, из сегодняшнего дня, я понимаю, как мудро поступал Саша. Он помогал выявить присущее только мне. Учитель не тот, кто пытается исходя из своих, пусть даже исключительно верных представлений сломать и переделать твоё сознание; не тот, кто указывает: надо вот так и никак иначе. Учитель тот, кто рядом с тобой расчищает место от хлама, подготавливает почву и создает условия. И если у тебя есть зернышко способностей — оно обязательно прорастет. А если еще и талант даруется свыше, саженец обретет и ствол, и крону. Все должно происходить без нажима, естественно. Саша вел себя как древний китайский философ, хотя ничего китайского в нем не было.

Миновало полтора года. В студии я уже числился в старательных середнячках. Открытий от меня не ждали, но считали, что я иногда способен выдать одно-другое любопытное стихотворение.

Однажды Саша объявил:

— Я показывал твои стихи Юрию Кашуку. Он сказал: приведи его. В субботу мы к нему ходим.

Юрий Кашук — это особая, знаковая фигура в приморской литературе. И сейчас, спустя многие годы после смерти, его имя там на слуху. А тогда он был для студийцев авторитетом. Не дутым авторитетом. Это о стихах молодого Кашука лестно отзывался (чему есть письменные свидетельства) молодой Николай Рубцов, поэты были знакомы лично. Его знали Давид Самойлов и Евгений Евтушенко, а Виктор Астафьев однажды процитировал его строки в Кремлевском зале. Это Кашук помог раскрыться и засверкать яркому таланту Геннадия Лысенко. В общем, для студийцев он был «старик Державин» — такое примерно к нему было отношение.

Тот первый визит я помню не в деталях, но достаточно хорошо. Мы взяли бутылку красного вина — семисотграммовый «огнетушитель», какую-

то простую закуску и отправились. Кашук встретил нас один. Он жил в центре города, выше ГУМа, в старинном доме. Квартира была с высокими потолками. В прихожей — самодельные деревянные полки, от пола до самого верха забитые книгами. Такие же полки с книгами в кабинете. Мы расположились на кухне. Хозяин хлопотал. Вино он использовал не как готовый продукт, а как полуфабрикат: вылил в чайник, добавил воды, сахара, пряностей и начал варить глинтвейн. Раз за раз в своей жизни я пил глинтвейн, и все три раза на этой кухне. С закуской мы поступили проще: порезали на ломти и кружочки все, что принесли.

Кашук был слегка возбужден и говорил без умолка. Это была своеобразная речь. Такую манеру разговора я лишь однажды, много позже, видел по телевизору. В документальном фильме о Бродском в Венеции. Бродский высказывал какую-нибудь исходную мысль и развивал ее. Процесс развития происходил прямо на глазах. В живую я это видел впервые. С непривычки такое общение вызывало оторопь. Я молчал, Саша поддерживал беседу отдельными репликами. Так состоялось мое знакомство с Юрием Иосифовичем Кашуком.

Изредка я стал бывать у него.

В отличие от Радужкевича, Кашук был строже. Хотя, надо признать, в его доме царил своеобразный, непривычный демократизм. Однажды мы нахаживались в кабинете, Кашук курил, читая мной принесенное. Вошел сын, попросил папиросу. Тут же закурил и вышел. Обычная сценка. Только сын в то время учился в восьмом классе. Тогда при родителях курить в таком возрасте было не принято...

Однако демократизм Кашука на отношение к стихам не распространялся. Собираясь к нему, я отбраковывал те вещицы, в которых сомневался сам. Это с Сашей можно было приятельствовать, а дистанцию с Кашуком я чувствовал всегда. Ему какую-нибудь недоделку не покажешь. В первый год я понемногу прибавлял. Кашук ворчал, что слишком медленно. Однако с его подачи две подборки моих стихов были опубликованы в журнале «Дальний Восток».

А потом... все куда-то рухнуло.

Я и сейчас не могу понять, что случилось. Было ощущение, что я разучился писать. Строчки выходили бескровные, натужные. Я старался уверить себя, что это временно, что такое состояние, как тромб, можно продавить. Чем меньше у меня что-либо получалось, тем больше я рифмовал.

Кашук все чаще хмурился, злился, но, видимо, тоже еще надеялся. Раздражение его выплескивалось наружу. Про мелковатые, гладко написанные стишата сказал:

— Таких полно во многих журналах.

Вот так да! Я-то полагал, что цель моя — не только писать, но и публиковаться. А вышло, что это — не главное. Главное, чтобы стихи были на максимально возможном уровне, а опубликуют или нет — дело десятое.

Еще случай. В другом моем сочинении кто-то из лирических персонажей крестил свой рот. Кашук едко заметил:

— «Свой» здесь неуместно! Чей рот можно еще крестить? Соседа что ли?

Я единственный раз пытался возразить:

— Но ведь и у Есенина так же.

— Где? — потребовал Кашук.

Я по памяти прочел:

— «И бабка грустное, степное пела, / Порой зевая и крестя свой рот»...

— Плохо! — отчеканил Кашук, даже не дослушав.

И я понял: нельзя слепо и безоговорочно принимать все, написанное великими поэтами. Нельзя к содеянному ими подползать на карачках. Надо и самое талантливое рассматривать, не смущаясь позолоты, — пользы от этого будет больше... Сейчас такой подход для меня обычен, а тогда — как можно! Классика ведь!

Был и такой момент. Приложился я к теме могил и могильных крестов. Написал про кладбище. Бездарно написал. Еще и старину приплел. Кашук раздраженно бросил:

— Не кладбище, а клАдбище.

И тут же прочел четыре строчки с неправильным словом. Там было такое: «На кладбище / Кто-то дришет». С тех пор про клАдбище запомнилось так, что с мясом не вырвать. А привычка заглядывать в словарь при всяком сомнительном случае пошла именно отсюда...

О чем говорят три этих не слишком значительных случая? Да о том, что меня, как котенка к порядку, приучали к самоконтролю, приучали внимательней относиться к слову и не писать что попало.

Как и всякий настоящий мастер, Кашук понимал стихи изнутри, видел их кровеносные сосуды, их нервную систему. Однажды я накатал нечто в подражание Геннадию Лысенко — трудно было хоть на время не попасть под обаяние этого до сих пор мало оцененного поэта. (Кстати, подражать на первых порах — нормальное явление. Когда учишься стихосложению, чьих только одежд на себя не примеряешь.) Но подражание вышло неубедительным. Кашук внятно объяснил, почему мне далеко до Лысенко:

— Лысенко стремительно развивает мысль и, когда логический конец ее очевиден, делает щелчок, поворот, направляет мысль в новое русло —

и тут же обрывает. Стихотворение остается открытым, получает множество толкований. Сочинять, как Лысенко, — большой талант нужен.

За точность слов не ручаюсь, но смысл передаю верно.

Таковы были мои университеты...

Нет в живых ни Саши Радушкевича, ни Юрия Иосифовича Кашука. Светлая им память. Я не оправдал их надежд — не вышел из меня стихотворец, мне неловко перед ними. Могу сказать только, что полученные уроки не пропали. То, что я воспринял у них, много раз пригодилось в дальнейшем.

...В конце мая 1987 года я вернулся в свой город. Дальневосточный кусок жизни остался позади. Началась новая страница. Самостоятельная. Которая длится по сей день.

После возвращения я устроился корреспондентом в городскую газету. Требования в редакции были простые: писать быстро, много и по возможности интересно. Эти три составляющих не всегда удавалось совместить. Наставления моих учителей вспомнились и тут. Качеством материала я жертвовал в последнюю очередь.

Скоро я начал общаться с местными стихотворцами.

Когда человек сочиняет в рифму, чтобы порадовать родственников и сослуживцев, — это надо только приветствовать, и требований к такому сочинителю не может быть никаких. И совсем другое дело, если он вознамерился обнародовать свои стишки в печати. Тут уже и требования, и все остальное.

Желающих заявить о себе стихотворцев оказалось с избытком. Они были городские, заводские и районные — один новый знакомый так и говорил: «В районе стекольного завода очень много хороших поэтов». Вся пишущая братия кружилась возле редакции. Газета давала каждому свою ложку славы и небольшие гонорары. Люди, приносившие подборки стихов, были разными по возрасту и положению, однако за исключением этих частностей они были поразительно похожи.

Когда-то я недоумевал: отчего талантов много в столице и мало в провинции. Позже догадался. Это как в спорте. Приходят, допустим, два маленьких мальчика в секцию для прыжков в высоту. У обоих примерно одинаковые способности. Но в одном случае дело происходит в Москве, в другом — где-нибудь на периферии. Москвича сразу тренируют с прицелом на 2.30 и олимпийскую медаль, а его ровесника — с расчетом на 1.80. Проходит время. Москвич, допустим, берет всего 2.15 и в сборную не попадает, а провинциал со своими 1.80 огребаёт призы на районных соревнованиях. Выходит, провинциал — счастливчик, достигший цели? Вроде

бы, да. Но! Даже неудачник из столицы никогда не воспримет всерьез районного чемпиона. И он прав. Потому что провинциал упивается ничтожными победами, а цена им за пределами района — грош.

С графоманами так же. Они упорно не желали развиваться, хотя некоторые сочиняли яростно и много. Я был занудой, я приводил примеры. Я говорил: вот два гитариста. Терзают струны по три часа в день. Но один в подъезде за перебором трех аккордов, а другой в музыкальной школе за постижением нотной грамоты и всего остального. Через год первый, который в подъезде, так и бренчит три аккорда, а второй исполняет сложные пьесы. Вы понимаете, говорил я, усилия одни, а результаты — разные. Надо, чтоб усилия давали улучшение результатов. Я твердил: поэзия — сродни науке. Она точней математики. В математике от перемены мест слагаемых сумма не меняется. А в стихотворении от перемены мест слов разваливается все. Надо учиться слагать стихи помещенными в нужное место словами и не избитыми смыслами... Я повторял это и повторял и слышал в ответ: «А зачем?» У этих счастливых людей было железное убеждение, что ничего читать и усваивать не надо, что своего «нутряного» голоса вполне хватит, да и таланта имеется в самый раз! Только вот желательно, чтобы в газете чаще печатали, а то не так часто, как хотелось бы... За девять лет я достаточно насмотрелся на певчее воронье и самобытных чижики. Определение «поэт», которое они с легкостью присваивали себе, стало внушать мне стойкое отвращение.

А тут подкатили бурные перестроечные годы, когда натомившееся в очередях население по вечерам прилипало к экранам телевизоров, дивясь неслыханным доселе речам. А после городок и сам забурлил. И мне как газетчику повезло. Митинги, собрания, рабочие комитеты — в разных местах приходилось бывать. Из самых низов вынырнули новые люди, новые вожаки. Однако большинство оказалось не лучше старых. И если у столичных перестройщиков умение держать лицо помогало скрыть истинные намерения, то здесь во многие физиономии было прямо-таки впечатано — чего они хотят и сколько. И все чаще приходила мысль: вот бы это перенести на бумагу!.. В январе 91-го я начал «катать рОман». Я описывал то, что происходило вокруг — и в редакции, и на митингах, и в городском рабочем комитете, и на собраниях депутатов. Несмотря на придуманные имена и неизбежный вымысел, основу я сохранил. И картина развернулась феерическая! Одновременно на последнем «поэтическом» дыхании я выпустил две тонкие книжки стихов.

В 1996 году, в марте, мой роман был готов. В него легли все мои отпуска, большинство выход-

ных дней, а также вечерние часы. Я его переписывал от руки, не помню, сколько раз и раз пять перепечатывал на машинке. О работе над ним я помалкивал. Отчасти из сомнения: вдруг да моя писанина кроме меня никому не будет интересна? Последнюю перепечатку закончил в первых числах мая. Желая услышать оценку многолетнего труда, я приволок свое детище на работу. В качестве первого критика выбрал сотрудницу, с которой мы провели в одном кабинете почти девять лет. Выбрал и, волнуясь, как всякий автор, вручил... Стояли чудные весенние дни. Небо так долго было голубым и прозрачным, что исподволь навевало мысли о грозе.

И она грянула! Моя коллега прочитала роман, пришла в ужас от изображения редакции (остальное для нее было неважно), перенесла на листочки все, что ее впечатлило, и с этими листочками втайне от меня пошла по кабинетам.

Через несколько дней была летучка. Обсудили газетные дела, а затем редактор объявила: «А теперь мы попросим нашего коллегу дать объяснение тому, что он написал». Вот оно как! Я-то ведь даже не догадывался, что последние два-три дня мой роман, так подло раскрытый, является предметом горячего обсуждения и что оценка, которую я ждал, уже вынесена — и ему, и мне. Надолго запомнил я это сборище. Обличители пылали гневом! «Как ты смел!», «Кто позволил!», «Гнать его!»

И я ушел. Меня даже любезно освободили от обязательной двухнедельной отработки.

Поначалу я недоумевал: что ж я там такого страшного про редакцию написал? И понял: написал я действительно страшное. Я нарушил одно из главных негласных табу. Не знаю, как в других редакциях, а в той, где я работал, сотрудники исповедовали, как бы это поточнее сказать, одновременно несколько правд. Одна правда была для читателей, другая — для коллег, третья — для подруг, четвертая — для мужа... И т. д., и т. д. И уж какая там, не знаю, по счету — для себя. На каждый случай имелась своя, определенная правда. Часто разные правды наезжали друг на друга, переплетались, смысл двоился. В ходу были эзопов язык, довольно сложный. То, что говорилось на летучке, моя соседка затем расшифровывала в кабинете. В первые месяцы работы она объясняла мне, что на самом деле означают слова той или иной сотрудницы. А когда много правд — это, как я и теперь думаю, обыкновенная ложь, с которой сжились и которую не хотят трогать. И перед кривым зеркалом, оказывается, можно принимать такие позы, что будешь выглядеть вполне сносно... В романе я убрал кривое зеркало, а поставил прямое. Ну — и какой реакции можно было еще ждать?

Три месяца я безуспешно искал новую работу. Было то время, когда одни предприятия уже закрылись, другие были на грани остановки, а те, что еще как-то функционировали, давно прекратили прием новых кадров. Задержки зарплаты, в отличие от зарплаты в благополучной редакции, исчислялись месяцами.

Я никак не мог уразуметь: зачем судьбе было так подставлять меня? С какой стати?.. У меня с судьбой добрые отношения. Те неприятности, которые, как и у любого, выпадают, в конечном итоге идут мне на пользу. Судьба, правда, иногда прибегает к услугам людей нечистоплотных, но это неизбежные издержки. Сказать, что некие граждане или даже целые коллективы отрицательно повлияли на мою жизнь, значит ни во что не ставить свою судьбу. Что это за судьба, если кто-то управляет вместо нее? И потом: я расслабляюсь, как правило, в те моменты, когда вокруг меня все хорошо. А вот когда обстоятельства тякают по голове, я, наоборот, собираюсь. Но тут я не понимал, какой сигнал пытается подать мне судьба.

Через три месяца я наконец устроился на стекольный завод в конструкторский отдел и стал членом нового трудового сообщества. Здесь было все по-другому. Работники завода жили как при коммунизме: денег стекольщикам совсем не платили. Не из чего было. Завод умирал. От полного коммунизма нас отделяла сущая мелочь: спали мы все-таки не под общим одеялом. Иногда сюда завозили бросовую одежду и кое-какие продукты. Однажды, помню, принес я домой пятнадцать килограммов налимов и наелся их на всю жизнь вперед.

С рифмованием тоже ничего не получалось. Дошло до того, что я попытался сочинять юмористические стихи и от полной безысходности послал подборку в журнал Жванецкого. (Каково же было мое изумление, когда одиннадцать лет спустя я случайно обнаружил в Интернете, что вся подборка из четырех стихотворений была напечатана. Счастье, что мне из журнала об этом не сообщили. Иначе бы я потерял голову и мог всерьез удариться в рифмованный юмор.)

Работы в конструкторском отделе было немного. Женщины коротали часы как могли: пили чай, вязали, читали романы. Я тоже начал носить из дома книги. Поскольку обдумывать прочитанное вошло в привычку, я брал лист бумаги, разрезал на несколько мелких прямоугольничков и на них записывал то, что приходило в голову. Прямоугольнички затем бросал в стол. Часто обходился и вовсе без книг: думал, записывал и оставлял в столе.

Постепенно приходило понимание, что если ты забрался на какую-то вершинку и хочешь подняться на следующую, то для начала с этой, с первой,

надо спуститься. В результате безуспешные попытки стихосложения прекратились сами собой. Еще я понял, что если мой роман потряс до такой степени, то прозаическим глаголом я тоже могу кого-нибудь жечь. В сущности, писателем в тот момент я еще не был. Если бы моя коварная коллега поступила так, как я предполагал: прочла, не подняла бы шум, а сказала: молодец, продолжай в том же духе, я бы, скорее всего, успокоился, положил рукопись на полку и всякое сочинительство прозы тут же бросил. Судьба не просто из редакции меня вытолкнула — она толкала меня в писатели.

Между тем прямоугольничков в столе накопилось много. Я собрал их, отнес домой и сложил в картонную коробку.

А вскоре меня из отдела отправили мастером на промывку песка. На месяц. Тут же, на заводе. Работа была несложной: бригада из нескольких человек забрасывала песок в бункер и следила, как он промывается от глины. Когда под конвейерной лентой образовывалась горка промытого песка — бульдозер ножом сдвигал ее в сторону. Скучная работа. Неинтересная. Хлопцы в основном чифирили или спали. В ночное время иногда появлялся проверяющий и следил: насколько мы трезвые.

Месяц пролетел, я вернулся в конструкторский. Все пошло по-прежнему. Опять прямоугольнички в стол, потом — домой, в картонную коробку.

Однажды вечером я эту коробку перевернул и принялся за чтение. Там были отрывочные мысли и фразы. А поскольку писались они по разным поводам и в разном настроении, я подумал, что произносить их могли бы непохожие по характеру люди. Но где? В каких условиях? Этих непохожих людей следовало собрать вместе и не загружать непрерывной работой — чтоб для разговоров хватало времени. И тут я вспомнил о промывке песка.

И стали у меня работяги философами. Так родилась первая повесть, которая через три года была опубликована.

Стекольный я покинул в августе 99-го, перед закрытием завода. Новое место нашел в водоканале.

Период с 2000 по 2006 год оказался плодотворным. В журнале «Огни Кузбасса» опубликованы пять моих повестей. Может быть, это не так много, но при затратном методе работы — все равно плохой результат.

Затратность заключается в том, что сырьем для текста по-прежнему служит то, что отрывочно надумал и зафиксировал шариковой ручкой. Но теперь вместо клочков бумаги — записные книжки. И дневники. Примерно девять десятых из этого никуда не годится, но из остального выстраивается картинка. Повесть не пишется по порядку от нача-

ла до конца, она возникает одновременно: кусок в конце, кусок в начале, кусок в середине. Я вожусь с той главкой, с которой мне в данный момент интересно, где я вижу изъяны, которые можно поправить. Отношение к тексту, как в детстве к любимой игрушке, — забавляешься, пока не надоест. Или пока не увидишь, что лучше уже не получится. А дальше можно или отложить на время, чтобы потом вернуться, или отдать в печать. Сюжету при таком сочинительстве отводится очень скромная роль.

У меня давно уже не вызывают интереса те вещи, которые построены исключительно на сюжете. На мой взгляд, в основе добротного текста не сюжет — кто куда пошел и что при этом сделал, — а личное и оригинальное восприятие событий самим рассказчиком. Я тоже пытаюсь следовать этому. И хотя полного отождествления между автором и основным персонажем нет и никогда не бывает, присутствие автора в тексте должно быть ощутимым. К вымышленному герою меньше доверия. Но просто объявиться на страницах и сказать: «Вот он я», — недостаточно. Не могу согласиться с А. Генисом, который утверждает: «В неразборчивую эпоху тотальной мобилизации и оружия массового уничтожения личность утратила свой прежний смысл и статус... Закат индивидуальности острее всего чувствуют сами художники... Сегодня художник уже не хозяин, а слуга механически размножающихся и постоянно сменяющих друг друга образов. Стремительный и могучий поток имиджей топтит любую индивидуальность, не давая ей проявить своеобразие и оригинальность...» Прямо-таки уж и топтит. Взыскательные читатели (к коим отношу и себя) и сегодня с неменьшим упорством, чем раньше, выискивают тексты, имеющие своеобразие и оригинальность, — зачем на другое время гробить? Выискивают и находят. Не все еще индивидуальности утопи! Я бы определил таких штучных прозаиков как субъективных реалистов — в их текстах жизнь хоть и узнаваема, но до нужного писателю градуса разогрета и под собственным соусом подана. Вроде, знакомое блюдо, но в нем новые ингредиенты. И вкус уже иной!

Калорийность подобных книг такова, что к ним возвращаешься вновь и вновь.

Местонахождение главного персонажа тоже играет не последнюю роль. Я думаю, что принял верное решение вернуться с Дальнего Востока туда, откуда начал путь. Изрядно насмотревшись на морские пространства, где две огромные стихии — водная и воздушная не содержат ничего лишнего, я понял, что для меня лучше ограничиться небольшой территорией, напичканной мелкими деталями и подробностями. А с девяносто первого года лю-

бая большая величина и вовсе стала вызывать сомнения. Ведь и Вавилонская башня, и колосс на глиняных ногах — это все, как правило, неустойчиво. Даже глобус Украины слишком неподъемная вещь. Зато глобус Асинска (мне так удобней называть слегка вымышленный городок) как раз по мне — с его приземистыми домишками, увязшими в кривых проулках, автомобилями, торчащими как попало деревьями, выпуклостями и впадинами... От изучения глобуса — к полевым исследованиям. В отличие от огромных городов, где человека в основном лепит и формирует изменчивое время, в глубинке его влияние незначительно. Здесь шум времени подобен шуму поезда: прогрохотал в одном направлении, через пятнадцать минут — в другом, а еще через пятнадцать — обратно. Будто некий условный состав мотается туда-сюда, не меняя в окружающем ничего. Сегодня я хожу той же улицей, что ходил сорок лет назад. Из подворотен лают те же собаки. Истории как процесса здесь, по сути, нет. И потому любые два человека, жившие в Асинске, один — в начале прошлого века, другой — в конце, нашли бы гораздо больше тем для обсуждения, чем современники, пусть и говорящие на одном языке, но обосновавшиеся на разных материках. Место и человек, укрепившийся на нем, влияют друг на друга. У лососей, попавших на долгие годы в закрытый водоем, появляются отличия от собратьев, живущих в открытом море, а именно — другой окрас, форма плавников. У человека в ограниченном пространстве тоже меняется форма плавников. Если в предместье Асинска на обочине расхлябанной дороги торчит изогнутая береза, будьте уверены: в девяносто девяти случаях из ста возле нее обнаружится похмельный мужичок в облезлой шапке, и лишь в одном — некто чуждый — служащий, предположим, банка в накрахмаленной сорочке и при галстукке (вероятность второго случая меньше единицы, но я округляю). Однако влияние места на человека почти не изучено. Место — всего лишь задник на групповом портрете нас, любимых: что-то брезжит за лысыми и прическами, но не отчетливо. Да разве ж не заманчиво взглянуть сюда по настоящему?! В паре, где есть ведущий и ведомый, человек, безусловно, — ведомый. А то, что дома не казисты и грязи хватает... У меня нет склонности драматизировать то, что я вижу вокруг, хотя бы потому, что драматичного здесь не больше, чем десять, двадцать и тридцать лет назад. Многие времена считались последними, есть журналы, где до сих пор не прекращается погребальный плач, но жизнь продолжается, и ничего вопреки прогнозам с ней не делается... Не бодряческий оптимизм, не выжигающий сарказм, а сочувствие, доверие и стремление понять: что мы такое для родного

клочка земли и чего он от нас добивается – вот из чего следует исходить...

Начались публикации, и появились отклики на мои повести. Поначалу устные, теперь иногда и газетные. Не всегда они бывают доброжелательные. Как относиться к критике? Есть простой и верный способ избежать ее вовсе: не печатать и никому не показывать свои тексты, чтобы о них никто не знал. И тогда никакой критики не будет. А если уж вынес на всеобщее обозрение, готовым надо быть ко всему. Я делю критику на четыре вида. Первый – это когда критик неприязненно относится к автору. В таком случае что бы автор ни написал, для критика нет лучшего способа покуражиться, выпустить желчь. К этому же виду относятся пустые, ничего не значащие рецензии, скорее информирующие о появлении новой вещи, чем говорящие о ней самой. Второй вид – это когда у критика в голове своя фишка в виде придуманной им теории. И тогда произведение (вместе с автором) либо укладывается в фундамент и стены этой теории, либо публично растаптывается как негодное. Третий вид – это когда критик честно пытается понять замысел автора, но не понимает и говорит попросту не о том. Хотя не исключено, что попутно выявляются новые, скрытые от самого сочинителя возможности текста. И, наконец, четвертый вид – это когда критик все понимает и судит автора с позиции тех задач, которые тот перед собой поставил. Тут важно как следует проанализировать недоработки и упущения, которые выявил критик. Такая критика самая продуктивная... Обобщая, можно сказать, что первый и второй вид для автора бесполезны – поэтому реагировать не следует, третий любопытен, а четвертый ценен.

Теперь о природе таланта. У меня с годами сложилось мнение по этому поводу. Человек не рожда-

ется талантливым, но предрасположенность к таланту есть у многих. Целенаправленным трудом можно развить эту предрасположенность, то есть подготовить почву, дожидаться появления ростка. Я читал ранние стихи Рубцова. Однажды в каком-то журнале наткнулся на одно из первых стихотворений Есенина. Больше всего озадачила заурядность начальных опытов. На таком уровне и сейчас пишут тьмы самодельных стихотворцев. Но редким единицам из тех, кто не просто упорен, а продуманно выстраивает свой путь, – талант дается свыше, как питательное вещество для усиления роста. Он не есть то, что человек получает раз и навсегда. Иногда его забирают, а потом возвращают вновь. Три года молчал Мандельштам. У Фета молчание длилось полтора десятка лет. Случается и так, что взятый обратно талант не возвращают вовсе, как это было с Гоголем. Талант требует уважения к себе и бережливости. Глупо кичиться талантом, равно как и принижать его. Успехов достигает тот, у кого с талантом рабочие, партнерские отношения.

Ничему я не завидую так, как уму и таланту. И в этом не стыдно признаться. У судьбы много погрешностей для человека. Она может сделать его богатым, наделить властью, женить на красавице, отправить в захватывающее путешествие. Но лишь талант творца, сочинителя – единственный дар, который Бог дает от себя.

...У моего рассказа нет никакой морали. Он не сводится к призыву для молодых литераторов: делай, как я! Однако мои просчеты и неудачи, а также приобретенный в результате опыт могут послужить вешками для тех, кто выбирает свой путь. Ведь не обязательно идти строго по вешкам, но по ним легче ориентироваться.

24 марта – 4 мая 2009 г.

Любовь
СКОРИК

РОЖДЁННЫЙ С ФОТОАППАРАТОМ

– Юра, покажи мне свои фотки! – канючу я каждый раз при встрече. – Хоть какие-нибудь!

Передёрнувшись от этого моего «фотки», он делает вид, что не слышит.

– Господин Чурсин! Юрий Никитич! Соизвольте снизойти! – Он настораживается: не принятая у нас официальщина явно не к добру. Однако я милостиво меняю тон: – Ну покажи, чего наснимал в последней поездке! Я ведь ещё не видела.

Он сразу оживляется, добреет.

– Последняя – в Горный Алтай. Ездил солнечное затмение снимать.

– Зачем?! – изумляюсь я. – Затмение же и здесь было!

– Здесь? – смотрит на меня прямо-таки с жалостью и втолковывает, как ребёнку: – Там же и воздух прозрачней, и краски ярче. Потому что к небу ближе.

Делаю вид, что поняла, и, отсмотрев светило в фас и профиль, снова наседаю:

– А теперь что-нибудь про море! – Тут же утонул в водовороте лазури и золота, восхищённо ахаю: – Ой, солнышко, прямо как рыбка, из воды выныривает. Какой восход!

– Да ты что! – он испепеляет меня взглядом, явно сожалея, что связался с этой бестолковщиной. – Ты что, какой восход? Это же закат!

– Я что, закатов не видела, что ли? – не сдаюсь я. – Таких не бывает!

– У нас в Сибири, может, и не бывает. А на Средиземном море – пожалуйста!

– Ух ты! А народу-то на пляже! Ну понятно – ведь Средиземное.

– Да это уже Мёртвое! Неужели не видишь: и цвет воды совсем не тот, и волн здесь совсем нет. Вода же солёная, густая, тяжёлая. Её и ветер расшевелить не может.

Чтоб не сердить больше мастера, плотно затворяю свой неразумный рот и дальше смотрю молча. Наглядевшись до головокружения красоты и всяческих диковин, боясь вспугнуть их громким голосом, спрашиваю тихо:

– Ты родился с фотоаппаратом, да?

– Нет, – отвечает серьёзно, – первый раз в руки его взял в техникуме, в Томском топо-

графическом. Не свой, конечно, – откуда? Другу родители купили. Но он как-то быстро сбил охотку да остыл. И понятно: дело-то хлопотное. Надо же было не только нащёлкать-наснимать, а после ещё плёнку проявлять, фотографии печатать, глянцевать, обрезать. Время нужно и терпение. К тому же всё это – за счёт сна. Днём-то где в общежитии найдёшь тьму непроглядную, чтобы не засветить? Только ночью, когда все уснут, в общей кухне фотолaborаторию можно было устраивать. Я готов был все ночи там сидеть. Ведь прямо как в сказке. На белой бумаге вдруг появлялись мы – то в техникуме, то на военных сборах, то в колхозе, на картошке. Правда, меня-то лично на тех фотках нет: я же снимал. И фотоаппарат был чужой. Свой-то я купил, когда уже техникум окончил, в экспедициях работать начал, денег чуток подкопил. Первая моя настоящая покупка в жизни.

Пытаюсь и не могу представить себе нашего Никитича без фотоаппарата. Да он же вообще, кажется, мир воспринимает только через объектив. Ещё и вопрос, кто в этом дуэте главный, кто кому командир. Близкие давно привыкли, что их Юра в разгар самого неотложного дела, в катастрофический пик времени может вдруг бросить всё или остановить машину и прикинуть к видоискателю объектива. Тут бесполезны и крики, и доводы, и мольбы. Лишь отмахнётся: «Да ладно вам! Не пропускать же такой кадр!»

– Как же ты жил без фотоаппарата? – спрашиваю, всё ещё до конца не веря, что такое возможно и даже когда-то было.

– Плохо, – отвечает грустно на полном серьёзе, – очень плохо! Сколько в жизни упущено! До сих пор, к примеру, вижу, что и как мог бы снять на своей дальневосточной студенческой практике. Представляешь, между Хабаровском и Чукоткой. Места – фантастика! Не тронутые человеком. Тайга непроходимая – ни дорог, ни тропинок. Добрую сотню километров пришлось

идти даже без карты. Ориентиры – лишь река да заброшенная ещё с довоенных времён трасса так и не построенной железной дороги до Николаевска-на-Амуре. Зато красота сказочная! И с каждым днём всё вокруг другое, иначе. Как в кино: то пихты – в небо, а то вдруг – кедровый стланник, шишками усыпан. А мхи! По щиколотку, нога утопает. Упругие – идёшь, как по пружинному матрацу. И такое разноцветье – дух захватывает. А тамошние речки да озёра! Чистоты первозданной, рыба никем не пуганная. Не поверишь, мы с напарником рыбачили просто на кусок шпагата.

Напарник у семнадцатилетнего парнишки-студента был весьма колоритный: Лёха – только что освобождённый из тюрьмы, отсидевший «десятник» за убийство. Забросили их в тайгу вертолётном, снабдив лишь теодолитом, карабином да минимальным запасом продуктов. Без дорог и порою даже без карты продирались они сквозь непролазную тайгу. Вели съёмку, выполняли задание. Отбивались от гнуса. Кормились как могли. И голодали, и «холодали», всякое случалось. Ночёвки – кусок полиэтилена под тобой да карабин под боком.

Конечно, были эти двое в очень разных «весовых категориях» по всем параметрам: по возрасту, житейскому опыту, закалке и физической силе. Однако вчерашний зек уважал своего зелёного напарника. Должно быть, за его колючую настырность, за то, что тот никогда не ныл и, кажется, даже был доволен выпавшим на долю приключением. А скорее всего, уважал за то, что этот совсем не богатырского сложения парнишка вдобавок к теодолиту со штативом да тяжёлому рюкзаку за спиной упрямо тащил ещё и гитару. Каждый вечер у костра бережно брал её в руки и тихонько напевал.

Свою первую в жизни гитару – старенькую, дешёвенькую – Юра купил ещё на первом курсе на свою ничтожную студенческую стипендию. Урезал себя, казалось бы, в обязательных нехитрых юношеских развлечениях. Зато, получив свою собственную (!) гитару, каким почувствовал себя богачом! К тому времени он уже успел неизлечимо заболеть и Визбором, и Высоцким.

И с тех пор, вот уже почти 40 лет, они с ней, как и с фотоаппаратом, неразлучны. Их всегда трое. Они друг без друга просто не существуют. Только вместе – целое. Так и живут. Поначалу верховодила звонкоголосая подруга. Больно уж умела за сердце трогать, в душу войти. Однако пересилил всё же фотоаппарат. Этот, конечно, тоже для души. Но ещё и для дела, не только для тебя одного, но и для многих других.

Первые репортажные снимки Юрия Чурсина начали появляться на страницах новокузнецких газет «Металлург», «Кузнецкий рабочий». Сначала – изредка, потом – всё чаще. А вскоре и вовсе прописались там. Поскольку автор их стал штатным корреспондентом. А ведь к тому времени успел кроме техникума он и ин-

ститут окончить, и в экспедициях поработать, и профессию полученную полюбить. Однако новая, налетевшая вихрем любовь, как это обычно бывает, пересилила и победила все былые привязанности.

Несколько лет работал в городской газете «Кузнецкий рабочий», в отделе информации и спорта. Вечная погоня за событиями, скорость, стремление ухватить главное, остановить мгновение, запечатлеть, показать другим. Ох и беспокойная работа! Ничего – как раз по его характеру. Зато ничего мимо него не проходило, он всюду – в центре. Многие годы жизнь родного Новокузнецка – вся перед ним, без утайки. Не всё снятое, далеко не всё, вошло в репортажи. Многого лежит в его архиве. Бережно хранит он всё как великую ценность. Ведь это же – остановленные мгновения так стремительно пробегающей жизни. Быть может, когда-то кому-то будет в надобность оглянуться на них. Или же просто чьё-то сердце запросится в ушедшее былое.

Со временем мало-помалу зоркий ухватистый фотобъектив начал открывать одну свою сокровенную тайну. Оказывается, может он не только увидеть и запечатлеть событие, окружающую жизнь, но и способен уловить и передать нечто, казалось бы, неуловимое, эфемерное: состояние природы, её настроение, пробуждающее в душе самые разные чувства, эмоции. И порою эта эмоциональная окрашенность полученного снимка значительней его событийного содержания. В чём-то объектив даже заставлял изменить вроде бы незыблемые жизненные установки. К примеру, оказалось, что красота и радость – не всегда то же самое. Яркий нарядный цветок, поникший на сломленном стебельке, не становится менее красивым. Однако уже излучает он не радость, а навевает грусть. А вот бледно-зелёный росток, пробившийся на проталинке среди сугробов, не сразу и заметишь. Но сколько в нём устремлённости к солнцу, скрытой силы и надежды! Как радостно на него смотреть! И как он, оказывается, красив!

Началась охота за красотой, её поиски – порой в самом обыденном, привычном. Пошли совсем иные, чем всегда, снимки: не по заказу редакции – по потребности души. Никто их нигде не ждёт, никому они, кажется, и не нужны. А именно они для него самые главные. Сам себе удивлялся. А ничего удивительного не происходило. Просто из фотожурналиста рождался фотохудожник.

Перестроечный вихрь перевернул жизнь Юрия Чурсина. Нет, у него-то самого всё было в порядке. В газете по-прежнему ждали его снимки. И для его объектива красоты вокруг не поубавилось. И у гитары голос не осип. А жить по-старому у него не получалось, уговорить себя не мог. Всё кругом кипело, стремительно обновлялось – и где-то далеко, и совсем рядом, а уж в его-то деле – в первую очередь. Журналисты нако-

нец-то заговорили в полный голос. Сколько появилось новых изданий! Кто бывал в Москве, привозили оттуда такое, что ещё вчера и не снилось. Всё хотелось посмотреть, прочитать, переварить. Да только взять-то было негде. В родном городе в газетных киосках по-прежнему властвовали несокрушимые «Правда», «Труд» да к ним несколько набивших оскомину отраслевых: «Лесная», «Учительская», «Сельская». Даже своя, городская, и та выходила с перебоями. Вот и всё, довольствуйтесь, граждане!

Довольствоваться чем придётся не в его натуре. Начал воевать, добиваться, наткнулся на стену: «Да кому это надо? Тебе? Вот ты и делай!» И он бросился в новое дело. Бросился, что называется, с головой. Понимал: это нужно всем. Навёл контакты с новыми столичными изданиями. Организовал подписку на самые популярные: «Кругозор», «Аргументы и факты», их многочисленные приложения. Каждое утро встречал московский поезд, получал десятки пачек новорождённых диковинных изданий. Сам читал, с другими как мог делился (это-то и оказалось самым сложным). Поначалу его агентами были просто пацаны-подростки. Получали у него газеты и на улицах продавали чуть дороже. Они радёшеньки: деньжата на карманные расходы появились (по тем временам – невидаль). И горожане довольны: свежий информационный ветер их достиг. Это были самые первые шажочки его фирмы «ВестиЧ» (Вести от Чурсина).

Желающих глотнуть свежего воздуха всё прибавлялось. Требовались уже не десятки – сотни пачек свежей прессы. Скоро стало понятно, что уличными гаврошами не обойтись. На Привокзальной площади появился первый собственный киоск. В разных концах города теперь постоянно дежурили агенты фирмы. Эту массу газет и журналов надо было им постоянно доставлять. Выручал старенький «Запорожец» его отца-фронтовика.

Новорождённая фирма не уставала удивлять горожан. Мало того, что любимую газетку можно было купить в любое время в любом районе города – неожиданно новокузнецчане обнаружили, что газетка-то эта, что называется, «горяченькая», сегодняшняя. Добиться доставки центральных изданий не через два-три дня, как было всегда, а в день выхода – это была первая большая победа «ВестиЧа». И эта победа, как и всё другое, не падала с неба. Буквально всего надо было долго и трудно добиваться, очень трудно. Я – живой свидетель, как это было. Но лучше бы мне этого не видеть.

Действующих лиц двое: сам Юрий да его верная боевая подруга – жена Ольга (сын Андрей тогда учился в Новосибирске). И эти двое – всё, во всех лицах. Начали рабочий день грузчиками, каждое утро перетаскивая с московского поезда в киоск тьму пачек со свежей прессой. Они же – и продавцы, по очереди без отдыха крутились в киоске. Сами себе и касса, и бух-

галтерия, и охрана, ещё и дворники (обязаны были солидную территорию вокруг киоска убирать).

Я тогда по своим журналистским делам частенько бывала в Новокузнецке. Останавливалась у Чурсиных. И каждый раз, помнится, проклинала эту их работёнку. Являлись они домой совсем поздно. Наскоро перекусив, вытряхивали на стол дневную выручку – горы медяков и мятых бумажек. Разглаживали, рассортировывали, считали, упаковывали в пакетики из-под кефира, перевязывали резинками, укладывали в примитивный полиэтиленовый пакет. Рано утром, ещё потемну, Юрий спешил с ним в банк, чтобы перевести деньги на очередную партию столичной прессы.

– Ты бы хоть портфель себе купил! – поучала я его.
– Да зачем? – отбивался он. – И так сойдёт.

Бежал с деньгами Юра по тёмной улице до трамвая. На такси старался не тратить. Отцов «Запорожец» по-стариковски чаще отдыхал, чем работал. А своей машины, понадежней да получше, у него в ту пору не имелось. Кстати, не только её. Переехав ещё раньше в свою квартиру, они года три спали на полу – было не до мебели. Я просто приходила в бешенство от их тогдашнего быта. Каждый раз, обнаружив в туалете уже привычное ведёрко с водой, я, как всегда, принималась причитать:

– Господи, как вы живёте! Почему до сих пор бачок не поменяли?

– Когда? Это же надо сантехника вызывать, ждать его, потом валандаться здесь с ним. Что ты! Некогда!

Это уж точно! Им и выпастись-то было некогда. Да, насмотрелась я тогда вдоволь той их жизни! Близко узнала, каково пришлось сначала нашим первопроходцам-бизнесменам. Не тем, на кого сразу свалились несметные (и несправедные) богатства. А вот таким, кто начинал дело с нуля, на ровном месте да рассчитывал лишь на себя, тянул всё на собственном горбу. Не знаю, снимал ли Юрий что-нибудь в то время. Но фотоаппарат всегда привычно был с ним. А гитара молча скучала на стене. Лишь изредка хозяин, бывало, виновато тронет струны: мол, прости, подруга, видишь – некогда. Потерпи чуток, придёт наше время!

И время пришло. Мало-помалу дело крепло, вставало на рельсы, шло в гору. Жажущих приобщиться к новой прессе становилось всё больше. «ВестиЧу» приходилось нажимать. Один за другим открывались новые киоски. Расширялся список получаемых изданий, уже на себе их не перетаскаешь. Слава богу, машина появилась.

Сын Андрей закончил учёбу, на подмогу пришёл, а сейчас и вовсе возглавил всё дело. А дело-то – нешуточное. Сегодня «ВестиЧ» снабжает периодической печатью практически весь Новокузнецк, Междуреченск, юг области, кое-что от него перепадает и столице Кузбасса. Около ста киосков, почти пять сотен наименований изданий. Кстати, и более 250 рабочих

мест – совсем не пустяк для города, особенно в нынешних-то условиях. Вот если бы местные власти это ценили да не прессовали по любому поводу! А читатели-то уж давно оценили «ВестиЧа» по достоинству: и скор он, и надёжен, и выбрать у него есть из чего. В этом списке из полутысячи названий самый привередливый может выбрать себе издание по вкусу.

– Слушай, – спрашиваю я ехидно, – а вот если я захочу покупать, к примеру, журнал про выращивание пальм в условиях тундры, а?

– Найдём в каталоге точное название, индекс, – отвечает, не моргнув глазом, – и, коль есть спрос, будет и журнал.

Впрочем, сам Юрий Никитич теперь нечасто решает такие задачи. Сын даёт ему возможность заниматься тем, чего требует его душа. Снова они всегда вместе: фотоаппарат, гитара и их хозяин. Снова эта троица там, где собираются такие же неуёмные, беспокойные, настроенные на красоту, музыку и поэзию. Не пропускает Юрий Чурсин ни одного бардовского фестиваля. К примеру, в минувшем году их у него было шесть. Прикипел он к авторской песне ещё в те юные свои годы, когда только зазвучали и вошли в сердце Визбор и Высоцкий. Каждая встреча с собратьями по духу – настоящий праздник для него. Отводит там душу – поёт со всеми, общается с друзьями, открывает новые песни, без устали снимает, потом печатает снимки, монтирует видеофильмы (видео – это недавнее его увлечение). Радует сам и радует других,

Старается разглядеть через свой фотообъектив как можно больше на нашей планете. Много путешествует. Повсюду ищет красоту – и в дальней экзотике, и в самом привычном, что рядом. На его снимках – природа, достопримечательности, люди родного Кузбасса и соседнего Алтая, Германии и Италии, Турции и Кипра, Египта и Тайланда, Японии и Святой земли. Есть в этом перечне и вовсе запредельное. Знаменитый журнал «ГЕО», зная Юрия Чурсина по фотоработам и делам, пригласил его в международную экспедицию по островам Индонезии под кодовым названием «В поисках морских цыган». Сразу предупредили, что путешествие будет экстремальным.

На утлом судёнышке небольшая группа отчаянных отправилась на поиски таинственных морских бродяг. Любовались Индийским океаном, его изумрудными островами, живописными рифами. Садились на мель. Обгорали на экваториальном солнце, становясь похожими на варёных креветок. Слегка поголодали. Почему-то не следовали примеру своего проводника – не выгрызали из панциря внутренности морских черепах, упрямо рыбачили. Парадокс: рыба не ловилась потому, что... слишком хороша. Рыбины такого размера, что шутя обрывали самую крепкую их леску. Когда всё же удавалось выловить тунца, варить-жарить его было некогда – скорее съедали сырым.

Зато уж красоты и экзотики кругом! Любовались океанскими восходами и закатами. Причаливали к островам и островочкам. На необитаемых чувствовали себя настоящими робинзонами. Там, где находили аборигенов, знакомились с ними, как могли общались. Много снимали. Ну и, конечно же, купались, плавали, ныряли. Осваивали подводную съёмку. Даже играли в водное поло, предварительно освободив кусок дна от морских ежей и змей. Ну, кто ещё может похвалиться таким?

Из каждого путешествия – близкого или дальнего – возвращается он переполненный впечатлениями, привозит тысячи снимков, несколько фильмов. Посмотрит сам, покажет близким, друзьям, изредка устроит где-нибудь фотовыставку. И – снова в путь. А прежние несметные богатства – в архив, который и без того переполнен.

– Скряга ты! – дразню я его. – Гобсек! Сидишь на мешках с драгоценностями и радуешься. Поделится бы с народом. Ведь многое же вообще есть только у тебя. Не жадничай, обнародуй! Давай вот – в наш журнал. Не все же у нас читатели такие же бестолковые, как я. Поймут, что к чему и оценят. Отбери снимки по темам и – давай.

– Ладно, – соглашается легко, но тут же добавляет: – Потом как-нибудь. Сейчас некогда. Скоро бардовский фестиваль в Шерегеше. Обещал быть сам Митяев. Готовиться надо. У меня с прошлого фестиваля ещё фильм не смонтирован. Успею бы! Вместе-то смотреть, знаешь, как интересно! Нет, сейчас некогда!

И вот так всегда. Вечно ему некогда. Всё куда-то спешит, боится не успеть. Нахapaет дел выше головы и разрывается. Тут главное, чтоб интересно ему было, чтоб загореться. А коль раззадорился – не уймёшь. А уж как он может загораться, знаем не только мы, близкие.

И в какие только истории не встревал наш Никитич! Не то чтобы жизнь вынуждала или кто-то обязывал. Нет, ведь сам приключения на свою голову ищет, собственными руками какое-нибудь нешуточное дело на себя взваливает. Взять хотя бы его многолетний роман со спортом. Сам-то он не из богатырей, громких рекордов не ставил. Однако к спорту его тянуло всегда. В школе спортивной гимнастикой в секции занимался, в соревнованиях участвовал. А в остальном – как и все пацаны: футбол гонял, на коньках бегал, на велосипеде накручивал. Спортивный азарт неистребимо жил в нём, помериться силами всегда был готов. Ни от каких состязаний не отнекивался – хоть с командой соседней улицы сразиться, хоть защищать честь своего отдела на КМК, где одно время работал.

Перед настоящими спортсменами преклонялся. Однако уважал он и тех, кто просто вышел во двор мышцы поразмять, мяч попинать или покидать. Зачастую сам был заводилой стихийных уличных состязаний. И кажется логичным, что на вдруг взметнувшейся

волне борьбы за здоровый образ жизни он сразу стал одним из самых активных членов возникшего в Новокузнецке городского клуба любителей бега «Ласточка». Почти 10 лет каждый день, в любое время года и любую погоду сотни новокузнецчан упорно преодолевали свои километры трусцой, набираясь здоровья и сил, воспитывая характер, зачастую открывая себе себя самих.

В те времена подобных клубов по стране возникло множество. Новокузнецкая «Ласточка» была среди них на слуху. Не случайно она четырежды (!) становилась участницей Международного московского марафона мира. И, разумеется, все четыре раза Юрий Чурсин выходил на трассу пробега.

То было золотое время. Здоровый образ жизни становился нормой. В Новокузнецке возникло своеобразное братство единомышленников. Многие в этом порыве шли дальше оздоровительного бега: обтирались снегом, обливались холодной водой, «моржевали». И всё это — при категорическом отказе от спиртного. У Юрия это вылилось в пять абсолютно безалкогольных лет. Даже встреча Нового года — без единого глотка шампанского! Что ж, это в его стиле — упорства и характера ему не занимать!

Физкультура, спорт — особый, своеобразный мир. Здесь постоянно что-то происходит, меняется, кипит страсти, проверяются и закаляются характеры. Борьба идёт за сантиметры и секунды. А за этой борьбой спортсменов азартно следит несметная армия болельщиков. Им позарез необходима постоянная оперативная информация: скрытые от их глаз подробности, откровения кумиров да и просто общение, которого только на трибунах, во время игр любимой команды, недостаточно.

На себе ощущая всё это, в 1998 году Юрий Чурсин начал выпускать свою спортивную газету. Почти 10 лет его «Фанат» был любимым изданием и спортсменов, и болельщиков. Там они находили всю необходимую, самую свежую информацию. Эта кузбасская газета зачастую опережала даже столичные издания. На страницах каждого номера «Фаната» всегда было множество снимков — моменты интереснейших соревнований. Все они запечатлены фотоаппаратом Юрия. Он старался не упустить ничего интересного в спортивной жизни не только своего города, но и всего Кузбасса и даже страны.

Словом, человек этот — в постоянном стремительном движении, в неустанных поисках, в неистовом горении. И всё же всегда самым главным и любимым для него была и остаётся работа с фотоаппаратом. Отыскать где-нибудь за тридевять земель или увидеть совсем рядом что-то особенное, необычное! Разглядеть

красоту в самом обыденном, привычном! Остановить в кадре значимое мгновение жизни! Таких мгновений в его копилке не счесть. Немало среди них совершенно уникальных. Только как бы вот умудриться почаще открывать эту сокровищницу да предъявлять скрытые там богатства всем нам, простым смертным?

Я-то, надо признаться, ухитрилась по-свойски слегка подраскулачить этого «скупого рыцаря». Когда нынче дело дошло до оформления моей новой книги, не стала обращаться к художникам. Обратилась к Никитичу. И в его несметных богатствах без особого труда нашла всё. Разве вот эта молодая стройная, но кем-то подрубленная и уже почти засохшая берёзка — не сама исковерканная судьба юной вдовы-солдатки из моего рассказа? А этот упрямый росток, пробивающийся сугроб, — не наглядная картина того, что происходит в душе другого героя?

Но то, чем я поживилась, это же — малая капля. А вот как бы найти доступ к этим лежащим под спудом сокровищам? Сам их владелец отмахивается, ему не до того — он в постоянном жадном поиске всё новых и новых богатств. А вот возьму-ка я себе в союзницы его Олечку, может, она подсобит. Вот уж послал ему Бог жену! Ведь не перечит его завихрениям, поперёк не встаёт, зачастую ещё и помогает. Сама с ним везде мотается, последнее время ещё и с пятилетним внуком Игорьком. Сутками трясутся в машине, спят в палатке, сидят ночами у костра, слушают бардов, сами подпевают.

И во всех увлечениях своего дорогого Оля всегда рядом. Подставляет плечо, помогает во всём. А нередко и сама увлекается. К примеру, моржевать-то когда ещё они с Юрой начали. А вот и нынче в Рождество, несмотря на морозяку, в проруби купались.

Точно, вот Олю — его верную подругу — и возьму себе в союзницы. Может, вместе-то мы его одолеем — выкроит для святого дела в своём вечном «некогда» окошечко. Только вот что-то наш дорогой Никитич последнее время всё чаще вспоминает свою студенческую дальневосточную практику. Не перестаёт жалеть, что остались там неснятыми небывалой красоты те дивные места. Ох, не к добру это! Неровён час, завихрится он туда! От него же всего можно ждать. Ведь умудрился — как-то разыскал разбросанных по всей стране своих сокурсников по техникуму да и организовал недавно их встречу в Томске — городе юности. Чего ещё умудрит — одному Богу известно.

— Шальной! Ей-богу, ненормальный! — припечатываю я его своим всегдашним. А сама думаю: пока у нас ещё встречаются такие вот «шальные», в наш жестокий, прагматичный, напроць запрограммированный век, человечество не превратится в скопище бесчувственных биороботов.

Таисия ШАТСКАЯ

«К САМЫМ РОДНЫМ И ЛЮБИМЫМ»

В моем рабочем блокноте 2008 года есть такая страница. В самом верху написано и подчеркнуто: «Альбом». Под этим словом – следующая запись: «Дед по маминой линии Эдуард Эдуардович Ландезен. Дед – врач. Мама София. По отцовской линии дед – священник». И далее большой лист чист. Даже о ком это, не помечено.

А было так.

В очередной мой приезд в Москву Николай Яковлевич Троицкий пригласил меня и моего «московского» сына Сашу на презентацию семейного альбома, над которым работал чуть ли не год, начав дело сразу после того, как в Центральном доме журналистов в феврале 2007 года отметили его юбилей – 85 лет. Юбилейный праздник и подвиг на это кропотливое (под каждым снимком – подробная подпись) занятие, завершившееся «изданием» двух солидных томов. Помнится, я схватилась за ручку, раскрыв блокнот на той самой странице. Профессиональная привычка. Николай Яковлевич от души расхохотался: «Вот еще что надумала!» И я убрала ручку вместе с блокнотом.

Тут надо кое-что пояснить. В шестидесятых годах Троицкий был не просто редактором в газетах «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс», он был «мудрый, проницательный редактор», как точно подметил один из его воспитанников Геннадий Юров. И вот что особенно значимо (ай да поэт!): «С отцовскою иронией и тактом нам верные подсказывал шаги».

Мудрость, ирония, такт... К тому же культура. Когда его место (Троицкого перевели в Москву) занял на некоторое время человек, заявивший: «Как захочем, так и будет», – пришлось подумать над тем, что дело не только в грамотности.

Вот и прыгал вместе со всеми на волейбольной площадке наш Николай Яковлевич, и охотно запевал на вечеринках, и пианистом был азартным, и танцевал,

и на шутки был горазд, но всегда оставался «над». Авторитет его был столь значителен, что я, например, не могла позволить себе написать о нем даже к юбилею. Не посмела. Вот и ручку с блокнотом спрятала, едва он по-доброму рассмеялся.

А снимки те просто перед глазами. Особенно вот этот: удивительно изящный офицер, участник Первой мировой войны, командир запаса Красной Армии, имеющий высшее физико-математическое образование, работавший нормировщиком на текстильной фабрике в Калинин (Твери). Яков Николаевич Троицкий. Расстрелян в 1937 году. Реабилитирован в 1957 году.

Фотоснимки воспринимались обостренно именно потому, что рассматривались после юбилея, на который съехались многочисленные родственники, в том числе из Твери, и рассказали много интересного. Например, об этом интеллигентном офицере. Оказывается, сохранились его письма с фронта Первой мировой войны любимой девушке в родную Тверь. Эти письма хранились десятилетиями и были переданы родным как раз в шестидесятые годы, когда сын расстрелянного офицера стал редактором. Об отце он молчал. Что было за этим, известно ему одному.

Как же встрепенулась, услышав о письмах, как, только теперь понимаю, беспардонно наступала на родного редактора: «Если вы не напишете, я напишу...» А ведь письма-то были не к Софии, будущей матери Николая Яковлевича, а к некоей Лии. Не урок ли для меня?

Кстати, банкет в одном из залов Центрального дома журналистов, собравший родственников и земляков юбиляра, живущих в Москве, был буквально пронизан духом скромности, порядочности и тактичности. Все начиналось с приглашения (если дама одна, как я или Анна Константиновна Навосардянец, то приглашалась с сыном), места были не только помечены, учитывалось соседство. Надо ли говорить, что доверительность, искренность были достигнуты самым естественным образом?

Юбиляр в свои 85 лет был строен (каждый день зарядка по 30 минут), пел, танцевал, костюм на нем сидел безукоризненно. С душевной теплотой вспоминал свою супругу Любовь Устиновну, без которой жил уже несколько лет. И все вокруг говорили о на редкость трогательной любви и умной дружбе этой пары, о сыновьях Яше и Викторе, о внуках и правнуках юбиляра. И выяснялось, что одних Николаев Яковлевичей Троицких разных поколений уже несколько.

Эти воспоминания нахлынули на меня в связи вот с чем.

Только что вышел десятый выпуск краеведческого издания «Красная Горка», а в нем – семейная хроника военных лет в письмах под названием «Треугольники надежды». Автор – Николай Троицкий. Спасибо главно-

му редактору издания Геннадию Юрову за верность учителю, за то, что (так хочется думать) продлил его (не только творческую) жизнь этой работой. Нет, это не романтическая, юношеская переписка отца, по поводу которой я так погорячилась. Это письма самого Николая Яковлевича, участника Великой Отечественной войны. Письма домой. Очень простые. Житейские. А также письма его брата. Тоже с фронта.

Уже несколько месяцев нет Николая Яковлевича, но он живет в журнальных страницах, улыбается со снимка, сделанного во время приезда Геннадия Юрова в Москву в 2006 году. Восемь журнальных листов вместили около трех десятков писем и кратких комментариев к отдельным из них, а впечатление такое, что перед нами – вся жизнь большой семьи, характеры молодых и старых, взрослых и детей, связанных родством. И не только характеры. Обстановка и обстоятельства места и времени. А главное – способность воспринимать и преодолевать то, что совсем не просто пережить. Сдержанная и простая правда.

«Вооружившись большой лупой, читал с трудом: пожелтевшая бумага, выцветший очень мелкий сплошной карандашный текст, – пишет автор в предисловии. – Читал и как будто вернулся в ту далекую теперь пору, к самым родным и любимым. Кроме понятного волнения, воспоминаний и переживаний, подумал, что в этих строчках – живая военная история одной из миллионов советских семей».

Вот тут-то Николай Яковлевич скупко сообщает о своей семье, жившей до войны в Калинин-Твери: мама Троицкая Софья Эдуардовна – преподаватель немецкого языка, бабушка Ольга Андреевна Ландезен – пенсионерка, брат Андрей – школьник и он – студент физмата пединститута. В июле 1941 года, когда он уехал на фронт, мама приняла в семью его однокурсницу-невесту Любу (общезнание занял госпиталь). Кроме того, в семье оказалась маленькая племянница из Москвы, которую по-домашнему звали Тусей, она приехала на каникулы к бабушке. Все они едва успели попасть в последний эшелон эвакуированных в октябре 1941 года и после долгих мытарств оказались на станции Тайга, где Софья Эдуардовна и Люба стали учителями, а Андрей и Туся – учениками школы № 33.

«К семье в Тайгу я приехал из госпиталя в марте 1942 года, в апреле мы с Любой расписались в холодной клетушке Тайгинского ЗАГСа. Прожили в счастливом браке 62 года, – сообщает автор. – Сегодня из того состава семьи в живых остался я один... А теперь пусть говорят письма».

И письма заговорили.

Первое из-под Ржева, где жили родители Любы. «Доехали мы замечательно: я всю дорогу спал на нарах и проснулся, чтобы сходить за кипятком. Любаша!

В последнем письме с дороги я писал тебе, что думал познакомиться со Ржевом несколько иначе. Ну, ничего неделаешь...»

Письмо пишется с перерывами и полно оптимизма девятнадцатилетнего парня. «Всех нас влили в 888-й стрелковый полк, и, представьте себе, как здорово получилось: нас построили, и командиры стали набирать людей к себе в подразделения (кричат «подъем!», допишу после)».

«Милые мои! Продолжаю письмо в несколько необычной обстановке: после подъема нам предложили пойти на речку мыться и стирать белье. Вот я постирал свои портянки, носки, полотенце, майку, помылся и продолжаю письмо».

Отчего же оптимизм по любому, малейшему поводу? Наверное, дело не только в возрасте, прежде всего, в желании успокоить близких.

«И вот теперь я второй ящикный 1-го орудия 76 мм батареи 888 с. п. Вот так. Стало быть, Любаша, я не ошибся, когда писал тебе на карточке в прошлом году: «От бравого артиллериста». «Вообще мне кажется, что лучше устроиться было бы трудно»... «Я повторяю, пока доволен своим положением».

Даже когда «вступил в бой» и «пороху, так сказать, понюхал», думает об одном: «Основное, родные, вы за меня не волнуйтесь, так как я по-прежнему жив и здоров».

После тяжелого ранения осколком в правую руку пишет левой: «Одним словом скажу, что тот факт, что я остался живым, – счастье. И я тогда частенько подумывал, почему мне, собственно, так везет?»

Это сегодня можно поразмышлять о душевном состоянии, о том, как оно отражается на окружающих, как помогает выжить. А тогда?

«Сначала в госпитале я чувствовал себя удивительно паршиво. Плохо спал, раздражался из-за пустяков, психовал. Это, конечно, плохо, но я оправдываю себя тем, что здорово устал, издергался и физически, и духовно. После того, как удалось связаться с Тусей и стали приходить ее телеграммы, я постепенно стал «входить в норму» и сейчас чувствую себя отлично. Ко мне вернулось и мое спокойствие, и бодрость, и выдержка».

Вот она, ниточка связи с родными, которая помогает принимать жизнь в лучших ее проявлениях. Узнав хоть что-то о семье, измученный болью и неизвестностью парень радуется яблоку в триста граммов. Госпиталь-то в Караганде. И опять пишет домой: «Мама ну никак не может хоть немного успокоиться – так и кипит, так и брызжет во все стороны энергией. Я уже молчу о письме главврачу. Ну а поездку в Караганду я никак не одобряю. Лучше я сам со временем прикачу».

И все-таки мама вырывается, правда, уже к младшему сыну Андрею в прифронтовой госпиталь близ

Даугавпилса, когда ее тяжело раненный мальчик голову с подушки поднять не мог, и помогает военным медикам спасти сына.

Вот ее письмо из госпиталя от 1 мая 1945 года: «С праздником, большим и великим, мамочка моя! Праздновать начали вчера: пели, и так хорошо! Андрейкин голос, спаси его Господь, громче всех!»

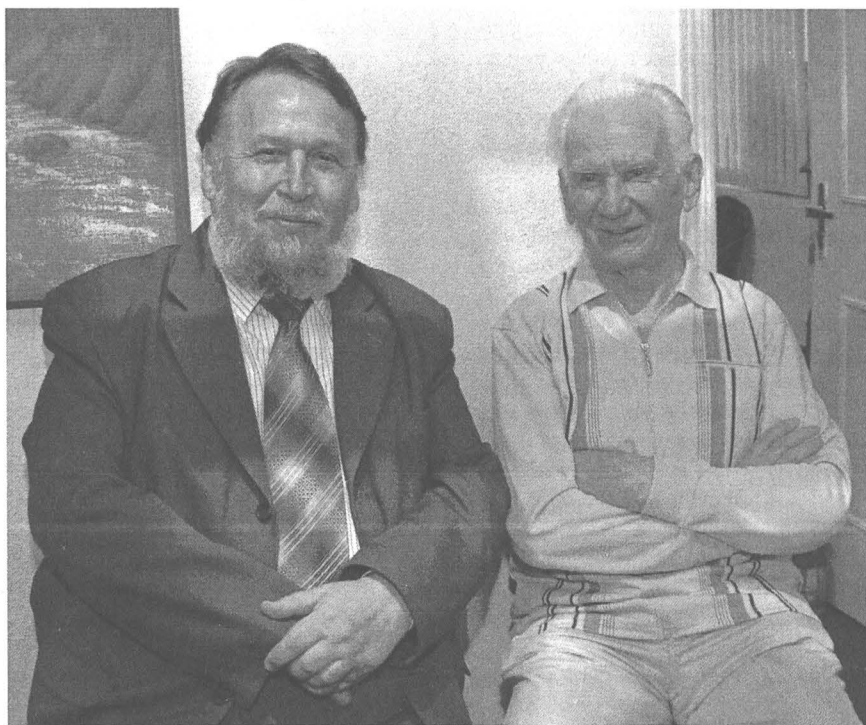
Из писем мы узнаем, что мама и дядя Любы были угнаны в Германию и что у Любиной мамы, жившей последние годы в Кемерове, так и остался на руке лагерный номер. Узнаем о тяжелой жизни в тылу, о картошке-спасительнице, об удивлении перед тем, что в селе «пекут хозяйки пшеничный хлеб, режут его к столу столько, сколько хочешь».

Дважды встречаются среди писем Р.С. из XXI века. Первый: «Наши дед и прадед по материнской линии – известные в Твери врачи. Одна из городских улиц в свое время носила их имя». В семье мечтали, чтобы Андрей стал врачом. Не стал. Вместо военно-фельдшерского попал в артиллерийское училище. После войны окончил истфак пединститута, был заведующим

облоно, избирался народным депутатом СССР. И вот такая любопытная деталь: в составе делегации Тверской области был на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга. Сотрудники Тверского архива показали ему тогда список делегатов, ездивших на 200-летие Санкт-Петербурга, среди них был Э. Ф. Ландезен. Прадед.

«Подобная перекличка и у нас с отцом. Он, оставив Московский университет, вольноопределяющимся ушел на Первую мировую войну. Недавно мы с огромным интересом и волнением читали его письма с фронта, сохраненные адресатом Л. И. Соловьевой... Наша с отцом военная история похожа». Речь как раз о тех письмах, о которых пришлось услышать на юбилее Николая Яковлевича. Вот ведь какой благородный виток. Получше иной восторженной повести.

И последний Р.С.: «Много прожито и пережито. Даже общественный строй сменился. Но греет душу то, что при всех переменах и потрясениях в семьях и между семьями наших детей и внуков сохранилось главное: любовь, взаимное уважение, забота и поддержка».

Г. Юров и Н. Троицкий

**Нина
ОРЛОВА**

ГОСПОДУ ПИШУ Я ЗАЯВЛЕНИЕ

ПОТОП

*Изгнав постепенно науку спасенья из быта,
Всё самое главное делать навывкру «потом»,
Так вышло, что мы из сифитов ушли в каиниты.
Устроить земной и забросить небесный свой дом.*

*Но верен Господь наш, но живо и действительно Слово,
Но братняя кровь нынче вновь вопиет от земли...
И грянул потоп, потрясая вселенной основы:
Забывшие небо, и землю мы не обрели...*

*Слепые и злые, барахтаясь в мутных потоках,
Один за другим накрывающих наши главы,
Мы гибнем и ропщем, Тебя называя жестоким,
Но Имя Твоё позабыли, не вспомним, увьи!..*

РОЖДЕСТВО

*Как весел праздник светлый,
Как ждали мы его!..
Пусть в сердце тихой свечкой
Сияет Рождество!*

*В заснеженной России
Средь ёлок и берёз,
Как в древней Палестине,
Рождается Христос!*

*Пещера — сердце наше —
Безвидна и пуста,
В свою приемлет чашу
Младенчика Христа*

*Так пусть дыханьем нежным
Согреет Он его...
Горит над долом снежным
Святое торжество!*

ХУДОЖНИКАМ АРТЕЛИ А. С. РАБОТНОВА

*Ваши кисти творят чудеса:
На высоком отвесе стены
Оглашаются вдруг голоса
В светлых радугах вечной весны!*

*Оживают фигуры чтецов,
Лики ангелов гласы творят,
Сонм пророков святых и отцов
Ей поют и о Ней говорят.*

*Детский лик Её кроток и тих,
Весь — молитвенное забытьё,
И с любовью Младенец приник
Кумиленному сердцу Её.*

*Ваши кисти творят чудеса,
Раскрывая, что скрыто от глаз,
А небесных певцов голоса
Поминают в молитвах и вас.*

ЗАЯВЛЕНИЕ

*Господу пишу я заявление,
Чтобы принял в чин Своих служителей
Трёх моих несовершенных ангелов:
Анну, Александра и Алёшеньку:
«Господи, прими их в лик Свой ангельский,
Научи их пению небесному,
Души их очистив покаянием.
Отучи Ты их от лицемерия,
От гордыни злой да от тщеславия,
А ещё спаси от маловерия,
Отврати от человекоугождения,
Научи же богоугождению,
Кротости, любви, смиренномудрию, —
То, чему я, злая мать и грешная,
Не могу их научить никак, хоть плачь!»*

Господу пишу я заявление.
«На Тебя надеюсь, Матерь Божия,
Пресвятая Дево Богородице,
Заступись за них ты перед Господом,
Научи терпению и милости,
Научи прощению и святости
Чрез смирение и через послушание.
Ах, не дай погибнуть им, Родимая,
Кроткая Невесто Невестная!
Матерь Солнца Правды и Царя царей!
Пусть поют, как ангелы небесные,
Воспевая Высшего превысших сил
Пред земными да и пред небесными!
Научи их петь Тебе, Владычица!»
Господу пишу я заявление.

«Ангелы, архангелы и силы все —
Божии небесные служители,
Примите в братство ваше светлое
Чад моих и научите петь Творцу,
Богородице в любви всепламенной,
Бескорыстной и всепобеждающей!
Хоть бы самыми бы пташечками малыми
Петь им с вами пред престолом Божиим...»
Господу пишу я заявление,
Дерзость дерзкую имею пред Царём царей:
«Ты прости меня, Владыка всех святых,
Грешную из всех и недостойную,
Сознаю своё я недостойнство,
Но на Тя надеюсь, на Любовь Твою,
На великую на милость бесконечную!»

Нина Орлова, библиотекарь Знаменского собора

Вячеслав
КАБИН

ФАМИЛЬНЫЕ БАЙКИ

ОБРАЩЕНИЕ К РОДСТВЕННИКАМ

Дорогие родственники!

Что мы знаем о нашем и своём прошлом? И откуда берутся эти знания? Мифы и легенды, письменные документы. Мифы – неисчерпаемый источник пополнения знаний об истории, они передаются из поколения в поколение и восходят к моменту Сотворения мира. Они, эти мифы, сохраняются в памяти людей тысячелетиями. Но мифы ничего не говорят о расстоянии во времени. Были начальные времена – сейчас живём мы. А что было в промежутке? Об этом повествуют легенды. Пересказывая легенды, можно что-то перепутать. Не помнишь точно какой-нибудь эпизод? Можно на ходу придумать свой вариант. И только письменные документы вводят в исторические знания точность. Чем силён человек? По моему мнению, он силён своим *осознанным* отношением к жизни (в отличие от животного) и бережным отношением к своей истории. Каждый нормальный человек хочет оставить след на земле. Но за повседневной жизненной суетой и хлопотами он стал порой забывать не только имена своих дальних родственников, но и адреса ближайших. Дорогови́з-на жизни, потеря нравственных и духовных начал в нашем обществе, отход от традиционных православных законов жизни, погоня за материальными благами – всё это отодвигает на второй план поддержание родственных связей. В наше время всё чаще и чаще стали рваться они, эти связи. Всё больше и больше людей не знают истории своей семьи. Забывать люди стали свои корни, а в результате сегодня оказались разорванными связи между поколениями. Теряются связи между родственниками.

А почему? Да потому, что мы стали просто реже встречаться! Всё больше и больше семей, где уже двоюродные братья и племянники не знают ничего друг о друге. Порой, уезжая из дома на учёбу или в армию, выходя замуж или женись, мы уже не возвращаемся в свой родной дом, на свою малую родину. А с уходом из жизни родителей стали рваться и последние связующие нити семейных поколений. Одной из самых популярных телевизионных программ в советское время была телепередача «От всей души» с Валентиной Леонтьевой. Половина страны плакала у телевизора, когда с помощью «тети Вали» (так её мы называли) на передаче в прямом эфире встречались простые советские люди. Сначала детские друзья, потом боевые. Но всегда особенно много слёз было пролито, когда в студии встречались родственники! А давайте посмотрим на сегодняшний телеэкран: «Жди меня!» (с Машей Шукшиной и Игорем Квашой), подхватившая эстафету, – любимая телепередача миллионов людей, проживающих не только в России, но и далеко за её пределами. Какие сайты самые популярные во всемирной интернетовской паутине? «Одноклассники» и «Знакомства». Люди пытаются восстановить родственные, товарищеские, дружеские и иные контакты, утраченные ими во времена последнего почти двадцатилетнего лихолетья. У нас, на Руси, уже издавна людей, потерявших родственные связи, называли «Иванами, не помнящими родства». А вообще-то серьёзно об этой проблеме человек задумывается только тогда, когда начинает стареть и подводить итоги своего пребывания на бренной земле или же когда из жизни уходит очередной родственник. Со мной тоже такое бывало, когда, начиная перебирать домашний архив, вдруг обнаруживал в альбоме пожелтевшую, с оторванными краями фотографию незнакомого человека. Начинаешь мучительно вспоминать: кто это? Почему именно его фотка находится у меня в архиве?

Так началась моя «исследовательская работа» по восстановлению родственных связей. Стал задавать вопросы (ещё тогда живым) деду, отцу и матери. Старался сразу же после «интервью» записывать на фотографиях с обратной стороны фамилии и имена людей, запечатленных на них (желательно с датой). Так помаленьку и потихоньку формировался мой семейный архив. А когда подписанных фотографий накопилось больше половины, назрела необходимость в их *классификации*. Сначала их разложил по «родственным кучкам», затем (на их основе) нарисовал семейное древо. Древо получилось какое-то

чахлое, без кроны и корней. Обидно стало за нас – Кабиных! У других оно вон какое – раскидистое и пушистое! Со многими ответвлениями и молодыми побегами. А вот именно молодых-то побегов у меня в архиве и не оказалось! Я уже не знал, кто родился у моих двоюродных братьев и сестёр, кто и кого произвёл на божий свет! Именно тогда я прочувствовал, что пора создавать нашенское – Кабинское древо жизни. Впервые более или менее нормальное древо Кабиных сформировалось лишь тогда, когда с моими сестрёнками Аннушкой и Тамарой подготовил импровизированную семейную стенгазету «Николай да Марья», посвященную золотой свадьбе наших родителей. Сначала нарисовали древо жизни, затем на его ветки «навесили» фотографии всех детей, внуков и правнуков. Школьный стандартный ватманский лист с «фотками» родственников и стал первоосновой для наших «Семейных хроник». Сегодня перед вами плод моего многолетнего труда. Многолетнего потому, что над ним трудился только в свободное от основной работы время (которого всегда не хватало).

Труд этот я назвал не мифами или легендами, не житием, как в ранешних архивах, а **фамильными байками Кабиных**. Байка как форма народного творчества не влечёт за собой исторической ответственности. Хочешь верить, читатель, – верь, а не хочешь – не верь! В хроники вошли семейные байки, рассказанные как самими участниками тех событий, так и в пересказе других людей и передающиеся из поколения в поколение в нашей многочисленной родне. И конечно же, есть и мои собственные впечатления и воспоминания, представлены воспоминания близких и дорогих мне людей, многих из которых уже нет с нами. Царствие им Небесное! Другие, слава богу, живы! Не претендую на высокую оценку моего труда, признаю их слабую научную составляющую, чувствую невысокий художественный уровень, но считаю, что хроники имеют право на существование. Право это они уже заслужили тем, что являются Историей. Историей нашей семьи за 250 предыдущих лет.

Ведь семья всегда была (и в «царское», и в «советское», да и в нынешнее время) – основной ячейкой общества. Недаром 2008 год был объявлен нашим государством Годом семьи. Я постарался в своём изложении сохранить аромат той эпохи, в которой они (наши родственники) рождались, жили, трудились, воевали, рожали детей и умирали. Пытался отобразить их стиль поведения и сохранить ту манеру именно их разговора, которые запомни-

лись мне. Говоря «их», я имею в виду всех тех, кто попал в хроники – наших с вами родственников. Может быть, что кто-то и не обнаружит себя в данном издании. Где-то неправильно указаны даты. Извините! Нет у меня всей информации (к сожалению). Что-то и забылось по истечении времени, в байках мало помнится плохого. Не помнятся имена предателей и недругов нашей семьи. Может быть, и хорошо, что плохое забывается быстрее, чем хорошее! Так уж устроены наши психика и мозг. Байки объединены в хронологические события по родственным ветвям. Древо (независимо от нашего желания) продолжает расти и ветвиться, даёт новые побеги. Однако, распolzаясь своими ветвями по всему миру, оно заставляет нас всегда помнить о корнях! О тех наших предках, которые дали нам редкую на земле фамилию – Кабины. Так будем же достойно и гордо нести её по Земле! Вот и закончилась вводная часть. Пожалуй, можно и начинать байки. Однако разрешите мне представить соавторов. Мои соавторы – все люди, чьи полные фамилии, имена и отчества упомянуты в этом маленьком семейном наследи! Спасибо им!

ПРО ОТЦА – НАШЕГО ОРЛА

Почему орёл? Папу считали красивым по тем временам. Недаром наша (не менее красивая) мама Мария Лаврентьевна (до замужества Толкунова) обратила на него внимание. Окончив сельскую школу, наш папа уехал в город Прокопьевск и устроился на шахту имени Рухимовича (теперь шахта «Зиминка»). Здесь он прошел путь от чернорабочего до инспектора по качеству угля, а позднее «дорос» до начальника отдела технического контроля шахты «Зиминка». Николай был франтоватым парнем, на всех фотографиях он в пёстрых галстуках, модных в то время (у него их было, помню, аж целых три). Эту любовь к галстукам он пронес через всю жизнь, любой выход из дома – в магазин, на базар, на работу или к соседу – начинался у трюмо, где он тщательно навешивал галстук на рубашку (до конца своей жизни он так и не научился вязать узел). Николай любил ходить на танцы со своей гармонью. Однажды там он и встретил свою судьбу – нашу маму. Красивая девушка тоже обратила на франтоватого гармониста своё внимание. Маша Толкунова тогда работала свинаркой в совхозе, где одним из руководителей был её брат. Он и увёз свою сестру от голодной жизни из Саратовской области сначала в Хакасию (город Абакан, село Боград, деревня Ши́ра), а затем в Прокопьевск, где уже строились новые шахты, где

нужны были рабочие руки и где платили хоть какую-то зарплату. Так и соединили свои судьбы саратовская девушка с великой русской реки Волги – Мария Лаврентьевна Толкунова (кстати, родилась она в Международный женский день 8 марта 1912 года, поэтому в нашей семье к этому двойному празднику – особое отношение) и сельский паренёк, мечтающий стать интеллигентом в первом колене с маленькой сибирской речушки Аба – Кабин Николай Николаевич (родился, напоминая, как и его отец Николай Васильевич Кабин, в православный праздник – День святого Николая Угодника – 19 декабря 1916 года).

ПРО ЛЮБОВЬ ЗЕМНУЮ

Любовь вспыхнула сразу, но родственники Николая не очень-то хотели получить нового члена семьи из бедняков, ведь приданого за Марией – подушка перьевая да сменное васильковое ситцевое платье (не ровня купеческому внуку, который уже имел свою гармонь – мерило зажиточности). Мария перешла из своей землянки на попечение Николая. Поскитавшись по чужим углам, новая ячейка социалистического общества (без всякой регистрации) стала жить-поживать да добра наживать, т.е. «сожительствовать» (так называли такую совместную семейную жизнь в народе тогда), а теперь это зовут гражданским браком. Трудолюбивой Марии как передовому бригадиру свиноводческой бригады однажды выдали премию – осеннее пальто да путевку в дом отдыха «Ашмарино», что под Новокузнецком. Только после этого приняли «сожительницу» Николая кабинские родственники. Но холодок в отношениях еще долго сохранялся. Наверное, были и унижения, поэтому Мария даже хотела уйти от Николая, уже пошла покупать билет на вокзал, да он, узнав от соседей, что Мария уехала, на лошади прискакал на железнодорожную станцию и со слезами на глазах (даже плакал, рассказывала мне мама) всё-таки уговорил Марию остаться, пообещав переехать в Прокопьевск и жить отдельно. И только после таких заверений смог привести свою двадцатидвухлетнюю гражданскую жену в фамильный пятистенок – двухкомнатную хату в деревне Сергеево. Вскоре молодожены, как отец и пообещал, переехали в Прокопьевск. В 1935 году наконец-то Николай да Марья купили «засыпушку» (домик – полуземлянку, сколоченную из досок и с засыпанным для теплоты землей или угольной золой пространством между досками, уже на улице Тайбинская, где

впоследствии и стали рождаться дети: Владимир, Аннушка, Тамара, Александр, Вячеслав и Леонид. В 1937 году по ложному доносу Николай Николаевич был арестован («знаменитая» 58-я статья). А 21 октября 1937 года приговорён к восьми годам лишения свободы. Получил он их за «контрреволюционную» деятельность. (Смотри ниже документы сфальсифицированного уголовного дела.) Тут ему припомнили молотилки, лошадей и мельницу его деда Василия. К тому времени уже год как родился первенец – сын Владимир (1936). Папу этапом перебросили на строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Очень трудно приходилось Марии с двумя детьми на руках, без официально зарегистрированного брака. Хотя этот факт (может быть) и спас её саму от ареста – ведь по документам она была Толкунова (а не Кабина).

Р-Р-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БАЙКА

А может быть, учли то, что в годы Гражданской войны, когда власть в Сибири менялась почти ежедневно (то колчаковцы, то белочехи, то Советы), семья Толкуновых в Хакасии спасла от белогвардейцев жизнь комиссара Красной Армии Глухих Евгения Афанасьевича, который впоследствии стал большим партийным государственным деятелем в Москве и который ещё долгое время (примерно до середины 60-х годов прошлого века), находясь в переписке с семьёй Толкуновых, благодарил их за своё спасение. Мама любила рассказывать, что и ей досталось плетей от колчаковцев, когда они искали комиссара (а ей было всего пять-шесть лет). Однажды, увидев, что в деревню Боград, где они жили, входит белогвардейский отряд карателей, её мать (наша бабушка) сунула своей дочке несколько гранат, оставшихся от комиссара, и приказала быстро шмыгнуть под нижнюю большую балку их хаты, куда могли залезть через узкий лаз только дворовые собаки. Маша с трудом, но от страха очень быстро оказалась под избой и закопала гранаты в землю. Колчаковцы обыскали весь двор. Один из солдат заглянул в отверстие под домом и увидел, что в темноте блестят чьи-то глаза. Думал, что собака и хотел её пристрелить, но бабушка громко закричала, что там дочь. Солдаты приказали Маше вылезти из-под дома. Но она то ли от страха, то ли от волнения застреляла в дырке. Каратели долго возились с девчушкой. Кое-как все-таки вытащили плачущую девчонку из-под дома. Командир от души врезал плёткой по хрупким детским плечам. Так и осталась отметина Гражданской войны на мамином теле на всю жизнь.

Наша мама потом ещё долго носила комиссару в пещеру за околицей, где он прятался, хлеб и молоко. До тех пор, пока Красная Армия не отогнала беляков из Хакасии. Но это отступление от биографии моего бати.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Наш отец боролся всеми способами за свое освобождение: писал письма в НКВД, Надежде Константиновне Крупской (пока она была жива) и в другие инстанции. Иногда в лагере доходил до отчаяния. Как он сам рассказывал, приходили мысли даже и о самоубийстве. Уже и ложился на рельсы перед приближающимся поездом. Однако ответственность за детей, желание добиться справедливости и Божья воля (хотя папа и был атеистом) принесли свои фантастические плоды. В каком-то кабинете в органах «случайно» встретились три документа: письмо отца, просьба Н. К. Крупской и ходатайство коллектива отдела технического контроля шахты, который выражал политическое доверие своему начальнику – Николаю Николаевичу Кабину. Особая благодарность нашей семьи Ермишеву Александру, шахтерскому другу папы, который, несмотря на большой риск быть обвиненным в связях с «врагом народа», очень много сделал для его освобождения. «Всего» через два года отсидки, к концу 1939-го, случилось небывалое чудо для того времени – отца освободили! Мало кто вернулся домой после репрессий. Но наш отец вернулся! Однако полную реабилитацию Николай Николаевич Кабин получил только в 1958 году на основании решения Кемеровского областного суда. Привожу текст справки полностью.

«МЮ РСФСР

Кемеровский областной суд

СПЕЦЧАСТЬ

«14» января 1958 г.

№ ПС-1040

г. Кемерово

Кабину Николаю Николаевичу
гор. Прокопьевск, ул. Тайбинская
дом № 96

СПРАВКА

В отношении гр. Кабина Николая Николаевича, 1916 года рождения, осужденного 21 октября 1937 года по ст. 58-10 УК РСФСР, Постановлением Президиума Кемеровского областного суда от

31 декабря 1957 года приговор отменён и дело производством прекращено, он реабилитирован.

До ареста гр. Кабин Николай Николаевич работал инспектором по качеству угля на шахте им. Рухимовича гор. Прокопьевска.

Зам. Председателя Кемеровского
областного суда

Н. Феоктистов»

В октябре 2008 года я написал письмо-заявление прокурору Кемеровской области генерал-лейтенанту Халезину с просьбой о выдаче справки мне как сыну репрессированного Кабина Н. Н. Через несколько дней мной очень оперативно был получен ответ. Привожу его полностью.

«Прокуратура Российской Федерации
Прокуратура Кемеровской области
Ул. Красная, 24, Кемерово, Россия, 650992.
№ 13-86-08 от 14.11.2008 г.

Уважаемый Вячеслав Николаевич!

Ваше обращение по вопросу получения справки о реабилитации отца – Кабина Николая Николаевича, в связи с этим реабилитации его детей прокуратурой области рассмотрено. Информую Вас, что согласно данным архивного уголовного дела № П-2011, находящегося на хранении в Управлении ФСБ РФ по Кемеровской области, Кабин Николай Николаевич, 1916 года рождения, уроженец д. Сергеево Киселёвского района Западно-Сибирского края, до ареста проживал в г. Прокопьевске, работал инспектором по качеству угля на шахте им. Рухимовича, был арестован 06.10.1937 года Прокопьевским ГО НКВД. Состав семьи на момент ареста Кабина Н. Н.: жена – Мария Лаврентьевна, 25 лет, сын – Владимир, 1 год. Кабин Н. Н. был обвинён в том, что «систематически вёл контрреволюционную повстанческую агитацию, распространял провокационные слухи о скорой войне и гибели Советской власти, восхвалял фашистский строй в Германии» (так в деле). Осуждён постановлением тройки УНКВД по Новосибирской области от 27.10.1937 г. по ст. 58-10 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

Постановлением 3-го отдела УКБ УНКВД по Новосибирской области, на основании решения областного суда от 03.12.1937 года, постановление тройки УНКВД по Новосибирской области от 21.10.1937 года отменено, Кабин Н. Н. освобождён 01.09.1939 года и убыл в Новосибирскую область.

Сведений о конфискации имущества Кабина Н.Н. в деле не имеется. Постановлением Президиума Кемеровского областного суда № ПС-1040 от 31.12.1957 года Кабин Николай Николаевич (за время необоснованного нахождения под стражей с 06.10.1937 по 01.07.1939 г.) реабилитирован за отсутствием состава преступления. Другими сведениями о применении в отношении Кабина Н.Н. каких-либо мер репрессивного характера правоохранительные органы области не располагают. Официальную справку о реабилитации Кабина Николая Николаевича Вы можете запросить в Кемеровском областном суде по адресу: ул. Н. Островского, 12, г. Кемерово, 650099. Вы также имеете право на ознакомление с материалами архивного уголовного дела № П-2011, для этого Вам необходимо обратиться с письменным заявлением на имя начальника Управления ФСБ по Кемеровской области по адресу: г. Кемерово, пр. Советский, 65. Одновременно разъясняю, что согласно ст. 1.1 Закона РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», подвергшимся политическим репрессиям и подлежащими реабилитации признаются:

- дети, находившиеся вместе с репрессивными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменившими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении;

- дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам. В данной ситуации справку о реабилитации может получить только сын Кабина Н.Н. – Владимир, 1936 года рождения, т.к. остальные дети Николая Николаевича родились после его освобождения из мест заключения.

Старший помощник
прокурора области
В. Г. ПОПОВ»

Вернувшись из застенков, Николай восстановился на работе в ОТК и здесь, в Прокопьевске, 1 сентября 1940 года родилась очередная (после Аннушки) дочка Тамара. Теперь уже впятером (папа, мама, Владимир, Аннушка и Тамара) стали жить и работать. Вернее, работал только отец. Но поработать ему пришлось недолго – 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. А уже вечером этого же дня Николаю пришла повестка в военкомат. Его направили на учебу в Омскую школу младших командиров. Мама вместе со своей подругой и соседкой Дуняшей Галофеевой ездила в Омск, там папе

дали одни сутки для свидания. Свиданка моих родителей происходила в комнате у тети Гути (папиной тётки). В конце 1942 года отцу ещё давали однодневный отпуск на похороны матери Ефросиньи Матвеевны. Затем его семья не видела в течение всей войны – целых 5 лет. После окончания пехотной школы младший лейтенант Кабин был отправлен на Воронежский фронт в составе 22-й Сибирской стрелковой дивизии. Здесь он получил первое боевое крещение, будучи назначенным командиром сначала пулеметного взвода, а затем и пулеметной роты. И здесь, под Воронежем, зимой 1942 года он получил и первое тяжелое ранение.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Вот как он рассказывал об этом: «Зимой, сидя в окопе перед боем спиной друг к другу (чтобы согреться), мы с моим товарищем положили головы на плечи друг другу и задремали. Во сне ко мне явилась моя мама Ефросинья Матвеевна. Я знаю, что она умерла, и говорю ей: «Мама, тебя же уже нет в живых». А она молчит и только рукой меня зовет к себе. От этого видения я и проснулся. Тишина вокруг. Может быть, из-за того, что у меня затекли ноги, я сначала перевернулся на другой бок и затем, сменив положение тела, привалился головой к другой – противоположной стенке окопа, так что мы с моим товарищем стали упираться ногами друг в друга. То есть легли на дне окопа «валетом». Только я стал засыпать – начался артобстрел: полетели мины и снаряды. Одна из немецких мин попала прямо в наш окоп. И попала именно в то место, где недавно лежали и соприкасались наши головы. От взрыва меня подбросило. Я проснулся уже в воздухе, куда меня подкинуло ударной волной из окопа (а может быть, я сам выскочил) и контузило (ничего не помню!). Когда очнулся, увидел, что у меня оторвало подошвы на сапогах вместе с пальцами на правой ноге (это выяснилось уже в госпитале). А вот моему другу совсем не повезло – ему оторвало голову! Так моя мама спасла меня на фронте». Отца отправили в госпиталь. Сделали операцию, ампутировали несколько пальцев на ноге. Пока папа лечился в госпитале, под Воронежем погибла почти вся дивизия сибиряков. Примерно в это же время пропали без вести (по данным архива Прокопьевского городского военкомата) и папины братья: Леонид Николаевич (19.08.1919 г. – 19.02.1942 г.) и Александр Николаевич (14.02.1921 г. – ноябрь 1941 г.).

Великую Отечественную войну старлей Кабин закончил командиром пулеметной роты под знамена-

ми 204-78 гвардейской ордена Суворова Вислинской стрелковой дивизии в Чехословакии, а точнее в городе Праге, куда был переброшен буквально из-под Берлина.

Из истории России мы со школы знаем, что в апреле 1945 года в Праге началось неподготовленное антигитлеровское восстание. Для спасения чешских патриотов Красная Армия по приказу Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина и маршала Георгия Жукова развернула от Берлина несколько танковых подразделений, посадила на танки «пехоту-матушку» и сделала молниеносный механизированный марш-бросок из Германии в Чехословакию. Были спасены многие жизни чехов и словаков и сохранена от разрушения красавица Прага. Эти события очень хорошо показаны в телевизионном фильме «Майор Вихрь». Жаль, что многие школьники не знают о замечательной операции Красной Армии.

ВСТРЕЧА С ФРИЦЕМ

Однажды я спросил у отца: «Бать, у тебя много боевых наград. Их просто так не дают! Ты командовал пулемётчиками, они буквально «косили» очередями врагов. А вот ты убил хотя бы одного?» Отец долго молчал, а потом рассказал историю... «Когда идешь в бой и стреляешь, то не видишь – попал или не попал. И кто попал? Может, фриц просто спрятался в окопе. Но однажды в Прибалтике заняли мы большой замок. Видно, старинный, с вензелями и геральдическими щитами. Выбив немцев с первого этажа, я приказал поставить пулеметы повыше, на крышу. А сам побежал по зданию с пистолетом в руке. Бои были затяжные, некогда было помыться, я был чёрный от окопной грязи и копоти горящих танков. Короче, как шахтёр после смены – блестели только глаза да губы, как у негра, выделялись (это я потом в зеркале себя увидел). Ну вот, бегу я по замку и вбегаю в каминный зал. Зал огромный, с высокими сводами и тёмный. Был поздний вечер. Вижу, около камина на фоне языков пламени человеческий силуэт. Стреляю на всякий случай в воздух, кричу: «Сдавайся, гад!» С каминного кресла пытается встать какой-то человек в старинной форме с галунами (я подумал, что генерал какой-нибудь). «Ну, – думаю, – Николай, верти дырку для ордена! Не каждый раз генерала в плен берут!» А он привстал и лопочет: «Русиш, русиш, о, майн Гот!» Схватился за сердце и... помер. Видно, со страху – увидев чёрного с кровавыми глазами русского. Именно такими нас и представляли всякие геббельсы и гитлеры своему народу. Правда оказалась

страшнее. Он действительно оказался генералом, но только ещё кайзеровской Германии, хозяином большого поместья и этого замка. Пенсионер, по-нашему. Вот так я оказался «виновником» смерти немца! Смерти, которую я видел в глаза. А вот своего Героя Советского Союза за пленного генерала я не получил. А жаль!»

О НАШЕМ БАТЕ ПИШУТ

Отца уважали на шахте. Свидетельство тому – передовица с его портретом в многотиражной газете «Голос шахтёра» № 15 (1816) от 15 мая 1986 года, органе партийного, профсоюзного комитетов и администрации ордена Ленина шахты «Зиминка». «Вчера исполнилось 70 лет одному из ветеранов «Зиминки» Николаю Николаевичу Кабину. Он был самым старшим в семье, из восьми детей. В 1930 году семья из деревни переехала в Прокопьевск, здесь Николай окончил школу «стройуч» и поступил на только что открывшуюся шахту «Зиминка». Сначала был разнорабочим, потом учеником откатчика, учеником взрывника, хронометражистом. В 1934 году по направлению комсомола стал работать в инспекции по качеству угля, где оставался до самой войны. Кабина призвали в армию на второй день войны. После окончания военно-пехотного училища младший лейтенант Кабин был назначен командиром пулемётного взвода. Полную чашу пришлось испить горя, лишения, тревог. О том, как воевал Николай Николаевич, говорят его награды: орден Красной Звезды и орден Отечественной войны первой степени. Был ранен и вновь вернулся на фронт. Когда мы попросили Николая Николаевича поделиться воспоминаниями о военных годах, он стал рассказывать о своих товарищах, о земляках, которые воевали рядом с ним, проявляя чудеса героизма. О себе же Николай Николаевич, человек удивительной скромности, рассказывал очень скупо. Н. Н. Кабин воевал до самого окончания войны, до самого Дня Победы, а потом вновь вернулся на родное предприятие и трудился до ухода на пенсию. От всей души и чистого сердца поздравляем заслуженного ветерана войны и труда с юбилеем. Желаем доброго здоровья, бодрости, неиссякаемой энергии и чистого, мирного неба над головой. С днём рождения, уважаемый Николай Николаевич! Администрация, партком, профком».

Конечно же, журналист готовил эту статью ко дню рождения отца, которое мы отмечали 19 декабря. Однако по каким-то причинам опубликовали её только ко Дню Победы 15 мая. Поэтому и ошибся

(забыл отредактировать) начав её со слова вчера. Ничего не сказано и о репрессиях 37-го года. Видно, время тогда не подошло, хотя Горбачёв со своей перестройкой уже был у власти.

А БЕЗ ВОДЫ И НЕ ТУДЫ, И НЕ СЮДЫ!

(байка от моей сестры Тамары Николаевны)

«Наш дом на «Зиминке» всегда был полон гостей и родни. Особенно много народу прибывало поближе к лету, когда поспевали в огороде овощи, салаты, ягода и зелень всякая. Внучата на лето всегда стремились к «бабушке молодой», подкормиться с огорода. Однажды и мы с Севера приехали всей семьёй. Дело было на Ивана Купалу, по старой русской языческой традиции в этот день начинался официальный купальный сезон. Все обливались. Особенно резвилась детвора. Валентин (мой муж) «сидел» в малиннике, собирал ягоду. Дочки, Марина с Людмилой, бегали с визгом друг за дружкой по огороду, поливая друг друга из баночек водой. Наш папа, Николай Николаевич, тоже занимался делом – поливал кусты смородины, таская одно за другим вёдра по огороду. Был он, как всегда летом, в «семейных» (больших, ниже колен) ситцевых трусах. Закончив поливку, набрал полные вёдра и понёс их ближе к дому – «про запас». Навстречу выбегают мои девчонки: Маринка с пустой банкой, а за ней Людмила с полной. Мама кричит из окна: «Марину держи, деда!» А он подумал, что его жена просит Марину держать деда для того, чтобы облить водой (надо сказать, наш папа с детства очень боялся воды). Услышав «держи деда», забыл про свой радикулит, бросился наутёк, смешно подпрыгивая и перескакивая через грядки. Через несколько секунд где-то вдали, почти в соседском огороде замелькали его трусы. Такого хохота я уже никогда не слышала от нашей мамы: подбочившись, положив руки на бёдра, хохотала она над своим благоверным, испугавшимся баночки воды. «Чего-ж, ты, Коля, бегаешь-то, по грядкам?» – спросила мама своего мужа через некоторое время. Еле отдышавшись и снова схватившись за свою поясницу, наш папа ответил: «Мне послышалось, что ты Маринку попросила задерживать деда, для того чтобы Люда облила водой».

Тамара далее вспоминает ещё один случай с папой из семейной жизни.

БАЗАРНАЯ

«Когда наш папа был уже на пенсии, он стал носить на базар зелень, чтобы получить прибавку в семейный бюджет. Поэтому и садили они с мамой

всегда очень много грядок, особенно с луком (по 12–15 грядок). Почему лук? Да потому что лук рано поспевал, ещё в апреле, после схода снега. И вот эту первую зелень он и носил рано поутру на базар, в район новостроек, на Тырган. Таких, как он, было много в нашем городе, уже тогда шла серьёзная конкуренция в частной торговле. Но он всегда очень быстро заканчивал торговлю. Во-первых, мужчина, да ещё в шляпе и при галстуке (а вокруг на базаре только тётки); во-вторых, он использовал «демпинговые» цены – его пучок лука был на 10 копеек дешевле, чем у других; и в-третьих, к каждому пучку лука давалось бесплатное приложение – кучка укропа. Почти готовая окрошка. Таким образом, используя свои «купеческие» гены потомков абинцев, он имел прибавку к пенсии, получая ещё и удовольствие от торговли».

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Наш папа очень любил ездить в гости к своему брату Виктору. Любил потому, что жили они достаточно «близко» друг от друга – километрах всего в двадцати. Наш посёлок Зиминка находился на северной окраине города Прокопьевска и примыкал к южной части города Киселёвска. Нас тогда разделяло лишь большое поле, гора Маяк да посёлок Суртаиха, где, кстати, жил мамин брат Митрофан Лаврентьевич Толкунов с семьёй. Отец, пользуясь своим «административным ресурсом» (как-никак начальник ОТК), заказывал иногда на конном дворе шахты по выходным дням бричку – двухколесную повозку с монголкой – лошадкой монгольской породы. Грузил в неё гостинцы для братьев (своего и маминного), брал кое-кого из нас, своих детей, кто подвернётся под руку (Сашку, Ленку или меня), и мы совершали свой «парадный» выезд в другой город. Мы очень любили такие выезды, потому что на просёлочной дороге нам разрешалось поуправлять лошастью. Дядя Витя Кабин славился в Киселёвске, да и в Прокопьевске, своим садом. Вот действительно был настоящий мичуринец: постоянно скрещивал ранетки с яблонями, груши со сливой, ещё что-то с чем-то. Яблоки у него были, как в магазине, – крупные, вкусные, сочные и необычайно ароматные. Варенье, которое он нам давал в подарок при отъезде, было просто объедение. Батя часто брал у своего брата различную рассаду, но то ли климат у нас в Прокопьевске был иным, чем в Киселёвске, а может, руки не те, не знаю, однако у нас в саду росли хорошо только вишни с крыжовником, яблочки-попелульки да смородина с иргой. А у дяди Вити –

и абрикосы, и арбузы, и облепиха, и жимолость, и другая дивность!»

ДЕЛА МИЧУРИНСКИЕ

«Наши родители и дед Николай Васильевич Кабин, разведя «киселёвские» яблоньки, обеспечили всю родню хорошей рассадой. Многие соседи просили у них саженцы, и они им раздавали. В результате по всей округе через три-четыре года зацвели и заблагоухали, стали плодоносить яблони от дяди Вити киселёвского. Местная шпана всегда с вождением смотрела на наши и на соседские сады. По осени начинались набеги. Самое смешное, что мы с Леонидом, несмотря на множество яблонь у себя в огороде, иногда (а по-честному, почти всегда) участвовали в этих вылазках. Воровская ли романтика, проверка ли своего характера, а больше, наверное, стадный инстинкт сподвигали нас. Однажды, скучковавшись в бригаду из 20 человек, полезли в соседский сад, к Ковалёвым, у которых яблоки были наиболее аппетитные. По-пластунски, партиями по пять человек поползли к яблоням. Через 15 минут доползли. Но тут открылась калитка и во двор вошли человек десять Ковалёвых (их, вообще-то, в большом доме проживало четыре поколения, человек 25). Они как назло возвращались поздно из гостей. Увидев их, мы бросились вниз по саду, отступая к речке и закрывая свои лица, чтобы не узнали в нас своих соседей. Ушли бы мы от их погони запросто! Да вот незадача: огород оказался длинным, метров 300, а по всему периметру лежала путанка — такая мелкая проволока, которую используют войска при охране важных оборонных объектов. Человек или животное, нарушающее границы режимного объекта, буквально запутывается в ней. Поэтому она так и называется. В этой проволоке всем отрядом мы и запутались. Взяли нас тепленькими всех до единого, освобождая по очереди. Стыдобница! Нас построили в горнице по росту, как в армии. Мне предъявили личную претензию: «Яблони-то мы брали у вас, Кабиных!» Стали наши соседи советовать, что делать с ворюгами. Одни советовали спустить в погреб до утра, другие навели ужас, предлагая полить холодной водой, чтоб остудить воровской пыл. Старший дед Ковалёв вынес на подносе яблоки и стал набивать рот нашему главарю — Юрке Шабалину (кличка Шабала). Затем с размаху ударил кулаком, размером с кувалду, по губам «пахана». Куски яблок стали падать на поднос из его рта. Выпал и один передний зуб! Ужас! Увидев это, Ковалёвы решили, что переборщили с наказанием

(так можно и самим под суд пойти). Поэтому составив «чёрный список», отпустили до утра, до разговора с родителями. Потом начались родительские разборки, влетело и мне по полной программе. На яблоки домашние я не мог смотреть ещё лет пять. А при встрече с Ковалёвыми перебежал на другую сторону дороги или менял маршрут, огибал их за километр. Вот такая «мичуринская» история осталась у меня в памяти! Воровать, друзья мои, родственнички дорогие, яблоки (у соседей особенно) нехорошо!»

Р. С. Самое смешное, будучи уже в старших классах школы, я долгое время дружил, а затем в армии переписывался с дочкой Ковалёвых — Надюшкой, красавицей и прямой нашего школьного драмкружка.

КУЛИНАРНО-ОРУЖЕЙНАЯ ЛЮБОВЬ

Моя бабушка, Прасковья Спиридоновна, запомнилась мне особенно своим борщом. Такого вкусного и наваристого борща я никогда больше не ел! Иногда, похлебав дома постного супа (наша мама Мария Лаврентьевна, или баба «молодая», из-за болезни печени всегда готовила дома супы и борщи без сала), а Прасковья Спиридоновна (баба «старенькая») всегда добавляла по просьбе деда в еду вареное сальце. Вот я и шёл к ней в гости и с удовольствием наворачивал ещё пару тарелок жирного наваристого борща. Наш дедушка Николай Васильевич был достаточно известной личностью в поселке Зиминка, так как работал сторожем в шахтёрском магазине и слыл маленьким спекулянтом. На свою пенсию ежемесячно закупал по ящику водки и бурдамаги — портвейна. И у него всегда в вечернее и ночное время, когда магазин был уже закрыт, можно было купить бутылочку водочки или портвейна. Ну, конечно же, с ночной наценкой. Сам он принципиально не употреблял купленную государственную водку. Имел запас алкоголя самодельного производства. Дома он постоянно ставил брагу в деревянном логушке (так он называл двухведерную тару с затычкой). Собираясь вечером на работу, принимал на грудь свои двести граммов из логушка, наливал в бутылку еще пол-литра. Делал кляп из газеты, затыкал бутылку и прятал её от бабки в потайной карман. И только затем, закинув на плечо свое оружие (ижевскую двустолку), шёл на дежурство. Этот ежедневный, вернее, ежевечерний ритуал до сих пор отпечатан в моём сознании, как на киноплёнке. Дед обладал очень специфическим чувством юмора. С ним всегда случались смешные истории. Одну

из них попытаюсь сейчас воспроизвести. У деда, как сейчас помню, зубов своих было маловато, а если честно сказать, всего три зуба. И вот однажды (как он мне сам лично рассказывал) решил он один из этих зубов удалить, так как тот очень уж сильно шатался и мешал ему «кушать». В больницу идти деду было лень, а может быть, как почти все мужчины Кабины (выдам большую и страшную семейную тайну), он боялся боли, особенно зубной. Поэтому сам себе решил сделать операцию по удалению зуба. Ночью, проверив вверенное хозяйство, отпустив с привязи свою беспородную собачку по кличке Пират (а надо сказать, почему-то всех собак, которых мы держали дома, называли Пиратами), он привязал свой больной зуб дратвой к большим магазинным весам. Присел на стул возле весов и стал потихоньку тянуть голову вверх. Нитка натянулась и потащила за собой дедовский зуб. Стало больно. Остановился. Отхлебнул пару глотков из своей домашней бутылки и, приняв первые ночные сто граммов, потянул снова зуб. Стало ещё больнее. Повторил глоток из бутылочки для смелости. И так – несколько раз! Хлебал, цедил сквозь зубы свои законные ночные граммы до тех пор, пока его не сморило и он не задремал, сидя на стуле около весов. Долго ли он проспал, никто не знает. А тут на беду пришел проверяльщик – начальник охраны. Собака затыкала, предупреждая своего хозяина, что, мол, вставай, чужак пришёл! Дед, услышав Пирата, быстро вскочил со стула, схватил своё оружие, забыв, что был привязан за зуб к весам, и побежал открывать начальству дверь. Зуб, конечно же, остался висеть на верёвочке. Вспомнил он о своей зубной операции лишь тогда, когда утром уже уходил со службы домой и когда пришли продавцы и открыли магазин для покупателей. Потом Николай Васильевич всем с гордостью показывал свой «геройский» зуб и рассказывал об этой удивительной безнаркозной операции. Я очень любил приходить к своему деду в гости (так назывался поход через две улицы). Он тоже радовался приходу внука, давал смотреть фотоальбом, рассказывал о родне, разрешал разобрать и собрать ружьё (кстати, чистить своё ружьё он доверял только мне, зная мою любовь к оружию).

ПЕРЕХОДЯЩИЙ СЕМЕЙНЫЙ ПРИЗ – ОТЦОВА ГИМНАСТЁРКА

В нашей семье все мужчины любили военную форму. Батин военный китель офицера долго висел у нас в семейном шкафу. Отец его не надевал, так

как он был примерно 46-го размера. Я был самым хлюпеньким из братьев, он был впору только мне. Я его иногда надевал: то для школьных спектаклей, где играл советских офицеров, то просто так – покуривать у зеркала. Отцова военная гимнастёрка с кантами, так называемая ЧШ (чисто шерстяная), тоже послужила нашей семье долго. Сначала Сашка попросил её выслать в Читку перед дембелем. Как он её надевал на свою богатырскую грудь, неведомо никому. Но домой пришёл в ней. Затем через два года её выслал уже мне на Дальний Восток. Придя из армии, через год я отправил её Леньке на Камчатку. Так и переходила батина гимнастёрка с одних братских плеч на другие. Очень красивая! И самое главное – очень модная и редкая! Где ты теперь, отцова гимнастёрка?

ПОСТРЕЛЯЕМ, БРАТ!

Любовь к оружию тоже приняла у нас в семье специфический характер. Про дедовскую тулку я уже говорил. Но кроме того у каждого «жигана» нашего хулиганского посёлка Зиминка в доме были самопалы или самодельные пистолеты – «поджиги»: с изготовленными из металлической трубки стволами, с дырочками в них для поджигания пороха спичками и деревянными рукоятками. Однажды, когда в июне я лежал и, загорая, готовился к школьным выпускным экзаменам, Ленька смастерил себе новый самопал и готовился его испытать. Главным моментом являлась процедура замера мощности поджиги по пробиванию досок. Чем больше досок будет пробито зарядом, тем мощнее оружие у «конструктора», тем больше его авторитет в посёлке. Итак, Леонид установил около моей головы (занятой алгеброй, в которой я ничего не понимаю до сих пор) несколько досок и... поджёг фитиль, чиркнув спичечным коробком по головке фитиля. А для того, чтобы уберечь свои глаза от возможного разрыва трубки (ствола), отвернул голову на девяносто градусов от руки, державшей самопальный пистолет. При этом его рука со стволом непроизвольно сместилась в сторону моей головы... Грохнуло так, что я свалился с подстилки, на которой загорал; в воздух поднялись все зиминские голуби и дрозды; соседи высывались из окон своих домов – не война ли? Ленька, держа руку с поджигой сзади за спиной, подбежал к доскам, которые только что соседствовали с моей головой, и стал проверять, сколько досок пробили гвозди, которыми он зарядил своё устройство. Я, оглохнув от неожиданного взрыва и ещё ничего не слыша, посмотрел на его руку: поджиги не было –

её разорвало. В руке он сжимал только остатки рукоятки. Остальное улетело в соседний огород, к Толмачёвым. Разворотило взрывом и правую ладонь. Крови не было до тех пор, пока Ленка не посмотрел на руку. А когда посмотрел, кровь хлынула, как из водопроводного крана, еле остановили. Кое-как перебинтовав раненую руку, я его отправил в шахтёрскую травматологию. Подсказал ему, как надо говорить: что, мол, рану получил при рубке топором дров для печки. Но милицию просто так не проведёшь! Рана-то была огнестрельная да ещё и воняла порохом. Вскоре приехали милиционеры с настойчивым предложением – сдать оружие! До их прихода я, как опытный конспиратор (вспомнив мамины гранаты под домом в годы Гражданской войны), успел утопить в туалете за домом все боевые запчасти, разрубил доски с гвоздями-пулями, стёр кровь и выбросил окровавленные тряпки и бинты. До сих пор не знаю, как я сам остался живым после «полигонных испытаний» младшего брата? Родителям, конечно же, сказали, что Леонид поранил руку при рубке дров. Тем более – суббота, банный семейный день. Нас с младшим братом, правда, поставили на милицейский учёт – как потенциальных правонарушителей. Об этом смешно вспоминать сейчас, когда я имею на руках удостоверение члена Общественного совета при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области. Но тогда нам было не до смеха!

ЛЕЖАЧЕГО НЕ БЬЮТ

Любовь к театральному искусству у меня возникла после того, как мы с Сашкой сходили на спектакль Прокопьевского драмтеатра. Но в 2007 году мы с сестрёнкой Тamarой побывали в гостях у нашей старшей сестры Аннушки, проживающей в Приангарье, – это мне напомнило детскую историю о том, когда мои актёрские способности впервые проявились.

В начале 50-х, когда мне ещё не было и пяти лет, я очень любил дружить со взрослыми. Всегда бегал за Тamarой и Аней. Они уже учились в старших классах, и мне с ними было интереснее, чем со сверстниками. А им я уже мешал, так как у них появились «женские» секреты. И вот однажды я по привычке поплёлся за Аннушкой, когда она пошла к своей школьной подруге и соседке Валентине Никишовой. Анютка пыталась от меня отвяжаться: и запугивала, и замахивалась на меня своей рукой, и строгим голосом запрещала идти за собой. Но я, проявив настойчивость (сейчас это называется наглостью), не

отставал. Она прибегла к последнему «воспитательному» средству: взяла в руки прутик от тополя и хлестнула меня поперёк спины. Боль была ужасной, я громко вскрикнул и... (вспомнив мамины слова, что лежачего в нашей семье не бьют), упал «бездыханным». Прямо в дорожную пыль нашего переулка. Аннушка, испугавшись, взяла меня на руки (благо, был достаточно худеньким) и с плачем понесла обратно домой. Я (хотя и было не очень-то удобно лежать на её руках) не подавал признаков жизни, даже «и не дышал» (по её словам). Так со мною на руках плачущая сестрёнка и пришла к нам во двор. Мать, испуганно выглянув в окно и увидев «безжизненное тело» своего предпоследнего сыночка с повисшими руками и ногами, выбежала навстречу. Сестрёнка вся в слезах протянула сына матери: «Мамочка, он не дышит! Хотя я его не сильно стегнула прутиком». Мария Лаврентьевна, подойдя поближе и заметив дрожащие ресницы сына-шпингалета, раскусила театральный трюк Славика. Вот её знаменитая реплика, вошедшая в наши исторические хроники: «Давай будем лечить! Принеси-ка, Аннушка, отцов солдатский ремень, да побыстрее – пока наркоз не отошёл». Услышав про ремень, являвшийся главным воспитательным средством в нашей многодетной семье, я сразу же «вылечился». Спрыгнул с Аннушкиных рук и стремглав бросился на улицу. Кстати, офицерский отцовский ремень с самой войны висел на одном и том же месте, на крючке, слева, как войдешь на кухню. Его никогда никто не трогал – ни отец, ни мать, ни дети, а потом и внуки с правнуками. Как семейный талисман, тотем, он словно напоминал детям, бывавшим в нашем доме, что наказание за шалость будет быстрым и справедливым. Хотя на моём веку его никто и никогда не применял. Перед праздниками мать тщательно протирала его мокрой тряпочкой от пыли. А затем торжественно вешала на стенку – на своё законное место.

SOS, ИЛИ «СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ»

Как уже говорилось, в детстве я любил играть не со сверстниками, а с более старшими. Однажды мой старший (на три года) брат Саша побегал со своими одноклассниками на стройку новой шахты. Тогда там можно было добыть много интересных для нас вещей и сдать как металлолом, чёрный или цветной. Я вприпрыжку поскакал за ними. Но Шурик остановился и маленько поколотил меня, объяснив, что они идут на очень опасное дело. Вытерев слёзы обиды, я дождался, когда он догонит своих друзей,

и вновь побежал за ними. Но тут на моём пути оказалась река Аба, метра полтора шириной, которую старшие пацаны просто перепрыгнули. Аба из чистой проточной речки к 60-м годам прошлого столетия превратилась в простую сточную канаву. В неё спускали отработанную воду соседняя обогатительная фабрика шахты «Зиминка 3-4» и вокруг лежащие автотранспортные предприятия. Я побоялся прыгнуть. Ниже по течению увидел большую доску. Она узким мостком перегородила Абушку. Сгоряча я прыгнул на середину доски и... камнем пошёл под воду. Стояла ранняя весна. Вся наша поселковая шпана ещё не перешла на летнюю форму одежды. На мне тоже было зимнее пальто и резиновые сапоги. Как водолаз в полном снаряжении, я пошёл на дно. Глубина метра полтора. Мой рост – примерно 120 сантиметров. Вот эта разница в тридцать сантиметров чуть и не стала для меня роковой. Всплыть я не мог. Силёнок выгрести на берег не хватало (да и плавать я тогда ещё не умел). Как стойкий оловянный солдатик, общим весом около 100 кг, стоял в полной темноте на илистом дне нашей Абушки. Дальше не помню. Очнулся от того, что мой брат бил меня по щекам и сам... плакал. Да, Саша плакал! Хорошо, что, оглянувшись, он увидел, как я «нырнул» в речку. Вытащил меня на берег буквально за уши. Будь Аба здесь поглубже хотя бы на полметра, некому было бы писать эти строчки! Домой мы не пошли, чтобы не волновать маму, а двинулись к нашему любимому дедушке Николаю Васильевичу Кабину, что жил рядом с Абушкой. Подсушились там и только тогда вернулись вместе с братом домой. Так состоялось моё незабываемое крещение в знаменитой реке Абе, корни названия которой есть в нашей фамилии.

ПЕРВЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРОДЕЛКИ

Особо в детской памяти сохранилась такая картина. Летний вечер. Спала дневная жара. По переулку движется цугом наша многочисленная семья. Девчонки с коромыслами через плечо, парни с ведрами шли за двести метров на водопроводную колонку в конце переулочка. Пора поливать огород и сад. Вылив под каждый куст по ведру воды, мы наполняли шахтерскую вагонетку объемом около четырех кубов и несколько вкопанных бочек – создавали стратегический запас. Регулярно в поселке лопались водопроводные трубы из-за того, что уголь в шахтах добывали взрывным методом. От взрывов постоянно дрожала земля, ходуном ходили хибарки, стайки, баньки и дома. Часто посёлок сидел без воды, жда-

ли, когда трубы отремонтируют. Поэтому и наполняли про запас все ёмкости. Руки болели, спину не разогнёшь, но понимали, что огород – наш кормилец. Денег постоянно не хватало. Младшим приходилось донашивать одежду старших. Сколько себя помню, мать всегда перешивала по вечерам юбки, кофты, брюки, рубашки на немецкой трофейной машинке «Зингер», которую папаня привёз с фронта. Стыдно было приходиться в школу 1 сентября с Сашкиным портфелем, потрепанным в уличных боях. Другой колленкор – актёрская эстафета, переданная старшим братом. Именно Сашка повёл меня впервые в Проккопьевский драмтеатр на спектакль «Всадник без головы». Я влюбился в театральное искусство. Став участником школьного самодеятельного театра в девятом классе, я заменил моего брата – выпускника Сашу. Так же, как и ему, мне поручали комические роли. Особенно запомнилась роль молодого аспиранта из комедии Дыховичного «Свадебное путешествие». Этот спектакль в трех действиях мы сыграли несколько раз, в том числе и на сцене Дворца культуры шахтёров нашего посёлка. Помню, что после антракта, в начале второго акта, нам по режиссерской задумке пришлось играть в темноте, лёжа на раскладушках. Появляться перед зрителями должны были «в неглиже», то есть в трусах. Для пущего театрального эффекта я надел самые большие – батины (примерно шестидесятого размера, сатиновые). Предварительно выгладил их, как галифе, сделав стрелки по бокам, и подшил снизу кистями от старых домашних шторм. Когда мы легли, я не заметил, что пара кистей от шторм попали в зазор между частями складной кровати и защемились. Зажёгся свет, извещающий о том, что начался новый акт, нам нужно было быстро вскочить и далее действовать по сценарию. Вскрываю! Меня кровать не отпускает. Вновь пытаюсь подняться – раскладушка тянется за мной! В горячке, когда некогда было анализировать ситуацию, рвусь со всей мочи... и оставляю трусы на кровати! Зал не мог успокоиться от смеха минут десять. «Ржачка» в зале и аплодисменты стояли такие, какие я больше никогда в жизни не срывал – ни на театральной, ни на какой другой сцене.

БЕЗ ПРОКЛЯТЫХ ДНЕЙ

(очерк в форме письма)

Эмилия Васильевна, здравствуйте!

Давно собирался Вам написать письмо, да обстоятельства не позволяли. А тут случайно узнал, что Вы дали согласие обобщить весь Ваш жизненный опыт: педагога, организатора, советского

и партийного работника, одного из руководителей Совета народных депутатов Кузбасса. Хотел бы напомнить Вам некоторые события, связанные с Вашим непосредственным участием и те, которые происходили на моих глазах. Буду очень рад, если мои воспоминания каким-то образом помогут Вам создать хронологию тех далёких и в то же время близких дней, участниками которых мы были вместе с Вами почти 40 лет назад. Пусть это письмо будет хоть и запоздалым, но объяснением в любви к Вам как женщине и как к человеку, с которого не стыдно брать пример в отношении к жизни. Вас, молодого специалиста, после окончания педагогического института направили по распределению в прокопьевский посёлок шахты «Зиминка». Шахта получила такое название потому, что раньше к местам, где залегали большие пласты угля, можно было добраться только по зимнику – скованной морозом болотистой дороге. Так и прижилось в народе название «Зиминка», которое стало официальным. Шахтёры понастроили вокруг своей шахты-кормилицы деревянные постройки, сараюшки, хибарки, используя старые железнодорожные шпалы и доски для обшивки угольных забоев – затяжки, что лежали на шахтовой лесопилке в большом количестве. Строили, строили да и построили посёлок и назвали его так же, как и шахту. Так что мы с Вами, Эмилия Васильевна, зиминцы. Как Вы помните, главными достопримечательностями нашего посёлка были: церковь, рядом – пивной ларёк, называемый всею «У попа», да наша самая крупная, кирпичная двухэтажная средняя общеобразовательная школа № 24, куда Вы и прибыли учителем истории. Контингент, надо сказать, достался отчаянный. Обычный хулиганский посёлок, где взрослые решали свои проблемы (работа, огород), чтобы кормить семью, а ребята – свои, выясняя, кто сильнее. Если дома в посёлке почти все имели затрапезный вид (шахтёрские семьи жили бедновато), то школа казалась дворцом – светлая, с мраморными лестницами. Но классов всё равно не хватало, учиться приходилось в две-три смены. Как Вы ни бились, с перераспределением учебной площади ничего не получалось. Пришлось рядом строить ещё одну школу – одноэтажную для 1–4-х классов. Народ был крепким, особенно женщины. Назло всем демографическим законам рожали и рожали. Да и государство стимулировало: многодетным матерям вручались медали, а это почёт и уважение, да и денег подбрасывали к медалям. На праздники – подарки, хотя и скромные, но от души! Медработники не менее

одного раза в месяц обязательно приходили в дом к ребятам, внимательно следя за их развитием. Вы своим появлением буквально совершили «культурную революцию» не только в школе, но и в посёлке. Мой старший брат Александр, чтобы Вам понравиться, купил даже галтук-бабочку. Похожую носил кумир нашего поколения Робертино Лоретти – итальянский мальчик с ангельским голосом и нестареющим хитом «Джамайка». Вы всегда были подтянутой, стройной девушкой с косой, которую укладывали на макушке для солидности. Учителя в нашей школе были разными: и нервно-крикливыми, и флегматичными классными дамами, но с обязательными белыми отложными воротничками и рюшками. Особая категория – «пофигисты», которым «по фигу» было, одет или раздет школьник, как он себя ведёт на уроках или дома. Главным для них было оттарабанить свои 45 минут урока – и домой. С Вашим появлением в школе подтянулись даже самые отпетые со школьной камчатки – последних парт. Особой Вашей любовью «осчастливились» курильщики. Как Вы помните, Эмилия Васильевна, школьная курилка находилась метрах этак за пятьдесят от основного здания, в помещении под названием «М» и «Ж», единственное место, где можно было на переменке спокойно затянуться ворованной у отца папиросой, не попав на глаза классной руководительнице. После звонка сюда рысью мчались ученики. Дым валил из всех щелей. словно невидимый кочегар подбрасывал в паровозную топку свежий уголёк. Из рук в руки передавались «ахнарики» и «бычки». Свобода закончилась, когда в эту мужскую половину зашли Вы, Эмилия Васильевна. Немая сцена получилась почище, чем у Н. В. Гоголя в «Ревизоре». Бычки сразу прилипли к пересохшим от страха губам, некоторые с перепугу положили свои «ахнарики» в карманы брюк. Итог известен – дыра в штанах, взбучка от родителей и т. д. С тех пор в туалете процесс курения хотя и продолжался, но в более скромных масштабах.

Ваше нестандартное ведение уроков по истории нашего государства не оставляло равнодушным учеников, а заставляло размышлять, искать дополнительный материал и литературу. Сравнивать нам, ученикам, было с кем. Ваша предшественница оценки ставила по географическому принципу. Те, которые жили рядом с ней на улице, всегда получали хорошие отметки, а кто жил подальше – тройки. Ну, а самые дальние – «неуды». Но с Вашим приходом всё изменилось. «Про декабристов вы прочтёте в учебнике, а я вам расскажу про их жён, которые от-

правились вслед за ними в Сибирь, – в холод, голод, неизвестность!» Дальше – слова, понятные любому двоечнику. Или же, чтобы взять аудиторию «за жабры», Вы задавали вопрос: «Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин в сапогах?» Это мы сейчас можем сказать, потому что оба они ходили по земле, а тогда, в 60-е годы, начинали размышлять, что для Сталина сапоги – грузинский национальный признак, как и его усы. Раньше, до Вас, оценивалось лишь знание исторических дат, разница между Гегелем и Бебелем, Марксом и Энгельсом, а Вы научили обобщать исторические события. Вы отлично понимали, что ребёнка нужно было оторвать от улицы, загрузить его в школе не только учебными занятиями. В школе появился отличный драматический кружок, которому по плечу было поставить трёхактную комедию А. Дыховичного «Свадебное путешествие». Причём на сцене играли не только школьники, но и педагоги: физик Виктор Васильевич Савельев и будущий детский писатель Эдуард Гольцман (педагог по эстетическому воспитанию). Мне также посчастливилось сыграть одну из главных ролей – молодого аспиранта. Тот оглушительный успех, который обрушился на нас, самодеятельных актёров, перевернул мою судьбу. Я решил связать свою жизнь с театральным искусством. Окончив после службы в рядах Советской Армии режиссерское отделение Кемеровского государственного института культуры, получил дополнительное образование в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС, город Москва), работал в филармонии и в театре оперетты Кузбасса заместителем директора. С ностальгическим чувством вспоминаю те далёкие 60-е годы, когда судьба свела нас вместе на окраине города Прокопьевска. Кроме искусства в нашей школе серьёзное внимание уделялось развитию физкультуры и спорта, до позднего вечера горели огни в школьном спортивном зале, секций было около десятка: легкоатлетические, лыжные, баскетбольные и волейбольные. Я как дорогую реликвию храню в своём архиве грамоту, врученную мне за победу в кроссе на 800 метров в соревновании на приз городской газеты «Шахтёрская правда». Вы вместе с ребятами играли в баскетбол, и не случайно наша девичья школьная команда занимала призовые места, ведь её тренировала бывший член сборной студенческой команды Кузбасса и педагогического института, т. е. Вы. А совсем недавно я встретился со своим бывшим одноклассником, который вспомнил, что с Вашим приходом спорт впервые соединился с русскими национальными

традициями. Незабываемы «Проводы русской зимы», когда все ученики за один день построили большую снежную крепость, а на «взятие» этой крепости сбежалось почти всё население нашего посёлка. Тогда впервые мы пили чай, который кипятили на костре сообща: и зрители, и участники штурма. Слово «спонсор» мы тогда ещё не знали, но Вы нашли контакт с профкомом шахты «Зиминка», и нам выделили кое-какой инвентарь и кое-что из призов. А однажды за спортивные заслуги наш класс был премирован поездкой в Москву. Вот была поездка так поездка! При Вашем участии в школе выделили отдельное помещение для музея боевой и трудовой славы. Буквально по крохам собирались фотографии и экспонаты, велась активная переписка с бывшими выпускниками, с государственными архивами по восстановлению истории нашей 24-й школы. И я горжусь, что в музее были представлены некоторые документы и вещи моего отца, старшего лейтенанта, командира пулемётной роты 22-й Гвардейской сибирской дивизии Кабина Николая Николаевича: его трофейная «круповская» опасная бритва, его немецкий аккордеон и письма с фронта.

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Жизнь в столице – особая тема для особого разговора. Скажу только, что на нашем курсе учились будущие сатирики: Виктор Коклюшкин и Михаил Задорнов, а годом раньше – Алла Пугачева. Чтобы нормально жить, аспирантскую стипендию в 90 рублей дополнил зарплатой дворника. Мёл дворы и переулки на московском Арбате, вокруг крупнейшего в столице пивного бара «Жигули». Там тоже маленькие приплачивали. Но самое важное, что дворникам давали служебную жилплощадь. Дали и мне каморку на первом этаже коммунальной квартиры в Арбатском переулке, с общим телефоном. Примерно такую же, как была показана в фильме «Покровские ворота». Вставал часа в 3 утра, подметал свой участок, на нём же собирал пустые стеклянные бутылки и один раз в неделю торжественно нёс их сдавать в ближайший приёмный пункт стеклотары. Начальник арбатского ЖЭКа даже предлагал мне остаться в Москве и работать дворником, но я к этому времени был уже женат в Кемерове. Пришлось возвращаться.

КОММЕРЧЕСКАЯ (НЕ ОЧЕНЬ УДАЧНАЯ)

В 1986 году, с началом горбачёвской перестройки (так тогда назывался процесс, который начал М. С. Горбачёв и который закончился в 1991 году

распадом нашего государства – Союза Советских Социалистических Республик), я ушёл (замечу, что добровольно) на профсоюзную стезю. Горбачёвскую перестройку «пережил» председателем обкома профсоюза работников культуры. С наступлением «капиталистического рая», уйдя из обкома профсоюза (в начале 90-х), создал уникальную в своём роде и единственную за Уралом благотворительную фирму при Кемеровском отделении Российского фонда культуры. За счёт коммерческой деятельности помогал писателям издаваться, художникам выставляться, актерам ставить спектакли, выпускал книги, организовывал выставки и вернисажи. Что было моей ошибкой и глупостью, по словам жены. Она до сих пор упрекает, что, помогая материально другим, я часто «забывал» деньги приносить в семью – обеспечивать будущее детей. Но что было, то и было! Время уже не повернёшь вспять! Работали, забывая подумать о себе. Считали, что всё ещё можно успеть сделать. Вместе с писателем Коньковым Владимиром Андреевичем (Царствие ему Небесное!) учредили «Сибирский родник» – областную газету для творческой интеллигенции. Вступил в Союз журналистов России. Принимал участие в создании нескольких документальных фильмов и стал дипломантом Межрегионального фестиваля конкурса на приз «Золотая кедровая ветвь Сибири» (по типу Канской пальмовой ветви), который придумал, предложил, организовал и провёл совместно с моим коллегой Дмитрием Михайловичем Сазановым в сентябре 2007 года. Не ожидали мы вместе с Димой, что наша затея увлечёт за собой почти 200 человек, создающих документальные видеофильмы. Со всех сторон Сибири и Урала к нам тогда пришёл 161 видеофильм. Сейчас мы с Димой создаём киновидеомузей Сибири.

ВНУЧКА – СОРВИ-ГОЛОВА

С самого своего появления на свет Аленка (моя племянница) давала жару всем. Её плач и детские вопли не давали покоя ни днём ни ночью – маме и деду с бабой. Даже ближайшие соседи по детскому крику, доносившемуся из избы Кабиных, знали, что она приехала «погостить» на Зиминку к деду и бабушке. Леночка, или Элеонора, как мы её звали долгое время, пошла в свою маму – разборчивая в отношениях с мужчинами. На улице Тайбинка, где наша семья жила последние 40 лет, Алёнка по приезде на каникулы всегда верховодила, а вся детская мужская часть населения посёлка всегда вертелась вокруг. Колотила она пацанят нещадно, чем и заво-

евала авторитет и уважение (до сих пор) у местной «братвы». Получив навык обращения с мужским населением и отработав эти навыки в нашем посёлке, Алёнка, проведя «селекционный отбор», вышла замуж за мужчину по фамилии Книжник (родила ему сына Дениса), затем за Кузьмина (ему родила дочку Инночку). Так что у нашей Элен теперь фамилия такая: Кабина-Дьяченко-Суханова-Книжник-Кузьмина. Хоть заноси в книгу рекордов Гиннесса. Так держать, Алёнка!

КАК МУЖ НЕ ПРОШЁЛ ПО КОНКУРСУ

Моя сестра Аннушка женщиной слыла крутой. Если что не по ней, то берегись! Попал под раздачу и первый муж, отец Аленки, – Иван Дьяченко. Появившись пару раз на смотрины в нашей семье (а это, как вы теперь уже знаете, обязательный ритуал перед женитьбой или замужеством в нашей семье), он растворился среди необъятных просторов России. Сказать по-честному, он не очень-то пришёлся нам всем по душе. Когда я говорю «нам», это значит, что в смотринах принимала участие вся семья независимо от возраста. И когда очередные претендент или претендентка на руку и сердце детей Николая Николаевича и Марии Лаврентьевны уходили, в семье начинался «разбор полётов». Отец спрашивал мнение каждого члена семьи. Все имели возможность высказать своё мнение. Так Ваня Дьяченко и не прошёл нашу «фамильную аттестацию». Но Аннушка – девушка разборчивая, всё же недолго была после Ваньки свободной женщиной. Мужчины постоянно вертелись вокруг нее. И она выбрала своего очередного мужа Александра Суханова. Выбрала, да и махнула вместе с ним в город Ангарск Иркутской области. Здесь, рядом с Байкалом, они и «свили» свое гнездышко, получили квартиру, купили дачу, народили Аленке братика – Вадима Суханова, который, повзрослев, стал помогать отцу и матери в ведении крестьянского хозяйства.

КАК ПРИГОДИЛИСЬ КУПЕЧЕСКИЕ КОРНИ

У Аннушки проснулись, видно, дремавшие до этого коммерческие и крестьянские корни наших предков: Асикрита, Ильи и Василия. Начали Сухановы с маленькой дачки. Получив ещё от советской власти свои 6 соток земли в далёкой Прибайкальской глуши, Аннушка и Александр осушили болото, построили дом-пятистенок и баньку. А затем, уже выйдя на пенсию, Аннушка значительно расширила свои владения, переехав из болотистой местности. Она почти на голом месте организовала большое фер-

мерское хозяйство, освоила около 30 гектаров брошенной земли. Места на удивление красивые. Рядом большой пруд, лес начинается прямо от дома. Красота! Саша Суханов стал разводить пчёл, построив пасеку из пяти десятков ульев. Аннушка специализировалась на производстве овощей (капуста, морковь, свекла и т. д.). Решила и главный вопрос фермера – сбыт, заключив договоры поставки со штабом ближайшей воинской части. Прикупили технику: два трактора, грузовой, пассажирский и легковой автомобили, комбайны. Понастроили на своей земельке много: два крепких дома, баньку, сараюшки всякие, свинарники, коровники, обнесли усадьбу оградой. Работали не покладая рук, приезжая в городскую квартиру в Ангарске лишь изредка. Но не выдержало сердце Саши Суханова такого ритма жизни. Осталась Аннушка вдовой. Зато сын Вадим женился на местной красавице Ольге, она и народила Аннушке внука, а Вадиму сына, а назвали его русским именем Никита. Так и живут они на свежем воздухе, вдали от людей и цивилизации на своей земле. Дай бог им здоровья и долгих лет жизни!

РЫБАЛКА С БЫЧКАМИ ДЛЯ НАЖИВКИ

Как мне рассказывали братья после очередного возвращения из Тюменской области, рыбалка там сказочная. Ведь Тюмень – край нетронутой природы: зверьё из рук берёт лакомство, белки прыгают на плечи, а рыбы столько, что она головы высовывает из воды от любопытства, когда видит на берегу рыбаков. Так как мои братья спешили побыстрее порыбалить, скоренько положили в рюкзаки всякую снедь к шашлыку и ухе: соль, картоху, мясо, лавровый лист, хлеб и прочее, включая крепкие напитки (а иначе что за рыбалка?) и консервы. Прибыв на место, костерок развели быстро. Установили треногу. Повесили ведро с водой над поленьями. Решили отметить новоселье. Когда пропустили по первой, а затем и по второй, вода закипела. Когда выпили по третьей (хорошо закусив), вспомнили, что для ухи нужна рыбка. Сноровисто снарядили три удочки... а где наживка? Нет! Что делать? По берегу да в соседних болотцах червяков нет, да и никогда не было! А рыбка так активно и зазывно плещется рядышком, дразня моих родственников своей непуганностью, что Леньке даже показалось, что они беззвучно смеются над незадачливыми рыбаками. Тут Валентин и предложил вместо червей на крючки насадить папиросные «бычки», мол, рыба голодная, на что хошь клонет! Закинули в речку поплавки с табачной

наживкой и стали ждать. Ждали долго. Клёва не было. Валентин, посмеиваясь над шуряками, уже давно в будущую уху добавил консервированную кильку. Вот уже и уха готова, распространяя над тюменской тайгой ароматный запах лаврового листа, а мои братья всё забрасывали один за другим окурки в нетронутые воды таёжной речки. Только тогда, когда эти ароматы дошли до Владимира и Леонида, они поняли, что Валентин обдурил их, рыбаков с большим стажем. История умалчивает, что было у костра, когда мои братаны пришли есть Валентину уху из консервированной рыбы. Но смеху в нашей семье над незадачливыми рыбаками хватило лет на пять. При каждой встрече с Владимиром, когда мы тайком от наших жён покуривали в подъезде, я ему торжественно вручал оставшийся окурочек для следующей рыбалки.

А ВЫ УХУ ЕЛИ?

Случай с моими братьями на рыбалке имел своё продолжение и повторился, но гораздо позже, в середине 70-х, когда я в составе сводного студенческого путинного отряда сибирских вузов поехал на остров Шикотан, один из Курильских островов Сахалинской области, для переработки сайры.

153

Прибыв на место после длительного путешествия (12 дней на поезде Кемерово – Владивосток плюс два дня плавания на пароходе «Советский Союз» по Японскому и Охотскому морям), мы стали обследовать этот самый восточный и самый дальний форпост нашей страны. Желание было порыбалить удочками в Тихом океане. Собралось рыбаков человек 20. Пошли с нами и девчонки-студентки. Взяли с собой всякой снеди, чтобы перекусить на берегу да сварганить свеженькой тихоокеанской ущицы. Я вспомнил тюменскую рыбалку и решил подстраховаться: отстав от рыбачьей команды, завернул на кухню и взял у поваров несколько тушек свежемороженой горбуши. Положив ее в свой рюкзакишко, быстренько догнал студотряд. На берегу Тихого океана (а это был, как я помню, мыс Край света) мы быстренько распределили обязанности: девчатам – костёр, парням – рыбалка. Отойдя от всей группы метров на 50, я вытащил из своего заглазника свою первую рыбку. Глубоко замороженная в холодильнике, где она, видно, пролежала не менее года, скрюченная, как знаменитая украинская колбаса, и покрытая толстым слоем льда, она трудно поддавалась, но всё же нацепил её на крючок закидушки (удочка без удилица) и что есть силы закинул метров на десять от берега в набегающую волну. Стал

ждать, когда ко мне подойдёт какой-нибудь свидетель моего будущего рыбацкого счастья. Дождался, когда ко мне прибрели по отмели несколько девчонок, с криком стал водить руки с леской из стороны в сторону; заходил в сапогах на несколько метров в море; с усилием тянул леску на себя, наматывая её на руку. Короче, создал видимость, что на мой крючок попала чуть ли не акула. И вот из воды появляется нечто скрюченное колбасой, какое-то морское диво! Девчата крик подняли такой, что вмиг сбежался весь отряд. Я, продолжая активную актёрскую и режиссёрскую работу, изображал неравную борьбу с добычей. Кричу: «Готовьте быстренько мешок!» Пока никто не разобрался, ещё в воде я схватил рыбину (а она, «извиваясь» в руках, не давалась) да и ударил её несколько раз о близлежащий морской валун. Рыба якобы затихла, перестала «вырываться» из рук счастливого рыбака. Быстро положил рыбину в мешок, рукой в нём сделал несколько движений, создав видимость, что рыбина бьётся. Вручив торжественно мешок «с уловом» поварам, с гордо поднятой головой пошёл дальше по берегу «рыбачить». Сделав очередное чёрное дело, краем глаза стал следить за продолжением своего розыгрыша. Девчонки достали рыбину, удивились, что она такая огромная и тяжёлая, и стали её разделявать. Незадачливые рыбаки тщетно забрасывали свои закидушки рядом со мной. И тут у костра раздаются сначала крики удивления, а потом «ржачка». Повара, разрезав рыбину, увидели, что вся внутренность горбуши смёрзлась в единый кусок льда. Уже у костра, когда мы с большим аппетитом хлебали уху, я им объяснил, что у пойманной мной шикотанской горбуши от долгого пребывания в холодной воде было воспаление легких!

ПРО НАШЕГО СЕМЕЙНОГО ГЕРАКЛА

Николай Александрович Шалгинов (мой двоюродный брат) очень любил в детстве у нас ночевать. Братья – Шурик, Лёнька и я – отличались тем, что всегда находили себе весёлые занятия: то дрались, то играли в войнушку, сражались на самодельных саблях, а то и покуривали потихоньку от взрослых. Зимой строили снежные избушки в сугробах. Короче, жили весело. И вот Колю приводила к нам наша тетка и его мама Елена Николаевна. А так как Коля с детства отличался худобой, мать одевала его основательно: только тёплых штанов пару штук натягивала, на голову кроме шапки-ушанки надевала спортивную шапочку да ещё сверху обматывала шалью. Тощенький, но высокий для своего возраста,

Коля Шалгинов вкатывался в нашу избу, как колобок из знаменитой сказки. Начинался процесс раздевания: развязывалась шаль, снималось пальто, затем следовала тёплая кофта, да не одна, потом две рубашки, двое брюк, обязательные подштанники китайского производства с начёсом, носков три пары. И вот он из богатыря на глазах превращается в стройного юношу. Так мы его и прозвали – Геракл засушенный.

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ

Мне хочется больше рассказать об отце двоюродного брата – дяде Саше Шалгинове (он любил ударение в фамилии делать на последний слог). В нём пропал, по-моему, великий актёр. Он был мастером перевоплощения. Достаточно посмотреть на его фотографии. Везде он, Саша Шалгинов, разный. Его универсальность ещё заключалась в том, что он всю сознательную жизнь, сколько я его помню, учился. Он верно и добросовестно выполнял заветы вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина, который на III съезде комсомола ещё в годы Гражданской войны поставил задачу перед молодежью: «Учиться, учиться и ещё раз – учиться!» Окончив заочно Прокопьевский горный техникум и став в нашей родне первым «интеллигентным» человеком, он уже этим прославил себя. Потом и на шахте, где он всю трудовую жизнь проработал (то в профкоме, то в отделе по охране труда), всегда где-то учился: то на курсах повышения квалификации, то на курсах электромехаников. Затем у него появилось удостоверение обвальщика шкур крупного рогатого скота (стал шить зимние шапки). Даже уйдя на пенсию, сумел получить корочки мастера по ремонту телевизоров и водительские права. Ему одному из первых в нашем поселке поставили дома телефон. Он первым купил телевизор КВ с маленьким экраном и с большой линзой, в которую постоянно заливал дистиллированную воду для получения увеличительного эффекта. Помню, как половина улицы Ульяновской в 60-е годы собиралась у него дома, чтобы посмотреть телепередачу. Многие соседи приходили со своими стульями, а иные сидели прямо на полу.

СЕМЕЙНЫЕ ПРИКОЛЫ

Он обладал своеобразным юмором. Мог запросить, как я уже отметил, переодеться, нацепить на нос очки, надеть парик и разыграть любого человека. Однажды он подучил моего брата и своего племянника и тёзку Александра разыграть нашего отца

Николая Николаевича. Отец с фронта привёз несколько трофейных вещей, в том числе и бордовый кожаный плащ немецкого офицера и такого же цвета большой чемодан. И вот Сашка, надев отцовский трофейный плащ и отцовскую парадную шляпу, с поднятым воротником и трофейным чемоданом в руках вышел из нашего дома. «Вор» «случайно» столкнулся с пришедшим с работы отцом, входящим во двор своего дома. Отвернув лицо от папы, специально небрежно задев его плечом, Сашка с чемоданом припустил по переулку. Отец, увидев, как с его двора вышел незнакомый мужчина, в его шляпе, в его плаще и с его чемоданом в руках, недолго думая, выломал из ближайшего забора увесистый деревянный дрын, догнал незнакомца, поднял палку над головой и, как положено в армии, дал «предупредительный выстрел» – окликнул незнакомца: «Эй, мужик! Стой!» Отец не успел опустить дубинку на голову вора. Дядя Саша, высунув голову из-за забора и увидев, что племяннику сейчас снесут башку, закричал смеясь: «Коля! Сына не узнаёшь?» И только когда у смеющегося Сашки свалились и парик, и шляпа, отец понял, что его разыграли. Смеялись все, кроме отца. Он ещё долго не мог выйти из образа в спектакле дяди Саши. Переживал.

...СОВСЕМ НЕ ТАК, КАК ПОЕЗДА!

Как вы уже поняли, особые, тёплые отношения у дяди Саши сложились с моим отцом. Они очень любили ходить в гости друг к другу. Проживая в разных концах поселка (а это примерно три километра), регулярно – раза два в месяц (в дни, «случайно» совпадающие с выдачей заработной платы на шахте) – ходили «друг к другу в гости». Наш Николай Николаевич как гостеприимный хозяин просил маму выставить на стол всё, что есть. Не обходилось и без бутылочки. Выпив и закусив, папа надевал свой галстук и шёл «проводить» за ворота родственника. За разговором и беседой они «незаметно» приходили на улицу Ульяновскую, в дом к Шалгиновым. Там их встречала папина сестра – Елена Николаевна, тётя Лена, она же жена Александра Николаевича. Дядя Саша как гостеприимный хозяин заставлял тетю Лену встречать брата Колю «чем бог послал». Посидев и выпив очередную (уже Шалгиновскую) бутылочку, теперь уже Александр Николаевич шёл «проводить» родственника до дома. Наша мама, Мария Лаврентьевна, ещё не убрав как следует со стола закуску после посиделок Саши и Коли, вдруг вновь видит их, входящих во двор. Весь ритуал проводов повторяется... После третьего круга надоедливой

проводов наша мама, взяв под ручку дорогого родственника и оставив папу дома одного, выводит дядю Сашу за калитку нашего дома и указывает ему нужное направление. Только так прерывались нескончаемые проводы.

Кстати, иногда в жизни случаются такие повороты судьбы, когда история перекликается с настоящим. Я знал, что дядя Саша родом из Хакасии. И даже когда мне было лет пять, я с родителями и Александром Николаевичем Шалгиновым побывал на его родине. И вот осенью 2008 года мне по долгу службы удалось побывать в Республике Хакасия на семинаре профсоюзного актива Сибирского федерального округа. Принимающая сторона организовала нам экскурсию по хакасским степям, курганам и другим достопримечательным местам. И вот из окна автобуса я вдруг увидел название населённого пункта – Шалгиново! Автобус шел с приличной скоростью, поэтому я только и заметил название деревни, носящей фамилию моего дядьки. Теперь я знаю, что где-то в бескрайних степях Хакасии есть малая родина моего дядьки. И живут там наши родственники.

ПРИКАЗ ПОНЯЛ – ВЫПОЛНЯЮ!

(опубликовано в специальном 16-полосном выпуске газеты «Комсомолец Кузбасса» 29 октября 2008 года для участников торжественного заседания, посвященного 90-летию ВЛКСМ, в Государственной филармонии Кузбасса, повторена в областной газете «Земляки» в начале ноября того же года)

Было это в конце 70-х. Трудился я тогда в самом интересном и весёлом отделе обкома комсомола – пропаганды и культурно-массовой работы. Проводим очередной большой слёт. Народу прибыло около 1500 человек. Отвечал я тогда за возложение цветов к памятникам Ленину и воинам-кузбассовцам у Вечного огня. Как положено, провёл колонну от площади Советов к улице Весенней, затем через Островского. Уже прозвучала минута молчания, микрофоны не фонили, музыка играла вовремя, диктор Виктор Мирошниченко (сейчас заслуженный артист, а тогда секретарь комсомольской организации областного драмтеатра) «выжимал слезу» патристическими стихами. Ну, думаю, всё. Моя часть ответственности закончилась. Буду, как и все, не ответственным, а просто участником слёта. Да не тут-то было! Валерий Борисович Хануков (тогдашний наш «Первый») через посыльного приказывает подойти к нему. Похвалил за сделанное. «А теперь, – говорит, – дуй в училище связи, там, в казармах, мы будем ночевать (курсанты выехали в летний поле-

вой лагерь). И пригото́вь-ка культурную программу для участников слёта часа на два – до ужина! Времени тебе – пока идём строем с песнями через город. Бери мою машину и вперёд!» Делать нечего – вскочил в его «Волгу» и – по газам. Приезжаю на территорию училища, а там никого... Ну, думаю, завал! Едва нашёл солдатика, который включил один микрофон на плацу. Фонограммы нет никакой. Один музинструмент – моя постоянная палочка-выручалочка – расчёска с целлофановой оберткой от пачки сигарет. А колонна уже входит на территорию. Построил напротив трибуны каре. А что дальше делать, не знаю. И тут пришла мысль: зачем я буду веселить народ, пусть он сам себя и веселит! Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Объявляю конкурс на лучший номер художественной самодеятельности делегаций слёта. Что тут началось! Первыми к микрофону ринулись новокузнецкие, вечные конкуренты «щегловцев»-кемеровчан. У кого гитара, у кого баян – пошёл концерт! Желающих выступить и показать свою удаль – хоть отбавляй. Образовалась очередь. Прокопчане, чтобы не стоять в очереди, суют мне «взятку» – две бутылки из своего запаса. Беру. Другие стали тоже что-то совать. Я все, что набрал, сгрузил в одну коробку и вручил как главный приз победителю (не помню, кому). Два часа народ комсомольский себя веселил на армейском плацу. Хануков оценил мою смекалку и наградил меня путёвкой в санаторий имени Ленина, но только не в Сочи, как я просил, а в город Саки Крымской области. Оказался санаторием для лечения гинекологических женских заболеваний.

БОРОДАТЫЕ ИСТОРИИ

Кстати, с моей бородой всегда случаются удивительные истории. Бороду стал отращивать в Москве, некогда было бриться: то вечерние спектакли, то дворнические обязанности. Короче, некогда было к началу занятий в ГИТИСе привести себя в порядок. Когда борода была меньше, то меня «путали» то с наркомом просвещения в правительстве Ленина – Луначарским, то с каким-нибудь меньшевиком (типа Мартова). Но когда бородёнка моя стала побольше, приобрёл похожесть на великого писателя Александра Солженицына. Прихожу однажды на Красную площадь, а там делают свой бизнес двойники великих людей: Горбачёва, Сталина с Лениным, царя Николая Второго. Иногда пробегал двойник Гитлера. Бизнес заключался в том, что они

фотографировались с туристами за плату. Одна фотка – плати 50 рублей, из них 30 – себе, 20 – крыше – браткам на площади. Познакомились. Многие оказались актёрами – и не только московских театров. Они и предложили мне вступить в их сообщество. Принесли реквизит: суконный китель военных лет и рубаху-косоворотку. За один день мне удалось заработать месячную аспирантскую стипендию – 90 рублей. Отметим это событие в ресторане Дома актёров. Так и пошло. Появилась свободная минута – я на Красную Площадь «за стипендией». Не часто, правда. Так бы и далее продолжал, да пришлось уехать в Кемерово. Но примерно лет через 10–15 мне пришлось в составе представительской кузбасской делегации присутствовать на съезде одной из политических партий. Съезд проходил в Доме туристов, что на юго-западе столицы. Народу много, примерно тысячи две. В президиуме солидные люди: председатель партии; бывший Председатель Государственной Думы; космонавт; маршалы. Присутствовали и представители телевидения. Камеры десять освещали работу съезда. До открытия оставались считанные минуты. Президиум занял свои места. Вижу, что председатель партии толкает в бок своего соседа из Госдумы и показывает на меня. Оба смеются, всплескивают руками, делятся своими догадками с другими членами президиума. Я понял, что моё сходство с Солженицыным сделало своё дело. Подходит ко мне молодой человек. Представляется помощником режиссера трансляции. И спрашивает меня: «А к семье Александра Исаевича Вы имеете какое-нибудь отношение?» Настроение у меня было хорошее. Я возьми да и брякни: «Внучатый племянник». Он что-то прошептал в микрофон по внутренней связи. Все телевизионные камеры развернулись к нашей делегации. Руководитель Эмилия Васильевна Жигулина, видя такое внимание, прихорошилась, чтобы на телеэкране выглядеть достойно. Да и остальные восемь человек стали поправлять прически и галстуки. Приходим вечером в гостиницу. Собрались в комнате у руководителя. Включили телевизор, прошлись по программам. И почти в каждой из тогдашних 12 московских телепрограмм прошла информация о нашем съезде с видеосюжетами, почти в каждой – наша делегация. Особенно часто камеры показывали «внучатого племянника Александра Исаевича». Вот так я разыграл московский телевизионный бомонд. Да простит меня мой двойник!

Рисунок Нади Ручевой

НАМ ПУШКИН СКАЗКИ ПОДАРИЛ

Читательский опыт большинства детей начинается с Пушкина, с его красивых, ярких, мудрых сказок.

В сознании маленьких читателей эти сказки закрепляются навсегда, «раскручивают» воображение, развивают образное мышление. «Мысль является в образе».

Особую роль сказки Пушкина играют в творчестве юных художников, талантливых иллюстраторов. Дети очень чутки к Пушкину. И, конечно, они легко отзываются на пушкинские сюжеты. Всем интересно изображать сказочный мир поэта. Интерес этот возрастает с развитием новых изобразительных средств и техник.

Так, воспитанники учителя изобразительного искусства лица № 27 г. Новокузнецка Ирины Николаевны Востриковой, четвероклассники, занимающиеся в ее студии «Изобразительное искусство», с необыкновенным увлечением создают витражи на темы пушкинских сказок: прозрачными витражными красками они изображают на пластике блистающий мир пушкинской фантазии. Все переливается, светится, мерцает, сверкает в этих произведениях. Возможно, так светится сама человеческая мысль.

Маленькие иллюстраторы пытаются выразить свое понимание Пушкина не только в рисунках, но и в стихах. Среди четвероклассников много участников детско-юношеской литературной студии лица № 27 «Фесковские литераторы».

Юные художники и поэты соединяют свои творческие усилия на пушкинской волне.

Любовь НИКОНОВА,
руководитель детско-юношеской
литературной студии «Фесковские литераторы»
лица № 27 г. Новокузнецка

ПО МОТИВАМ «СКАЗКИ О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ»

Дарья ДОГАДОВА,
4А класс

Это зеркальце правдиво,
Очень мило и красиво.
Говорить оно умеет,
Правду выразить посмеет.
И оно не дружит с ложью,
Служит только Слову Божью!
Не боится никого,
Кроме Бога одного!

ПО МОТИВАМ «СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ»

Александра РУССКИНА,
4А класс

Рукодельницы-девицы
У окна своей светлицы
Пряжу тонкую прядут
И долгий разговор ведут.
Этот вечный разговор –
Как причудливый узор.
Тема выбрана не зря:
«Выйти замуж за царя...»

Елизавета СТЕФАНКИНА,
4А класс

Князь Гвидон и мать-царица
Видят город расписной:
Просветленные здесь лица,
Блещет город новизной!

Стен высоких не измерить,
Куполов не сосчитать.
В чудеса умеете верить
И закон судьбы читать.

Вот так город!
Прекрасное чудо!
Появился он ниоткуда!..

Татьяна КОЛПАКОВА,
4А класс

* * *

*Морские витязи!
Ответствен их поход.
Им полагается с неустрашимым взором
Чредою выходить из ясных вод
И обходить страну чудес дозором.
Пока у берега звучат их голоса,
Пока шаги их слышатся в тумане,
Не прекратятся в мире чудеса,
Доверенные сказочной охране.*

Кристина КАВЦЕВИЧ,
4В класс

* * *

*Если белочка усердна,
Может жить она безбедно.
Золотым орехам счет
Основательно ведет.
У нее скорлупок груды,
В них сокрыты изумруды.
Много трудится она.
Пополняется казна.
Камушки в казне не мелки.
Люди благодарны белке.*

Елена ТРУНИНА,
4Б класс

* * *

*Синяя волна – волшебна.
Пена белая – как снег.
Вышла из воды царевна
На песчаный старый брег.*

*Дивная Царевна Лебедь
Счастье здесь найдет свое.
Будет князь Гвидон лелеять,
Обожать, любить ее!*

Вадим БЕЛЯВЦЕВ,
4В класс

* * *

*Смотрите, люди, с корабля:
Возникла впереди земля;
Овеянный лучистой славой,
Там город виден златоглавый.
А ну-ка, парусник нарядный,
Плыви скорей к земле парадной!*

*Красивейшее море,
Прекрасная земля –
От сказочного чуда
Глаз отвести нельзя!*

Гоар КУРГИНЯН,
4А класс

* * *

*У царя Салтана прелестная семья.
Все в ней уважают батюшку-царя.
Счастлива царица.
Счастлив князь Гвидон.
Грозы и невзгоды не колеблют трон.
Хороша собою, ласкова, тиха
Лебедь благородная, добрая сноха.
От души желает щедрый белый свет
Царскому семейству много-много лет!*

ПО МОТИВАМ «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ»

Анна ОГОРОВОДА,
4А класс

* * *

*Рыбка, рыбка золотая,
Ты куда плывешь, играя?
Хвостиком своим махнешь –
Чудо ты произведешь.*

*Проходя сквозь день и ночь,
Рыбаку спешишь помочь.
И увидит он сквозь пену
Все, чему ты знаешь цену.*

*Красотой своих затей
Добрых радуешь людей.
А недобрый человек
Не заметит чуда век.*

ПО МОТИВАМ «СКАЗКИ О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»

Полина ШАФИКОВА,
4В класс

* * *

*Вышла из шатра девица –
Шамаханская царица.
И коварна, и прекрасна,
И прелестна, и опасна.
В вихре жизненной борьбы
Она – орудие судьбы.*

Татьяна КОЛПАКОВА,
4А класс

* * *

У золотого петушка –
Волшебные способности.
Добудет он исподтишка
И огласит все новости.

Он знает все, он слышит весть,
Он ловит знак опасности.
При нем мудрец чудесный есть –
Для абсолютной ясности.

ПО МОТИВАМ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Юрий БУЛАТОВ,
4А класс

* * *

«Через леса, через моря
Колдун несет богатыря».
Но богатырь им управляет,
Диктует, чтоб летел скорей.
И побежденный чародей
Приказы эти исполняет.
Есть справедливость! И она
Сильней коварства колдуна.

Олеся ЖЕРЕБЦОВА,
4А класс

* * *

Есть в сказках
благородства смысл нетленный:
Герой бесстрашен, честен, очень смел.
И бурый волк, слуга царевны пленной,
Показывает верности пример.

Сергей КУЛИКОВ,
4А класс

* * *

Богатырь Руслан в степи просторной
В бой вступает с Головой огромной.
Тайной Голова окружена:
Кто она?

И здесь зачем она?
Даст ответ о смысле этих встреч
Чисто поле да булатный меч.

Елизавета КЕЛЛЕР,
4А класс

* * *

Способности вредить – отобрала,
И победила злые силы,
И укрепила мир добра
Любовь Руслана и Людмилы.

ПО МОТИВАМ «СКАЗКИ О ПОПЕ
И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ»

Руслан АШРОФЗЯНОВ,
4В класс

* * *

Проворные помощники героя
Согласны выполнить задание простое.
Умный человек использовал для дела
Силы их природные умело.

Вот они, создания земные –
Пригодились зайцы скоростные!

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. С. ПУШКИНУ

Екатерина САБАНЦЕВА,
4Б класс

* * *

Свет несут слова и краски.
Ими мир согрет.
«Что за прелесть эти сказки», –
Говорит поэт.
Он услышал их в преданьях
Нянюшки седой
И фантазией разбавил
Яркой, молодой.
Это стало чтением лучшим
Взрослых и детей.
Это Пушкин. Вечный Пушкин.
Свет России всей.

**«РУССКАЯ СИБИРСКАЯ ПОЭЗИЯ.
АНТОЛОГИЯ. XX ВЕК»**

Рецензия

В книге, выпущенной Союзом писателей Кузбасса, собраны лучшие произведения сибирских поэтов, написанные за столетие существования литературного движения в этом огромном российском регионе. Представлены поэтические голоса почти всех областей за Уралом: Алтай, Новосибирск, Томск, Кемерово, Тюмень, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Чита, много стихотворений из близлежащих краев – Якутия, Таймыр, Магадан, Дальний Восток, Камчатка. На одной из «Литературных встреч в русской провинции» в Дивногорске Виктор Петрович Астафьев горячо поддержал предложение кемеровских участников объединить поэтов Сибири. «Идея хорошая, вам ее и воплощать», – так закончил он свое выступление. Обращение не было случайностью. В. П. Астафьев с большим уважением относился к кемеровчанам и считал, что в Кемерове сформировалась лучшая поэтическая школа в Сибири. В течение пяти лет кемеровские поэты и издатели областной литературной прессы – Б. В. Бурмистров, В. П. Баянов, С. Л. Донбай, став членами редколлегии, собирали и отбирали для Антологии стихотворения из присланных поэтических книг, рукописей, журнальных публикаций.

В Антологию включены создания известных поэтов: Павла Васильева, Игоря Киселева, Леонида Мартынова, Иосифа Уткина, Василия Федорова, Ильи Фонякова, творчество которых давно стало достоянием русской лирики XX века. Есть и знаменитый поэт-песенник Василий Пухначев с его неуязвимой «Над широкой Обью...», и новосибирец Геннадий Карпунин с полюбившейся туристам «Синильгой». Сибиряки по рождению, воспевающие родной край, все они постоянно возвращаются к сибирским мотивам. В творчестве этих лириков сформировался поэтический образ края с его бесконечной тайгой, могучими реками и горными кряжами, омываемого на севере студеным океаном, на юге – распахнутого азиатским желтым степям Кулунды, а на востоке – первым освещаемого солнцем, встающим над Россией.

Большую часть книги составили стихотворения ведущих авторов, получивших признание в литературном процессе Сибири. Их много, и назвать, никого не обидев, трудно. Поэтому в оценке Антологии попытаемся выделить общие для сибирской поэзии мотивы, образы, которые ее отличают, придают ей особый колорит. Несомненно, что лирика как род литературы чаще всего обращена к общечеловеческим темам, но за ними всегда стоит неповторимость индивидуаль-

ного чувства, отдельная судьба, всплеск яркого переживания. Сибирские нотки в Антологии звучат явно, и наполненность их очень разная, конечно, не сводимая только к природным отличиям Сибири от средней полосы России, хотя и они тоже очень значимы в создании общей художественной картины.

Какой же предстает Сибирь в поэтическом слове о ней, сказанном за целое XX столетие? Поначалу даже трудно наметить особую парадигму мотивов и образов, поскольку стихотворения расположены, что называется, не по краям и областям, не по движению из центра на границы, а просто по алфавиту. Уж хвалить или ругать составителей за это, не знаю. Но, видно, у них была своя задача. Предположим, что им хотелось все буквы от А до Я вставить, ни одной не пропустить, чтобы убедительно просматривалась толщ сибирского литературного процесса. Но этот простейший замысел в чтении открывается немного по-другому. Внутри практически каждого «буквенного» раздела возникает своя малая поэтическая история и география Сибири.

В Антологии представлены своими стихотворениями фронтовики и ссыльные многочисленных сибирских сталинских лагерей, строки которых почти не услышаны при жизни. Значительнее всего оказались «поэты-семидесятники». Они пришли в поэзию, когда стала отчетливо формироваться сибирская ветвь русской литературы с её большими именами – В. Астафьев, А. Вампилов, В. Распутин, В. Шукшин. Есть в книге и совсем молодые авторы, а иногда и дебютанты, почти не известные за пределами сибирских городов и областей начинающие поэты, в душах которых плодотворное зерно лирического слова только начинает оживать и прорастать свежими строками-побегами, есть и лирически пережитые эпические образы алтайского, шорского, эвенкийского, чукотского фольклора в строках Огдо Аксеновой, Эзендея Тойюшева, Дмитрия Апросимова, Михаила Вальгирина, Антонины Кымытваль, Сергея Тыртыгина, Таяны Тудегешевой, Алитета Немтушкина.

Откроем наугад вторую букву русского алфавита – сорок два автора. Внутри раздела история сибирской поэзии XX века вспоминается в отдельных именах и строках. Есть старшее поколение. Евгений Буравлев – прошел войну, стал поэтом позднее, в зрелые годы, возглавил молодой Кемеровский Союз писателей. Тоска о невозвратном детстве («Кто вас выдумал, острова...») перемежается в его лирике с зарядом оптимизма, которым не могли не жить эти победившие сильные люди. Борис Борин (Блантер), тоже фронтовик, возвращается мысленно в первый день войны, когда еще «не контужен, не ранен, он шел в голубой полумгле» цветущего летнего поля. Борис Богатков, новосибирец, совсем молодым поэт погиб под Смоленском за Гнездиловскую высоту, успев оставить только поэтическое завещание гвардейца: «Тяжко знать, что моя Россия / От того леска – не моя...».

А рядом в этом разделе, на эту же букву – кемеровчанка Марина Брюзгина, совсем нынешняя, с молодым восприятием жизни: «Для тоски моей причины нет, / Я еще не ведала разлуки...». Любовь к окружающему миру, к природе у нее иная, с какой-то экологической ноткой («Нет на планете чудесней чудес, / Чем эти облако, озеро, лес...»). Видимо, это какое-то общее свойство молодой лирики, представленной в Антологии, – не восторженное, а грустноватое любованье природой, иногда как будто уже исчезающей: «У компьютера три хризантемы, / Черный кактус, багет и стекло. / Где мы, милая, все-таки где мы? / И зачем так по-детски светло?» (Владимир Берязев).

Следом за сильными взрослыми строками удивительно нежно и как-то по-домашнему тепло читаются стихи для детей Александра Береснева. Мир ребенка, совсем крошечный, говорит своими родными маленькими словечками: «К червячку стучится дятел... / Испугался червячок, / Запер двери на крючок».

Перелистываем дальше. Буква К, традиционно самая частая для русских фамилий, – 73 автора. В чтении этого раздела можно уже в общих чертах понять, какие же сибирские уголки «статистически» наиболее поэтичны, какая земля Сибирская больше родила поэтических строк о ней? И хотя, конечно, такие числа в поэзии – дело десятое, но стоит отметить, что, кроме кемеровчан, которым по праву издателей предоставлен страничный простор, в одной букве – 13 авторов, выделяются многоголосые Томск, Новосибирск, Барнаул – почти по десятку поэтов. Есть и одинокие голоса – С. Торбоков (Шория), С. Климович (Таймыр), Г. Курилов-Улуро-Адо (Колыма), А. Кымытваль (Магадан), К. Геутваль (Чукотка). Если не считать, что приглашения в Антологию в областных творческих союзах не всегда были услышаны, поэтические топоры самые мощные на Алтае, в Томске, в Западной Сибири. Конечно, можно говорить не о школах, а в большей мере о землячествах, братствах, скрепленных в поэзии неповторимым обликом каждого из этих пространств обширного Зауралья, центра Сибири, Дальнего Востока.

Сложившуюся традицию – прочесть сибирскую тему как гимн первозданной могучей природе и ее покорителям – представленный корпус поэтических текстов существенно дополняет, потому что, во-первых, выделяются урбанистические образы – сибирские старинные города – Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, малые городки и деревни, окна которых распахнуты в таежные околицы, в разработанные поля, а также наши далекие бескрайние границы на север, к снегам и тундре, на восток, к океану.

Заметнейший топос в художественном мире книги – иркутский. Старинный город, как пишет Анатолий Кобенков, «прожитый, прочтенный и пережитый» с декабристских времен. Каждая его старая улочка напоминает о державных и свободолюбивых героях, о кровавых событиях Гражданской войны. А центр этого малого сибирского мира – Байкал и дочь его,

строптивая Ангара, «старыми легендами повитая» (И. Луговской). В строках иркутянина Марка Сергеева байкальская панорама увидена глазами поэта, ставшего на миг скульптором, музыкантом, инженером, чтобы увидеть великий Байкал во всей грандиозности природной мощи, в которую уже вплетен голос властно покоренной ангарской воды:

*Лесистых гор полуотвалы,
Касанье голубых лекал,
И скалы, срезанные валом,
И небо, павшее в Байкал,
И сам – он величав и вечен,
В гранитной раме вырезной,
И весь до донышка просвечен,
И весь – до капельки – родной.
И Ангара полет строптивый,
И ветра крик, и гул турбин,
И птицы-сосны над обрывом,
И дикий ветер Баргузин...*

Томский край в стихотворениях Н. Игнатенко, А. Казанцева, М. Карбышева, В. Колыхалова, Д. Коро, Б. Климычева, В. Лежнева, А. Рубана, А. Цыганкова, Н. Хоничева – таежный, холодный, замирает в зимнюю стужу, преображаясь летом в ароматах таежного разнотравья, лечащих душу и тело, в нем родилась целая симфония «томского леса с кедрочками на холмах», где «прикрыла трава сладкий лепет лесной земляники».

В поэзии томички Ольги Комаровой создан настоящий зимний поэтический миф о Севере, о Снежной Волчице-владычице «холодных и крылатых» снегов, «панцирем льда» покрывающих все живое. Лирическая героиня поэзии грезит снами о северной русской женщине-сибирячке, поющей среди полных снегов:

*По-над Обью путь наш вился,
Между вешек занесенных,
По-над панцирем ледовым
Богатырской мать-Оби...
А вокруг волчицы выли,
Вон – Варьеган, вот – Восьган,
И луна туманным оком
Колдовала долгий путь...*

*Только голос человеческий
Рассекает этот панцирь,
Человечий голос женский
Да горячая слеза.
Только песне Север дикий
Подчиняется пространством,
Только вздрагивает шкурой
Да колючкой бьет в глаза...*

Алтайское поэтическое братство, в котором соединили свои лирические строки А. Адаров, В. Башу-

нов, Е. Безрукова, И. Мордовин, Г. Володин, С. Вторушин, О. Гришко-Юровская, А. Ередеев, А. Зуев, В. Казаков, Л. Козлова, Л. Кокушев, В. Крючко, В. Куницын, В. Нечунаев, В. Тихонов – еще одна большая глава Антологии. Размах пространства совсем иной, вертикальный. Здесь есть горные вершины и перевалы, над которыми светят холодные звезды Горного Алтая и слышны мелодии протяжных казачьих песен, напоминающие о прошлых временах первых переселенцев. А в «месяц марала», сентябрь, загорается медленный жар пламенеющих горных ягодных полей.

У каждого сибирского края есть своя сердцевина – могучая и сильная река, как ось, а лучше, как артерия, этого края. Вдоль нее первоначально обособывались переселенцы из России. Символ Алтая – стремительная ледяная Катунь:

*Раскрасавица изумрудная,
по характеру неподступная,
то вдруг буйная,
то вдруг тихая...
ожерельем скал
опоясанная...*

Наталья МАКЕДЖАНОВА

Алтайская земля – «прародина великих тюрков», и в поэтическом образе этого края с его цепями гор, валунами и скифскими курганами есть ощущение великой связи древних цивилизаций – Эллады, Великой Степи, Скифии. Поэты-алтайцы: Георгий Кондаков, Лазарь Кокушев – пишут об Алтае, «где говорящий камень», «где знает тайну древнюю курган», где было «время Пазырка в долине Челумшана», а в XX век мудрость предков «дошла лишь в песнях», в шепоте листвы и в «громов грохотанье». Национальный миф просвечивает в этих метафорах, пережитый в индивидуальном поэтическом образе, освеженный любовью потомка великих народов:

*Алтай –
Целебная вода,
Цветущая трава,
Гор белоглавых череда,
Нетленные слова.
О солнце Азии, согрей
Покой моих земель.
Алтай –
В руках богатырей
Народов колыбель!*

Таныспай ШИНЖИН –
народный сказитель Республики Алтай

Примечательно, что, как и в пушкинские времена, поэтический быт барнаульского братства легко рифмуется Василий Нечунаев. В его бревенчатом доме ели огурчки с огорода и дрова запасали на зиму

ныне здравствующие и уже ушедшие барнаульские поэты Вторушин, Володин, Черкасов, Мерзликин, Юдалевич.

*Жил-был дом,
Зажигалась луна,
Под луною листва трепетала.
«Можно к вам?» – голосок у окна.
И в окно мое муза влетала.*

Поэтические образы зауральской земли, новосибирского обского простора, раскрывшего течением сильной реки ворота в холодный океан, енисейские крутые берега как символы повторяют характерные черты всего сибирского мира, единый образ Сибири в многоголосом слове ее поэтов роднит ощущение мощи и силы. Мир этот уже не завоевывается, не покоряется, а познается, открывается в своей красоте, становится дорогим, родным в мельчайших ликах радостной, безудержно многоцветной летней красоты, в серебристо-жемчужных зимних просторах, где таежные леса наполняют голоса сибирских птиц, рев маралов, где глухариха выводит глухарят на солнечную полянку, а с толстой ветки сосны или кедра смотрит бусинками глаз золотой бурундучок или темно-медовый соболю, как сама мудрость вековых деревьев тайги.

Черты сибирской поэтической картины мира, которая прочитывается в Антологии, дают возможность говорить о тех повторяющихся мотивах, образах, символах, которые отличают ее от среднерусской, воспетой в лирике великих поэтов.

Мотивы желтой нивы, прозрачные леса, рощи, зимняя дорога в степи, лес и сад, синь, золото, бирюза и ангел, как бриллиантовая слеза в перевернутом куполе неба, грозы и перлы дождевые, лунные пейзажи русских равнин, степей безбрежных колыханье, тихие плесы среднерусских рек и горизонты с маленькими куполами церквушек, деревеньки и усадьбы с садами и тенистыми парками. Как отличны от них поэтические миры сибирских лириков, размашисто-сильные, первозданные, в них присутствует мощная вертикаль, горная, скалистая, стихии сибирской картины мира – словно прорвавшиеся, напомнившие о себе недра, упругие, своенравные, властвующие.

Но герой сибирской лирики остается причастен общим русским национальным ценностям. Родина у большинства поэтов, творчество которых представлено в Антологии, – это родной дом в деревне, часто давно покинутый, но неизменно дорогой. Счастье – это возвращение в мир детства и чистых истоков жизни. Для многих лириков кемеровской школы именно этот мотив – один из любимых, повторяющихся. Одним из первых его развивает Виктор Баянов, с глубокой искренностью и простотой открывающий эту тему в кемеровском поэтическом братстве:

*Изба моя, приветь меня,
Побалуй древней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем Бог послал меня попотчуй...*

Поэты, пришедшие в творческий союз «Притомье» в 1970-е, подхватят, умножат, разноцветят мотив, столь близкий русской литературе от ее истоков.

*Мой дом деревянный на взгорке
С зеленым двором в глубину,
Дай снова оконные створки
Ударом руки распахну!
Пусть ветром надуются шторы
И щедро текут синевой
Распадки, увалы, угоры,
Тайга и туман луговой!..*

Николай КОЛМОГОРОВ

Этому мотиву придадут свой оттенок думы Валерия Козлова с его грустноватой лирической натурфилософий:

*Вернуться бы в давнюю осень
На крыльях уставшей души.
Вернувшись, остаться и вовсе
В родной деревенской глуши.
Забить про земные тревоги,
В деревья и травы врасти.
И чтоб ни тропы, ни дороги
Сюда никому не найти.*

Мир деревенского детства всплывает неожиданными образами-всплесками, память выхватывает их, облекая в удивительные поэтические мифы, повторяющие круг земной времен года. Летний купальский огонь, способный подарить энергию солнца, всегда звал взлететь над ним, почти коснувшись, чтобы очиститься, преобразиться. Юные деревенские девочки, героини Тамары Рубцовой, следуют интуитивно этому ритуалу:

*Я начинаю что-то понимать,
Котенком полузрячим – через годы –
Гляжу туда, где жив отец.
И мать
Зовет на ужин нас из огорода,
Где три девочки разогли костер,
Скидав туда подсолнухов бодылья.
И Галя – старшая из всех сестер –
Через огонь летает, как на крыльях.*

Космизм, пришедший в русскую лирику со стихами Тютчева, Лермонтова, В. Соловьева, Блока, особому отзывается в лирике Виталия Крекова. В художественном мире этого кемеровского поэта

удивительно сопряжены почти патриархальное простодушное открытие мира и способность передать в своем слове величие мироздания, коснуться его изначальных основ:

*Там, где в погоду, в непогоду
Спаситель нищенствует с нами,
Люблю закаты и восходы
Под кронами и облаками.
Ночь темная пройдет остудно.
Узор ветвей в предзимье четкий.
И наступающее утро
Работает каминной топкой.*

Любовь – одна из сокровенных тем поэзии всех времен и народов. Все давно сказано, воспето, оплакано. Герой и героиня, старик и юность, встреча и разлука, свидание и поцелуй, одежды, руки, глаза, цветы, одиночество и надежда. Но поэтическое слово о любви поистине неиссякаемо. Чистая лирика любви явлена в Антологии и «гендерным» своим лицом. В книге много женских прекрасных строк о любви и не меньше монологов-признаний о той единственной, которая дана судьбой, незабываема и стала музой. С разными традициями связаны стихи о любви. Поэтический авангард с загадочной суггестией присутствует в лирике кемеровского поэта Александра Ибрагимова.

163 Неожиданная метафора, почти отсылающая к античности, многозначно играет в «Медее» Андрея Правды.

Многослойность уклада сибирской жизни более всего, быть может, открывается именно в любовной поэзии. Есть и великая судьба, и простое согласие, потерять которые одинаково трагично.

Новокузнецк, Кузнецк. Одна из знаменитых литературно-исторических страниц этого большого сибирского города – любовь Достоевского и Исаевой.

*Они обвенчаны. Обвенчаны.
Она выходит на крыльцо...
Взгляните в скорбное лицо
Судьбу свою понявшей женщины.*

Любовь НИКОНОВА

Антологическая подборка дает возможность почитать и разножанровые вариации любовной лирики.

Есть почти частушечные ритмы в строках иркутянина Анатолия Румянцева про деревенскую неразлучную пару:

*На пригорке дом да баня,
У больших ворот скамья.
Кто живет здесь?
Таня-Ваня.
Деревенская семья.*

Любовная лирика в сибирской Антологии возвращает и актуализирует в памяти и традицию тихой поэзии, почти погруженной в повседневности и почти всегда пронзительно неожиданной в открытии простого наивного слова о вечно новом чувстве:

*Не жил и раньше не любя,
Но изменилось что-то...
«Люби меня, как я тебя», –
Начертано на фото...
Не просветить поверхность слов
Тому, кто сам бежит их.
Воспринимал альбомный стих
Как пошлый пережиток.
Возник он в памяти, знобя...
И с дрожью жизнь итожа,
«Люби меня, как я тебя
Я заклинаю тоже.
Нет слов наивней и мудрей...
Светящуюся строчку
Вписав в альбом души моей,
Не ставь на этом точку...*

Валерий ЗУБАРЕВ

В Антологии мало гражданской лирики. Возможно, редакционный коллектив побоялся декларативности или не смог найти «сибирский» ее современный излом, далеко не простой и в начале XX века, и в «шахтерские» 1990-е годы. Прямых резких слов о нашем времени сказано мало. Звучит боль о родных деревеньках, о стариках, оставленных, доживающих в ветхих домишках. Прорываются лагерные воспоминания в стихах В. Шаламова, В. Алексеева, А. Баркова, В. Васильева, В. Гольдовской, П. Реутского, Б. Ручьева, афганские, кавказские военные мотивы в поэзии последних десятилетий. Есть и прямые поэтические монологи о современности. Так, в поэзии кемеровчанина Александра Каткова лирический герой не умолкая вопрошает о нынешнем дне России, о смысле происходящих перемен: «Ужели ты, пропавшая страна, / Была так непригожа и срамна? / Ну почему тебя не заслонил, / Да с чем я жил, / Да где я раньше был?» Эти же мысли звучат и в лирике Юрия Ковалева: «Ломалась эпоха, как лед под ногами... / Мы цели достигли, но вдруг оказалось, что счастья по-прежнему нет...»

Поэтика лирического текста, в котором выражена гражданская позиция, конечно, не исчерпывается прямыми инвективами. Емкая и глубокая метафора, дочерь мифа, возвращает нам в плотной овеществленности лирического переживания особую, почти философскую глубину постижения смысла настоящего времени, просвещенного архаикой мифа:

*Если сад превращается в лес,
Это значит, что запил садовник,*

*И тогда одичавший шиповник
Разрастается ввысь до небес.*

Сергей САМОЙЛЕНКО

Примечательно, что у поэта старшего поколения Нинели Созиновой «лесная» метафора наполнена совершенно иными смыслами и рождает иные ассоциации:

*Мое родословное древо,
Чью память в себе я несусь,
Взрастало в могучем и древнем
Высоком российском лесу.
И хоть обозначенный словом
Незыблем закон испокон:
«В житийстве земном и суровом
И лес во лесу не равен».*

Сибирская история XX века проявляется не только в собственно поэтических строках, а также и в скуповатых биографических данных об авторах, собранных в Антологии, среди которых много профессиональных поэтов, известных, с многочисленными сборниками. Но многоголосую поэзию Сибири создают не только они, но и журналисты, филологи, студенты, машинисты, шахтеры, шоферы, геологи, селяне, а также прекрасные поэты-сказители и лирики коренных народов, бережно хранящие свои поэтические традиции, свои родные слова-мифы.

167

Жаль, что создатели Антологии поскупились, включая биографический материал, неравномерный, иногда обрывочный, чрезвычайно краткий. Он нужен потому, что судьбы поэтов так непохожи, необычны, порой так полны романтики, а чаще драматичны в своих личных вехах жизни, повторяя трагические перекаты реки нашей истории XX века. Хочется узнать о них побольше, ведь для настоящего поэта «жизнь и поэзия – одно», но главное – это история Сибири XX века, сказанная ее поэтическими голосами. Антологии не хватает развития идеи, заявленной в названии, отсутствующие во многих текстах датировки усложняют восприятие. Одним из значительных упущений является отсутствие вступительной статьи, концентрированной, выражающей цель издания, направляющей восприятие. Именно в предисловии художественная картина мира, созданная в сибирской поэзии, могла бы получить завершение.

Есть множество огрехов в самой концепции издания. Как особый тип организации книги стихов антология имеет в русской литературе XIX–XX веков богатую традицию, неплохо было бы познакомиться с ней, прежде чем создавать свою, алфавитную. Такого рода историко-литературный опыт никогда не мешает, а только помогает создать оригинальное объединение авторских текстов. Многочисленные вопросы вызывает редакторская работа, недочеты в редакции некоторых поэтических текстов, стран-

ная избирательность в фотовставках, бедность художественного и полиграфического оформления, явно не гармонирующая с художественным содержанием.

И тем не менее. Издание «Антология. Русская сибирская поэзия. XX век» состоялось.

Слово, о загадке истоков которого всегда размышляют поэты, сказано в надежде быть услышанным. Закончу удивительно нежной строчкой из лирики кемеровского поэта С. Донбая:

*Речь моя, птицей побудь...
Вспомнит и выдохнет грудь.
Что — и не знаю заранее.
...Речь моя, песней побудь
На ветерочке дыхания.*

Людмила ХОДАНЕН,
литературовед, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
и фольклора Кемеровского
государственного университета

СИБИРСКИЙ ИЗБОРНИК

От имени любви с тобою говорю...

Валерий КОЗЛОВ

«Антология» в переводе с греческого буквально означает «собрание цветов» — впрочем, это общеизвестно. В русском языке долгое время существовало другое название для книг, представляющих литературу народа, определённого исторического периода, литературного течения — «изборник». В этом слове (вот преимущество родного языка!) отчётливо прочитывается целый пласт смыслов. Избирается, как правило, то, что наиболее ярко представляет идеи соавтора. Но и сама возможность избирательного подхода показывает: явление масштабно и есть из чего выбрать.

Логично, что рубеж веков стал в России временем антологий. За постоянно увеличивающимся количеством стихотворных «собраний» стоит напряжённая поэтическая жизнь. Жизнь, которая сегодня «отпущена на волю», в свободный поиск. Жизнь, существование (и необходимость!) которой уже приходится объяснять и доказывать...

Само поэтическое мироощущение сформировалось в диалоге человека со стихиями Природы, в поиске взаимопонимания со стихиями природы собственной. Поэзия как форма философствования, погружённая в ежедневную реальность, практически растворённая в быте, для нашей культуры всегда была воздухом жизни, формой и содержанием связи человека с Миром как целым. Миром, где любой ма-

лости отведены своё место и своя роль, где в общей ткани бытия накрепко переплетены сосуществование человека и других Божьих творений, где самое страшное — разорвать эту ткань и выпасть в прорву небытия.

Человеческая личность в поэтическом измерении имеет необозримое пространство для роста, практически бесконечную перспективу развития. Среди множества задач, которые решает поэзия одним своим существованием, главная задача — смыслообразование, обнаружение и «обживание» новых, всё более тонких и совершенных связей человека с Миром. Всё остальное — идеология, политика, экономика — только результат того или иного видения мира, только не очень умелые попытки реализации основных жизненных смыслов.

Без поэтического воздуха, без поиска новых смысловых связей человека с окружающей его сложной, многослойной реальностью идеология, политика и экономика неизбежно обречены на поиск «по горизонтالي», на смену одной бесперспективной модели существования на другую, как правило, ещё более бесперспективную, агрессивную и затратную. Вспомним, например, как быстро исчерпала себя потребительская модель человеческого мира и как она загнала в очевидный тупик всю европейскую цивилизацию! И в каких направлениях идут поиски выхода...

Поэзия — поиск «по вертикали», воздух иных высот. Трагедия в том, что воздух, пока он есть, не замечаешь. И когда его становится меньше — тоже замечаешь не сразу: ну, слегка кружится голова, почему-то темнеет в глазах... Понимание наступает слишком поздно: когда вдохнуть уже нечего. Пишут в рифму и без неё сегодня очень многие, возможности выхода в свет многократно возрастают благодаря Интернету, но собственно поэтических коммуникаций, поэтического миропонимания становится всё меньше: во-первых, усиливаются деструктивные процессы в самой поэзии, во-вторых, социокультурный статус поэта с начала 90-х изменился на диаметрально противоположный.

Поэт теперь воспринимается публикой либо как более-менее удачливый шоумен, либо как безнадёжный неудачник, вечный попрошайка у власти и деньги имущих — ну надо же где-то доставать средства на издание очередного сборника, нужного только самому автору! Место живого поэтического диалога официально заняли рифмованные юмористические шоу, изысканно-филологическое препарирование поэтических текстов и распил более или менее престижных премий.

Поэзия как социально значимое явление всё больше замыкается в самой себе, маргинализируется и постепенно утрачивает свою жизнеутверждающую роль. Трещина между поэзией и реальностью сегодня неотвратимо увеличивается, как увеличивается пропасть между духовной сущностью русского человека и формами бытия, активно навязываемыми ему из-

вне. А реальность между тем наступает на нас широким фронтом гуманитарных, техногенных и природных катастроф... Чем всё завершится – вопрос открытый. Но большинство антологий рубежа веков, представляющих современную русскую поэзию, всеми силами стремится создать своеобразную «кислородную подушку», показать в развитии и усилить повторением магистральную мысль, жизненно необходимую сегодня для осмысления происходящего. Приведу из множества два примера.

Вышедшая на рубеже веков трёхтомная «Антология русского лиризма. XX век», созданная студией Александра Васина, утверждает основополагающее свойство русского характера, обозначая его как лиризм – выраженное ощущение необозримой глубины бытия, частью которого является человек. Антология на широком поэтическом полотне показывает, что за пределами человеческого «рацио» предугадывается не хаос, а более совершенный миропорядок, более высокая степень гармонии. И человек призван эту гармонию постигать, быть её частью...

Антология современной поэзии «Наше время», изданная Борисом Лукиным в 2009 году, представляет поколение, оказавшееся на границе двух мифологий – советской и «демократической», и самой жизнью вынужденное искать реальные, нерушимые опоры человеческого бытия. По неофициальной статистике, выжил из рождённых в шестидесятые только каждый пятый, но поэтическое поколение состоялось, сбылось – в ситуации отторжения поэзии, разрушения поэтических связей, превращения поэта в безнадёжного маргинала.

Антология «Русская сибирская поэзия. XX век», изданная в 2008 году в Кемерове (о ней, собственно, и пойдёт разговор), встанет в ряд подобных изданий со своим, особым смыслом. Она собрана по территориальному принципу. Территория обозначена на колонтитулах: «от Уральских гор до Тихого океана». Размах не только впечатляет – действительно, русский размах! Он заставляет думать о том, что пока пёстротканная Европа ищет основания для объединения и оправдания для глобализации, колоссальные пространства русской земли дышат одним поэтическим воздухом, мыслят в пределах единого образа мира и гармонично вписывают в этот мир существование иных поэтических языков, иных способов мировидения. Изборник сибирской поэзии – очередная «кислородная подушка» для задыхающей, обесмысленной русской жизни!

Идею антологии благословил ещё Виктор Петрович Астафьев, более пяти лет она собиралась на огромных пространствах Сибири и Урала. Как пишут составители Б. В. Бурмистров (автор и руководитель проекта), В. М. Баянов и С. Л. Донбай во вступительном слове, «нам присылали книги, региональные антологии и просто рукописи известные и неизвестные нам поэты... Шумела тайга, работали могучие сибирские реки – Енисей, Ангара, Обь, Амур, обдавали

ледниковой прохладой горные потоки Алтая, степи, тундра, вечная мерзлота, два великих океана, Ледовитый и Тихий, – всё это присутствовало не понаслышке, а воочию в стихах поэтов. Поэтов разных национальностей, которых объединили Сибирь и «великий могучий русский язык»... И провинция – хранилища русского языка – предстаёт на страницах книги».

Размах «от Уральских гор до Тихого океана» впечатляет и обяывает. В изборник вошли стихи 435 поэтов, представляющих XX век поэтической Сибири, 480 страниц фолианта включают в себя вклейки с фотографиями поэтов. И в конце книги – список благотворителей, в котором 39 человек – руководителей, государственников, поддержавших издание, понимающих необходимость присутствия поэзии в сложнейший момент русской истории.

Какой же предстаёт огромная русская провинция, что хранит она как зеницу ока, о чём перекликаются поэты через разделяющие их тысячи и тысячи километров? Антология представляет вовсе не «вековую тишину» в глубине России – это собрание высоких, искренних, страстных монологов о жизни, это стихи, действительно растворённые в повседневности, простые и необходимые как воздух.

Во-первых, конечно, сразу прочитывается география родины – в её реках, горах, в силе её стихий. Очень сложно цитировать, выбирая строки из такого количества представленных текстов, поэтому открываем почти наугад, в подтверждение мысли: «Как для прыжка, легла и сжалась // Река в предчувствии дождя. // Гроза над Обью надвигалась, // Тяжёлый грохот грома...» (Евгений Березницкий, погиб на фронте в 1941 году.) Или ещё: «Воздух такой синий, // Так хорошо, боже! // На тополях иней, // На проводах тоже. // Снега лежат пышно, // И ни души нету. // Что ни скажи, слышно, // Знать, по всему свету...» (Геннадий Карпунин, 1939–1998).

Второе сильное впечатление от сибирского поэтического полотна – безусловная включённость поэтов в бытие родной земли. Собирательный лирический герой всего изборника – не «человек мира», кочующий в поисках наибольшего комфорта, а работник, согревающий землю и благодарный ей за красоту и щедрость. Человек, обязанный своей земле. Эта традиция отношения к жизни постепенно, к несчастью, «пересыхает» в городах, где мы отделены от природы каменными стенами, остаёмся один на один с хаосом своего внутреннего мира и почему-то начинаем думать, что поэзия призвана буквально отображать душевные изломы и вывихи или – того хуже – веселить почтенную публику острым словом...

Третий момент, прямое следствие предыдущего: со-ответствие человека миру и мере стихий родной земли. Оно и понятно: в Сибири по-иному не выжить. Без того самого диалога с Природой, пространством, без прямой речи, слышной «по всему свету», не добраться от Уральских гор до Тихого океана и ничего не

построить на суровой земле. «В степях не мятый снег дымится, // Но мне в метелях не пропасть, – // Одну руку в рукавицу // Горячую, как волчья пасть...» (Павел Васильев, расстрелянный в 1937 году). «Я человек, воспитанный Морозом, // Который в чаще нашей вековой, // Сковав живое ледяным наркозом, // Звенит, как сталь, и жилы рвёт берёзам, // Склонившимся под ношей снеговой... // ...Во всём присуща Северу безбрежность, // Безмерность сил, достойная богов, // И потому любовь моя и нежность // И ненависть порой (как неизбежность!) // Не знают сил, не знают берегов...» (Роман Данилов, Якутия).

Четвёртая мысль, охватывающая весь объём изборника: в него включены не только русские стихи – среди авторов алтайцы, долгане, тувинцы, армяне, эвенки, юкагиры, чукчи... Этот список можно продолжать, перелистывая страницу за страницей, но удивляет не количество объединённых в сибирской поэзии национальностей, а органичность их пребывания в пределах единого поэтического полотна. И это требует особого пояснения.

Русская культура относится к культурам, сохранившим пока ещё свою целостность. С точки зрения Запада, это очень нерационально. В ряде учебников по культурологии, переданных в 90-е годы в российские вузы по специальной программе Сороса, указывается, что русская культура не имеет ценностно-смыслового ядра, и ей, чтобы обрести смысл существования, необходимо заимствовать ценности где-нибудь, а лучше всего – на Западе. Между тем исследований целостных культур в науке практически нет, не разработан даже научный инструментарий для этого.

Но перелистайте антологию, и станет очевидным одно из наших колоссальных преимуществ: русская культура в силу своей целостности включает в себя иные элементы как гармоничные части, не деформируя их, а скорее приспосабливаясь сама. Насколько разнятся поэтические миры коренных народов Сиве-

ра и тех, кто заселил Сибирь позже! Но они не отмечают, а напротив, дополняют, оттеняют друг друга, увеличивая смысловой объём изборника, и в основе друг другу со-ответствуют.

Изборник представляет разные поэтические жанры: есть юмор, есть стихи для детей – но их немного. В основе своей антология лирична, и лиризм выражается в традиционной форме. Приверженность традиции сегодня в поэзии зачастую рассматривается как несовременность: в век потребления от поэтов ежедневно ждут «чего-нибудь эдакого», в крайнем случае – «чего-нибудь новенького». Но поэзия – не литература в прямом смысле слова, она – аккумулятор особого состояния, алгоритм переживания высоких чувств в противовес чувствам обыденным и низким.

Здесь есть одна немаловажная особенность. Поэзия – пространство, разворачивающееся не по горизонтали смыслов, а в глубину (или высоту, если угодно), и чем строже форма, тем яснее и чище глубина. Точно так же происходят и развитие личности, и развитие культуры. И выход из цивилизационных тупиков, очевидно, находится не в плоскости освоения новых рынков, а по вертикали развития новых смыслов человеческого бытия на земле.

Сибирский изборник – масштабное поэтическое полотно, повод говорить о явлениях глобальных. При этом каждый из поэтов переживает своё родство с Миром и выражает свои чувства собственными словами. Интересными могли бы стать глубокое исследование образа мира сибирских поэтов, исторический сюжет книги, выразительные средства. И очень важно, чтобы все дальнейшие исследования не замыкали книгу в круг филологических дискурсов, а вели её к читателю, которому близко и понятно живое чувство: «Мне горло перехватывают воды // Из родников на родине моей...» (Иван Мордовин, Барнаул).

Нина ЯГОДИНЦЕВА,
Челябинск

лей России выставили порядка 60 своих книг. Конкурсная комиссия, подводя итоги, дипломом I степени наградила Союз писателей Кузбасса за лучший экспонат, представленный на форуме. Этим экспонатом стало литературно-художественное издание «Русская сибирская поэзия. Антология XX века».

12–15 октября в подмосковном городе Липки прошел 9-й Всероссийский семинар молодых литераторов, на котором Кузбасс представили поэт Игорь Кузнецов и прозаик Дмитрий Хоботнев.

20 октября Дом литераторов Кузбасса распахнул свои двери для детей-инвалидов интерната № 100 города Кемерово. Принимал гостей директор ДЛК поэт Борис Бурмистров.

21 октября в Ленинске-Кузнецком, в литературной студии «ЛИК», возглавляемой поэтом Алексеем Бельмасовым, для её студийцев был дан мастер-класс поэтом Александром Катковым.

27 октября Общественная палата Кемеровской области наградила почетными грамотами писателей Бориса Бурмистрова, Александра Каткова и Вячеслава Лопушного – за активное участие в гражданской акции «Помоги собраться в школу».

28 октября в спецшколе для трудновоспитуемых подростков села Верхотомка состоялась творческая встреча с поэтами Александром Катковым и Борисом Бурмистровым.

10 ноября в ДК посёлка Пионерка поэт Валерий Козлов принял участие в торжествах по случаю Дня милиции.

С 17 по 20 октября в Кемеровском легкоатлетическом манеже проходила выставка «Экспоград», на которой Татьяной Юрьевой была развёрнута книжная экспозиция изданий кузбасских писателей за последние годы.

23–25 октября в городе Томске прошли Первые Всероссийские Ключевские чтения, на которых директору Дома литераторов Кузбасса, поэту Борису Бурмистрову был вручен диплом Всероссийской литературной премии имени Н. А. Ключева – за большой вклад в развитие литературы и культуры России. Среди лауреатов этой премии – москвич публицист Сергей Куняев, томский поэт и прозаик Борис Климычев и профессор Томского университета Александр Казаркин.

По случаю 91-й годовщины комсомола, 28 октября, в Кемерове проведен комплекс мероприятий, среди которых: торжественное собрание ветеранов ВЛКСМ в областном историко-краеведческом музее, возложение цветов у вечного огня и у памятника на улице Островского. Поэт Александр Катков, приняв-

ший участие в торжествах, был награжден почётным знаком «Ветеран ВЛКСМ».

К 40-летию со дня образования Кемеровского государственного института культуры, ныне КемГУКИ, издан биографический справочник «Выпускники КемГУКИ», в который вошли порядка 400 наиболее известных выпускников. Развёрнутыми персоналиями справочника отмечены прозаики и поэты – члены Союза писателей: Иосиф Куралов, Юлия Лавряшина, Виктор Арнаут, Игорь Петров, Владимир Есенин, Владимир Ерёменко и Михаил Стрельцов.

10 ноября пятый номер журнала «Огни Кузбасса» был представлен в Доме литераторов. Все присутствующие смогли приобрести этот номер журнала, познакомиться с тринадцатью собравшимися авторами и получить их автографы. Среди авторов номера на представлении присутствовали новокузнецкие: Виктор Бокин и Виктор Коняев; кемеровчане: Виталий Крёков, Василий Феданов, Татьяна Кравченко, Лариса Чудинова (Дубовченко), Валерий Плющев, Виктор Арнаут, Даша Реальная (Малышкина); Наталья Килоч из Ленинска-Кузнецкого, Михаил Кривошеин – из Мысков и Сусанна Черных – из села Красный Ключ. Провели представление поэты Сергей Донбай, Дмитрий Мурзин и Валерий Зубарев.

16 ноября в большом концертном зале Кемеровского областного колледжа культуры состоялась творческая встреча педагогов и студентов вузов и техникумов города, библиотекарей и читателей с известным современным русским писателем, лауреатом Премии Кузбасса за 2009 год, автором остросюжетных романов Сергеем Алексеевым. В настоящее время писатель завершает работу над романом о людях Кузнецкого края.

7 декабря Кемеровская детская библиотека им. А. Береснева предоставила свой зал для творческого вечера члена Союза писателей России, лауреата литературной премии им. А. Н. Волошина Михаила Петровича Гоголева, приуроченный 80-летию юбилею прозаика и выходу его новой книги для детей «Прости меня, Рекс». Тепло и искренне отзывались о присутствующем юбиляре представители областной и городской администраций, библиотекари, а также коллеги по перу: Валерий Козлов, Сергей Донбай, Виктор Арнаут, Иосиф Куралов, Анатолий Иленко, Сергей Павлов, Василий Феданов, Дмитрий Мурзин, Александр Катков. Организовала и провела мероприятие библиотекарь Черкасова Ольга Альбертовна.

В начале декабря в Кемерове, в библиотеке по ул. Тухачевского, прошло представление очередного (пятого) номера журнала «Огни Кузбасса» среди преподавателей и учащихся многопрофильного губернаторского лицея. С информацией о журнале и чтением своих произведений выступили писатели

Сергей Донбай, Дмитрий Мурзин, Василий Попок, а также молодая поэтесса, автор номера Татьяна Кравченко.

9 декабря Топкинская ЦБС, в которой трудится молодая поэтесса Марина Брюзгина, собрала любителей и ценителей поэтического творчества на встречу с кемеровскими поэтами Борисом Бурмистровым, Сергеем Донбаем, Александром Катковым и Виталием Крёковым.

11 декабря на родине одного из родоначальников шорской национальной литературы Степана Торбокова по инициативе Управления культуры города Осинники и его начальника Натальи Юрьевны Ломакиной прошли Четвёртые Торбоковские чтения. Городской ДК «Октябрь» собрал большую аудиторию почитателей этого самобытного поэта и просветителя. От Союза писателей Кузбасса в чтениях приняли участие Валерий Козлов, Геннадий Косточаков и Михаил Гоголев.

Поэтический юг Кузбасса заявил о себе изданием коллективного сборника «Калтанские родники». На его представление, состоявшееся в конце ноября в центральной городской библиотеке городка Калтан, прибыли не только авторы этого издания, но и именитые поэты Кузбасса: Борис Бурмистров, Андрей Правда, Дмитрий Мурзин, Александр Раевский.

ИЗДАНЫ КНИГИ

Гоголев Михаил. Прости меня, Рекс: повесть для детей / М. П. Гоголев. – Кемерово, 2009. – 42 с.

Феданов Василий. Территория совести: стихи и проза / В. С. Феданов. – Кемерово: ООО «Инфо-Кемерово», 2009. – 92 с.

Михайлов Юрий. Николин: поэма / Ю. М. Михайлов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 83 с.

Юрьева Татьяна. Весёлые перевероты: туристические записки и иллюстрации автора / Татьяна Юрьева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 47 с.

Альманах Ассоциации писателей Урала (АСПУР) «Чаша круговая», № 8, 2009 г., издаваемый в Екатеринбурге, поместил на своих страницах подборки стихов кузбасских поэтов **Тамары Рубцовой, Сергея Донбая, Дмитрия Мурзина и Натальи Поляченковой.**

Подборка стихов **Сергея Донбая** напечатана в журнале «Сибирские огни», № 9 за 2009 г.

Альманах «Бийский вестник» (№ 4, 2009 г.) напечатал большую подборку стихов под общей рубрикой «Поэтический венок Кузбасса», куда вошли стихи **Леонида Гержидовича, Марины Брюзгиной, Бориса Бурмистрова, Валерия Зубарева, Сергея Донбая, Александра Ибрагимова, Валерия Козлова, Нины Красовой, Виктора Коврижных, Иосифа Куралова, Дмитрия Мурзина,**

Натальи Мурзиной. Здесь же напечатан и материал кемеровского публициста **Василия Попка.**

Красноярский журнал «День и Ночь» в четвёртом номере поместил стихи молодого кузбасского поэта **Руслана Сидорова**, а также рассказ кемеровчанина **Юрия Тытыша.**

Журнал «Дети Ра» в первом номере за 2010 год напечатал стихи **Игоря Кузнецова, Татьяны Кравченко, Евгения Алёхина, Натальи Мурзиной и Дмитрия Мурзина.**

Рубрика «Кузбасс литературный» областной газеты «Культура Кузбасса» (№ 6, от 3 ноября 2009 г.) представлена подборками стихов **Валерия Зубарева, Бориса Бурмистрова** и прозаическими миниатюрами **Владимира Мазаева.**

Подготовил В. АРНАУТОВ

ВЫШЛИ ЖУРНАЛЫ

«ЧАША КРУГОВАЯ».

Литературно-художественный альманах.

Номер 8-й, 2009 год

Издаётся в Екатеринбурге («Е-бурге», по-народному) ассоциацией писателей Урала и коштом, в том числе Свердловской общественной организации «Союз офицеров запаса». Так что направление у альманаха правильное, ежели в двух словах – «За Родину!»

Стихи, проза, рассуждения на литературные и иные темы. Среди авторов писатели Урала, Поволжья и Сибири. Несколько знакомых имён из Кузбасса: **Тамара Рубцова, Сергей Донбай, Наталья Поляченкова, Дмитрий Мурзин.** Стихи тоже знакомые – нам, но не уральской аудитории.

Ещё имена: **Александр Кердан (Екатеринбург), Юрий Конецкий (Екатеринбург), Николай Шамсутдинов (Тюмень), Олег Павлов (Челябинск).** А вот сущая экзотика: стихи хевсура (горца-грузина) **Мурмана Джгубурия** в переводе «е-буржанина» **Арсена Титова.** Цитата:

*Такие теснины – вверх поглядишь,
Небо из них – как Божье око.*

*Туман на горе. Арагви внизу. Один я остался.
Но кто бы сказал, что мне одиноко.*

Зацепил рассказ **Валерия Михайловского (Нижевартовск)** «Шальная война». Представьте себе, про сегодняшний Ирак. Художественный комментарий к новостной ленте. Как бы реконструкция на себе того, что там, в униженной агрессией стране, происходит. Автор, чувствуется, с опытом. Возможно, афганским. Либо причастен к событиям в иных «горячих точках».

Другой приметный материал – отрывок из книги «Русские дороги в Америку». О «русском немце» Яко-

ве Линденау, переводчике Второй Камчатской экспедиции, коей руководил Витус Беринг. Переводчик был не только переводчик, но и языковед, этнограф, фольклорист и вообще, по официальной характеристике командора Беринга, человек «неутомимого прилежания».

После завершения Камчатской экспедиции Линденау остался в Сибири и пять лет скитался по её огромным пространствам – от Лены до Тихого океана и от Северного Ледовитого до Амура. Некоторые коллекции и записи Линденау по сей день остаются единственным источником исторических сведений о малых народностях Восточной Сибири и Дальнего Востока, в частности это словарный материал и записи местного фольклора.

Автор Валерий Ленденёв (Первоуральск) числит себя в потомках Линденау и прослеживает семейную родословную, в том числе метаморфозы, происшедшие с обрусевшей фамилией замечательного предка.

Составители альманаха – Александр Кердан, Арсен Титов и Николай Коняев.

Где приобрести книжку, не ведаю. Можно попробовать связаться с издательством «АсПУр»: e-mail: aspurizdat@mail.ru

«ДАЛЬНИЙ ВОСТОК».
Шестая книжка, 2009 год

Мой личный читательский интерес в журнале всегда был – «Окно в природу». Присутствует «Окно» и нынче – в виде заметок учёного-натуралиста Михаила Деменка «Тайфун в тайге». Жаль, заметки короткие, так, один эпизод. А речь о той самой тайге, известной по прочитанным в детстве книжкам Владимира Арсеньева. Да к тому ж на речке, названной Арсеньевка...

Проза как-то не вдохновляла. И вот Владимир Данилушкин, «Магаданский синдром». Автор (он действительно из Магадана, там и живёт) обозначил жанр так – «коллаж».

Ладно, пускай коллаж. Как бы собрание стикеров, исписанных разными ироничными текстами и вклеенными в журнальную книжку. Ирония на грани и за гранью издёвки. Вакханалия стёба. Ничего святого. Вдобавок персонаж, вокруг которого всё это крутится-вертится, носит фамилию Гнусин.

Отличная вещь. Рекомендую.

Добавлю в список рекомендаций очерк на историческую тему: Михаил Жилин об участнике Камчатской экспедиции Георге Стеллере. Статью литературоведа Петра Ткаченко об Александре Блоке. И юбилейный материал Аллы Науменко-Порохиной к столетию Николая Задорнова.

Электронная версия журнала:
journaldalniyvestok.ru.

«РОДНАЯ ЛАДОГА».
Четвёртый номер, 2009 год

Именитые авторы в разделах прозы и поэзии. Достаточно назвать лишь некоторые имена: Юрий Бондарев, Глеб Горбовский, Василий Казанцев, Егор Исаев...

И всё же главный интерес к публицистической составляющей. О разрушительной роли Государственной думы первых созывов (не постсоветских, а досоветских и дореволюционных) – священнослужитель Константин Горянов. Современный классик Василий Белов о крестьянской культуре. Политолог Сергей Кургинян о «механизме регресса», запущенном, по его мнению, горбачёвской перестройкой и ельцинскими реформами. Журналисты, известные своим неприятием неолиберализма, – Алексей Пушков и Михаил Леонтьев.

Действующий политик Дмитрий Rogozin о «третьей обороне Севастополя». Автор считает город русской славы суверенной частью России.

Наконец, в числе авторов первые лица государства Дмитрий Медведев и Владимир Путин. Опубликована программная статья президента «Россия, вперёд!» и рассуждения премьер-министра об исторических итогах Первой мировой войны.

Номер яркий, полемически заострённый. Редакция и авторы – очевидные патриоты и державники. Журналов этого направления не так много в стране. Скажу определённое: к сожалению, не так много.

Интернет-сайт журнала:
rodnaya-ladoga.ru.

Подготовил В. ПОПОК

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Всерусский Соборъ» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» и «Новый енисейский литератор» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай», «Барнаул» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или дискеты с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в книжных магазинах Кемерово: № 4 по ул. Ноградской, 5; № 2 по пр. Ленина, 125; в магазине «Лас-Книгас» по пр. Кузнецкому, 33 (торговый центр «Я», II этаж); а также в Доме литераторов, пр. Советский, 40.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован
Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректоры: **Т. А. Сапова, Т. А. Козяева**
Компьютерная верстка **Л. А. Астанковой**

Подписано к печати 17.02.2010. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Pragmatica».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 900 экз. Заказ № 2

Издательство «Кузбассвуиздат».
650000, г. Кемерово, пр-т Советский, 60^б. Тел. 58-29-34. www.kvi.bip.ru

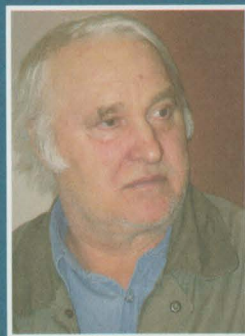
ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2009 ГОД

Наталья Поляченкова,
поэзия

Вера Лаврина,
публицистика

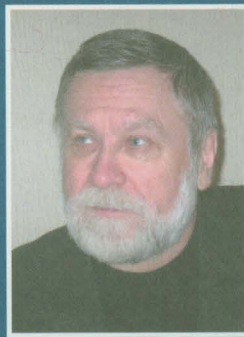
Виталий Крёков,
проза

Наталья Колесова,
проза

Галина Золотайна,
поэзия

Борис Бурмистров,
поэзия

Владимир Угрюмов,
публицистика

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА ОАО «КУЗБАССЭНЕРГО» ЗА 2009 ГОД

Слева направо сидят: Д. Мурзин, Л. Чудинова, Г. Золотайна, В. Иванов, М. Брюзгина, В. Зубарев, В. Коняев,
стоят: В. Шумаков, В. Арнаутов, В. Плющев, Д. Голофаст, А. Лавров, В. Соколов, В. Крёков

Подробнее об этих событиях читайте на стр. 169

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписка на журнал «Огни Кузбасса»
на первое полугодие 2010 года
оформляется в любом отделении
почтовой связи Кемеровской области
по каталогу «ПОЧТА РОССИИ»

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС 12234

Периодичность выхода – раз в два месяца
(6 номеров в год)

Подписная цена за полугодие 180 руб.